

Публицистическая
ПРЕМИЯ
ПОЛИТ
Просвет
2013 год

Александр Баунов
Дмитрий Орешкин

Светлана Рейтер,
лауреат премии

Кирилл Рогов

Максим Трудолюбов

Документальный проект «Срок»

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ПРЕМИЯ

полит
Просвет

2013 год

МОСКВА
2013

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

П88

П88 **Публицистическая премия «ПолитПросвет». 2013 год.** — Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2013. — 272 с. + 1 CD.

В книге и приложенному к ней диску собраны работы финалистов публицистической премии «ПолитПросвет». То есть тех, кто просвещает наше политическое сознание, всчески мешает верить в плоскую картину мира, показывает кривизну истории, роль личности в ней. Но личности не в том советском смысле, который на глазах реанимируется в нулевых; не личности вождя, а личности самодостаточного гражданина.

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

© Фонд «Либеральная Миссия», 2013

Оглавление

Александр Баунов

Россия — спаситель традиций. Новая национальная идея.	6
Русские пробки и китайская дорожная революция	11
Почему Путина больше не слушают	17
Пропаганда гомосексуализма. Новый Завет и Государственная дума	21
Погаси мигалку в себе. Об аварии на Минской	25
Как русская церковь упустила свой шанс	28
На смерть команданте. Почему Чавес не Путин	31
Франциск. Новый папа, новые времена для церкви	37
Строит ли российский МИД железный занавес	42
Pussy Riot как новый Малевич	48
Народ и искусство. Почему граждане недовольны театрами и музеями	51
Как Москва назначила себя самым свободным городом России	55
Pussy Riot и «Восстание приборов». Филологический анализ	58
Pussy Riot, православные девки и советские люди на зоне	63

Дмитрий Орешкин

Цифры волшебной ночи	66
Воздух города делает свободным	69
Остервенение и солидарность	73
Московское брожение	79
Питерский фальсификат	83
Город, выбирающий себя	90
Глубинное бурление	94
Кратковременное явление народа	99
Лень выборов	103
Железнодорожная фантазия	106
Коррупция — это наша нетленная отечественная духовность	111
Самозащитники Отечества	113
Век на месте	119
Либералы не в том смысле	126
Критическая масса	131

Светлана Рейтер

Без объявления войны.....	137
Спасибо, Рамзан!	139
Ты здесь один.....	142
Тринадцать	146
Будут сидеть	158
Узники Болотной. Продолжение истории.	161
Избирательное право	165
Мочить в сортире.....	173
На живца	174
Первый пошел	182
«Самое ужасное — это сны»	184
Фигуранта «Болотного дела» могут отправить на бессрочное лечение	190
Пытки в сторону	192
Оперативная память	194
Остался на продленку	198
Жертвы папарацции	199
Басманный суд Москвы оставил Сергея Кривова и Артема Савелова в СИЗО	208
Новым фигурантом «Болотного дела» стала пенсионерка.....	208
«В детстве я и представить не могла, что свадьба пройдет вот так» ..	209
Каска со счастливым концом	211
Чтоб я так шил*	215

Кирилл Рогов

Кого утопит болотное дело	222
Гимн отсталости	227
Караю — следовательно существую	229
Анатомия реакции	232
Второй фронт обороны Путина: от фиктивного легализма к репрессиям	235
Клан пугает своих	237
2012-й — год перерождения власти	240
В поисках нового путинского большинства	243
Политический вектор: Возвращение в нулевой цикл	246
«Он это серьезно?», или Новая доктрина Путина.....	252
Формула прорвы	255

Максим Трудолобов

Сложнее, чем революция	259
Вечный пирог и неразменный рубль	260
Страхи малой части общества стали законом для всех.....	261
Секта безопасности.....	262
Наценка за порядок, или налог на Путина	264
Акционерное общество «сталинизм».....	265
Одно из двух: или страна в собственности, или собственность в стране	266

Видеоматериалы на диске

Документальный проект «Срок»	268
Lenta.doc — новое имя проекта «Срок»	269

Россия — спаситель традиций. Новая национальная идея.

Slop.ru, 28.02.2013

В последние полгода у нас появилась национальная идея. Не было, и стала. Ни гроша, да вдруг алтын. Мы теперь знаем, для чего живем. Разумейте, языцы, и покоряйтесь: Россия хранитель традиций. Не каких-то местных, этнических — вроде письма на бересте, вырезания свистульки из ольхи и здорового сна на еловом лапнике — этим кого удивишь, своя береста у всякого есть. А мировых традиций, вернее — европейских, западных. Они промотали, а мы уберегли.

Запад забыл, что такое семья, а мы, слава Богу, помним. Помним еще, что такое любовь мужчины и женщины, что такое отец и мать. Там уже не в курсе, что такое вера Христова и церковь, а у нас знают. Там забыли, что такое грех, так мы им напомним при случае. Там уже не умеют воспитывать детей, ну ничего, мы-то своих как надо воспитаем. В общем, они сдались, а русские не сдаются. У западного мира закат, абендланд в очередном унтерганге, но — ех oriente lux, человек звучит гордо, и тьма не объяла его.

Бог спасет мир через Россию, хранителя традиций — национальная идея такая ясная и удобная, что даже удивительно, как это раньше не приходило в голову. Быть хранителем гораздо ведь проще, чем авангардом прогрессивного человечества, молодой демократией или даже либеральной империей. Если ты хранитель традиций, твои недостатки — это твои достоинства: нужно просто оставаться таким, как есть, иначе все напортишь. Лучше стоять на месте, чем ходить на совет нечестивых. Вот и стоим. Сохраняем человеческий облик, в то время как там мутировали настолько сильно, что, как пишет идеолог, «мы с большинством западных людей принадлежим скорее всего к разным гуманоидным видам».

Некуда больше спешить

В новой идеологии смущает только одно: как это мы были всем этим в течение двадцати лет? То есть буквально двадцать лет назад были авангардом прогрессивного человечества, потом молодой демократией, потом державой, встающей с колен, а теперь уже хранители традиций. Человек 1989-го, даже 1990 года рождения родился еще в авангарде, пошел в школу при молодой демократии, а оканчивает вуз уже

в стране незыблемых ценностей, которые мы храним за себя и за того парня. Для хранителя традиций это какой-то немного бешеный темп.

*Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри.*

Сами ведь хранители традиций с гордостью говорят, что у нас за сто лет было три революции, две гражданские войны, четырежды менялся политический режим и столько же раз — государственный строй и экономическая система. Для хранителей традиций — не многовато ли будет?

Они там покушаются на незыблемое. Для нас незыблемое, а для королевы Великобритании, короля Испании, архиепископа Кентерберийского — зыблемое. Королева-то Великобритании, которая ужасные законы подписывает, — жива-здоровая, проживает в том же Букингемском дворце, что и предки, готовится передать его по наследству. А у наших-то во дворцах — то госпиталь для красноармейцев, то школа юных полярников, то музей народного искусства. Со старинными замками и того хуже — в немногих санатории, другие разваливаются, пустые, а большинство уже давно сожгли мужички. Аббатство Вестминстерское — оно как было церковью, так ею и осталось, как стояло, так и стоит. А у нас — храм переделали в планетарий, взорвали, поплавали в бассейне, потом снова построили из бетона на деньги звезд советской эстрады, и теперь из него всех учим любить церковь.

Церковь повзрывали, своих попов перевешали — учим других христианству. Детей воспитывали по яслям, пионерским лагерям, отрядам и дружинам, теперь эти, воспитанные в отрядах и дружинах, учат Европу семейному воспитанию. Монархи расстреляны, право не работает, воруют все, но мы будем рассказывать всем, какое мы тут традиционное общество, хранители ценностей, без нас — никак. А там, где ювенальная юстиция, гей-браки и современная интерпретация классики, там и монархи целы, и церкви стоят, и усадьбы не разваливаются, и право работает, и воруют меньше. Давайте вот по этим последним пунктам с ними совпадем, может, поймем что-нибудь про традиции.

Вышла ныне

Мне как филологу-классику, например, особенно дороги греческий с латынью. Это такая очень важная черта традиционной Европы. Человек, знающий латынь, понимает, что отечественная поэзия началась не с Пушкина и даже не с Хераскова, а с Горация и Сапфо. Что это одна

и та же поэзия, только на разных языках. И что никакой Китай нас не древнее, потому что нашей поэзии — тоже 2800 лет. А православное богословие началось с гомосексуального Платона и такого же Сократа, чьи изображения — на входе в Благовещенский собор в Московском Кремле (не замазать ли?).

С тех пор как Ильич специальным декретом запретил в 1919 году латынь с греческим, у нас их, можно сказать, и нет. В лучшие годы несколько десятков студентов на страну. А в одном только университете Фрайбурга студентов-латинистов — не тех, у кого в учебном плане есть латынь, а тех, кто ее изучает как основную специальность, — 800 человек, а эллинистов — 80. Больше, чем во всей России, хотя там у них полный упадок традиций. И это не какой-то университет особенный, просто один из хороших, там моя подруга преподает, потому и знаю.

И вот пусть Максим Шевченко расскажет во Фрайбурге тамошней тысяче вырожденцев с латынью про то, что «старый мир Запада с его образами людей, жаждавших свободы и ненавидевших тиранию, злодеями и героями, больше не имеет смысла». А потом спросит у них, кто такие Гармодий и Аристокитон, Сципион Африканский и Арминий. А потом возьмет тысячу наших студентов и сравнит ответы.

Улица Урицкого

Половина Лондона живет в домах XVIII века и прекрасно себя чувствует. В провинциальной Франции я во множестве встречал людей, с удовольствием живущих в домах XII–XIII веков. У нас же если дому сто лет, сразу истерика: аварийное состояние, надо снести, попытаемся сохранить фасад.

Департамент культуры Москвы — историческое здание на углу Неглинной и Кузнецкого — беспорядочно завешано кондиционерами так, что ни колонн, ни карнизов не разглядеть. Сыщите мне кондиционер на историческом фасаде в европейском городе, где традиции не умеют хранить. А ведь это ведомство просвещенного Капкова. Что с других-то взять. Батюшки наши, каждый второй, как получают храм, первым делом вместо старинного кирпичного пола кладут новый кафельный, как в дорогой сауне, и стеклопакеты в окна XVII века вставляют. Где наши булочные с 1910 года, часовые мастерские с 1885-го, банки с XVIII века?

Большинство хранителей традиций не читают на иностранных языках, а если бы читали, то в европейских городах, особенно малых и средних, заметили бы мемориальные доски в честь именитых горожан — не везде одних и тех же, национальных, великих, а своих, местных. Тут жил замечательный учитель, хорошо учил, помним. Тут — основатель местной газеты. Тут — местный благотворитель, организатор

женских курсов. И улицы в их честь. А у нас меньше маршала Жукова помнить неинтересно. Ладно бы еще пал героем за родину, а то учительшка какой-то, леса на доски не напасешься.

Улицы во всей России одинаковые — Чернышевского, Добролюбова, Урицкого, Володарского, Свердлова, Кирова. Пушкина взяли себе для компании, хоть он и не напрашивался. Как будто бы эти Урицкий с Володарским успели во всех городах пожить за свою недолгую яркую жизнь. А любая площадь, где Главпочтамт, всегда — Подбельского. А всех заслуг того Подбельского, что он несколько месяцев был наркомом почт и телеграфов в 1918–1919 годах, ровно тогда, когда почта с телеграфом перестали работать, да с тех пор толком и не начали.

Упадок нравов

«В Испании упадок веры? — радостно сообщает сайт «Радонеж». — Регулярно посещают мессы 13% населения». Еще бы, в таком аду: ювенальная юстиция, гей-браки с 2005 года, власть меняется на выборах, художники как хотят оскорбляют чувства верующих.

Только 13% — это как если бы у нас регулярно в Москве на каждую воскресную литургию ходило полтора миллиона человек. Ходят? По данным МВД, в прошлом году в пасхальную ночь внутри храмов было 156 тысяч. Это чуть больше 1%. Сама церковь спорит с МВД и дает цифру в 10 раз больше — это, правда, с посещением всех пасхальных служб и мероприятий, включая массовый выезд на кладбища в пасхальное воскресенье, который сама же церковь и осуждает (по канонам всю пасхальную неделю не печалются, не поминают усопших, а радуются будущему общему воскресению). Но даже если принять счет церкви, это все равно у нас на Пасху чуть меньше, чем в Испании в обычный воскресный день.

По данным ФОМ, более-менее регулярно бывают в определенном храме, то есть могут называться прихожанами или практикующими христианами, 5% населения. И это речь не про каждую неделю и с верой людям на слово, а людям ведь хочется приукрасить свои отношения с Богом.

Смотрим свежую европейскую статистику. В адской Испании, значит, 13%. В Италии каждое воскресенье мессу посещает 15% населения. В не менее адской Франции — 14%. В либерастических Нидерландах — среди католиков — 24%. Цифры, сопоставимые с нашими 5%, встречаются в протестантских странах севера Европы, это где, по нашим рассуждениям, веры вообще не осталось. Можно сказать, конечно, что тенденции важнее фактов и что там падает, а у нас растёт. Но, во-первых, после девяностых уже не растёт. Во-вторых, до этих 13–14% все равно не вырастет. Для того чтобы пришли хотя бы 10%, нужны совсем другие

священники. Но таких нет, научить своих христианству некому, так мы пойдем других поучим.

Поучим других, что такое семья. Хотя на самом деле у нас самое высокое число разводов в Европе, а в абсолютных цифрах и на душу населения — в среднем в два раза выше, чем у тех, кто про настоящую семью забыл. Собрались учить Запад воспитанию детей, при том, что у нас третий в мире показатель числа аборт на число беременностей — почти 40%: в два, три, четыре раза выше, чем в любой стране разложившегося Запада. Можно, конечно, запретить разводы и аборты (как было в СССР), только мы ведь про традиции. Или про тюрьму? Или все к этой традиции у нас и сведется?

Единственная потеря

Мы называем традицией наш истерический поиск точки опоры вместо той, которую мы разрушили и поменяли десять раз. Принимаем бурную вегетацию побегов из пня за нормальную форму роста. С точки зрения пня, принявшего себя за норму, нормальное дерево, наверное, действительно уродливо. Наша попытка учить Запад традициям — чистое самозванство. И со стороны это так и выглядит. Мы даже не понимаем, как глупо смотримся — несколько раз за сто лет сменившие экономику, политику, религию, несколько раз ограбившие собственные банки и не заплатившие долги — в роли учащих традиции.

И с Востока мы в этой роли смотримся так же глупо. Это на фоне Запада мы себе кажемся твердыней. А с точки зрения индийцев или соседей-мусульман, хоть наших же кавказцев, мы этот самый гнилой Запад и есть. Спросите в Хургаде, в Гоа, в Анталье — там все расскажут про наши устои. А значит, чтобы соответствовать этой самозваной роли, нам самим придется мутировать в сторону быта и нравов жителей Хургады и Махачкалы.

И вот думаю, какую традицию-то у нас хотят сохранить и боятся, что придут и отнимут. И не нахожу ничего, кроме права ненавидеть ближнего — за другие убеждения, другие мысли, другие вкусы, интересы, веру, неверие — индивидуально и скопом, целыми группами. Вот эта традиция на Западе действительно прервалась, это там действительно больше не принято делать открыто. Кажется, ее-то мы, на свою голову, и собираемся сохранить после того, как все остальные разрушили. Не презирай младого самозванца; в нем доблести таятся, может быть, достойные московского престола. Московского — возможно, а остальных — вряд ли.

Русские пробки и китайская дорожная революция

Slon.ru, 07.12.2012

Пока еще на европейской трассе E-105, федеральной дороге между двумя столицами с населением 13 и 5 миллионов человек соответственно, рассасывается многодневная пробка, водителям носят остывающий чай и «горячее питание» (щи? сырники? кашу?), обеспечивают их топливом из стратегических запасов на случай атомной войны, отогревают в пунктах обогрева, мне вспомнилась китайская инфраструктурная революция, которую я лично наблюдаю последние восемь лет.

Это не элегия о том, не свернуть ли нам на китайский путь, и не напрасно ли мы не сделали этого раньше — небось прогадали. Как же свернуть, когда место занято? Это ведь как рассуждать Бобчинскому, не стать ли ему Добчинским, а что зря рассуждать: Добчинский — вот он, стоит, ручкой машет.

Я про другое. Обычно к авторитарному режиму в виде бонуса прилагается строительство дорог. В Греции вспоминают, как при полковниках строили дороги, в Испании — как при Франко, в Корее — как при Паке Чжон Хи, в Германии — тут ничего не вспоминают, и правильно делают. На самом деле Пак, полковники и тот, кого нельзя называть, для успешных дорожных работ — условие совсем не обязательное. В Великобритании, США и Франции дороги построили без них не хуже.

Однако при прочих равных, авторитарному режиму дорожное строительство дается проще. Мобилизовал безропотные массы, взял линейку, прочертил на карте линию, стройте прямо. Чертя обвел палец — стройте кругом, раз, два: вокруг проекции пальца на местности. Хорошо, накануне ногти подпилит.

Но и не массам тоже достается. Попала на ноготь земля Бобчинского, Коробочки, да хоть самого Плюшкина — и нет у него земли: отчуждаем на общественное благо. Демократии надо судиться, думать, как проголосуют собственники отчуждаемого кооператива ржавых гаражей, муторно торговаться о размерах компенсаций. А еще что там экологи скажут? А что они скажут, у них один Руссо, сыроедение плодов и набедренная повязка из лиан на уме. А авторитарному режиму со всеми ними куда сподручней. Назначил по сто целковых за ржавый гараж и по десять — за сотку вересковой пустоши, — и строй на здоровье. И у рабочих никаких переplat за ночную смену, никаких забастовок. И в парламенте никакой торговли: как надо, так и проголосуют. А экологи, оказалось, выращивают вместо набедренных лиан коноплю. В общем, если от авторитарного режима ждешь какой-то пользы, так вот этой самой, дорожной.

Первый раз я приехал в Китай осенью 2004 года. Схема пекинского метро выглядела как детская игра то ли 1930-х, то ли 1950-х годов — «крутим колечко на палочке» — вот так.

А в 2012 уже уже так.

Но может это потому, что в Пекине в 2008 году была Олимпиада, а ради нее каких только подвигов не сделает народ. Даже в Москве-80 станции в метро три недели объявляли на английском голосом диктора Кириллова, рассказывающего о перевыполнении пятилетнего плана.

Но вот в Шанхае — в Шанхае Олимпиады не было. И метро там тоже не было, его там начали строить в 1995 году.

В 2005 году в нем было уже три линии и более полусотни станций. А в 2012 число и тех, и других увеличилось в разы.

2005

2012

И уж точно Олимпиады не было на просторах между Пекином, Шанхаем, Сианью, Гуанчжоу. Зато там появились дороги, простые и железные.

Когда я впервые приехал в Китай в 2004 году, по нему медленно влеклись длинные зеленые поезда. Электрички с деревянными лавками, но не в 20, как у нас, а во все 40 советских вагонов. На дальних поездах люди спали исключительно в три этажа: на шести полках в отделении и на трех боковых. У спящих все равно кто-то сидел в ногах. Когда не спали, ели, развернув каждый свой номер «Жэньминь жибао», бросали кости, рыбные чешуйки, хрящики копченых медуз прямо на пол в проход. Пару раз в день проходил проводник и даже не шваброй, а каким-то скребком счищал объедки в одну грудку, сворачивал грудку в свой листок «Жэньминь жибао» и на полном ходу выкидывал в окно. Пространство вдоль железнодорожных путей походило на дорогу, где террористы взрвали колонну вражеских мусоровозов. Ехало все это медленно, долго стояло, кряхтело, пыхте-

ло, свистело в ночи. Плакало и пело, само собой. Дорога из Пекина в Шанхай занимала двое суток. Средняя скорость пассажирского движения по китайским железным дорогам в 1993 году была 43 км в час, в конце 1990-х — 60 км в час. Немногие приличные люди летали.

Теперь все не то. Весной 2012 года я ехал на поезде из Пекина в Шанхай со скоростью 290–320 км в час в так называемом самолетном кресле: путь в полторы тысячи километров занял ровно пять часов с тремя остановками в городах-миллионниках. Пассажиры на 99% — китайцы. В проход никто не плевал, и ходили по нему не проводники в тренировочных штанах со скребком, а стюардессы с бедрами 90 и талией 60. Они не выкидывали за окна «Жэньминь жибао» с обедками. Не только потому, что на трехстах километрах в час окна никто не открывает. А потому, что прежняя зона отчуждения китайских железных дорог, плешивые откосы с остатками взорванных мусоровозов, превратились в какой-то сплошной дзен-буддийский сад камней, цветов и бонсай. Пути замкнуты аккуратными заборчиками, все засыпано гравием, по нему разбросаны художественные валуны, газоны и прочие цветущие рододендроны. И так все полторы тысячи километров, и не только на этой линии.

«Ну и что, — скажут мне, — у нас тоже есть «Сапсан», там тоже кресла и стюардессы, а на откосы можно не смотреть, можно смотреть в журнал «Вог». Да, «Сапсан». Но тут количественная разница переходит в качественную. «Сапсан» проходит 800 км за четыре часа, а его китайский брат — 1500 за пять. «Сапсан» идет по старому железнодорожному пути, в главных чертах построенному еще Николаем I. А по бокам-то все косточки русские... Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты? А китайский узкоглазый «Сапсан» мчит по специально построенным для него путям — тоннели, насыпи, бетонные эстакады — изолированным от окружающих овец и мальчишек заборчиками в человеческий рост. А есть ли там китайские косточки, неведомо, но вряд ли больше наших под Бологим.

И потом, что в скоростной железной дороге главное? Чтобы захотел и поехал, а не то, что думать за две недели вперед. Такое я впервые увидел в Японии. Скоростные «Синкансены» из Токио в Осаку и дальше — в Хиросиму — 500 и 810 км соответственно подходили к платформам как пригородные электрички раз в 10–15 минут. То же самое теперь в Китае. Скоростной поезд Пекин — Шанхай (вот эти самые 1500 км пути) уходит с китайского вокзала раз в 20–30 минут с утра до вечера, а бывает и чаще. В хороший рабочий день на линию Пекин — Шанхай с обеих сторон выходит 180 скоростных составов. Скоростные поезда на чуть менее востребованные направления уходили раз в сорок минут — час.

Второе, что важно в скоростной железной дороге, — чтобы направлений было много. В Китае их много. На скоростном поезде можно ездить между всеми ключевыми городами. Я за несколько дней проехал меж-

ду Пекином и Шанхаем, Шанхаем и Сучжоу, Шанхаем и Ханьчжоу. А ведь это не дорога из столицы А в столицу Б. Ханьчжоу — областной центр, Сучжоу — вообще районный — хоть и на 4 млн жителей, как тут в районных городах принято.

Когда я был в материковом Китае предыдущий раз — в 2006-м — скоростных железных дорог еще вовсе не было. Только обсуждалась линия из столицы А в столицу Б, и патриотично ли будет покупать для нее японский поезд, и с какой степенью локализации. А теперь это несколько десятков тысяч километров.

Глава российских железных дорог считает, что его общественный долг состоит в том, чтобы привозить каждый год священным пасхальным чартером благодатный огонь, о котором русские святые знать не знали, видеть его не видели, и ничего, сподобились. Думает, может, силой священного огня у него поезда быстрее забегают. Глава же китайских железных дорог огня из Иерусалима не возит, им, язычникам, без надобности, он, не просвещенный истиной, думает, что его задача строить дороги и разбивать на откосах дзен-буддийские сады.

Когда едешь по этим самым дорогам, раз в пятнадцать минут почти со скоростью телеграфных столбов мелькают автобаны. Их тоже раньше не было. Первый автобан в Китае построили в 1989 году — длиной 147 км, примерно такой же длины и примерно тогда же, как и наш МКАД. Когда я впервые приезжал в Китай в 2004 году, там было 30 тысяч км автобанов, а сейчас 85 тысяч км, и сеть скоростных автомагистралей в Китае выглядит вот так.

Все понимаю. Обильное выделение инфраструктуры бывает и вредно для здоровья. Можно, как в Испании, построить автобаны между всеми районными центрами, сначала бесплатные, а потом еще платные, параллельные бесплатным, связать те же городки скоростными поездами, построить аэропорты в 200 км друг от друга, а потом удивляться, почему аэропорты, поезда и дороги пусты и зачем мы платим зарплату всем тем людям, которые во всем этом работают. Можно, как в Японии, зажмуриться, навыпускать облигаций, занять в долг у себя самих два с половиной ВВП и раздать деньги специально одобренным, дорогушим, приближенным к власти подрядчикам, которые на половину этих денег наймут дешевых и никем не одобренных субподрядчиков, экономящих на цементе, а другую половину поделят между собой и политиками. Да и в Китае множество вопросов о цене и скандалов вокруг руководителей этих не слишком комсомольских строек.

Но все это — благородные вопросы к поэту о качестве стихов, о его этике, традиции, литературных образцах и о том, не продешевил ли он с рукописью. А когда нет мультиков, какие к поэту вопросы — вообще никаких. Если между двумя столицами пробка длиной в несколько дней, от подмосковного забора до обеда пятницы, и МЧС и горячее питание, то вопросы не к поэту, вопросы к дворнику, повару и заведующему складом стратегических запасов. И к местному авторитарному режиму, разумеется.

Вся китайская инфраструктура возникла не когда-нибудь в прошлом, не копилась десятилетиями подобно американской, а появилась ровно за те самые 12 лет, когда мы согласились променять часть свобод на экономическое развитие. Даже нет, в Китае почти все перечисленное выше появилось не за 12, а за восемь последних лет: за второй путинский и первый медведевский сроки. Все 12 лет нашего авторитарного режима я слышу, что мы вот-вот начнем строить автостраду между двумя столицами.

За это время в России произошла потребительская революция, но она больше относится к первому путинскому сроку. А что в стране возникло принципиально нового в следующие восемь лет, сразу и не вспомнишь. Ну, вот четыре «Сапсана» в день и пасхальный огонь. И даже с тем, чтобы забрать уголья Плюшкина под общественную необходимость, у нашего вроде бы авторитарного режима проблемы. Знаете, почему вы так долго идете с чемоданами по длинным висящим в воздухе коридорам от платформы «Аэроэкспресса» до терминалов Шереметьево? Потому что между путями РЖД и аэропортом оказался кусок земли, принадлежащий подмосковным чиновникам-помещикам, связанным с прежним губернатором Подмосковья, и ни выкупить, ни обменять, ни другим способом овладеть этой несжатой полоской наш авторитарный режим не смог. Может, и к лучшему: во-первых, зачатки

уважения к собственности, во-вторых, вон сколько магазинов вдоль этого коридора — как лавок на маниловском мосту, способствует торговле.

Совершенно бессмысленно обсуждать для нас китайский путь. Мы не можем стать мировой фабрикой, для этого нам сперва снова придется уйти в деревню, расплодиться, голодать, потянуться в город на заводы и стройки, работать за койку в бараке и отсылать зарплату \$150 семье в село. А этого не предвидится, и слава Богу. Но коли уж мы терпим авторитарный режим, хотелось бы, чтобы, как это бывает при добротных авторитарных режимах, в качестве бонуса к нему прилагалась инфраструктурная революция. И если нынешние правители хотят, чтобы, несмотря ни на что, о них вспоминали известным добрым народным словом «зато дороги строили», то времени на это осталось совсем немного — лет пять, максимум десять. Но и за пять можно кое-что успеть. Но, похоже, не успеют, потому что заняты совсем-совсем другим.

Почему Путина больше не слушают

Slon.ru, 25.04.2013

Лев Толстой, как известно, очень любил детей, а Владимир Путин примерно так же любит собеседников. Бывало, поговорит с одними и тут же кричит: «Ведите еще, еще». Пообщался пять часов с народом — теперь можно и с деятелями культуры, поговорил с деятелями — можно и с главными редакторами, поговорил с ними — могу и с оппозицией: зовите сюда оппозицию, или что там у вас? — «Лига избирателей»? — ведите «Лигу». Приведите меня к нему, я хочу видеть этого человека. А лучше его ко мне. Ну чё не идут? Мы их зовем, а они не идут.

Такая любовь к разговорам основана на уверенности в себе как в риторике и полемисте. И она совсем небеспочвенна. В очередной раз это стало видно на прошлой неделе на встрече Путина с главными редакторами некоторых крупных СМИ. Путин поспорил с Венедиктовым, как когда-то до этого с Шевчуком, и ладно Шевчук, а и Венедиктов, который годами импровизирует в прямом эфире, ставит на место слушателей, загоняет в угол собеседников, выглядел в общем слабее. Даже свой неопровержимый довод: не нравится — так вы не слушайте, переключитесь на другую радиостанцию, шкала большая, и еля там больше, чем поноса, — не применил.

Может, Путин и в самом деле удав? Или это эффект присутствия первого лица, описанный тем самым Толстым: «Когда государь приблизился на расстояние двадцати шагов, и Николай ясно, до всех подробностей, рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он

еще не испытывал». Конечно, эффект. Разумеется, один из главных секретов Путина-полемиста — в чувстве нежности и восторга, которое невольно охватывает человека перед государем, выше которого только Бог (если вы, конечно, не атеист).

Но даже за вычетом этого самого священного трепета Путин — самый умелый оратор на русском троне за долгое время. Это карикатурист Борис Ефимов, проживший 108 лет, вспоминал пару лет назад на том же «Эхе», что вот Ленин был сильный оратор, хотя до Керенского ему далеко: «Вот помню, Керенский зажег в Большом театре». Но в горизонте обычной человеческой жизни мы не имели ничего, подобного Путину.

На фоне слабой членораздельности Ельцина, бесконечных несфокусированных словесных потоков Горбачева, не говоря уж о старых советских генсеках, он выглядит живо, ярко и осмысленно — начиная с дикции и заканчивая образцовым даже в экспромтах согласованием падежных окончаний. Ночью разбуди — и то небошь правильно согласует. Цицерон из народа на троне, да и только.

Путин — хороший оратор, но последнее время его не слышат. Почему-то его хорошие риторические способности перестали быть востребованы аудиторией. Оказывается, нам недостаточно, что наш президент хорошо артикулирует, метко отвечает на вопросы и умеет срезать своего оппонента. Особенно в ситуации, когда все бóльшая часть общества — мы с вами — постепенно перемещаемся в лагерь его оппонентов.

Оппозицию (то есть вот эту растущую часть общества, нас с вами то есть) он рассматривает как особенно непонятливую группу слушателей, которую он еще не сумел убедить. Или даже так: которая знает, что он прав, и поэтому боится вступить в разговор. «Мы их зовем, а они не идут». Эта фраза значит: если пришли бы, деваться им было б некуда, кроме как признать мою правоту.

Однако оппозиция — совсем не это. Претензии к Путину состоят вовсе не в том, что он плохо говорит или не может ответить. Претензии в том, что своими ответными ударами он обороняет пустоту. И поэтому Путин не интересен как собеседник.

Понятно, что защищал Демосфен в своих филиппиках: независимость греческих полисов, которую многие считали устаревшей, предлагая коллективно отдать ее под просвещенное иго эффективной македонской монархии. Когда на агоре выступал Исократ, оппонент Демосфена, идеолог промакедонской партии в Афинах — тоже было понятно, с чем он туда пришел: чтобы убедить, что македонский зонтик — это для греков хорошо. Понятно чего хотел Цицерон в своих речах против Катилины: предотвратить заговор сенаторов-популистов, которые хотели захватить власть в Риме. Более-менее ясно (даже без чтения текстов), чего хотели, произнося речи, Ленин и Керенский, которые так позарили воображение молодого Бориса Ефимова.

Но совершенно непонятно, о чем говорит свои речи Путин. Что он защищает или проповедует? Путин отвечает блестяще, полемическая шпага сверкает на солнце и стремительно отбивает удары по кругу, но внутри круга — пустота. Мы никак не можем разглядеть, что же там: европейская Россия, либеральная империя, империя классическая авторитарная, противовес американскому империализму, собрание земель русских, больше капитализма или больше социализма, возрождение СССР, экономическое чудо, научно-техническая революция, больше политической свободы, меньше политической свободы или хотя бы строительство сети автобанов. Не разобрать.

Ничего не видно кроме самого фехтовальщика, который с блеском защищает свое место в центре круга: дайте остаться еще, дайте управлять страной еще, отойдите все от трибуны. Зачем? Почему? Чтобы сделать — что? Нет рассказа не только о том, как это «что» удастся, или ответа, почему не удалось многое из предыдущего (вроде удвоения ВВП или экономического чуда) — самого «что» нет: нет предмета, есть только его субъект, нет сказуемого, есть только подлежащее возвращению лицу.

Идея возвращения, его центральная тема так же пуста, как лозунг «План Путина — победа России» четыре года назад. Никто ведь так и не рассказал, что это был за план. Но он хотя бы проступал сквозь пустоту лозунга: давайте передадим власть мягко, от своему к своему, без потрясений. Передали. Но теперь-то нет даже этого. Теперь совсем уж бессмысленное: давайте передадим власть обратно мне, пускай и с потрясениями. Пускай ценой подрыва устойчивости и легитимности системы. Пусть процесс передачи власти опять останется отложенной на будущее проблемой, которая может догнать страну уже не в таких благоприятных обстоятельствах. Все это зачем?

За месяц до выборов мы не знаем, зачем он возвращается. И он не может нам объяснить. Нет даже простейшего объяснения в духе Столыпина: «Дайте мне 20 лет покоя, и вы не узнаете нынешней России». Даже эта простейшая идеология — живите в покое, наживайте добро — не выдвигается в качестве главного мотива его возвращения во власть. Это уж не говоря о том, что Столыпину покой нужен был для радикальной реформы собственности.

Он пытается заполнить пустоту. К нему приводят очередную группу граждан: он говорит то, что она хочет услышать: одно — бизнесменам, другое — священникам, третье — пенсионерам. Что из этого настоящее? Публикует программу: она настолько не производит впечатления, что от нее приходится отрешиваться: «Это программа «Единой России», а я пишу настоящую». Печатает статью в «Известиях», ее никто не читает. Кажется, не читают даже чиновники, да и зачем? Им и так скажут, что и когда надо делать. Тем более ее не читают остальные: все равно никто не верит, что он собирается всеми правдами и не-

правдами вернуться в президенты, чтобы в поте лица воплощать в жизнь то, что написано в этой статье. Или в какой-нибудь следующей статье. Он ведет себя так, как будто бы недавно поднялся на трибуну, и то, что он говорит вызывает острый интерес (помните? who is Mr.Putin). Но ведь мы слушаем его речи и ответы на вопросы 12 лет и знаем: то, что он говорит, имеет довольно косвенное отношение к реальности. Поэтому ему никак не удастся завладеть вниманием. Он удлиняет пресс-конференции и общение с разными слушателями, а слышат его все хуже.

Классическая традиция делила красноречие по отношению риторика к слушателям на три вида: торжественное (*demonstrativum*), совещательное (*deliberativum*) и судебное (*iudiciale*). Первое, напоминает академик Гаспаров («Античная риторика как система»), сводится к ознакомлению с наличными фактами (настоящее), второе — к предположению о возможных фактах (будущее), третье — к подытоживанию совершившихся фактов (прошедшее). У Путина явно избыток торжественного и — когда он полемизирует и раздает оценки — судебного, зато какой дефицит совещательного — которое про будущее

Никакие риторические способности не помогают, потому что выбран неправильный тип красноречия. Потому что проблема оказывается не в том, что он не хочет говорить, или говорит плохо, или что-то неправильное, а потому что он говорит не о том (ему: «Для чего возвращаетесь?», он: «У вас неправильно судят про противоракетную оборону». Для этого что ли?). Нет, даже так: проблема в том, что это говорит именно он — в самом говорящем: его больше не слышат.

Неубедительны не речи, а, так сказать, сам ритор. И понятно, почему: само его существование на этом месте в это время выглядит неуместным, и в этом смысле уже не важно, что он именно говорит и насколько ловко умеет срезать противника. Коса остра и косарь умел, но если он, вместо того чтобы выйти на заливной луг, пошел косить картофельное поле — вопрос об остроте инструмента и умении косаря смещается на второй план, а возникают совсем-совсем другие вопросы.

Он полемизирует хорошо, но обходит молчанием главное: почему он захватил трибуну и считает ее своей заранее: хочет — уступит, хочет — любого с нее сгонит или оставит на дороге. Как если бы Цицерон заблокировал ход на трибуну преторианцами. Или Демосфен выступал не в рамках состязательного процесса на агоре, где вслед за ним немедленно мог выйти оратор противной партии, а, разослав гоплитов, повязал всех оппонентов по дороге к площади. Повязал, а потом выступает и выступает. Так ли после этого интересно, что такой Демосфен скажет? Само событие захвата трибуны при помощи гоплитов может быть важным для истории, но точно не произнесенная с нее речь.

Неинтересно слушать ратора, захватившего трибуну. Риторика предполагает состязание равных. Не равных по умению (история признала, что Демосфен, пожалуй, был искуснее и талантливее Исократы), а равных по возможности обращаться к аудитории и убеждать.

Медведев был ритором послабее Путина, но то, что он говорил (до 24 сентября 2011 года) слышали. Про то, как «они» хотят у нас ливийский сценарий, а потом – ровно наоборот — про то, что во всем виноват Каддафи. Про то, что свобода лучше несвободы. Особенно внимательно слышали, когда появлялось что-то похожее на полемику с Путиным. Тогда и самого Путина слышали лучше: что он там ответит, про Каддафи-то? А про свободу? Чтобы быть услышанным, трибуна должна быть общей.

Хочешь быть услышанным — освободи дорогу к трибуне и соблюдай регламент. Ведь дело уже даже не в том, что к захваченной трибуне перестали серьезно относиться, а в том, что народ давно разошелся по своим делам и не слушает заговорившегося оратора.

Пропаганда гомосексуализма. Новый Завет и Государственная дума

Slon.ru, 25.01.2013

Если представить себе человека, не читавшего Евангелий, например китайца или обычного московского менеджера, который узнает про христианство из новостей и, в частности, со слов православных активистов, перед ним предстанет удивительное учение.

Прежде всего он узнает, что христианство — это про секс. Даже не про него, а про то, что в нем нельзя. Что лучше его вообще избегать и как можно жестче контролировать. И что, вообще говоря, единственный разрешенный способ — это в темной комнате в рамках многодетного супружества с мыслями о демографической безопасности родины.

Потому что, во-вторых, узнает китаец (или менеджер), Новый Завет — это книга про любовь к родине, ее пейзажам, климату, песням, свадебным обрядам, эндемичной растительности, орденам, колокольням, героям прошлого, а вот к людям — нет, с этими надо построже, особенно если это пид*расы всякие.

Грубо говоря, китаец узнает, что эти христиане, эти, во всяком случае русские православные верят в то, что Мессия, воплотившийся Бог, сошел на землю, чтобы лишний раз строго-настрого запретить однополый и добрачный секс, призвать к многодетности, любви к родной стране, уважению к ее властям и религиозным авторитетам, и совершенно непонятно, за что же такого полезного Мессию эти самые власти и авторитеты убили.

Пропаганды гомосексуализма в Римской империи времен Тиберия было предостаточно, но римляне как раз больших претензий к проповеднику из Назарета не имели, а погубили его именно те, кто с этой пропагандой боролся так, что аж дым стоял коромыслом. Вероятно, имело место трагическое недопонимание, ошибка. Возможно, его оклеветали, и только поэтому он не нашел общего языка с первосвященниками, и они вместе дружно не взялись за дело. За дело проповеди Евангелий, которые при таком взгляде на вещи оказываются чем-то вроде патристической анти-Камасутры.

Второстепенный вопрос

Есть такие карты — мир глазами американца, шведа, японца. На них страны, про которые он больше слышит и чаще думает, занимают несоразмерно большое место. Получается такая шведская карта с огромной Данией и микроскопической Италией или Индией. Вроде все континенты обозначены, но очертания искажены, границы стран изменены, все подписано с ошибками, и даже не знаешь, что лучше — такая карта или никакой.

Вот такой же Новый Завет, такое христианство у православных активистов и депутатов: о чем они все время думают, то огромного размера. А почему они об этом все время думают, да еще и вслух, публично — это уже к ним вопрос.

Разумеется, в Новом Завете идет разговор о сексуальной морали. И судя по тому, что мы можем сказать по прочтении Нового Завета, однополый секс — не лучшее занятие для христианина. Те ультралиберальные богословы, которые из самых добрых побуждений ищут там соответствующую санкцию, думаю, ошибаются. Тем не менее, если сравнить корпус новозаветных текстов с его интерпретацией православными активистам, средними приходскими батюшками, а теперь еще и депутатами, поражает, насколько тема гомосексуальности в частности и сексуальных запретов вообще занимает в нем небольшое место по сравнению со всеми остальными темами. Совсем малое в апостольских посланиях и вовсе ничтожное в Евангелиях. В разы и разы меньше, чем на новозаветной карте православных активистов.

Если Бог спускается на землю, чтобы — прежде чем умереть и воскреснуть — еще и что-то сказать людям, дабы они вместе с историей о воскресении и победе над смертью зарубили себе это на носу, он это что-то скажет. Трудно заподозрить создателя и спасителя мира в том, что он хотел сказать, да не успел, да не смог, да не дали договорить, ну так мы щас за него. За него, может, все-таки не надо?

И ведь нельзя сказать, что тема гомосексуальности в Иудее времен Христа была чем-то запредельным, находящимся за горизонтом событий, о чем бессмысленно даже говорить, как где-нибудь в современной Саудовской Аравии. Ровно наоборот. Иудея времен Христа была римс-

кой провинцией, часть ее населения глобализировалась и жила нравами греков и римлян, другая часть — наперекор им, с изрядной долей ворчания, молчаливого и не очень сопротивления, наконец, бунта — пыталась жить по заветам предков. Иудея Христа была провинцией, где местный автономный царь носил римскую одежду, местная знать жила на виллах римского типа, интеллигенция читала по-гречески и на латыни в том числе языческих классиков, в синагогах появлялись мозаики с изображениями людей, в Иерусалиме были термы, гимнасии и палестры, где упражнялись обнаженные романизированные и эллинизированные еврейские и иноплеменные юноши, и, разумеется, романизированная часть местных, как и поселившиеся тут греки и римляне, практиковали более-менее обычные для своего времени отношения.

Строго говоря, воплотившемуся Богу, если бы он пришел обличить пропаганду гомосексуализма, было где развернуться. И вообще в ситуации, когда собственный народ разделен на глобализированных космополитов и патриотов-традиционалистов — по логике православных ревнителей — спустившийся с неба Бог должен первым делом приструнить первых и поддержать вторых.

Чего он не делает. Вместо этого Спаситель Израиля занят совсем другим. Я даже не про критику храмовой торговли. Всякий — даже не самый внимательный — читатель Нового Завета видит, что подавляющая часть земной проповеди Христа проходит не в спорах с язычниками, которых вокруг хоть отбавляй, и не с первосвященниками — с ними он столкнулся только под конец евангельской драмы, а с теми, кого мы сейчас называем православными активистами, а Евангелия называют заимствованным из еврейского словом «фарисеи». Из-за непонятности, иноязычности этого слова в живом русском языке произошел сдвиг его значения, который затемняет для нас смысл главного новозаветного конфликта.

Фарисеи — это не обманщики, не лгуны, которые на людях постытятся, а как все отвернутся, немедленно принимаются за колбасу. Фарисеи, как говорил про них Аверинцев, — это серьезные люди. Это не «церковники», по работе связанные с храмом, это именно что активисты, добровольцы благочестия. Люди, которые приняли решение жить по закону своей отеческой религии, выполнить его весь вплоть до самых сложных традиций, не осквернить себя ни единым нарушением и на этом основании требовать того же от других. Люди, которые уверены: они точно знают, что хорошо и что плохо для народа. Люди, в соответствии с законом живущие самой уважаемой семейной жизнью, и, разумеется, патриоты, уверенные, что все зло происходит от вторгшейся в их жизнь иностранщины. И вот подавляющая часть споров Христа происходит именно с этими людьми, они его главные оппоненты во всех четырех Евангелиях.

Но даже с ними он ни разу не заводит спора о гомосексуальности. Просто, судя по всему, это вопрос для основателя религии Нового Завета второстепенный. Это, очевидно, не центральный вопрос спасения. У Христа находится время, чтобы сказать о блуднице и о разводе, оговорить права разведенной женщины, а об этом — нет.

Группа апостола Павла

Самые жесткие и прямые слова о гомосексуалистах находятся уже за пределами Евангелий — в посланиях Павла к Римлянам и Коринфянам, то есть молодым христианским общинам в городах Рима и Коринфе, вокруг которых совсем уж одни римляне и греки, надо определяться, и Павел определяется.

Здесь есть место для филологической спекуляции. Слово ἀρσενοκοίτης в традиционном славянском переводе «мужеложник» кажется нам каким-то древним и само собой разумеющимся. Между тем это неологизм Павла, это слово впервые появилось в греческом языке вот в этих самых посланиях и за весь Новый Завет употреблено дважды. Загадка, зачем Павлу новое слово, когда где-где, а уж в греческом языке полно устоявшихся терминов для однополых отношений. Однако Павел придумывает новое, свое, видимо, как-то желая уточнить свою мысль, подчеркнуть какую-то специфику. У филологов и библеистов есть разные толкования. Возможно, Павел хочет сказать о гомосексуальных насилиях или гомосексуальной проституции, говорят некоторые. Но мы эти спекуляции пропустим. Мы примем текст так, что Павел осуждает гомосексуальные отношения вообще.

Но как он это делает? Им посвящена отдельная глава, отдельное наставление? Павел бьет в отдельный набат, выделяя этот грех как самый непростительный? Ровно наоборот. Он упомянут через запятую, на равных с другими — менее стыдными, с точки зрения православных активистов и депутатов, грехами. «Ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы (pleonektaí — скорее «жадины»), люди, не пропускающие ни одной возможности, чтобы добавить что-то к своему имуществу), ни пьяницы, ни злоречивые (loidogoi — мы бы сейчас перевели «хамы», «грубияны»), ни хищники — Царства Божия не наследуют».

Вот так вот, всем списком, всей группой, через запятую с грехами, про которые нынешний человек (да что там — православный активист) считает — ну, с кем не бывает, ну, накрутил побольше цену в лавке, ну, выпил лишнего, ну послал на ..., ну, обозвал пид*расом, так ведь за дело. А у Павла выходит, что пид*рас и назвавший пид*расом с точки зрения наследования Царства Божия находятся в одинаковом положении.

И точно так же, через запятую с другими, обычными, «нестыдными» грехами касается гомосексуальности Павел в Послании к Римля-

нам — обличая современные ему нравы римлян (наконец-то, не все же фарисеям должно доставаться), уличая их в лукавстве, корыстолюбии, злобе, зависти, распрях, обмане, злонравии, клеветничестве, самохвальстве, гордыне, вероломстве, немилостивости и так далее.

Внимание, депутаты, активисты, священники, иеромонахи, официальные телепропагандисты: для Павла быть корыстолюбивым, завистливым, злонравным (тяжелым в общении, грубым), клеветником, гордиться собой и себя нахваливать, быть немилостивым, ссориться, завидовать, бранить ближнего — все равно, совершенно одинаково что быть пид*расом, никакой разницы, все через запятую.

Поэтому, раз мы ссылаемся на христианство, давайте действовать апостольски. Приравняем по закону о ἀρσενοκοίται гордых, вероломных, немилостивых, клеветников, хвлящих себя, пьяниц, жадин, хамов, корыстолюбцев и, конечно, фарисеев, главных оппонентов Христа, и примем закон против пропаганды всего этого среди несовершеннолетних. Только тогда по этому самому закону придется строжайше запретить показывать по ТВ депутатов Государственной думы, да и само государственное телевидение закрыть.

Погаси мигалку в себе. Об аварии на Минской

Slon.ru, 25.09.2012

Парень, который сбил пятерых детей-лауреатов, возвращавшихся с конкурса с медалями, и их учительницу с мужем, — не поп, не олигарх, не мент, не банкир, не чиновник с мигалкой, не депутат, не топ-менеджер «Лукойла». Что тут скажешь? Там можно было выйти против мигалок у начальства, возмутиться РПЦ, не заправляться на «Лукойле», не хранить деньги в банке «Авангард».

А тут, тут что сделаешь? Не буду что, не стану с кем, не подам руки кому? Простой такой русский парень, Александр Максимов, не богатый, не высокопоставленный, праворульная «тойота». Таких теперь пытаются заманить оппозиционеры разговорами про тарифы ЖКХ, на таких в борьбе с протестом пытается опереться Путин — раздачей пары символических должностей рабочим из регионов и разговорами про американских агентов. Страничка во «ВКонтакте», страничка в «Одноклассниках», никакого «Фейсбука», жена, сын, ушла с сыном, выпили с друзьями. Все как у людей. Александр Максимов никого не представляет: ни церковь, ни власть, ни оппозицию, — никого, просто русский народ. А какие против народа введешь санкции?

Вот и соцсети заколебались. Одни, как обычно: «Казнить». Другие:

«Такое может быть с каждым». С каждым? А действительно. Поезжайте по Москве. Одного выезда достаточно, чтобы понять: может.

Не надо быть пьяным иеромонахом, не надо быть топ-менеджером «Лукойла», чиновником с мигалкой. При чем тут мигалка? Вот этот, на «Мицубиси-Лансер», который сегодня яростно моргал сзади фарами, когда я притормозил перед пешеходным переходом, — на нем не было мигалки. На крыше не было. Она была в голове водителя. Она выла, сверкала и вращалась, как десять правительственных.

Вот этот, на «Дэу-Нексия», который сегодня на Сretenке сигналил машине, сбавившей скорость перед поворотом: «Чего это он мне мешает, когда я хочу быстро объехать всех справа?» Он это делал разве не потому, что у него в голове не переставая работает проблесковый маячок?

Или вот этот, на черной «Хонде-Аккорд», сигналил на Тверском бульваре пешеходам, которые, по его мнению, шли через дорогу слишком медленно. Чего они тащатся, когда я тут еду? Да еще по мобильнику разговаривают. Ну-ка бегом. Этот, на «Хонде-Аккорд», не был пьян, освидетельствование на алкоголь ничего бы не показало. Он просто считает, что дорога его. Стоит ему сесть за руль, как в нем включается внутренняя мигалка пострашнее лукойловской.

Или вот эта «пятерка» БМВ, которая светила дальним светом на Ленинградке, потому что хотела ехать на 20 км/ч быстрее, чем все остальные. У нее не было мигалки на крыше, но внутренняя у водителя работала на полную катушку. Он точно знал, что это его полоса: разойдись. Моя скорость, мое местоположение и есть точка отсчета, центр системы координат — для всех.

Это не тысяча машин с мигалками выезжает каждый день на улицы Москвы, это сотни тысяч, миллион-другой таких машин.

Если ты держишь дистанцию, ты ведь просто лох, который не умеет водить. Хорошо водит не тот, с кем хорошо на дороге окружающим, а тот, кто умеет ехать впритык и быстро крутя рулем, шныряя из полосы в полосу, чтобы встать у светофора впереди на одну машину. Один знакомый либеральный журналист, который хочет, чтобы у нас было как на Западе, даже он очень удивлялся, почему я так не делаю.

Вот эти в потоке на Мясницкой, устанешь перечислять марки, цвета и номерные знаки, которые считают, что припарковавшаяся машина не имеет права покинуть свое место, пока они все не проедут. Остановиться и дать выехать? Нет, пусть ждет глубокой ночи или раннего утра. А эта что тут вздумала парковаться у меня перед носом? Сюда ей, видите ли, надо. Подпереть дуру: пусть едет дальше, туда, куда надо мне.

Вот байкеры, которые теперь с благословения Путина со страшным ревом несутся по городу, врубив на полную свой музон (сомнительное, кстати, но нашим временам благословение). А вот хозяин представительской «ауди» с номером 999 шныряет по дороге, будто он хозяин то-

нированной восьмерки на извозе, будто он шофер, который, не спросясь, отлучился побомбить, а теперь опаздывает на вызов хозяина. Он не понимает, что хозяин такой машины просто не должен так ехать, а, напротив, должен ехать солидно и делать любезности.

У них нет на крыше мигалок. Но задумались бы они хоть на секунду, если бы она у них была, включить ее и рвануть по встречной? А чиновники с видимыми мигалками — эти так просто задают планку, показывают, к чему стремиться. Они, в сущности, простые русские люди, которым повезло свою невидимую мигалку обналичить.

«С каждым может случиться», — пишут в сетях друзья простого московского парня Александра Максимова. Достаточно проехать по Москве на машине, чтобы понять — да, здесь каждый, ну, каждый второй готов переехать пятерых детей-лауреатов, двух педагогов и старушку. У каждого, ну хорошо, у каждого второго в голове мигалка. Да нет, у каждого, а то сейчас все скажут, что они вторые.

Конечно, с каждым. Это в церковь протестовать не каждый пойдет или на митинг, или примет постриг, или получит годовой бонус в три миллиона. А А. Максимов — он же не оппозиционер, не чиновник с мигалкой, не гей, не олигарх, не еврей, не грантополучатель, не таджик, не кавказец, не чурка (хотя и эти гоняют так же). Это ведь они зло. А это простой русский парень, коренной москвич, без заморочек, как все. Нормальный. Основа нации. Такие войну выиграли. Такие на дзот, только примут сперва. Весь как на ладони.

Хорошо назначить злом то, что не похоже на меня. А тут похоже до неразличимости. Зло в отношении друг друга совершается ежедневно, рутинно, его тут и за грех никто не считает. Банальное зло — отрицание чужого существования. Главное зло в русском человеке — это его онтология. Говоря философским языком, он никак не может признать за другими онтологический статус, равный собственному. Никак не может взять в толк, как это другой существует в том же самом смысле, как я. Я существую взаправду, другие — как бы понарошку. Они не такие же настоящие.

Вот я — это другое дело. Могу ущипнуть себя за руку, за ногу — и мне больно. А что другим тоже, про это ничего не хочу. «Хотелось бы в больничке отлежаться», — говорит на первом судебном заседании уже протрезвевший Саша Максимов. Я смотрю на мир из-под своей лобной кости, из скафандра своего тела, и каким я мир вижу — такой он и есть, и другим быть не может. Не должен. Не имеет права. Меня надо уважать, как я себя уважаю. Подрежь меня на дороге, сразу узнаешь, как я обижусь. А другой разве может? Его же нет на самом деле.

Уважаемые «синие ведерки»! Давайте в перерывах между погонями за Никитой Михалковым (хоть это и ему полезно для смирения, и всем весело), но все-таки хотя бы в перерывах погоняем простые «тойоты», «мазды», «хонды» и восьмерки с простыми русскими (кавказскими,

среднеазиатскими — невзирая на лица) водителями с внутренними мигалками. Увидим такого на дороге, догоним, снимем, зададим неприятные вопросы, вывесим в сеть на сайте позора, сдадим видео в полицию. И пусть попробуют не отреагировать.

Потому что пока мы гоняемся только за Михалковым, у простых русских мужиков крепнет ощущение, что это Михалков во всем виноват, Пушкин, Путин, пуськи, чурки, менты, оппозиционеры. А он — жертва, ему все можно, от него жена ушла, ему на новую «тойоту» не заработать. Внутренняя мигалка включается на полную мощность, и погнались.

А ты, обычный российский водитель, не поп, не чиновник, не топ-менеджер, выезжая на дорогу, фитилек с понтами прикрути. Погаси мигалку в себе и езжай с Богом.

Как русская церковь упустила свой шанс

Slon.ru, 20.08.2012

Этот текст был опубликован в апреле — когда, казалось, накал противостояния общества и церкви был очень высок. Сейчас он еще выше, а текст этот — еще актуальней.

Недавно в поисках бабушкиных мемуарных записок я наткнулся на другой исторический документ — остаток моей школьной тетрадки, судя по надписи «кайна зо кор.», склеенной в советской Литве, судя по тригонометрической задаче, которую я сейчас уже не смогу решить, — относящейся к 9 классу советской школы, то есть году к восемьдесят пятому или восемьдесят шестому. На последней страничке тетрадки нарисован рок-музыкант.

Судя по надписи у него на груди — Sex Pistols, — это панк. А рядом на обложке тетрадки два христианских храма — западный и православный.

Соседство панка и христианских церквей в тетрадке у советского школьника самого непослушного возраста — никакой не панк-молебен у алтаря. Так это мог бы понять современный школьник, который ничего подобного не нарисует (не в художественном смысле). А тогда церковки и Sex Pistols вместе были кнопкой в стул советской

учительницы, да что там — всей учительской, совету дружины и комитету комсомола. Они вместе были молебном о быстрейшем упокоении советской действительности.

Тогда я знал, что интеллигенция и церковь могут не любить друг друга. Но я знал это по классической русской литературе: поп — толконный лоб, «Лука сказал: попу», Чернышевский против церкви, Набоков против Чернышевского и церкви. А в жизни я видел совсем другое. Культура и вера сильно сблизилась в советское время.

Самая либеральная интеллигенция находилась с церковью в одном пространстве несвободы, в одной неволе. Читать Набокова и Библию, писать авангард и иконы было проявлением либерализма. Свобода личности состояла наряду с прочим в том, чтобы поститься, бывать в храме, иметь духовника, исповедоваться, паломничать в монастыри, читать молитвенное правило и духовную литературу — даже весьма консервативного содержания. Многие интеллигенты 70-х и 80-х годов, которых сейчас мы бы назвали либералами, и чьим наследникам сейчас в голову не приходит молиться, в те времена стали практикующими христианами. Верующие и либералы были одним классом анти-советских позвоночных.

Разве Бродский, великий поэт и либеральная икона (простите за дурной штамп), не писал про Рождество, про старика Симеона и пророчицу Анну, про «шепни в ушную раковину Бога»? Это ведь про храм.

Трудно поверить, но церковь сближала нас с Западом. На Западе были богословские дискуссии, соборы, священники, пишущие стихи, и композиторы, пишущие «Страсти». Там был Папа Иоанн — Павел Войтыла, наконец. И даже когда во французской комедии, допущенной на советские экраны, монашка лихо гоняла за рулем «Ситроена» — это было невероятно весело и притягательно, потому что невозможно у нас. Это была одна из граней их свободы.

И вдруг все перевернулось и стало, как в России второй половины XIX века. Церковь — одиозная, антидемократическая, антилиберальная сила, враг свободы, союзник государства. Она не благословляет прихожан участвовать в оппозиционных действиях, обласкивает первых лиц, приводит своих врагов на несправедный суд к прокуратору, у нее отсталые ценности, она сужает пространство личной свободы. Еще немного и начнет анафематствовать писателей и ученых-генетиков (этих, кажется, уже). Никогда еще фраза ектеньи «О великом господине и отце нашем патриархе» за последние сто лет так не резала слух русского интеллигента.

В девяностые годы люди, похожие на тех, кто сейчас ругает церковь, пришли в храм. Школьники, которые в 80-е рисовали панков и крестики, в начале 90-х, став студентами, в массовых количествах устремились в освобожденную церковь. Думаю, в русской церкви никогда не

было такого наплыва образованной молодежи.

Церковь пропустила эту волну. Поднялась на ней, проплыла торжественно по гребню и опустилась туда, где была. Даже ниже – потому что нет больше ни сочувствия к ее неволе, ни ожидания: вот она освободится и скажет. Что скажет-то? «Антицерковные силы опасаются усиления православия в стране. К этим силам присоединяются те, кто продвигает ложные ценности агрессивного либерализма»?

Что церковь сделала не так? Кажется, дело в том, что она не захотела хоть немного изменить форму, чтобы принять эту волну. Ну ясно, что старые мехи прохудились и молодое вино вытекло наружу. Надо было даже не измениться, а признать возможность перемен и начать о них серьезный совместный разговор. Поделиться с этими новыми людьми своими, говоря светским языком, полномочиями.

Прихожанин в русской церкви особенно пассивен. Он может годами ходить в один и тот же храм, никого не зная, ни с кем не здороваясь, изредка общаясь со священником на исповеди. А новое вино, понатекшее в церковь, было молодое, бродящее. Кипит, бьет искрами и пеной: так жизнь кипит в молодые дни.

Ну вот хранители мехов и испугались. Зачем им цветник? Им бы гербарий. Помню, в начале 90-х мой приятель, сын священника в одном старом московском храме, не закрывавшемся и в советское время, глядя на забор вокруг храма сказал: «Его бы повыше и ворота запереть изнутри».

Это немного похоже на то, что происходило зимой с оппозицией. Вот она ходила на свои митинги по сто человек, вытаскивала своих из милиции, и вдруг пришли многие тысячи и что-то там высказываются, требуют, чем-то недовольны. Так и русская церковь оказалась не готова к умножению хлебов и рыб: «Да кто они вообще такие? Мы страдали, а они что сделали, чтобы вопросы задавать, да где они раньше были?».

Их дело ходить на службы, каяться, поститься, как сказали бы в старину, — слушать обедню. А наше дело — эту обедню говорить. И слушать не обязательно: пусть тайные молитвы, в которых весь смысл литургии, останутся тайными — для жрецов, а эти хор перед закрытым алтарем, переминаясь, послушают. Неграмотных крестьян когда-то устраивало, и этим сойдет.

Не сошло. Церковь приняла свое состояние времен неволи за норму. Состояние без проповеди, без богословских дискуссий, без литургического творчества (когда последний раз в службу вводились новые молитвы?), без новой архитектуры, без новой музыки, без миссии, без переводческих усилий (пусть учат славянский), без попытки вернуть старинной службе утраченные смыслы, тем более создать новые, без попыток вовлечь прихожан в службу в ином качестве, чем статистов — которых то окурят ладаном, то обрызгают водичкой, то пропоют им что-то неразборчивое.

Правила выживания превратились в священные истины. Любое вопрошание относительно укоренившихся привычек пресекалось как крамола. Церковь перестала быть местом для дискуссий намного раньше, чем Государственная дума. А ведь в лучшие, самые творческие времена дискуссии были ее ежедневным состоянием. «В главном единство, во второстепенном свобода, во всем — любовь», — как говорил автор «Исповеди» Блаженный Августин.

Церковь не была готова к внезапно наступившей свободе, даже во второстепенном. Как если бы интеллигенции сказали: всё можно, пишите, снимайте, рисуйте, публикуйте, что хотите, а она по-прежнему собирала бы квартирники и печатала самиздат, потому что так заповедано предками.

В особенно обидном положении оказались интеллигентные священники из религиозного возрождения 70-х и 80-х: от советской бессмыслицы и государственного рабства они уходили в церковь, на территорию свободы, имели неприятности. И к диссидентам причтен. И вот, в пределах собственной жизни, не вставая со стула, они же оказались чуть ли не служащими государственного комитета по удушению свобод. Из апостолов прямиком в свиту первосвященника.

Иерархия же заговорила так, будто живет во времена Нерона. Хотя Нерон теперь сам крестится и ставит свечки. Но церковь делает вид, что она чуть ли не жертва гонений, подобных советским, а ее сегодняшние критики — вроде комсомольцев из «Союза воинствующих безбожников», которым дай волю, и они снова пойдут сбрасывать колокола. Вот 22 апреля (в день рождения Ленина) проводят молебен «в защиту веры, поруганных святых, Церкви и ее доброго имени».

И эта последняя ложь горше первой. Разрушителей храма среди нынешних критиков церкви не так уж и много, а комсомольцев и вовсе нет. Печалются о церкви как раз участники церковного возрождения 70-х и 80-х и той волны, которая прошла у нее сквозь пальцы в 90-е. И требуют они не переплавки колоколов на орала, а серьезного отношения церкви к себе самой: чтобы она стала тем, чем они ее помнят — территорией свободы и качественного умственного труда. А иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают. Что и наблюдаем.

На смерть команданте. Почему Чавес не Путин

Slon.ru, 06.03.2013

Из того факта, что Чавес дружил с Путиным, торговал нефтью и ругал Америку, делают вывод, что Путин — это русский Чавес (или наоборот),

а Россия — это евразийская Венесуэла. Вывод неправильный. Несколько лет назад, в 2006-м, я ездил за репортажем, когда Чавеса выбирали на второй полноценный срок. И первое, что понял, — у них разное отношение к избирательному процессу. В отличие от абсолютного большинства революционных правителей и военных президентов Чавес потерпел поражение в качестве лидера армейского переворота в 1992 году и победил на выборах в качестве кандидата в президенты в 1998-м, а потом еще на выборах 2000 и 2006 годов.

На последних выборах в октябре прошлого года смертельно больной Чавес провел избирательную кампанию явно в стадии ремиссии, бодрый и энергичный, как всякий раковый больной, резко прекративший химиотерапию. Возможно, этот отказ стоил ему жизни, но между выборами и лечением он отдал предпочтение выборам. Он получил 55%, его соперник на этих выборах, Энрике Каприлес, — 44%. Из оппонентов Путина сильнее всех выступил фольклорный Зюганов — 17%.

Кроме выборов, Чавес регулярно проводил референдумы о доверии по важным вопросам. Почин положили противники: в 2004 году они инициировали «отзывной референдум», чтобы досрочно прекратить его президентство. Тогда Чавес выиграл референдум, а в 2007 г. поставил на референдуме вопрос о продлении своих полномочий и радикализации революционных реформ. И проиграл с результатом 49% на 51%. Можно представить себе Путина, проигравшего референдум с таким счетом? Что, двух процентов бы не натянули? Правда, в 2009 году он провел новый референдум о конституционной реформе, где добился-таки отмены ограничения на количество переизбраний для высших должностных лиц с результатом 54% «за».

«Чавес регулярно подчеркивает, что он проводил те или иные национальные выборы почти ежегодно с момента избрания в 1998 году, размывая разницу между "быть демократически избранным" и "управлять демократически"», — пишет американский посол в Венесуэле (опубликовано на WikiLeaks). Американский дипломат признает, что выбран он демократически, только вот это не означает либерального демократического правления. Конечно, не означает. Сами по себе честные выборы — это еще не демократия. В гарнизонных стоянках довольно примеров, что дети похожи на господ офицеров. Честно избранные политики в разных странах тоже.

Странная революция

Одним из самых заметных шагов боливарианской революции, которую затеял Уго Чавес, придя к власти в 1998 году, стало разрешение торговать практически чем и где угодно. С тех пор центральная часть Каракаса превратилась в один сплошной базар. «Социализм XXI века», который строил Чавес в Венесуэле, — это больше ларьков, больше рынка,

по крайней мере мелкого и уличного. Это вообще очень странная революция. В революционном Каракасе работают фешенебельные шопинг-моллы и суши-бары, на двух самых высоких офисных башнях столицы каждую ночь зажигаются гигантские рекламы американских газировок, а революционные лозунги и портреты Боливара пестрыми граффити и наивной живописью покрывают бетонные заборы и стены тоннелей — словно их ночью тайком намалевали подпольщики.

В сущности, боливарианская революция — это обширная конституционная и административная реформа с множеством переименований (сама страна переименована в Боливарианскую Республику Венесуэла), пара дюжин социальных проектов для бедных, основанных на доходах от нефти, много популистской риторики, митинги по каждому поводу и колоритная личность Чавеса, вокруг которой выстраивалась местная вертикаль власти. Этот коктейль дал поразительный результат. Уго Чавесу удалось убедить бедное большинство населения Венесуэлы, которое чувствовало себя брошенным собственной властью и средним классом, что государство за него и что оно участник, а не бесправный наблюдатель политики, которую делают богатеи и умники. Власть Чавеса держится не только на благотворительных программах — опираясь на нефтедоллары, оппозиция предлагает не меньше, — сколько на сильнейшем чувстве вовлеченности в жизнь страны, которое Чавес сумел дать народу и которому оппозиция сначала не сумела ничего противопоставить, но теперь научилась.

Конечно, боливарианская революция глазами ее лидеров — это одно. А глазами народа — несколько другое. «Чавесовский социализм XXI века, — объясняет американский посол Колфилд коллегам в Вашингтоне (телеграмма с WikiLeaks), — превозносит активную роль государства в экономике и поносит капитализм, но в умах большинства венесуэльцев он остается весьма смутным понятием государства, которое раздает помощь, льготы и пособия». Действительно — как-то так.

Чавес и соцпрограммы

У неказистого здания на границе обычного города и трущобного района — баррио по имени Петаре — выстроилась очередь, охранник запускает по десять человек. «„Меркаль“ — это сеть народных супермаркетов, которые имеют право продавать специальные дешевые продукты серии „Каса“ („Дом“): маргарин, рис, муку в революционных упаковках с разъяснением статей боливарианской Конституции и политики правительства. В день приходит по 200–300 человек, — рассказывает совладелец лавки Педро Аджадж. — Потому что цены у нас в среднем на 45% меньше, чем в обычных супермаркетах. Молоко в порошке — везде 8500 боливаров за килограмм, а у нас — 4700. <...> Товар поступает с госсклада, поэтому даже так делаем прибыль», — признается Аджадж и выдает тайну:

здешним «Меркалем» владеет кооператив из семи человек, а главный в нем — близкий к Чавесу высокопоставленный военный.

На центральной площади баррио Петаре в одном из старых колониальных домов — представительства разных «революционных миссий». Под плакатом о геноциде палестинского народа «миссионерша» заполняет бумаги, чтобы отправить сидящего рядом инвалида из трущоб на Кубу. Другой рассказывает, как написал Чавесу письмо и его отправили на Кубу оперировать глаза: «Теперь я вижу цвета!»

Мой визит в миссии Петаре не был согласован, не было даже предварительного звонка, так что все это не могло быть пропагандистской постановкой. Удалось увидеть и кубинского врача. Миссия медицинской программы «Баррио адентро» («На районе») сняла для него комнату на первом этаже самодельного кирпичного домика в самой глубине трущоб: шкаф с лекарствами, прибор для измерения давления, весы для новорожденных, стенгазета со скрещенными кубинским и венесуэльским флагами и заголовком «Народы-побратимы — едины в медицине». Тесно, пахнет сырым бетоном, но раньше внутри баррио вообще не было врачей: венесуэльские медики не пойдут в опасные городские трущобы. Каракас соперничает с Йоханнесбургом за звание самого опасного города мира. Кубинский врач, молодой усатый красавец, в кабинет пустил, но предупредил: говорить не имеет права ни слова без разрешения кубинского посольства, умолял его не фотографировать — ведь это может погубить его карьеру. Теперь в Петаре ждут кубинских тренеров по бейсболу. Есть даже выписанные с Кубы учительницы музыки. Детей трущоб нынче учат игре на фортепиано. В Венесуэле, впрочем, знают, что кубинские врачи десятками бегут просить убежище в американское посольство.

Чавес и нефть

Кубинских специалистов Чавес завозит в Венесуэлу по известной на весь мир формуле «нефть в обмен на мозги». Но сначала ему нужно было взять под контроль саму нефть. Венесуэла национализировала свою нефть в 1976 году — не при левой диктатуре, а ровно посередине тридцатилетнего периода двухпартийной рыночной демократии. В Венесуэле нет углеводородных миллиардеров: вся нефть принадлежит госкомпаниям «Петролео де Венесуэла», PDVSA, а ее менеджмент и большинство рабочих были против Чавеса. «Все началось с того, что в феврале 2002 года Чавес директивой прислал нам пять новых директоров в совет, — рассказывал мне Эдди Рамирес, один из семи членов старого совета директоров PDVSA. — Мы начали забастовку». Чавес отомстил, уволил недовольных, и государство окончательно подчинило компанию. «Мы были госкомпанией, но это был бизнес, — вспоминает лучшие времена бывший директор. — Мы никогда не продавали нефть в кре-

дит и всегда только за доллары, а эти продают вперед и по бартеру. А Куба нашу нефть еще и реэкспортирует».

Он показывает внутренние имейлы PDVСа, которые ему передали еще не уволенные бывшие коллеги. «Друзья и товарищи! Завтра будет проходить митинг в поддержку президента республики. Как работники нефтяной отрасли мы должны принять в нем массовое участие. Каждое управление должно обеспечить максимальное число участников в этом мероприятии в обязательном порядке». И еще множество пунктов вроде: «Должны использовать предметы одежды красного цвета в течение всего дня. Идентифицировать работников, которые отказываются носить красные предметы одежды, и сообщать о них».

Теперь в бывшем главном офисе PDVСа — главный корпус Боливарианского университета: в зеркальных лифтах ездят левые студенты. Впрочем, вот еще одна странность венесуэльской революции. Ненависть Чавеса и США взаимна, но PDVСа исправно поставяет огромные объемы нефти в США, а американцы за них исправно расплачиваются.

Чавес и журналисты

Чавес не любил журналистов гораздо больше Путина. Журналисты в Латинской Америке принадлежат к среднему классу, который был Чавесу врагом. Путин в значительной степени победил благодаря кампании в прессе, Чавес шел против шквального медийного огня. Он похож на Путина в том, что постепенно прибирал к рукам ТВ, но в стране по-прежнему нет ни одной серьезной прочавесовской газеты.

Человек с цирковым именем Наполеон Браво встречает меня в гостиной своей виллы, наполненной интеллектуальными безделушками. «Вообще-то меня зовут Хосе Родригес. Но в латинской Америке все — Родригесы, так что с этим именем делать карьеру абсолютно невозможно». Еще недавно, в начале 2000-х, он вел самую популярную новостную аналитическую передачу «24 часа» на крупнейшем частном канале *Benedición*. В 2004-м передачу закрыли. «Мы были одной из самых свободных в смысле прессы стран мира, — вспоминает Наполеон, — у нас был практически свободный доступ к любому министру и президенту».

При Чавесе порядки изменились. Зато Чавес открыл свою программу — «Алло, президент!», где раз в неделю в прямом эфире отвечал на звонки народа. «Когда он был в тюрьме, его мама приезжала ко мне и спала на этом диване. — Наполеон слегка подпрыгивает на диване. — Он думал поэтому, что вместо журналиста я буду его пиарщиком». Наполеон не стал пиарщиком. В 2002-м, в год путча и отзывного референдума, Наполеон Браво провокационно сравнивал обещания Чавеса с реальностью. Чавес обещал: если через год на улицах останутся беспризорные дети, он усыновит их и сделает «детьми Республики». Наполеон

приводил уличных детей к президентскому дворцу Мирафлорес и снимал, как их гнала оттуда охрана. Сначала завели несколько судебных дел на Наполеона Браво, потом на хозяина канала Густаво Сиснероса, потом полиция в масках ворвалась в офис канала и провела обыск, потом застрелили собаку Сиснероса. В 2004 году Сиснерос при посредничестве Джимми Картера встретился с Чавесом, они договорились изменить политику канала. *Venedición* больше не нападает на Чавеса, программа «24 часа» давно закрыта, а Наполеон Браво ведет политическое ток-шоу на радио *Unión*, пишет в газетах («радио, газеты и интернет Чавеса не очень интересуют»), а на другой радиостанции (Леониду Парфенову с революционным приветом) делает передачу о событиях второй половины XX века — год за годом, что было в политике, что носили, на что ходили в кино и кто возглавлял хит-парад.

Почему Венесуэла не Россия

Сравнивая Россию и Венесуэлу, надо помнить, что в Венесуэле не было уравнительного социализма. Совсем наоборот. Там была почти образцовая многопартийная демократия и рыночный капитализм. Рыночный капитализм давно сформировал там богатый и устоявшийся средний класс, который у нас начал только сейчас наклеиваться. Эти высший и средний классы и были бенифициарами всех национальных богатств, рыночных и демократических свобод. Там уже полвека, даже век (а не лет пять-десять) есть рестораны, кафе, бутики и шопинг-моллы. Как в Европе. Но в отличие от Европы количество бедных не сокращалось, а росло, разрыв между средним классом и беднотой не уменьшался, а рос, и Венесуэла пришла к тому, к чему пришли все латиноамериканские страны: в одной стране жил не один, а два народа. Один — принадлежит «первому» миру, живет практически как народ одной из западных стран, даже лучше: ну какой университетский преподаватель в Западной Европе имеет прислугу, а в Латинской Америке — пожалуйста. Другой народ живет как в худших из стран третьего мира, как в Индии, Африке, Афганистане: в самодельных домах, без стекол, воды, электричества, денег, медицинской помощи и образования. С какого-то момента пропасть стала непреодолимой, социальный лифт встал окончательно. Случились погромы, уличные волнения и попытки переворотов. А потом народ выбрал Чавеса.

«Если мы хотим, чтобы победил наш кандидат, мы должны поддерживать его, как чависты — своего, — горевал бывший директор нефтяной монополии Эди Рамирес. — Но и это не главное. У нас на совести — один общий грех, мы забыли про людей с холмов. Когда государственные школы испортились, лет 20 назад, мы забрали оттуда детей и отдали их в частные школы. Когда испортились больницы, мы записались в частные клиники. Когда в городе стало опасно, мы натянули проволоку под током и наняли

охрану. Теперь страной правит Чавес. При нем средний класс ни на минуту не может забыть, как раньше, что кроме нас есть целая страна».

Чавес — разновидность диктатора-демократа. Он был похож на античного тирана (в строгом историческом значении этого слова) — популярного лидера плебса, который опирается на низы и таким образом борется со своими конкурентами в верхах. Это диктатор-тиран — туганнос в древнегреческом смысле: я с народом против аристократии, буржуазии и продавшей им интеллигенции. Такому выборы даже нужны. Но вот кто придет ему на смену сейчас, без выборов, хуже будет эта новая власть или лучше — совсем другой вопрос.

Франциск. Новый папа, новые времена для церкви

Slon.ru, 14.03.2013

В главной католической святыне Аргентины, соборе Нуэстра-Сеньора в Лухане под Буэнос-Айресом, меня больше всего удивили бездомные собаки, спокойно спавшие возле колонн под готическими нефами базилики, прямо во время мессы. Их никто не гонял — ни священник, ни служки, ни прихожане. Такого я не видел ни в Северной Америке, ни в Западной Европе с их сентиментальным культом домашних питомцев и шумными экологическими лобби. А тут гораздо более бедная, гораздо менее сознательная страна — никакой «зеленой» партии в парламенте, у людей-то сплошь и рядом нет еды и крыши над головой, церковь консервативнее европейской, а вот поди ж ты — собаки в кафедральном храме. А вы говорите, почему Франциск.

В Аргентине я понял, что церковные нововведения или просто невнимание к каким-то старым запретам может идти не от давления извне — потому что так модно, так теперь принято, иначе про нас плохо подумают, — а изнутри, от любви и смирения. Собственно как это и должно быть в церкви. И такие новшества, порой самые радикальные, могут вполне сочетаться с консерватизмом.

Наш Франциск

Новое имя папы — Франциск — очень симпатично мне, и, должно быть, симпатично всем, кто хоть как-то застал то время, когда русская церковь ассоциировалась не с казаками, архимандритами на джипах и православными пикетчицами, держащими плакаты со словами, которые не всякий светский человек произнесет даже с глазу на глаз, а с Александром Менем, Сергеем Аверинцевым и Оливье Клеманом. Франциск Ассизский, в честь которого назвал себя новый папа, для русского

интеллигентного православного человека, заставшего эти времена, — совершенно как родной. Это ведь и любимое эссе Честертона о Франциске в переводе прекрасной Наталии Трауберг, и разговор с волком и птицами из «Цветочков», и его же «Песнопение о Солнце» в переводе Аверинцева.

*Хвала тебе, Господи, за все твои творения,
Особливо же за достославного брата нашего Солнце...*

Это был такой идеальный, такой очень нужный нам всем святой, который свидетельствовал о том, что хотели услышать прихожане тогдашней церкви, еще не окаменевшей в гордости за собственное православие: что вот и у них там тоже есть свои несомненные святые (потому что как же можно сомневаться в святости Франциска), а значит, мы с ними не так уж разделены. Нашего слушался медведь, а их — волк и птицы, как когда-то, во времена до разделения церкви, львы слушались наших общих святых, на западе — Иеронима, переводчика Библии на латынь, на востоке — отшельников вроде Герасима Иорданского. И, значит, мы можем любить друг друга, а не выкатывать друг другу старые конфессиональные счета.

Все, кто застал русскую церковь в эту ее пору, наверное, полюбили вчера нового папу за одно это его дорогое сердцу имя. А те, кто не застал, вряд ли поймут, за что его так вот, с первого вечера, полюбить. Может, и правда, не за что. Мы пока не знаем. Имена обманчивы. Но ведь действительно — сам выбор такого имени внушает симпатию.

Ратцингер взял себе имя Бенедикта, которое до него носили пятнадцать пап, основателя западного общежительного монашества и автора монашеского устава. Это имя подчеркивало преемственность, традицию и дисциплину. Кардинал Бергольо выбрал имя, какого не носил до него ни один папа. Зато это имя святого Франциска, который в XIII веке (один из периодов расцвета Европы) проповедовал добровольную бедность церкви, простоту, был инициатором движения снизу, не без труда получившего одобрение церковного начальства, называл всех братьями и сестрами, даже птиц, и считал, что монахам надо не запирается в монастырях, а жить в миру, в городах и деревнях, рядом с обычными людьми. Не как все, но рядом со всеми, не превозносясь и не гордясь своим отличием.

До конклава мы задавались вопросом, как может церковь ответить на, как нынче говорят, вызовы времени. Если имя нового папы — в некотором смысле его программа, то отчасти ясно, как он собирается на них ответить. Ничего толком не зная о делах аргентинской церкви, я где-то краем уха давно слышал, что архиепископ Буэнос-Айреса ездит на работу и по делам на городском автобусе. Ну вот, оказывается, кто

ездил-то. И кто жил в маленькой квартирке. То, что такое францисканское поведение нашло поддержку у кардиналов, тоже хороший знак. Наши-то кардиналы отстаивают право епископа на достойную резиденцию и хороший автомобиль.

Городская церковь

Другая вещь удивила меня в первой речи нового папы. Речь была совсем короткой, но в ней он несколько раз назвал себя епископом города Рима: «Я епископ этого прекрасного города. <...> Хочу прежде всего помолиться за моего предшественника, епископа вашего города». И ни разу не назвал себя главой церкви, преемником Петра и так далее. Это многократное смиренное подчеркивание скромной роли городского епископа, главы поместной церкви, разумеется, — не отказ от всемирного служения, но это отказ от упрощенного понимания роли папы как всемирного начальства.

Понимать ее так действительно все труднее. Современный мир — гораздо более многоголосый, и это мир, в котором даже в церкви мало кто готов строиться по чьему-то приказу. Новый папа дает понять, что он это знает. Формально полномочия римского первосвященника гораздо более широкие и неоспоримые, чем, например, у российского патриарха, на деле давно гораздо меньше. Папа уже не может просто запретить то, что ему не нравится, или указом насадить то, что ему по душе. Папства и папизма, за которые мы по привычке ругаем католиков, у нас самих давно гораздо больше. Во всяком случае, с трудом представляю себе патриарха, который напоминает, что он прежде всего епископ прекрасного города Москвы, а в остальном надо советоваться с другими поместными церквями.

Либерал или консерватор?

Про отставку Бенедикта я слышал много разных глупостей и написал про них в «Русской жизни». Одна из глупостей касалась нацистского прошлого Бенедикта XVI: он отрекся потому, что появились его фотографии в форме гитлерюгенда. Думать так — это переносить на церковь какие-то очень интеллигентские, даже дворянские механизмы чести и стыда. Честь и стыд никому не мешают, но в церкви выше их — прощение. Считать, что мальчик, носивший форму гитлерюгенда, не может стать епископом, — все равно что говорить, что блудница не может стать святой, отрицать спасение распятого одесную разбойника и притчу о работниках последнего часа, то есть все, ради чего существует церковь. «Среди ваших грехов нет ни одного, которого бы не сделали святые», — говорит один из героев романа Грэма Грина. И пионер, и комсомолец могут стать первосвященниками, в этом смысл церкви — главное, чтобы они, став епископами, не оставались комсомольцами.

Это к тому, что сейчас начнут раскапывать прошлое папы Франциска на предмет того, можно ли с таким прошлым стать приличным папой или нельзя. И более или менее известно, что найдут. У епископа Бергольо были неплохие, скажем так, нормальные отношения с аргентинской военной хунтой, которая правила страной в 1970-е — начале 1980-х и ответственна за тысячи смертей. Когда в Аргентине стали сажать причастных к преступлениям хунты, кардинала Бергольо даже вызывали в суд. Выслушали и отпустили. Но вряд ли это спасет его от обвинений в прогрессивной прессе.

С президентской четой Киршнеров, умеренных, по меркам Латинской Америки, левых популистов, которые правят Аргентиной в последние десять лет, у него тоже не лучшие отношения. Он осудил подписанный Кристиной Киршнер закон о легализации однополых браков, а Кристина назвала это мракобесием и средневековьем. Впрочем, будучи противником гей-браков, он никогда не переносил своего отрицательного отношения к институции на людей. Наоборот, ездил в хоспис к умирающим от СПИДа и целовал им ноги. Ездил на автобусе, разумеется.

Впрочем, в латиноамериканской системе координат, да и в какой угодно, епископ Бергольо — консерватор вполне умеренный. Поскольку он из Латинской Америки, начнут исследовать его отношение к леволиберальной, почти марксистской в своих крайних формах, теологии освобождения. Ответ известен. Епископ Бергольо ее не разделяет. Но, однако же, никогда не был гонителем или запретителем тех священников или епископов в своей епархии, которые ее придерживались.

«Сначала накормите и вылечите, а потом проповедуйте спасение», — звучит действительно скорее социалистически, чем евангельски. Сразу возникает вопрос: а после какого уровня ВВП на душу населения можно спастись? Новый папа не одобряет напрямую постулатов теологии освобождения, но он из церкви, где она родилась, и не мог не включить в повестку дня поднятые ею вопросы об устранении бедности, правах на образование и медицину как своего рода предпосылках для спасения. Более того, положение епископа в мегаполисе страны третьего мира с такой долей бедного населения, какой давно не знает ни один город Европы, не могло не сделать его чувствительным к вопросам социальной справедливости. В этом смысле новый папа — классический пастырь развивающегося мира: консервативный в семейных вопросах, радикальный в социальных, щепетильный в вопросах церковного имиджа: никакого лишнего богатства.

Новые времена

Все говорят о том, что церковь теперь живет в какие-то особые времена, во времена кризиса. Но так или иначе все времена, и в том числе все

времена церкви, — особенные. Просто надо понять, чем отличны нынешние.

Я позволю себе сослаться на мысль Сергея Аверинцева, тем более что мне посчастливилось не только читать ее, но и в качестве ученика слышать вживую. С позднеантичных времен все задачи церкви ставились и решались, все кризисы церкви происходили внутри христианского мира, в котором все, от государя до последнего крестьянина, были христиане, плохие или хорошие, но христиане. Даже Реформация, даже высмеивание церкви просветителями XVIII века, классический атеизм XIX и первой половины XX века существовали внутри него. Понятия Европы, Запада были тождественны христианскому миру.

Теперь этого христианского мира, где христианство воспринималось как само собой разумеющаяся данность, больше нет. Нет настолько, что даже современный атеизм не отрицает Бога и церковь, как прежде. Он их просто игнорирует. Они для него не важны. Современный атеист в принципе готов верить во что-то такое, пожалуй, даже в Бога. И, наоборот, современный верующий сплошь и рядом верит не в Бога и не в Христа, а во что-то такое: возрождение нации, семейные ценности, святыни, пасхальный огонь.

У церкви больше нет той почвы под ногами, к которой она привыкла. Нет больше христианских народов, христианских государств, христианских правителей. Любая попытка сейчас изображать все это — недобросовестная имитация. Нынешняя задача церкви — научиться, по выражению Аверинцева, «жить без христианского мира, без внешней защиты, в мире, где для нее ничего не разумеется само собой». Многим кажется, что это конец. В действительности — это начало. В некотором смысле это более естественная для церкви, во всяком случае, более евангельская ситуация. У апостолов, у христиан первых веков тоже не было христианского мира, они его создавали буквально из ничего.

Когда у тебя снова нет ничего и надо начинать почти что заново, само противопоставление консерватизма и либерализма в церкви в значительной степени теряет смысл. Все хорошо, если это серьезно, и все плохо, если поверхностно. Поверхностный либерализм угождает общественному мнению, духу времени. Но и консерватизм точно так же может быть попыткой понравиться «народу». Поверхностный консерватизм просто санкционирует ненависть ко всему чужому или новому, что совершенно удивительно для религии, главный текст которой называется Новый Завет. И оба совершенно одинаково подгоняют церковь под то, что существует вне ее, ставят ее в подчиненное внецерковным вещам положение.

Когда нет старого христианского мира, нет запретных вопросов, но нет и готовых ответов на вопросы. Одно дело, когда церковь обсуждает возможность рукоположения женщины или гея под давлением фемин-

нисток, левой прессы, потому что «время пришло». И совсем другое, если она делает это потому, что открыла в себе новый источник любви и смирения. То, что видится прогибом под обстоятельства, может ведь оказаться раскрытием внутренних резервов. Вот как (да простят мне это сравнение) оказывается, что собачки могут мирно спать в главной базилике страны под Буэнос-Айресом. И наоборот, то, что кажется стойкостью, может быть чистейшим конформизмом.

Когда не на что опираться, единственной опорой церкви становится серьезное отношение к себе. Ведь с церковью все обстоит точно так же, как с образованием. Понятно, что хоть чего-то стоящие молодые люди пойдут не туда, куда их заманивают, бесконечно облегчая программу, но и не туда, где все сводится к зубрежке и заучиванию наизусть готовых ответов.

Возможно, для папы этих новых времен христианства без христианского мира подошло бы имя одного из самых ранних христианских святых, но и имя, и, главное, способ существования святого Франциска тоже подходит к ним как нельзя лучше.

Строит ли российский МИД железный занавес

Slon.ru, 21.02.2013

Берет, как бомбу, берет, как ежа, и требует визу. Бывает, отказывает. Спрашивает копии билетов, резервирование гостиниц, справку с места работы по форме НДФЛ-2, иногда приглашает на собеседование. Мы думали, это оттого, что мы для них — змея обоюдоострая, а оказывается, вот в чем дело. Змея, как ей и положено, на груди.

Российский интернет потрясен очередным свидетельством коварства собственного правительства. Оказывается, Евросоюз давно готов пускать нас в Европу без виз, но российский МИД это предложение отвергает, пока обладателям служебных паспортов (то есть чиновникам) не позволят въезжать в Европу и оставаться там столько, сколько они пожелают.

Запись об этом у читаемого блогера за день стала самым популярным материалом российского интернета. Она возникла после ошибочного прочтения вполне невинной статьи моей коллеги по Newsweek, а теперь журналиста из международного отдела «Коммерсанта» Лены Черненко о совершенно рутинном моменте многолетнего переговорного процесса.

Прочтение статьи было ошибочным, но в том, что оно случилось, как и в том, что эта неверная интерпретация так быстро разошлась по интернету в тысячах перепостов с гневными комментариями, — во

всем этом нет ошибки. Это как раз совершенная закономерность. Мы уже привыкли, что полиция существует для того, чтобы нас пытаться. Министерство образования — чтобы мы как можно меньше знали. Ювенальная юстиция создается, чтобы брать в заложники наших детей. Что же удивительного в том, что МИД работает для того, чтобы не пускать нас за границу. Все совершенно в рамках текущих отношений между читающей аудиторией и властью. Они, судя по этому казусу, зашли так далеко, что уже непонятно, кому от этого хуже: власти, которой не доверяют, что бы она ни сделала, или аудитории, которая уже, совсем не задумываясь, отказывается от реальности в пользу стройности собственной картины мира.

Упрощение режима

В статье в «Коммерсанте» написано следующее: «Москва и Брюссель ведут здесь работу в двух направлениях: по облегчению визового режима и по полной отмене виз для краткосрочных поездок. И на обоих треках серьезные проблемы. Уже фактически согласованный договор о существенном упрощении визовых формальностей никак не удается подписать из-за единственного нерешенного вопроса. Москва настаивает на том, чтобы в него включили пункт об отмене виз для обладателей служебных паспортов, Брюссель выступает против».

И по статье видно, что речь идет о двух разных переговорах: одни по программе максимум, другие по программе минимум. Максимум — полная отмена виз в обе стороны — это то, что предлагает российский МИД. Европа против.

Минимум — это то, что предлагает Европа: очередной набор мер по облегчению пропускного режима. Речь не идет ни о проставлении визы на границе при въезде, ни об онлайн-визе, а буквально о том, что сказано. Об упрощении формальностей. Таких упрощений за последние годы были десятки: все мы видим, что стало проще получить длительные и многократные визы, появились визовые центры, почти везде отменили личные собеседования. У нас действуют отдельные отдельные соглашения об облегчении визового режима с Германией, Испанией, Италией, Грецией. Но назвать процедуру легкой даже с ними по-прежнему нельзя. Это одна из самых противных процедур, которая мешает распланировать жизнь как хочется.

Ведь все это не отменяет главного: Европа все так же требует от российского гражданина заранее известить ее о намерении приехать, заранее подать в консульство документы, которые подтверждают платежеспособность, сообщить большой набор своих личных данных (зачем, в конце концов, их консульству знать девичью фамилию матери?). И оставляет за собой право на отказ.

Вот от этого, главного, Европа не собиралась отказываться и на этот

раз. Вероятно, обидно, что из-за принципиальности МИДа по поводу синих паспортов формальности не упростились на этой рутинной встрече еще на полшага. Но надо и понимать, что эти очередные упрощения заметили бы очередные водители-дальнобойщики, гастролирующие деятели культуры, обучающиеся в Европе студенты, бизнесмены, ведущие там бизнес, и очередные те, кто собирается в Европу в двадцатый раз и с визой справляться научился.

Автор статьи пытается вмешаться в дискуссию: «Я вовсе не хотела сказать, что ЕС готов пускать нас без виз или почти без виз, а Россия отказывается, пока не пустят чиновников. У меня нет такой информации, ее нет ни у кого на свете». Поздно, автора не слушают: барышня, отойдите в сторону, вы больше не нужны, сказано главное, что было у каждого на уме, то теперь на языке. Европа, как мы и думали, добра, а российская власть не хочет, чтобы ее подданные свободно ездили в эту самую Европу, а, напротив, имеет тайный умысел вернуть железный занавес. Желает, чтобы разъезжали одни только коррумпированные чиновники по служебным паспортам.

Чиновничьи паспорта

Ну, давайте о синих паспортах. В посольстве, где я работал, у шофера посла был синий паспорт, и у второго шофера был синий паспорт, и у поваров — синие, и у учительниц посольской школы, и у садовника, и у бухгалтеров, и у секретарей-машинисток, и у шифровальщиков, и мало ли у кого. А какой вы хотите, чтобы у них был, — дипломатический? Дипломатический — у дипломатов. И ни мы, ни Европа не готовы уравнивать в статусе дипломата с поваром, конюхом и плотником. Но и жить им по обычному, как туристам, тоже как-то не очень. Кроме них, синие паспорта есть у всех, кто долго живет за границей и так или иначе связан с государством: у журналистов, сотрудников крупных компаний с государственным участием, а иногда и совсем частных компаний, чье присутствие на местном рынке государство считает для себя важным. Какого-нибудь «Лукойла», «Аэрофлота», «Газпрома», Атомстройэкспорта, АвтоВАЗа. И да, синие паспорта выдаются чиновникам, которым, предполагается, надо часто бывать в заграникомандировках. Но нужно понимать: у высших чиновников, у депутатов, у министров и замов — паспорта дипломатические.

Неправда, что синие паспорта — какая-то специальная российская выдумка. Они есть во многих странах, в том числе Евросоюза. Неправда, что поставить вопрос о безвизовых поездках для обладателей российских паспортов — какое-то исключение из правил, какая-то невероятная дерзость со стороны российского МИДа. Ровно так ездят в Европу граждане, например, Турции или Украины: обычные — с визами, а с дипломатическими и служебными паспортами — без. Российский

МИД, собственно, об этом: вы говорите, что ведете с нами переговоры о безвизовом режиме для всех, так дайте безвизовый режим хотя бы для тех, у кого он есть в Турции или на Украине.

Пока процедура получения визы в служебный паспорт более долгая, чем в обычный. Поэтому неправда, что российский МИД ставит вопрос о том, чтобы обладатели синих паспортов въезжали в Европу и оставались там сколько им захочется. Такое невозможно даже с диппаспортом. Такой практики — въезжать в страну и оставаться сколько захочется — в принципе не существует между странами, если только они не члены одного политического и экономического союза, например ЕС. Мы въезжаем в Таиланд или Турцию без виз, но оставаться там можем определенное, довольно непродолжительное время.

Враги свободных перемещений

Другая такая же нестыковка — про МИД, который на самом деле не хочет, чтобы мы ездили за границу без виз. Конечно, после полугода работы новой Думы ничто не может показаться невозможным, даже закон о публичном сожжении загранпаспортов на Лобном месте, но все-таки такого закона пока нет даже в проекте, а МИД, к счастью, не подчиняется Думе и не очень ее уважает. И главное — пока, слава богу, это не соответствует простым эмпирическим данным. Если власти так желают нас не выпускать, отчего они же с такой охотой принимают отмену виз (или выдачу виз на границе), откуда бы она ни шла, — из Гонконга, Израиля, Марокко, Турции, Юго-Восточной Азии или Латинской Америки. В последние годы круг безвизовых стран только стремительно расширялся и не сузился ни на одну позицию.

В предыдущие 12 лет российские власти весь мозг европейцам проели насчет безвизового режима. Завидев Игоря Иванова, Лаврова или Путина, европейские дипломаты прятались в туалете: ну все, сейчас про отмену виз начнет говорить.

Неправда, что европейцы давно готовы пускать нас без виз. Они и сейчас не готовы, а давно — тем более не были. Там есть страны, которые бы рады, но есть и противники. Открыто на переговорах, тем более в прессе, эти страны не называются, да и состав лагеря противников за десять с лишним лет переговоров менялся. Но секрет это не самый большой.

Больше и чаще других возражают против безвизовых поездок русских в Шенген скандинавы: шведы, норвежцы и датчане. Для скандинавов с их раздутой соцсистемой, высокими зарплатами и такими же ценами почти любой иностранец — потенциальный нахлебник и хлявщик. А мы вдобавок для них страна еще и дикая и отсталая, застрявшая в предыдущих фазах развития, чьи граждане не настолько прониклись европейскими ценностями, чтобы чувствовать себя в Европе как

дома. Точно так же, по причинам цивилизационного разрыва, возражают в Нидерландах и Бельгии.

Страны Прибалтики — тоже обычно против. Во-первых, не затем страдали, отделялись и вступали в ЕС, чтобы потом русские, как при совке, к нам свободно ездили и, как мы, европейцы, по Европе катались. Кроме того, для их небольшого населения сбор за визы с россиян — неплохое пополнение бюджета.

Польша, Венгрия, Чехия меняют позицию. То желают наказать Россию за агрессивность и как можно дальше отодвинуть себя, европейцев, от нас, неевропейцев, то, наоборот, задумываются о выгодах массового российского туризма. Словакия обычно за.

Не против отмены виз (с разным количеством оговорок в разное время) — южная, средиземноморская половина ЕС: Греция, Кипр, Италия, Испания, Португалия. Гранды — Франция и Германия — в начале 2000-х, при Шредере и Шираке были скорее за, но сейчас Германия, без которой с ЕС и Шенгеном вообще невозможно ни о чем договориться, переместилась в лагерь противников и трактует правила Шенгена для России самым жестким образом. Против была и есть Австрия. Зато Финляндия из противников перешла скорее в сторонники отмены виз.

У переговоров с Россией о визах есть еще одна особенность. Восточная Европа и особенно Прибалтика считают, что непедагогично дать русским право ездить в Европу без виз раньше, чем Украине, Грузии и Молдавии: надо или им раньше, или одновременно. Но для открытия границ всегда важнее всего была платежеспособность. ВВП на душу населения в России в несколько раз выше, чем в этих странах, однако предлагается ждать то ли пока они разбогатеют, то ли пока Западная Европа перестанет бояться их бедности. Строго говоря, мы в заложниках совсем не у МИДа и обладателей синих паспортов, а у граждан, правительств и экономик трех бывших советских республик и их союзников в Восточной Европе. Во всяком случае, впервые в истории ЕС результаты переговоров об отмене виз с одной страной ставятся в зависимость от отмены виз с другой и третьей.

Взаимность

Европу больше всего устроила бы ситуация, когда европейцы ездят в Россию без виз, а мы к ним — с визами, пусть и с минимальным количеством формальностей. Очень приятно самому путешествовать свободно, а пускать к себе по собственному усмотрению. Мы сами так ездим в Египет или Марокко, тогда как у египтян нет и не предвидится возможности без виз бывать в России.

Это неравенство встречается чаще всего между странами с большой разницей в уровне жизни, когда надежды на то, что отменят визы для

тебя, все равно нет, а пускать к себе без виз имеет смысл по экономическим соображениям. Когда такая надежда есть, страны обычно добиваются взаимности. Именно так, на взаимной основе, мы отменили визы с Турцией.

И у нас некоторые говорят, что надо отменить визы для европейцев (они же везут нам деньги, это инвесторы и туристы), потому что Европа по природе добра и в ответ на такой широкий жест вскорости отменит визы и для нас тоже. Европа, возможно, добра. Но дипломатия доброй не бывает. Это всегда обмен. Грузия и Украина отменили визы для европейцев, но в Европе нет ни разговоров, ни мыслей о том, чтобы в благодарность отменить визы для Украины или Грузии. Разве что для тамошних обладателей служебных паспортов.

В принципе, я ничего не имею против щедрости, и я совсем не против того, чтобы европейцы приезжали к нам без пропусков, тем более что визит в российское консульство для иностранца — малоприятная процедура. Но как бывший участник переговоров, хоть и с краешку стола, могу сказать, что эта щедрость не будет вознаграждена. Переговоры об отмене виз — это торговля, и если ты подаришь то, что собирался продать, продать тебе будет нечего. Отменив визы для европейцев, мы просто лишим себя единственного нужного им от нас на этих переговорах товара. И все. Ситуация неравенства застынет на долгие годы, ведь она будет полностью устраивать одну из сторон. Если нет разницы, зачем платить больше?

У Грузии с Украиной есть хотя бы отговорка, что они — бедные страны, пошли на неравноправные отношения, чтобы привлечь богатых гостей, у нас такого оправдания не будет. Уровень жизни в Прибалтике и в большинстве стран Восточной Европы сопоставим с российским или ниже, если иметь в виду Москву. Нет никакой логики в том, чтобы люди с одинаковым уровнем достатка в одну сторону ездили свободно, а в другую по пропускам. Точно так же нет никакой логики в том, что страны с близким к нашему уровню жизни и проблем и с гораздо более высоким показателем бедности и преступности ездят в Европу без виз — например, Мексика, Бразилия или Венесуэла.

Цельность картины мира — вещь хорошая, но если отстаивать ее любой ценой, даже за счет реальности, бессмысленно требовать от других, чтобы они обращали внимание на реальность, тем более ценили ее выше своих убеждений. Тогда если в чьей-то цельной картине мира на митинг можно выйти только за иностранные деньги, акция Pussy Riot устроена Ватиканом, а геи появляются от пропаганды, — мы не вправе их упрекнуть. Ведь мы сами только что предпочли реальности не только собственные убеждения, но и просто походя сделанную ошибку.

Pussy Riot как новый Малевич

Slon.ru, 03.08.2012

У России появился мировой бренд, причем там, где мы давно не выступаем успешно, — в области современного искусства. Одна из участниц судимого девичьего трио жаловалась в первый день процесса, что суд «пытается исключить политическую и творческую составляющую дела, хотя это — основное». И правильно жаловалась. Даже для их защитников — тут всё про религию, но не про культуру. А как не про культуру-то? Всё уже совершилось. Pussy Riot — самые известные на сегодняшний день русские современные художники. И музыканты тоже.

Это нам кажется, что всё у нас пропитано духовностью и культурой, чтением и письмом, живописью, ваянием и зодчеством. И важнейшим из искусств для нас является — да какое ни возьми, одно важнее другого.

Мы, разумеется, признаём, что культура у нас — не в лучшей форме: недофинансирована, недокормлена, недопоена, недонесена в народ. Но даже такая, какая есть, не сыта, не голодна, всё равно она великая. Само собой. Уж этого не отнять. Уж точно покультурней малограмотной Америки или какой-нибудь Украины, которой вообще нечего предъявить всемирного значения, кроме точки над і.

Нам это очевидно. А остальному миру нет. Остальной мир сидит, вспоминает, что у нас есть прямо сейчас. Тянет-потянет и вытягивает Малевича с Шнитке. Внучка за бабушку, бабушка за дедушку — а дедушка уже старый, ему все равно, или вовсе помер. А внучку никто не знает.

С классической музыкой еще более-менее всё в порядке. Наши исполнители — в ее первых десятках-двадцатках. Композиторов тоже знают — те, кто вообще что-то слышал про современных композиторов. В кино знают живых классиков от Сокурова до Михалкова, а неклассики получают призы. С литературой сложнее. Мы читаем Пелевина и Сорокина, а они из наших — больше киевлянина Андрея Куркова и русского француза Андре Макина.

А вот в современном искусстве и музыке внучка всё никак не сделает международной карьеры. Напрасно мастера монументальной открытки Шилов и Андрияка и примитивист-гигантоман Глазунов делают вид, что известны за рубежом. Неизвестны. И слава Богу.

Но и с настоящим искусством у нас не так чтобы хорошо. В феврале 2007 года я ездил на «Сотбис», на первые торги русского современного искусства, выяснить: нашим современным искусством стали торговать в Лондоне потому, что мы теперь такие крутые, или потому, что недостаточно крутые. Оказалось, потому, что на полпути. Покупатели на русское современное искусство уже есть, но пока еще свои же, российские. А в просто аукционы современного искусства, мировые, без уточнения «русского», из наших включают одного какого-нибудь концептуалиста Кабакова.

С неклассической музыкой похожая история. Прорыв русского рока на Запад не удался. В результате мы обладаем закромами шедевров для внутреннего пользования. В душе лежит сокровище, а ключ нафиг никому не нужен.

Какую же русскую группу знают по имени все крупные западные музыканты? Раньше ответа не было, теперь он очевиден: трио Pussy Riot. Про них уже сказали и написали Стинг, Red Hot Chili Peppers, Faith No More, Питер Дэбриэл, Franz Ferdinand, Pet Shop Boys, Джарвис Кокер, и не успеваю следить за растущим списком. И все западные газеты. И Мадонна ведь скажет, а Мадонну церкви как осудить. И когда их выпустят — все они, пожалуй, споют с Pussy Riot. Пригласят на разогрев. Выведут с собой на сцену. Позовут на фестиваль. Своят в тур. Запишут совместный диск. А если пусек не выпустят, споют песню в их честь. И не одну. И для нашего начальства — еще неизвестно, что хуже.

Мы наблюдаем историческое событие. Рождается первый в истории путинской России, да что там — первый со времен перестройки русский бренд мирового значения в области современного искусства и современной музыки. Нам внутри страны этого не видно, нам этого не понять, нам это, может быть, даже неприятно, но назад пути нет: Pussy Riot — самые известные в мире русские художники и самые знаменитые в мире русские музыканты.

Вот как оно происходит, назидательное явление Немезиды. Это совсем не та русская культура, которую хотело бы экспортировать начальство. Потому что начальство — помню по дипломатической службе — делает всё, чтобы продвинуть русскую культуру за границей. Но представляет эту культуру скромной честной девушкой, благодарной за вывоз за рубеж. Взяли, а могли бы и одни поехать. Спасибо ответственному товарищу за нашу счастливую выставку. Русская же культура за это должна вести себя прилично, быть милой и очаровательной, никого не смущать, не позорить Родину и благодетелей, быть как комсомолка, награжденная путевкой в Чехословакию.

Ведь русская культура — возвышенная и одновременно скромная. Богата духовностью. Честная, как Татьяна Ларина. Национальная, как Садко. Европейская, как Пиковая дама. Пусть это будет Андрей Рублев, хор кубанских казаков, ансамбль песни и пляски, памятник Пушкину, академический симфонический оркестр, «Щелкунчик» без зубов, Чайковский без сексуальной ориентации, березка без древесного гриба, сапожник без сапог, но с томиком Пушкина, пейзаж с церковкой, натюрморт с хризантемами, незнакомка, три богатыря, явление Христа народу. Сирень, грачи, московский дворик, вечный покой.

Максимум — красный конь как самый ретивый нарушитель вечного покоя. Чтобы угодить неугомонным вкусам заграницы, так и быть, расширим экспозицию: широка страна моя родная, от иконы до авангар-

да, от Москвы до Владивостока, от Альфы до Омеги. Russia! Такую ведь выставку, под таким названием возили по миру в середине прошлого десятилетия.

Но коня не знают, грачей не хотят, покой только снится. Хотят Малевича (сам проверял, когда организовывал выставки). И знают Pussy Riot. Pussy Riot — это и есть от иконы до авангарда в одной точке времени и пространства. На заднем плане, за спиной танцующих — иконы, на переднем — чисто авангард. Именно так рождались важнейшие международные бренды русской культуры XX века: Малевич, Кандинский, Тарковский, Маяковский, Эйзенштейн и т.д. Вот и новый родился в той же славной традиции. Мы, может, и хотим быть страной Есенина (я не очень), и страной классики (я за), но классика у них есть своя. А мы, раз уж сбились с пути, теперь страна революционного искусства. А что власти раскручивают его вопреки собственной культурной политике, это, конечно, так. Только это ведь не первый в России случай государственной раскрутки неофициальной культуры: русская власть — ее давний и проверенный продюсер.

Интеллигенция бы тоже хотела, чтобы Россию представляли другие. Pussy Riot — совсем не лучшие. Но ведь не всегда самое известное или самое широко продаваемое за границей местное вино — оно же и лучшее. Но без никого никто не узнает, что в этой стране вообще есть вино.

Возмущаться бесполезно. Что скажешь иностранцам? «Pussy Riot хорошо, но, знаете, у нас тут есть получше музыканты, поумнее тексты. Не забудьте похвалить Бориса Гребенщикова». Что тут скажешь власти? «Вы репрессировали не тех. Репрессируйте, пожалуйста, Леонида Федорова — чтобы получше было по музыкальной части, а по живописной — посадите, пожалуйста, на время «Синих носов», Кошлякова, Дубоссарского с Виноградовым и Мамышева-Монро»? Мировые художественные бренды не рождаются в результате уговоров.

Pussy Riot стали международным лицом русского современного искусства. Поступить с этим можно двумя способами. Отбиваться что есть сил. «Мы с вами где-то встречались? Вы случайно не русская культура?» — «Что вы. Вы ошиблись. Русская культура — она гораздо, гораздо лучше. Не хотите познакомиться?» — «С удовольствием, но в следующий раз». Либо считать, что Pussy Riot — вроде ледокола. Теперь в мире в курсе, что у нас есть лихие ребята в искусстве и музыке. А ведь не может быть, чтобы они одни, на пустом месте. Оно и не пустое. У ночи много звезд прелестных, красавиц много на Москве. Только в церквях больше танцевать не надо, выйдет вторично.

Народ и искусство. Почему граждане недовольны театрами и музеями

Slon.ru, 28.05.2012

Народ вдруг заинтересовался искусством, как в советское время. Ладно митрополит пишет, что сибирскому народу не нужен Пикассо, но и сам народ не отстает. Вот родители протестуют против участия детей в новейшей версии Шекспира, а заодно волнуются и за качество постановки: не обидели ли классика? Группа граждан недовольна постановкой «Золотого петушка» в Большом театре, сошедшие со страниц «Тихого Дона» казаки разгоняют выставку в Краснодаре, гражданка Светлана Воронина требует в суде возместить ей моральный ущерб от посещения неправильной постановки в том же Большом «Руслана и Людмилы», и в комментариях в народной газете люди ее поддерживают.

Интеллигенция оправдывается: мол, искусство имеет право на эксперимент, иногда на провокацию, оно всегда немножко опережает время, раздвигает границы дозволенного, вы уж не очень на него за это сердитесь. И, оправдываясь, вводит всех в заблуждение. Потому что Пикассо в Новосибирске, Шекспир в Станиславского, художники от Гельмана в Краснодаре — искусство давно никакое не экспериментальное. Уже давно все раздвинуло и опередило.

У нас в учебнике французского языка были картинки Пикассо и хвалебные про них тексты — нате, дети, учитесь хорошему. В советской, между прочим, школе, в советском учебнике, издательство «Просвещение», 1984 год, одобрено Министерством образования СССР. Показать? И без премьеры в Станиславского с «призывами к сексу в присутствии несовершеннолетних» все понятно с Шекспиром, чья самая известная пьеса как раз про секс между несовершеннолетними и есть. Она давно в школьных программах и театрах юного зрителя.

Слева: фотография с выставки Марата Гельмана Icons, Дарья Фейгина. Справа: «Игра в шары», Анри Матисс, 1908

Или вот выставка «Icons» галереи Гельмана. Судя по тому, что я видел на многочисленных картинках с выставки, никакое это не экспериментальное, никакое не провокационное искусство. Это просто искусство, обычное. Судя по картинкам — довольно качественное. В таких и подобных художественных формах человечество мыслит последние сто

с лишним лет. Такое давно висит в государственных музеях и еще давнее в частных коллекциях.

Вот рисунок с выставки Гельмана, а вот вещица Матисса, вот икона,

а вот таитянские мадонны Гогена. Гоген, рисуя свой таитянский рай, помнил про христианскую живопись. Таитянки с младенцем на золотом фоне, таитянки в мире, лишенном перспективы. Таитянки с нимбом. Этим мадоннам по 120 лет, они вдвое старше любой из бурановских бабушек, их пора реставрировать. Они — давно привычные украшения Эрмитажа и Пушкинского музея — провокация?

Как живой

То, что Гельман привез в Краснодар, никакой не авангард, а обычные живопись и графика. Просто наш народ об этом не знает. Для него искусство кончилось лет сто назад — и не на Гогене, а на Репине. Не ждали? И зря. Искусство ведь — это когда похоже. Деревья у Шишкина похожи. Мишки тоже похожи. Вода у Айвазовского — как настоящая. Закат у Левитана как настоящий, да еще с церковью. Молодец Левитан, хоть фамилия на Гельман похожа. Охотники у Перова — ну, это прямо как мы с ребятами на шашлыках. Молодец Перов. Нарисовал не хуже, чем мы бы сняли для «Сам себе режиссер».

Понимание, не чуждое первому в мире массовому реализму — античному:

*«Бык, понапрасну ты скачешь на телку. Она не живая:
Мирон, ее изваяв, ввел тебя, ярый, в обман».*

Античные поэты соревновались в похвалах художникам: вот как нарисовали — корова как живая, птицы прилетают клевать нарисованный виноград.

Художник рисует, чтобы было похоже. Художник — это фотка красками, несовершенный предшественник альбома «Наша свадьба». Вот как они со своими кисточками и тюбиками мучились, пока не появилась пленка «Свема». Восхитимся художниками, первопроходцами наших семейных фотоальбомов.

После того как появились фото и видео, живопись превращается в условность, в игру — вроде пения без микрофона. Это как лошадь наперегонки с автомобилем. Если лошадь не сильно отстала — заслуживает двойной похвалы: молодец, лошадь. Молодец, Шилов. Молодец, Глазунов. Молодец, Василий Нестеренко. Путин вышел совсем как по телевизору.

Ладно бы наш простой человек боролся с авангардом. Он борется с классикой, ошибочно полагая, что борется с авангардом. Давно классичнейший Прокофьев, чья Первая симфония была исполнена сто лет назад, для него все еще сомнительная какофония. Сто лет — это как если бы во времена Чайковского обсуждали Бетховена: это можно слушать или он все-таки слишком далеко зашел и надо бы остановиться на

Моцарте? Импрессионисты — для нашего простого зрителя — это смело, но еще как-то можно терпеть, а вот Матисс — этот уже «намазал, я тоже так могу».

Вкус, знакомый с детства

Тут две проблемы. Первая — чисто просветительская. На московской выставке Караваджо одна дама с удивлением читала другой аннотацию на стене музея: «Караваджо — надо же! — имел проблемы из-за своего новаторства». Да где ж новаторство? С ее точки зрения, это просто академическая живопись: вот конь, вот человек, вот апостол — все понятно. Люди просто не знают, что то, что они считают классикой, когда-то было авангардом.

Некрасов — авангард в сравнении с Пушкиным, и ритмически, и тематически. Пушкин — с Державиным. Передвижники — такой адский авангард, что их даже не пускали в Академию художеств, и им, беднягам, приходилось выставляться на стороне, у разных Гельманов. И сам античный реализм — птицы чуть не склевали нарисованный виноград, бык чуть не покрыл бронзовую корову — это ведь новое слово. На римском портрете есть морщинки и бородавки, и это скандал. У идеального архаического курiosa — какие морщинки? Только мускулы. Реализм — просто одна из стадий авангарда.

Слева: «Август из Прима Порты», I в.
Справа: «Кит извергает Иону», III в.,
катакомбы святых Марселлинуса и
Петра

Совершенно удивительно, что народный разгром выставки абстрактивистов происходит под лозунгом защиты христианского искусства. Христианское искусство в первую очередь начиналось как авангард, провокация и вызов. Оно гораздо ближе к абстрактному, чем античное языческое. Вот, допустим, римская статуя времен Христа, а вот искусство первых христиан.

Где здесь виноград, который можно склевать, и корова, которую можно покрыть? Этот абстракционизм перекочевал напрямую в православное искусство. Что там на столе у Троицы? Авраам явно угощал ангелов чем-то несъедобным. Сплошная условность: ни светотени, ни перспективы, ни нормального пейзажа, ни рыбы, ни мяса, ни плодов земных.

Что это за горы? Где вы видели такие горы? А что за города? Вывернутые наизнанку шкатулки, а не города. Что это за кит с ушами, как у кота? По сравнению с роскошным реализмом поздних эллинов и римлян, раннехристианское искусство — это примитивное царапанье по стене в катакомбах, вроде современных граффити на гаражах. Не авангард

даже, а плевков в душу простого греческого и римского человека, пощечина общественному вкусу. Христианское искусство для античного человека — это, прямо скажем, ужас, примитив, абстракция, Гельман и чистейший Pussy Riot.

Наш же канон классики в головах простых русских людей — просто выхлоп от плохого советского преподавания, кривой комплектации советских музеев, картинок в учебниках «Родной речи» и вкладок в журналах «Огонек» и «Работница», осевший в головах. Что с детства знакомо — то и классика, что узнал взрослым — то и авангард. Вот и весь водораздел.

Открытка внутри

Но это — полдела. Проблема не только в том, что простой человек не знает про последние сто лет искусства. Он еще и гордится этим незнанием. Недавно Татьяна Толстая читала лекцию о том, где «совок» пережил СССР, было весело, и поэтому просто не успели упомянуть главный пережиток: гордое собой невежество. Уверенность простого человека в том, что не какой-то там человек да Винчи, а он вот прямо сейчас, какой ни на есть черненький, и есть мера всех вещей.

Ведь раньше каким было отношение простого человека к искусству? Или снисходительно-равнодушным: «Баре чудят». Или даже заинтересованным. Какой-нибудь мастеровой, который не понимал импрессионистов или оперы, скорее всего просто не замечал своего непонимания, потому что вообще не относил всех этих Матиссов и Вагнеров на свой счет. А если замечал — тянулся к ним душой. Вот есть какой-то другой мир культурных, образованных, богатых наконец, и я, может быть, когда-нибудь отложу денег и схожу на Святках в театр или в музей, потому что это культурно, и буду смотреть, что мне там образованные люди покажут.

И мастеровому часто в самом деле нравилось: ну здорово же! Он ведь тогда не тащил с собой на выставку одобренный партией и правительством культурный багаж, его с детства не учили, что он должен все сравнивать с Айвазовским и картиной «Опять двойка». Мог сразу на Матисса попасть и восхититься. Как русские и самые что ни на есть православные, никониане и староверы Морозовы, Щукины и прочие Мамонтовы современное искусство не громили, а коллекционировали и развешивали в своих кабинетах на соседней с иконами стене. Опыт показывает, что настоящему простому человеку, не задавленному гордым невежеством, новое и талантливое сплошь и рядом нравится.

У нас же распространен тип простого человека, который просто так восхититься уже не может. Ему сначала надо выдавить из себя море Айвазовского по капле. Советская власть осуществляла два одновременных процесса: с одной стороны, ограничивала материальное и духов-

ное потребление человека. Поди, человек, потолкайся за маслом две пачки в одни руки, велели больше не занимать, обойдись газеткой вместо туалетной бумаги, оденься в уродливое, постой в очереди в коммунальную уборную, того не читай, этого не слушай, сего не смотри.

Зато судить имеешь право обо всем. И вот этот человек, с пользой употребивший газету после прочтения, съевший в столовке котлету из хлеба, обруганный в пункте приема стеклотары, не выдавший мира, мало что вообще выдавший, лишенный даже самой возможности узнать, что рядом с ним, кроме писателя Шолохова, живет еще писатель Набоков, был поднят лъстивой пропагандой до судьбы всего. Ну надо же хоть что-то дать взамен ботинок. Вот тебе, человек, искусство, оно все твое, суди.

Получился человек, которому в голову не приходит посадить цветочки у дома и лишний раз сменить белье (зачем это простому человеку), но зато он точно знает, какая живопись или музыка хороша, а какая нет. Хотя даже посаженные цветочки и свежее белье такого права не дают.

Правда, когда народу вместо Перова вдруг начал нравиться какой-нибудь Дали, ему тут же напоминали, что он тут никто, а есть профессионалы.

В чем причина страданий краснодарских казаков и гражданки Светланы Вороной? В том, что они приняли выставку и спектакли на свой счет. По старой советской привычке — ошибочно принятой, как многое советское у нас, за православие. (Про православных русских купцов и авангард см. выше.) Но гражданке Вороной и ее верным оловянным казакам долбили все советские годы, что искусство принадлежит народу, то есть им, какие они есть, а не какими могут быть, и они поверили. Теперь мучаются. И водка клопами пахнет, и клюква рыбой. А у искусства есть совершенно конкретные хозяева и потребители, а остальной народ тут совсем ни при чем.

Как Москва назначила себя самым свободным городом России

Slon.ru, 04.04.2012

После того как народ вернул в президенты Путина, стартовала серия раздумий про две России. Одна — такая своя, уютная, воспитанная, умная, ироничная и главное — политически сознательная и свободлюбивая. Другая — покорная, сонная, с головой от хмеля трудной бредет сторонкой в божий храм, а оттуда — напрямиком на избирательный участок, и там голосует за Путина. Что нам с ней делать? Послать подальше, игнорировать, забыть? Или нет: полюбить, перевоспитать,

разбудить. Или все-таки не будить, потому что вдруг выйдет только хуже — и ей и нам?

То, что Россия из-за своих лесов, полей, рек и кольцевой автодороги навязала нам Путина, а нам тут с ним живи — это общее место столичного сознания. Да и как иначе?

Жизненный опыт москвичей, вошедших ныне в пору писательства и блогерства, говорит им, что сомнения в русской власти рождаются в той среде, которая знакома им с детства, отрочества и грехов юности.

Сообразить, что с политической системой что-то не так, что власть не совсем здорово работает, что первые лица государства — не совсем те, за кого себя выдают, можно, только если над твоей колыбелькой читают Бродского, а до того крестили у прогрессивного батюшки, который дружен с католиками и старцами, и возят в коляске в сад Манделштама (не важно, которого), что где-то рядом 57-я школа и гимназия Мильграма, и родители мучительно выбирают: туда или, была не была, сюда, а потом — сразу в литстудию при Центральном дворце пионеров, а там уже ждет талантливую смену переводчица Пруста (все совпадения случайны), и культуролог, толкователь Хайдеггера, а в гостях на кухне друзья семьи: иронически настроенный известный режиссер, искусствовед и кто-то, не важно, кто, но знавший в молодости Пастернака.

А остальным, без культуролога и переводчицы Пруста — как им понять, что власть в России может быть плохая? В лучшем случае надо отправиться туда агитпоездом (режиссер, искусствовед и подросток выпускник литстудии) и эту безнадежную Россию попытаться разбудить.

Вот Ярославль выбрал в двух турах оппозиционного мэра («ну надо же, такой маленький и такой протестный»), вот в Вологде, да и почти везде, кроме некоторых экзотических регионов, «Единая Россия» получила меньше, чем в Москве («нам тут вбросили»).

Я родился и вырос в Ярославле, и меня совершенно никто не приезжал будить из Москвы, моих одноклассников тоже, однако ж мы в 80-е вполне себе сами проснулись. Честно говоря, не помню, чтобы мы вообще спали. Хотя подозреваю, что все это время в Москве на интеллигентских кухнях говорили о том, как спит и еще долго и глухо будет спать за лесами большая Россия.

В нашем кругу и кругу наших родителей не было ни одного культуролога, искусствоведа и переводчицы Пруста (совпадения случайны). Там были воспитательница детского сада, офицеры местного военного гарнизона, преподаватели пединститута, директор строительного треста, шофер директора строительного треста, инженеры заводов, советские чиновники и полковник КГБ.

До поступления в МГУ я не читал ни одного стихотворения Бродского, не уверен, что слышал это имя, не видел ни одного ироничного, но известного режиссера, православного старца и никого, кто бывал на да-

че у Пастернака хотя бы в ранней юности. Ни в одной из наших квартир не было самиздатовских книжек, только в квартире полковника КГБ был журнал «Америка», по работе.

Но выйдя из детского возраста в отроческий и из него прямо в грехи юности, мы как-то сами поняли, что у нас нелепый экономический строй, что власть врет на каждом шагу и не заслуживает ни капли нашей симпатии, что официальная культура фальшива и скучна, но что прямо на этом самом месте вместо вот этой серой жизни может быть гораздо более яркая.

Нашей любимой музыкой сама собой стала та, которую не разрешали, просто потому, что она была интереснее и искреннее. Мы ее сами доставали и сами научились играть. Мы сами сделали игру «Монополия» из картонной шахматной доски и доллары к ней — из лотерейных билетов, задние страницы тетрадок не только сына директора строительного треста, но и сына его шофера были разрисованы названиями запретных рок-групп и заветными буквами USA, означавшими не столько конкретную Америку, сколько вообще ту более настоящую жизнь, которая могла быть на этом самом месте. Мы сами задавали учителям неприятные вопросы про дефицит и выборы из одного кандидата и, шаря по приемнику, наткнулись на «Би-би-си», «слушайте нас на коротких волнах 18, 25 и 31 метр», и полюбили ее даже не за содержание, а за подлинность интонации, не сравнимую ни с чем в родном эфире.

Ведь нормальный человек сам может распознать фальшь, ложь и глупость. Странно думать, что для этого необходимы припрятанные под раковиной томики запрещенных книг и знакомые литературоведы.

Когда перестали сажать за каждый писк, уже летом 1988 года люди в Ярославле толпой вышли на волжскую набережную против невинной попытки протащить в делегаты на всесоюзную партконференцию нелюбимого бывшего (бывший — он всегда нелюбимый) секретаря обкома, и там же создали «Народный фронт» (не в путинском смысле), и на первых же выборах прокатили всех кандидатов от партии власти, а потом мои одноклассники сами отправились строить капитализм — воплощать в жизнь надпись USA с задних страниц тетрадок, а я пошел в эти самые толкователи Хайдеггера и переводчики Пруста, которых никогда не видел в детстве.

Москва сама назначила себя самым сознательным, самым свободолюбивым местом, вольным городом России так же, как здесь с детства назначают друг друга культурной элитой: Митенька у нас замечательный поэт, он пишет такие дивные, талантливые стихи; Ника обязательно будет режиссером, она такая одаренная и так любит кино, а Вася — математиком: папа у него в ней так силен. А потом с удивлением обнаруживается, что на зарезервированные в детстве места еще кто-то

претендует — из-за лесов, полей и рек, за которыми, по идее, голосуют за Путина.

Изумление по поводу ярославских выборов тем более странно, что в лучшем для столицы случае половина самых ярких глашатаев свободы от Парфенова до Шевчука именно из-за лесов-то и приперлась, а Москва, даже когда здесь выбирали мэра, так ни разу и не приблизилась к тому, чтобы сменить власть на выборах, которые теперь требует вернуть. А вернут — точно сменит?

Москвы ведь, как и России, — тоже две. Одна из них действительно состоит из переводчиц Пруста (совпадения случайны), филологов-структуралистов и искусствоведов. А как быть с другой половиной? Нет ли в Москве, ну чисто случайно, федеральных чиновников и членов семей этих врагов народа — ну хотя бы пара подъездов не наберется? А где у нас проживают работники федеральных телеканалов? И нет ли среди них тех, в чьих домах тоже бывали ироничный режиссер и прогрессивный священник? Может, они и сейчас там бывают?

Большинство выгодоприобретателей любого российского правления с чадами и домочадцами проживает ведь в столицах. Или они все из Ярославля и Вологды на работу ездят?

В общем, выборы ярославского мэра — это, конечно, история не про то, что есть Москва и есть Россия, а про то, что Россия точно так же существует на двух уровнях, как и надменная Москва. Сказка же про спящую красавицу придумана в столичных литературных кругах, для того чтобы скрыть, что влюбленный молодой принц не так уж молод и, возможно, не так уж сильно влюблен.

Pussy Riot и «Восстание приборов». Филологический анализ

Slon.ru, 18.10.2012

Это текст — несомненно из категории 16+, кто не спрятался, я не виноват. Иноземному словосочетанию Pussy Riot предстоит остаться в русском языке. Поэтому надо наконец разобраться, что это такое.

Сразу договоримся, мы сейчас не про поступки «Пусси Райот»: об этом написано прежде. Но название тут мало при чем. Мне кажется, верующие должны бы ничуть не меньше обидеться, если бы группа называлась «Гласы архангельские» или «Страх господень». Обидно было бы уже не только за храм, но и за слова, употребленные не по назначению.

Однако часть верующих и сочувствующих растрavляют обиду тем, что придумывают названию группы переводы один непристойнее другого. Такие, что повторить их даже в тексте 16 + неудобно. Народных пе-

реводчиков, как какой-нибудь стахановский почин советского времени, поддерживают на самом вершине. И вот уже слово pussy становится неприличным, и название группы матерным, и вот они со своим матом на нашу нравственность.

Есть что-то назойливое в том, как Путин пытается срезать западных и наших журналистов: «А вы переведите название Pussy Riot, а вы его произнесите, что, засмутились?» А наши журналисты подыгрывают, тупят очи, делают вид, что краснеют: «Ох, не перевести, ох, не выговорить». Путин прибегал к этому аргументу несколько раз. В интервью Russia Today: «А вы можете перевести само слово на русский язык или нет? Или вам неудобно это сделать по этическим соображениям? Думаю, что это неудобно сделать по этическим соображениям. Даже в английском языке это звучит неприлично». Такмену на НТВ: «Вот это название как переводится? Вы своим зрителям в эфире можете сказать?» «Я при вас не могу сказать, но я знаю», — с готовностью соглашается Такменев. «Ну если вы при мне не можете сказать, значит, это слово неприличное!», — подхватывает Путин. Потом еще раз иностранным журналистам: «А вы знаете, как переводится?»

Да никак это особенно страшно не переводится, и произнести это, что в Англии, что у нас, может любой ребенок и дома, и в школе, и в переводе, и в оригинале. Потому что это просто «киска» и «Кискин бунт» соответственно. А что слово «киска» стало эвфемизмом для другого, так оно и функционирует как эвфемизм, то есть без вытеснения, без замещения основного значения. Путин-то с Медведевым, когда говорят женам: «А принеси-ка мне к холодцу хрену», — не краснеют, очей не тупят. А при слове «киска» почему все должны краснеть?

Слово pussy в английском языке работает ровно так же, как слово хрен в русском. Оно как оборудование двойного назначения, двойного — не значит исключительно военного. «Я бы перевел это слово как «кошка»», — отвечает Путину английский журналист К.Оуэн на Russia Today. Руководство ответы носителей языка игнорирует: разводит нас интеллигенция, мы-то знаем, что имелись в виду не киски, поэтому мнитесь и краснейте. Но «имелись в виду» и «нельзя произнести» — две совсем разные вещи.

Неприличные слова в языке, грубо говоря, делятся на две категории: ругательства и эвфемизмы. Эвфемизм — от греческих «эу» и «фэме», соответственно «хорошо» и «звук/слава/репутация». Словом, звучащим хорошо, с доброй славой, с хорошей репутацией, заменяют слово с репутацией и звучанием похуже. Эвфемизм помогает назвать вещи чужими именами, произнести, не трепеща или не краснея, то, что назвать нельзя. Вот и нечего краснеть.

Именно поэтому эвфемизм никогда не может порвать со своим основным приличным словарным значением. Иначе он перестает рабо-

тать как прикрытие, как легализация нелегального, как средство доставки языковой контрабанды. Тогда он превратится в простое ругательство. И поминай как звали: язык тут же заменит его на другое приличное слово в неприличном значении.

Поэтому, несмотря на вековую традицию употребления в известном смысле, слово «хрен» значит прежде всего хрен, а потом уже, по контексту, все остальное. Оно не может быть маркировано 16+, стерто с банок, вычеркнуто из кулинарных книг только потому, что можно сказать «хрен моржовый».

Точно так же, несмотря на вековую традицию употребления в известном смысле, слово pussy не табуировано в английском. Оно есть в любимом с детства стихотворении «Pussy cat» (его перевел Маршак: «Где ты была сегодня, киска, у королевы у английской») и во множестве других классических детских стишков. «The word «pussy» often refers to the female genitalia», — пишет самый народный и одновременно свободный в выражениях из источников — английская «Википедия». Often, «часто» не значит всегда.

Киска, в том же втором значении, есть и в русском языке, хоть и не так often, как в английском. «Рыжеволосая крошка сбросила трусики и нырнула под душ; шерсть ее киски была светло-золотистой» (М. Уэльбек, «Элементарные частицы», Москва, Иностранка 2006. Перевод И. Васюченко и Г. Зингера). В русской версии романа есть еще семь похожих контекстов, и еще больше в других романах Уэльберка и Бегбедера. Но слово chatte — кошка, — которое стоит на этом месте в оригинале во французском, во всех смыслах печатно.

Из того, что Уэльбек и его читатели поняли бы эту киску английской королевы как крайне двусмысленную шутку, не следует что «киска английской королевы» значит всегда то, что подумал бы Уэльбек.

Нефритовый болт

Возмущенная часть населения продолжает не верить: «Вы действительно думаете, что группа называется «Бунтующие кошечки», а не «Мятежные вагины, бешеные пиписьки, взбунтовавшиеся п..(ну, вы понимаете) и так далее»?

Что значит «я действительно думаю»? Я думаю, прежде всего, что вещь называется так, как она называется. И если название дано нарочито двусмысленно, то и его понимание, и его перевод должны эту двусмысленность отражать.

Если Катулл пишет, как его воробушек резвится на лоне девушки, это не значит, что он пишет, как он ее отымел. Это значит, что он выражается так, что стихотворение остается вполне гимназическим. А когда хочет, умеет выразиться иначе. Если китаец называет нечто нефритовым жезлом, а другое нечто — яшмовой пещерой, то это не

значит, что он одно называет словом на «х», а другое — словом на «п». Он делает нечто ровно обратное: заменяет эти слова на приличные и даже, по его мнению, прекрасные. В самом грубом переводе это звучало бы: вставить болт в гайку. Какое общество, такие и эвфемизмы. Откуда у стахановца нефритовые жезлы? В лучшем случае, болты и крюки.

Самая известная панк-группа называется Sex Pistols. «Сексуальные пистолеты» — намек настолько прозрачный, что его не поймет только дошкольник. И однако же группа называется именно «Секс-пистолеты», а не «Х*и». Поколения русских школьников хихикают на уроках русского и математики от слова член или одночлен. И, хихикая, имеют в виду не руку и не ногу. Значение, которое им кажется смешным, вполне конкретно. Однако никто не считает это слово непроизносимым при детях и не изымает его из образовательного оборота. И вывеску «Электроприборы» никто не запрещает, хотя кому-то может показаться, что это про фаллоимитаторы.

Переводы, которые околоправославная общественность дает Pussy Riot, — гораздо неприличнее самого названия. Разве не удивительно, что моралисты в попытке изобличить безнравственность выражаются намного непристойнее «аморальных девок»?

Потряси прибором

Бывает, что эвфемизм встречается в рамках устойчивого оборота, в котором второе слово подталкивает к выбору значения. Например, во фразеологизме «класть с прибором» у слова «прибор» — единственное возможное толкование. Но и здесь слово прибор не становится словом на «х» — непечатным и не теряет своего словарного значения. Просто, благодаря второму слову, — так сказать «ключу» — его второе значение выходит на первый план. Неглубоко порывшись в памяти, мы найдем множество таких устойчивых словосочетаний, состоящих из слова-эвфемизма и слова-ключа.

Но словосочетание Pussy Riot к таким не относится. Оно не похоже на наше «класть с прибором», или «хрен собачий». Слово riot — «бунт/беспорядки» — никак не уточняет слово pussy. Двусмысленность им не снимается, а подчеркивается, осложняется.

К двусмысленностям тоже можно относиться по-разному. Как написал один мой собеседник в фейсбуке, он вполне бы понял жителей района, которые возмутились бы уличной рекламой миксера «Потряси своим электроприбором» (какой простор в этом двузначном «потряси»).

Случаи районного возмущения двусмысленной рекламой были. Такие рекламные афиши, в самом деле, сложно причислить к вершинам вкуса, хотя, на мой взгляд, вкуса в них все-таки больше, чем в грудном баритоне, произносящем «вы ее достойны», в то время как полуобна-

женная модель идет жарить яичницу на рекламируемой сковородке с тефлоновым покрытием.

Возмущающиеся рекламными текстами жители района вообще наводят на меня тоску, лучше бы они в свое время возмущались лозунгом «Народ и партия едины» на каждой крыше. Но если вдруг глава района заявит, что эта фраза непечатная и ее нельзя произнести вслух, будут все основания заподозрить его в лукавстве. Обычная двусмысленность, у Пушкина есть и похлеще. «Всё изменилось под нашим зодиаком: Лев козерогом стал, а дева стала раком».

Тот факт, что мы понимаем по сигналам во фразе или по контексту, какое из значений эвфемизма в данном случае выбрать, не значит, что оно переходит в разряд ругательств. Это означает, что эвфемизм работает. На то он и рассчитан, что мы поймем, это не ребус и не шарада.

Барышни не строили невинность, но и называть группу бешеными п. они не собирались. Они планировали двусмысленное название с намеком и дали двусмысленное название с намеком — не менее и не более. Между игривой двусмысленностью и теми односмысленными переводами, которые дают ей рассерженные моралисты, — существенная разница.

Это ровно тот случай, как если бы панк-группа называлась «Восстание приборов», а нас бы уверяли, что это значит «Вставшие х», ну, вы понимаете, и что это нельзя ни написать, ни произнести. Значит-то значит, но и написать, и произнести можно.

Одна из проблем с правильным пониманием названия Pussy Riot связана с недостатком выразительных средств в казалось бы таком богатом по этой части русском языке. Но вот в разделе эвфемизмов женский пол в нем явно ущемлен. С одной стороны, в русском языке и болт, и хрен, и крюк, и много чего еще, а с другой — и не поймешь, что с другой. Вот он — фаллоцентризм российского сознания, предмет озабоченности феминисток.

При недостатке лексического богатства на женской половине нашего общего дома мне кажется, что «Восстание приборов» и сейчас довольно адекватный перевод названия группы. К тому же, освященный давней традицией. В «Декамероне» у Бокаччо, как мне кажется, есть близкий аналог, он и по богохульности подходит. В десятой новелле отшельник поддается искушению и соблазняет девицу: «При виде ее красот его вожделение разгорелось пуще прежнего, совершилось восстание плоти». *Resurrectio carnis*, восстание (или воскресение) плоти — фраза из латинской версии символа веры, там, где у нас «чаю воскресения мертвых». А контекст сами видите какой. Это вам не восстание кошек. Но Бокаччо, который вот так вот обошелся с «воскресением плоти» из символа веры, в XIV веке не посадили.

Pussy Riot, православные девки и советские люди на зоне

Slon.ru, 17.08.2012

Суд, который заканчивается сегодня, обязательно войдет в историю. Не в какую-то там скучную специализированную историю для юристов, а в самую обычную всеобщую историю — весьма вероятно, что в школьную, для старшеклассников. Слишком много в нем пересеклось главного: государство, церковь, искусство, право, власть, оппозиция, интеллигенция, народ, Россия, заграница, устройство российской мысли, иначе называемое ментальностью. То, что начиналось как частный случай: «не поняли, дурочки, на кого попали», кончилось всеобщим: «поняли, где живем».

На этот раз я про ментальность — гурьбой проторенные коллективные дороги ума, куда человек соскальзывает против воли, если не делает специальных усилий. «За такую крутость вам [Pussy Riot] на зоне там покажут быстренько наши православные девки. Ох, не завидую!» — сказала шансонье Ваенга, обозначив одну из таких столбовых дорог.

Боже меня упаси думать, что среди девок на зоне не может быть добрых христиан. «Среди ваших грехов нет ничего такого, что не сделали бы святые», — говорит священник в одном из романов Грэма Грина.

Но народная мудрость имеет в виду нечто иное. Не то, что на зоне могут быть или родиться хорошие христиане, а что девки там, на зоне, уж точно поправославнее пусек будут. При условии, что это, конечно, наши, нормальные девки, а не такие же, как эти, моральные уродки.

То есть народная мудрость исходит из того, что люди, совершившие доказанное зло ближнему, — больше православные, больше христиане, чем те, кто не совершил зла, но неправильно себя ведет, неправильно думает, выступает, качает какие-то права, вообще не как все.

Если ты зарезал, ограбил, украл, выкинул на свалку новорожденного младенца, переехал кого по пьяни, но носишь крест, вешаешь на стену иконку, с чувством говоришь «Господи, помилуй», крестишься при входе в храм, ставишь свечку на канун за упокой, даешь записку за здравие, чего-то такое вообще в храме чувствуешь, когда поют и читают непонятное, но красивое, и тебе хорошо, благодатно так, куда-то стремится душа, о чем-то плачет — а куда и о чем, поди разбери, а потому уважаешь тех, кто разбирает — батюшек, епископов, вообще начальство, не судишь о них, — ты больше христианин, чем если ты не причинил никому зла, но всего этого не делаешь.

То есть христианством может быть зло в ритуале, а вот не оформленное ритуалом отсутствие зла — не может. Копченая мелочь в масле — это шпроты, а без масла — дрянь какая-то, выкинуть ее вон на попра- ние людям.

По этой народной мудрости, православие — это набор действий, типов поведения, привычек, инстинктов, смутных переживаний, даже знаний — как себя вести, что делать, как подойти, даже знаний символа веры, священных писаний и благочестивых брошюр, а совсем не то, каково с тобой твоим ближним — тем людям, которых Бог послал тебе на пути, родным, друзьям, знакомым и просто случайным встречным на дороге или в темном пустом дворе.

Народной мудрости плевать, что все Евангелие, весь Павел, весь Новый Завет о том, что не важно, как ты поклоняешься Богу, что ты знаешь из священных и околосьященных текстов, неважно даже, кто ты сам такой, — в любом смысле, а важно, каково с тобой твоим ближним. А заодно дальним и просто встречным и поперечным.

Нет, — отвечает Христу и Павлу народная мудрость — ближние все эти, все эти людишки, все они — грязь и глина, из праха сделаны в прах воротятся, думать о них, уступать им место, улыбаться, щадить, останавливаться, когда переходят дорогу, придерживать дверь, здороваться приветливо — все это суета сует, мы на них даже головы не повернем, даже бровью не подвинем, обсчитаем, обвесим, обкрадем, если выпадет случай, отмутузим, если заслуживают, а и кое-кому и поделом, может случиться, что и зарежем, (некоторые, ну прямо сами напрашиваются — ну, правда ведь, своими бы руками), а вот Господа мы уважаем, Господа не трожь. Ни всего его хозяйства, ни дворовых его.

За Господа мы вдобавок к этим не замеченным, растоптанным по ходу, вдобавок к прирезанным (многие ведь за дело) мы за Господа еще кого хочешь порвем. Уж возьмем грех на душу, Бог простит. Уж на зоне этим наши православные девки покажут, не завидую.

И это, конечно, самое печальное свидетельство того, что в народной мудрости православие заменило совок.

Может, кто забыл, может кто не знал никогда, но весь, ни капли не церковный, не православный 20-й век в России дело обстояло ровно так же. В теории, в пропаганде, на словах советский человек должен был быть честен, вежлив, отзывчив, правдив, нравственно чист, морально устойчив, скромнен в личной и общественной жизни. Не вор, не пьяница, не несун, не стяжатель, не дебошир, не убийца. Напротив, ему следует проявлять нетерпимость к нарушителям общественного порядка. По всей социалистической строгости.

Но в жизни можно было быть всем этим, и оставаться советским человеком, более советским, чем всякие-разные, которые чего-то себе думают, ворчат, читают лишнее, слушают не то, насмеваются, проявляют недовольство начальством, его священными книгами и ритуалами. Вор, убийца, бандит, карманник, алкаш, но свой: Ты, слышь, ты только Ленина не трожь, Ленин это святое, понял.

Такой нетерпимый к врагам дела коммунизма бандит, конечно, го-

раздо больше советский человек, чем тот, который никого не убил, не ограбил, не воровал, честно работал, изобретал чего-нибудь, участвовал в соцсоревновании, вносил рацпредложения, но в Ленине, в пионерской зорьке, в сельском часе, в службу Советскому Союзу усомнился. Но бюсту Ленина нос раскрасил, но галстуком пионерским вытер кастрюлю: он ведь с нашим господом цвета одного. За такую крутость вам на зоне быстренько покажут наши советские девки и ребята. Ох, не завижусь.

Православная Россия, добро пожаловать домой.

P.S. Гуляя в прошлую субботу по Переславлю, увидел я, как земной суд плавно переходит в небесный, и наоборот. В Федоровском монастыре набрел я на молодой садик, а при нем табличку. «Сад сей посажен 24 сентября 2011 года по благословию митрополита ярославского и ростовского Пантелеимона при игумении Варваре сестрами обители и сотрудниками Федеральной службы судебных приставов при личном участии Директора ФСВП России Артура Олеговича Парфенчикова». Ах, эта пастораль: сестры с приставами. Табличка не уточняла, на какой срок посажен сей сад. Но и так ясно, что, скорее всего, на пожизненный.

Как филолог, я не мог не заметить строчной буквы, с которой написано слово «митрополит» и прописной в слове «Директор». Свидетельствует о смирении митрополитов. А как философствующий филолог (так подписала когда-то мне свою книжку о Лосеве А.А. Тахо-Годи) — фонетико-семантическую близость суда и сада: весь наш мир уместился на коротком промежутке между райским садом и страшным судом. И, если мы правильно его понимаем, — пуськи, Путин, Парфенчиков и патриарх будут выступать там на равных. В общем — здесь будет город-суд. Не через четыре года, так через три, или сколько там дадут: когда всех выпустят.

Цифры волшебной ночи

«Новая газета», 07.03.2012

Зря они поторопились с половецкими плясками. Напоминает историю с поздравлениями Януковича. Еще не были посчитаны данные по Москве, Московской области, Петербургу — но уже посланы в ГАС «Выборы» данные из Чечни, Ингушетии, Дагестана и прочих территорий, где результаты можно было оглашать еще в 8 утра в воскресенье. С ними все ясно. Меж тем в Центральной России и в двух столицах продолжалась невидимая миру битва за протоколы.

Фальсификации бывают двух видов: дневные и ночные. По опыту предыдущих избирательных кампаний, ночные вносят в итоговый результат чуть больший вклад. Но говорят больше о дневных — потому что они на виду. Это «змейки» (устарело), «карусели», вбросы, игры с укрепительными удостоверениями, с голосованием на дому и досрочным, с «непрерывным производственным циклом» (новация-2012), с созданием передвижных участков на вокзалах и в аэропортах и т.д.

Ночью все проще, грубее и эффективнее. Принесли заверенный протокол из участковой комиссии в территориальную, где его должны ввести в ГАС «Выборы», — а там начальник говорит: «Маловато!» Ну и поправляют. Обычно такое происходит с 10—20 процентами протоколов, в Москве чуть меньше. Не каждому председателю УИК такое можно доверить, только самым отборным. Поэтому если уж переписывают протокол, то сразу на несколько сотен голосов — чтобы прибавки хватило и на остальные участки, где по каким-то причинам менять неловко.

На знании того, как реально функционирует электоральная вертикаль, основана идея независимого подведения официальных итогов. Подчеркну — ОФИЦИАЛЬНЫХ. Все просто, как огурец. Наблюдателям на участках обязаны выдавать копии первичного протокола. Копии выдаются еще ДО похода председателя УИК в территориальную комиссию. Значит, если добыть и просуммировать достаточное количество первичных копий, можно дать оценку интегрального ОФИЦИАЛЬНОГО результата, каким он был ДО того, как его подвергли ночной правке. Интегральный результат ПОСЛЕ ночной редакции нам любезно представляет Центризбирком, так что далеко ходить не нужно.

От дневного фальсификата такая методика не очищает. Интернет может хоть треснуть (и наблюдатели вместе с ним), сообщая о много-

численных вбросах и «каруселях», но электоральная администрация (а позже и суды) с безмятежной улыбкой будут вам отвечать, что факты не подтвердились. Именно так повел себя председатель Мосгоризбиркома г-н Горбунов: в Москве «каруселей» не было! Значит, добавленные с помощью дневного жульничества голоса попадают в первичные протоколы и там растворяются среди честных. Извлечь их оттуда невозможно, сколько ни пересчитывай. Что в урну попало — то пропало.

Ладно, не будем ставить недостижимых целей. Волонтеры «Гражданина наблюдателя» (при поддержке «Новой газеты») и ассоциация «ГОЛОС» параллельно, но независимо обкатали на думских выборах методику выборочного сбора и суммирования первичных протоколов. С двумя понятными задачами: устранить эффект ночного фальсификата и хоть немного ограничить масштабы дневного — за счет концентрации квалифицированных групп наблюдателей (именно групп — потому что одного легко запугать, выгнать или изолировать) на ограниченном числе участков по намеченной выборке. Чтобы потом суммировать копии первичных протоколов из подконтрольной группы и сравнить результат с итоговыми данными Центризбиркома.

Метод показал, что в декабре «Единой России» на круг было приписано 15—20% из официальных 49,3%. К марту число желающих работать по этой методике выросло на порядок. Увеличилось и число общественных групп, готовых вести независимый мониторинг. Появились такие игроки, как «Росвыборы» и «Лига избирателей». Ну и отлично. Метод хорош тем, что понятен и общедоступен. Каждый может попробовать. Чем больше независимых выборок, тем ближе мы к истине. Заодно и друг друга проконтролируем.

Вопрос о репрезентативности, когда выборка составляет миллионы избирателей, распределенных по всей стране, просто не имеет смысла.

Вбросить обманку через SMS дело нехитрое, если вспомнить, как организуется телефонное голосование на конкурсах «Интервидения» или на ТВ за Кургиняна. В этом еще предстоит аккуратно разобраться — чисто техническая задача, которая, впрочем, потребует времени. Сходство цифр обусловлено очень большим объемом выборок, когда случайные отскоки или ошибки взаимно уравновешиваются по старому доброму закону больших чисел. Обычный для выборочных исследований интервал доверия плюс-минус 3% здесь сужается. На этом фоне отклонение данных ассоциации «ГОЛОС», скорее всего, объясняется тем, что она собирала первичные данные через систему SMS-сообщений, и, поскольку ее работа ведется под плотным колпаком, она почти наверняка получила какую-то долю ложных сообщений, которые при растворении в массиве доброкачественных данных сдвинули суммарный итог в пользу Путина. То же самое, вероятно, касается большой группы неаккредитованных волонтеров, которых подключали к проекту без пред-

варительного контроля на основе доверия. Вряд ли среди них все до единого добросовестны. Но абсолютное большинство — несомненно.

Особняком стоят 5 участков в Пермской области (группа наблюдателей «Березники»), которые тоже зарегистрировались волонтерами. Но представили резко отличающиеся от основной массы результаты. Из уважения к принятым правилам их данные тоже включены в итоговый расчет — хотя результат свыше 70% за Путина характерен скорее для республик Северного Кавказа. Суровый интернет быстро выяснит, в чем дело. Возможно, это так называемые «закрытые участки» — воинская часть, оборонный производственный комплекс и т.д. Тогда понятно. А возможно, это какой-то спецпроект. Скоро узнаем. Пока считаем наравне со всеми: что выросло, то выросло.

Волонтеры «Гражданина наблюдателя» вводили протоколы не по SMS, а через свой портал с предварительной аккредитацией.

Итог ясен. По копиям первичных ОФИЦИАЛЬНЫХ протоколов, результат В.В. Путина колеблется около 50%. Скорее ниже, чем выше. При этом мы понимаем, что в этих протоколах по умолчанию скрыта некоторая доля дневных фальсификаций, которую трудно документировать и подсчитать. В случае 4 марта она, вероятно, была больше обычной: прибавилась новая стратегия «предприятий непрерывного цикла». То же не бином Ньютона: на участке в дополнение к зарегистрированным по месту жительства избирателям создается дополнительный список невесть откуда взявшихся «производственников», которые приезжают и голосуют даже без открепительных удостоверений — под честное слово директора. Или создается специальный временный участок на производстве. Нет никаких гарантий, что вооруженный честным словом коллектив затем не перемещается на другой участок или не голосует где-то еще. Возможно, по своим или чужим открепительным удостоверениям. Производственники сделали свое дело — и ищи ветра в поле.

Но будем щедры и великодушны. Приварок за счет ночного фальсификата составил 13–14% (округленно: 64%, по данным Чурова, 50–51% по данным независимого гражданского контроля). Будем считать, что дневные вбросы дали вполтину меньше — 6–7%. Получается, по Москве победитель имеет не более 40%, а по России в целом (без зон особого электорального режима, где не было наблюдения) не более 44–45%.

Вывод прост и печален: В.В. Путин — президент России лишь по версии В. Чурова (ВЧ) и условно-обобщенного Кадырова (Ка). При этом практически нет сомнений, что во втором туре он бы честно победил и по версии гражданского общества (ГО).

Спрашивается: зачем?!

На этом фоне особое значение приобретает «длинный проект» «Лиги избирателей» под названием «Сводный протокол». Его цель — проверить и с максимальной корректностью интегрировать результаты

всех независимых групп наблюдения. Это потребует больше времени, но зато даст более взвешенный и обоснованный вердикт. Тогда и посмотрим.

Воздух города делает свободным

«Новая газета», 02.04.2012

Наблюдатели не из пустоты рождаются. Это дети городской свободы, и с ними приходится считаться любой власти. Без них нет ни экономики, ни модернизации с инновациями. Чем дальше, тем очевиднее

Москва: реальный результат Путина — около 45%

В Москве В. Путин официально набрал 47%; по «Сводному протоколу» Лиги избирателей — 45,1%. Отклонение в пределах ошибки метода? Не совсем. Учитывая огромный объем выборки (1715 участков из 3387), его трудно списать на случайные колебания. При таких объемах даже небольшое различие становится значимым. Несложно сообразить, что на участках, где наблюдение отсутствовало, результат В. Путина был в среднем около 49%: иначе в среднем для совокупности 47% не складывается.

Массовое присутствие независимых наблюдателей в Москве уменьшило итоговую цифру приблизительно на 4% по сравнению с бесконтрольными участками: 45% против 49%. Не будь наблюдения, результат оказался бы сильно за 50, как у всех.

При этом даже в «очищенном» результате осталась солидная фальсификационная составляющая. Участники «каруселей», игр с открепительными удостоверениями и «предприятиями непрерывного цикла» всунули некоторое число бюллетеней в общий поток. Отделить их от других, доброкачественных, тяжело: они уже перемешались.

Наблюдатели защитили Москву от «ночных» фальсификаций, когда исходные протоколы исправляются перед вводом в «ГАС-Выборы». Вклад «дневных» фальсификаций еще предстоит оценить косвенными методами. Это требует довольно тонких расчетов. Скорее всего, он измеряется несколькими процентами. **Пока можно с уверенностью сказать, что реальный результат В. Путина в Москве ниже 45%. Насколько ниже — со временем выясним.**

На данный момент есть более актуальные задачи.

Петерский счет: около 50%

В Санкт-Петербурге официальный результат В. Путина — 58,8%. Отчеты наблюдателей сильно отличаются от московских. В «Сводном протоколе» Питер представлен данными с 343 участков из 1944. Охвачено примерно 18% УИК — сеть репрезентативна. В городе также работала силь-

ная организация «Наблюдатели Петербурга», но они пока не оформили свои материалы в едином ключе.

Судя по «Сводному протоколу», в СПб на 49 участках из 343 (14% от выборки) зафиксированы существенные расхождения между первичными результатами и данными «ГАС-Выборы». В Петербурге «ночной» фальсификат играл более существенную роль, чем в Москве.

По первичным данным, на этих 49 участках зарегистрирован 101 291 избиратель. Из них проголосовали 64 126: явка 63,3%. Учитывая скромный размер выборки, неплохое совпадение с официальной городской явкой — 62%. Из 64 128 избирателей за В. Путина проголосовали 31 904. То есть 49,8%.

Если же исходить из «исправленных» цифр «ГАС-Выборы», то суммарный результат Путина на этих участках — 45 707 голосов. Выросло и общее число «голосовавших» — частично за счет перекачки из предназначенных к погашению бюллетеней (УИК № 1307, 1310, 1311), частично за счет приписки их числа, полученного комиссиями (УИК № 356, 361), а иногда за счет раздувания количества зарегистрированных избирателей (УИК № 331).

Характерен пророст, кратный 10 и 100. Приписали 200, 300 или 400 бюллетеней, и на эти же 200, 300 или 400 голосов увеличился результат Путина. Все 49 случаев «ночного» фальсификата оказались в его пользу. Число проголосовавших после «исправления» получилось 68 291 человек, показатель явки вырос до 67,3%, а процент В. Путина составил 66,9% вместо изначальных 49,8%.

Из приписанных победителю 13 803 голосов 4165 появились за счет манипуляций со списками избирателей; оставшиеся 9638 элементарно украдены у соперников. Больше всего пострадал М. Прохоров: по первичным протоколам у него было 13 614 голосов (21,2%), по «ГАС-Выборы» стало 8693 (12,8% с учетом изменения числа «голосовавших»).

Официальные итоги по этим 49 участкам дают сильно завышенный результат для Путина и заниженный — для его соперников. Логично: чтобы всерьез повлиять на общегородской расклад, **приписки в 14% протоколов должны быть массированными**. Вот они и были. Уж если делать для любимого начальника, то по-большому.

По выборке несложно прикинуть вклад ночного фальсификата для Петербурга в целом. Если на 14% участков из выборки Путину приписали 13 803 голоса, значит, в пересчете на город приписка составила около 100 000. Примерно 7 процентных пунктов от официального результата национального лидера. Не 58,8%, а около 50% плюс-минус два. Сама выборка, напомним, показала 49,8%.

«Наблюдатели Петербурга» дают близкую оценку. У них расхождение первичных протоколов с «ГАС-Выборы» зафиксировано на 128 УИК из 1264 (около 10%). 43% наблюдателей были изгнаны с участков, 32 пред-

седателя УИК сбежали, отказавшись выдать наблюдателям копии протоколов. Некоторые выпрыгивали в окошко, в том числе из туалета.

Наблюдатели ассоциации «ГОЛОС» работали на 24 участках города. У них по первичным протоколам В. Путин набрал 50,2%, М. Прохоров — 19,8%.

Еще на 24 УИК действовали наблюдатели проекта «Гражданин наблюдатель». По их данным, у Путина 52,2%, у Прохорова — 19,5%.

Наблюдатели проекта «Росвыборы» контролировали 61 участок. У них Путин получил 49,7%, Прохоров — 21,0%. Расхождения в пределах ошибки метода. Выборки частично пересекаются, но не дублируют друг друга.

Вывод ясен: без «ночного» фальсификата петербургский результат В. Путина существенно ниже официальных 58,8%. Где-то около 50%.

Как и в Москве, в этой очищенной оценке скрыто заметное число «дневных» нарушений. Если фирменным блюдом Москвы были дополнительные списки «непрерывных производственников», то в Питере упор сделали на фантомные избирательные участки. Их, слепленных на скорую руку и спрятанных от наблюдателей, в городе было 74. Лишь на трех результат В. Путина колебался от 80% до 90%. Во всех остальных он заметно выше. По данным «Наблюдателей Петербурга», так «проголосовали» 92 557 человек. Будем щедры. Допустим, половина из них (как в целом по «очищенному» городу) честно и от души поддержали В.Путина. Все равно остается минимум 30-35 тысяч «левых» голосов. Более 2 процентных пунктов из его 50. Уже ближе к 48%?

Красноречивее всех вели себя 7 фантомных участков, открытых на Смоленском кладбище. Там к 10 утра была зафиксирована явка 100%. Все — за кого надо.

Более рутинная форма дневного фальсификата — голосование на дому. Обычно в городах так поступает не более 20-30 человек на УИК. Поскольку мы условились быть щедрыми, возьмем за норму 40 человек. «Наблюдатели Петербурга» рассчитали, что сверх этого норматива вне избирательных участков «проголосовали» 62 963 человека. Естественно, за Путина. Вот еще 20-30 тысяч «дневных» голосов. Полтора-два процента. Курочка по зернышку.

Говоря короче, независимое наблюдение установило, что 4 марта в Санкт-Петербурге Путин В.В. 50% не собрал. Как и в Москве. Этот факт биографии теперь останется с ним навсегда.

По просторам Родины

Рекорд по голосованию «на дому» установила Тамбовская область — 19,9%. Результат В. Путина соответствующий — 71,8%. Зато там совсем не было «ночного» фальсификата. Да и зачем, если «дневного» хватает за глаза. А вот в соседней Рязанской области пришлось скрести по всем

сусекам. Вы не поверите: из 49 попавших в выборку «Сводного протокола» участков в 48 (!) обнаружилось расхождение первичных данных с «ГАС-Выборы». Минимум на 40, максимум — на 200 голосов. Скромнее, чем в Питере. Но всегда, за исключением одного случая (ошиблись, может?!), кратно 10. Само собой, сдвиг исключительно в пользу В.В. Путина. Да кто б сомневался. Плюс к тому на Рязанщине еще 11,5% проголосовали на дому. Почти вдвое меньше, чем в Тамбовской области, но все равно неправдоподобно много. И все-таки у В. Путина нет даже 60%: областная столица подкачала!

В Чечне, например, дома голосовали всего 2%. Оно и понятно: дойти до избирательного участка в облагороженных туристским кластером горах куда легче, чем в богом забытом Центральном федеральном округе. Правда ведь? Оттого там и явка 99%, при 99,8% за национального лидера. Зачем при таких выдающихся результатах голосование на дому, первичные протоколы, какие-то наблюдатели? Знай пиши да заправляй в машину.

В Абхазии, где, как известно, много российских граждан, действовали противоположным образом. Здесь на 9 участках проголосовали аж 74 тысячи избирателей! Из них 66% досрочно и на дому. На одном только УИК № 5252 в посольстве РФ волеизъявились 19,7 тысячи человек. В том числе досрочно — 12,4 тысячи. И еще 7,3 тысячи на месте в день выборов. То есть процесс шел со скоростью 10 человек в минуту с 8 утра до 8 вечера. За Путина — 91,1%. Прямо как на Смоленском кладбище.

Итог очевиден. Хитроумные электоральные финты — это своего рода дань уважения к гражданам. Где граждане сидят и помалкивают, власть до хитростей не опускается. Просто ставит перед фактом (как правило, на четвереньки) и заявляет: вот вам вождь. Его будете любить, им будете восхищаться. Где-то еще проходит — в Чечне, например, Абхазии или Ингушетии. А где-то — в Москве или в Питере — уже нет.

Где есть гражданское общество и гражданский контроль — там есть материал для сравнения, расчетов и установления истины. Где нет — там и говорить не о чем. В сухом остатке простой вывод: мелкотравчатая шушера, по недоразумению носящая имя «питерских», откровенно пыталась унизить свой город до статуса Тамбова или Хасавюрта. Ничего удивительного: она прямой продолжатель великого дела большевиков, которые в течение трех поколений втоптывали былую столицу в смиренную провинцию. Но так и не втоптали: чему свидетельством — твердая позиция «Наблюдателей Петербурга».

Город, как продвинутая социокультурная среда, сопротивляется унижению. Он чувствует, что по росту и статусу выше тех, кто пытается им рулить. У Москвы это получается лучше — потому что центр. Питеру, конечно, тяжелее. Но в конечном счете города обязательно по-

беждают. Везде и всегда. Так и у нас будет — причем довольно скоро.

Наблюдатели не из пустоты рождаются. Это дети городской свободы, и с ними приходится считаться любой власти. Без них нет ни экономики, ни модернизации с инновациями. Чем дальше, тем очевиднее.

Остервенение и солидарность

«Новая газета», 11.06.2012

Диагноз

Путин загнал себя в угол. Социальная опора сжимается как шагреневая кожа, экономика трещит, вертикаль бросила рисовать картинки светлого будущего и занята исключительно самозащитой. Всё предсказуемо.

Иначе быть не могло. В основе путинской стратегии лежит фальшивый тезис о «великом и могучем СССР», который на самом деле был пропагандистским пузырем для «ширнармасс», раньше или позже обреченным лопнуть. Вот он и лопнул — забрызгав и ранив миллионы людей, привыкших жить в кривом советском мире и добиваться какого-никакого жизненного успеха в ложной системе координат.

Система рухнула, но они-то чем виноваты?

Помимо многого прочего, ее фальшь подтверждалась быстрым отставанием продвинутых территорий, насильственно присоединенных к «великому и могучему». Буржуазная Австрия всегда чувствовала себя лучше, чем социалистические Чехословакия и Венгрия; отрезанные от Финляндии куски Карельского перешейка легли в глубокий застой на фоне оставшихся за границей; Восточная Германия катастрофически отставала от Западной. Настолько, что пришлось спешно городить Берлинскую стену, когда число беженцев из социалистического рая стало приближаться к миллиону.

Кому-то это очень даже нравилось — например, парням из «Штази». Они получали новые звездочки, статус, влияние и талоны на спецобслуживание. Но территории в целом — нет, не нравилось. Она задыхалась и отставала под гром победной пропаганды. Конечно, еще нравилось пропагандистам. Бойцы идеологического фронта!

Такова грустная практика. Но что практика перед мощью Ее Величества пропаганды? Ее Величество объяснило, что стена защищает нас от фашистского бундесвера. Многие поверили. Как верят и сейчас — про подъем с колен, про Госдеп и пятую колонну. Трудность в том, что для сохранения веры приходится все сильнее зажиматься. До боли в затылке. Тех, кто зажиматься не желает, власть готова подлечить дубинками. Она просто обречена на это. Иначе возникает законный вопрос: а зачем, собственно, нам эти начальники (например, из «Шта-

зи»), которые вкусные корешки оставляют себе, а нам предлагают наслаждаться недорогими пропагандистскими вершками?

Путинская пропаганда сумела преподнести естественные успехи рыночной экономики, связанные с появлением частной собственности, нормального рубля, переориентацией производства на платежеспособный спрос населения и свободой торговли, — как заслугу «вертикали». Хотя на практике всё наоборот: не вертикаль создала эффективную экономику, а эффективная экономика создала ресурсные предпосылки для появления вертикали. Напоминает конец НЭПа. В нищей стране вдруг за несколько лет откуда-то появляются материальные ценности (произведенные частником). Которые государственным людям грех не отобрать — под шумок разговоров об укреплении державы, наведении порядка и справедливости.

Советская реставрация после антисоветской революции — дело закономерное и, скорее всего, неизбежное. С предсказуемыми, но отложенными во времени последствиями: обновившаяся чекистско-партийная номенклатура, грамотно используя энергию постреволюционного разочарования, перешла в контратаку, взобралась на шею растущей экономике и принялась рассказывать привычные советскому уху сказки. Аккуратно зажимая тем временем конкуренцию, укрепляя свою монополию в самых прибыльных (естественно, сырьевых) секторах, выводя наверх силовиков, убивая независимую частную инициативу и понемножку загоняя страну назад — в русло того, что экономисты называют проциклической политикой, а политологи авторитаризмом.

Прошло время. Разрыв между пропагандой и практикой, между официальными ценностями и реальными номенклатурными интересами опять достиг критического уровня. Как накануне краха СССР. Конечно, первыми это опять осознали самые продвинутые и информированные социальные группы и территории. В нашем случае — Москва, Петербург, Калининградская область. Это проявилось на президентских выборах — несмотря на толстый-толстый слой фальсификационного шоколада.

Минимальные результаты (по официальным данным) зарегистрированы в Москве — 47% и Калининградской области — 52,6%. Рядом, если по чести, должен стоять Санкт-Петербург. Но там, благодаря припискам, удалось натянуть 8—10 лишних процентных пунктов и изобразить 58,8%. Собственно, в Калининградской области тоже: добрая четверть избирателей военные, с обязательной явкой и столь же обязательным результатом. На участках, где гражданским наблюдателям удалось проконтролировать подсчет голосов, средний результат получился около 42%. Что, надо признать, немало. Но все же не 50.

Максимальные же результаты, как несложно догадаться, пришли из Чечни (99,8%), Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Тывы.

Везде 90% и более. Да кто б сомневался! Вопрос в другом: президентом ЧЕГО теперь является В.В. Путин, которому В.Е. Чуров обеспечил победу в первом туре? Северного Кавказа, где контролируемый местными элитами электорат готов дать любимому руководителю «хоть 120%» — как удачно выразился спикер чеченского парламента Дукуваха Абдурахманов? Или президентом более урбанизированных, современных и потому критически настроенных центральных территорий?

Картинка неприятно напоминает референдум по сохранению Союза в 1991 году. Который, понятно, тоже не был эталонным с точки зрения подсчета. Но не в этом дело, а в асимметрии! «Против» тогда ясно высказались ориентированные на Европу республики Прибалтики, а также Армения, Грузия и Молдавия. Они элементарно проигнорировали голосование. Зато больше всех голосов «за» дали Абхазия — 99,06%, Туркмения — 97,9%, Каракалпакия — 97,6%, Киргизия — 96,4% и Таджикистан — 96,2%.

Пусть, кому охота, разбираются, чем победный результат в тогдашней Туркмении отличается от еще более победного результата в сегодняшней Чечне. Важнее, что ни Туркмению, ни Чечню даже обезумевший от казенного восторга путинский пропагандист не рискнет назвать «инновационным кластером». А вот опорой феодально-султанского режима — отчего же.

Прогноз

Траектория очевидна. Советские начальники, промотав ради своих амбиций экономические, демографические, социокультурные ресурсы России под прикрытием похода за Мировой Справедливостью, ползли к катастрофе несколько десятилетий. Ни на секунды не переставая развешивать населению на уши лапшу про плановое хозяйство, общенародный характер государства, научно-технический прогресс и более высокую производительность социалистического труда. И опять, многие верили. Ну, конечно, общенародный! Разве династия Кимов или, скажем, Гурбангулы Бердымухамедов скажут подданным, кому реально принадлежит власть и в чьих интересах она функционирует?

Вопрос в готовности населения (и элит!!!) бесконечно терпеть эти сказки. То есть зажмуриваться до боли в затылке. Российская Федерация, в отличие от СССР, информационно прозрачна. Интернет, радио, зарубежные поездки, возможность зарабатывать на жизнь помимо номенклатурной монополии... Поэтому так глубоко и безнадежно, как КНДР, Куба или Туркмения, мы просесть не сможем — при всем желании коллективного Путина навести в России конституционный порядок по чеченскому образцу. Наоборот! Осознание вертикального тупика, на которое в СССР ушло три поколения, для нас уложилось в 12 лет. Ну, может, еще год-два, пока доползет до самого Уралвагонзавода.

Кто-то раньше, где-то позже. Но процесс опять пошел. И это сопряжено с рядом угроз, которые развитой путинизм поставил перед Россией. Точно так же, как развитой брежневизм.

Первая угроза, которую не умеет или не хочет видеть эгоистично-либеральная Москва, — очередной цикл территориального сжатия. Мы как-то слишком легко уворачиваемся от тяжелого вопроса о том, чем «свобода» обернулась для продвинутых граждан (не только русских) в суверенных Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и пр.

Но это еще полбеды. Как поведет себя тот же Кадыров, если уход Путина станет реальностью? У него два варианта. Либо окончательный суверенитет, закрепление султанских полномочий и «национализация» (на деле это значит приватизация в интересах султана) тамошних нефтяных приисков. С резким креном в сторону шариата как идейной основы стабильности. Либо по закону вассальной верности — отправка в Москву нукеров (= «мужиков» с Уралвагонзавода) для наведения порядка.

Наверное, это будет ярче, чем саперные лопатки в Тбилиси или танки в Вильнюсе. В таких условиях остервенение граждан против «своих» силовиков уже не кажется самой конструктивной позицией. Хотя по-человечески понятно. Кто без греха?

Вторая угроза исходит уже собственно из Кремля, который по ментальности сползает все ближе к Грозному. У Горбачева в аналогичной ситуации, во-первых, не было ресурсов, чтобы прикормить силовиков и направить их против народа; зато, во-вторых, было ясное понимание бессмысленности такого рода действий. Чего ради — чтобы сохранить тупиковую хозяйственную модель, которая способна лишь воспроизводить застой? Уж он-то, отлично знакомый с устройством советского колхозного строя, на этот счет не заблуждался.

Для коллективного Путина этих ограничений нет. Денег хватает, силовики готовы, а десятилетняя привычка сидеть на трубе создает иллюзию, что есть чем кормиться и за что бороться. На этом фоне желание втоптать стадо обнаглевших хомяков в асфальт легко может взять верх. Так просто и так быстро путинские пацаны не уйдут. Не обольщайтесь.

Опасность не столько в физическом насилии, сколько в том, что ПОТОМ некие умники опять будут ломать пальцы: мол, «целились в коммунизм, а попали в Россию!» Скажите, как разделить одно от другого, если власть тотальна, альтернатив нет и близко, как и легальных процедур публичной передачи полномочий. Вот и теперь архитектоника власти такова, что скорее вся вертикаль рухнет, чем от нее удастся оторвать национального лидера. Если начальника нельзя поменять через законные выборы, раньше или позже его поменяют вместе с системой, которую он под себя выстроил. Но кроме «вертикали» — опять же в силу

ее монопольной сущности, — альтернативных механизмов поддержания государственной цельности у нас нет. За 12 путинских лет выстроена структура, которая совмещает государство и конкретный набор персонажей до степени полного смешения. Отсюда вполне понятные результаты: целились в заскорузлую монархию, угодили в Россию... Целились в коммунизм — и снова в нее, бедняжку... Вот теперь на мушке авторитаризм, а достанется (раньше или позже) ей же. Нехорошо.

Может, виноваты не стрелки, а те, кто так причудливо позиционирует мишень перед лицом исторического процесса? Как в кино про мафиози — чуть что, прикрылся заложником...

Третья угроза — в азарте самой уличной оппозиции. Молодые, горячие. Кто-то им сказал (или они сами придумали?!) что на рубеже 90-х именно народные массы решили исход дела. Похоже, это вывернутая наизнанку логика советского учебника, который вкладывал детям в голову фальшивый тезис о «народной революции». На самом деле в Москве в 90-е, и в Киеве в 2004-м, да и в Питере в 1917-м первым и главным условием перемен был предшествующий раскол элит.

Вертикаль потому и устойчива, что (в советском идеале) всегда готова чистить себя от раскольников. Но только не при Путине. У него лояльность определялась не угрозой чистки, а, наоборот, сладостью коррупционной ренты. Попытки по сталинскому следу отстранить кого-то от кормила и отправить в опалу (но при этом не уничтожать!) только усугубляют дело. Стремительно формируется и консолидируется то, что на птичьем языке политологии называется «контрэлитой».

Задача, строго говоря, не имеет решения. Если вы действительно пытаетесь воссоздать советскую модель тотального менеджмента — вам не миновать террора вверху и внизу, пулеметов на улице, цензуры, «философского парохода» и «железного занавеса». По той простой причине, что ложная система ценностей и ложная пропаганда обречены на поражение в стычке с фактами и квалифицированными экспертами. И вы — если честно — это прекрасно сознаете. Иначе зачем оттирать от выборов толковых оппонентов и вдобавок еще фальсифицировать итоги даже такой уродливой гонки?

Однако террора не хочется. Хочется, чтобы чистенько. Чтобы как у Сталина, но без расстрелов. Вот если бы они первыми начали, а мы бы только вынуждены были отвечать... Ну ради сохранения законности и порядка... Вы меня поняли, коллеги? А то что-то оппозиционеров многовато развелось.

У лузеров, цепляющихся за власть, нет иного хода, кроме как стравить меж собой различные социальные группы. И потом выступить эксклюзивной примиряющей, мобилизующей и усмиряющей силой. «Вот видите... Мы же предупреждали!» Музыка Александрова, слова Пушкина: «Правительство — единственный европеец в России». Опять-

таки прямым из советских политтехнологических корней: бесконечное очищение от внешних и внутренних врагов. Пока от богатого, разнообразного и противоречивого народа не остался один стерильно чистый скелет новой исторической общности людей... Ну и безукоризненно чистая и величественная власть над ним. Только руки и сапоги слегка в крови.

Нет, тоже не прокатит.

Вопреки Пушкину, нынешний «коллективный Путин», наследующий Сталину и Лубянке, — как раз главный азиат (главный султан) в быстро европеизирующейся Центральной России. Чуровские выборы — тому нечаянное доказательство.

Стравить хотелось бы — но это возможно в лишь в примитивной социокультурной среде, привыкшей мыслить категориями «мы» — «они». В Чечне, допустим. А в Москве — нет. Слишком пестрая космополитическая среда. Даже на Уралвагонзаводе — сильно вряд ли. Если, конечно, вдохновители протестов снизу не помогут...

Соблазн помочь снизу велик. Чем жестче и наглее власть — тем радикальнее уличный протест. Притом что налицо асимметрия ресурсов (пропагандистских в том числе), смекните, кому в большей степени на пользу растущее остервенение. В декабре—марте митинги проходили без сучка и задоринки — а в мае дошло до силовых разборок. Понятно, что организовано было властью — но интерпретационная машина пока еще у нее в руках — и вот вам объяснение: протест издыхает, его лидеры нуждаются в радикализации... Вранье, конечно. Но кто-то поверит. А кто-то испугается и больше на митинг не пойдет. А кому-то в самом деле неприятно быть мясом в чужой игре. Что и требовалось доказать...

На самом деле протест не выдыхается, а растет вширь и вглубь. Привлекает разных людей и разные методы. В том числе вынуждает приспособливаться элитные группы. Хотя медленнее, чем хочется нетерпеливым борцам. Вот здесь бы как раз и освободиться от неумного остервенения и совковой логики «кто не с нами, тот против нас».

Почему Ю. Шевчук играет на гитаре, а не размазывает свою печень по асфальту, как следует приличному человеку?! Да потому, что у Шевчука на гитаре получается эффективнее, чем у его борзого критика.

Почему отец и сын Гудковы не сдают мандаты и заседают в нелегитимной Думе, вместо того чтобы размазывать свою печень об ОМОН?! Да потому, что Гудковы со своими мандатами могут сделать чуть-чуть больше (и чуть-чуть иначе), чем удалые уличные молодцы.

Почему Кудрин—Прохоров—Чубайс хитрят и хороводятся в высоких кабинетах, вместо того чтобы каяться и размазывать свою печень с народом?! Да потому, что у них чуть-чуть (или не чуть-чуть) иные интересы и иные способы влияния на ситуацию. Им очень есть что терять, кроме

своих цепей — этим и полезны. К Кудрину, допустим, иной генерал возьмет да и прислушается. И иной бизнесмен тем более. А вот к нашей с вами печени — ох, едва ли. Чуть-чуть другая сфера компетенции.

Нет ничего проще, чем продемонстрировать непримиримость. За что отдельное спасибо бойцам номенклатурного фронта, решительно обороняющим свою вертикальную кормушку от безответственного населения.

Но буржуазную (в чистом смысле слова ГОРОДСКУЮ) революцию делают как раз те, кому есть что терять. Горожане. Бургеры. Или, по-советски, буржуазия. Не Прометей с гипертрофированной печенью, не буревестники, в профиль более похожие на гусаков, откормленных для фуа-гра, а нормальные граждане, которые трезво понимают свой буржуазный интерес и требуют не абстрактного светлого будущего, а конкретного соблюдения сегодняшних законов и прав.

Игра проста: власть, которая своими монопольными правами делиться ничуть не намерена, пытается выпихнуть протест из легитимного круга, чтобы потом передуть протестантов поодиночке. Свести дело к привычному уровню *свой* — *чужой* и логичной при таком раскладе драке. Русский — кавказец. Зажравшийся москвич — голодный челябинец. Светлый православный — мерзкий безбожник. Офисный хояк — трудовой пролетарий. ЦСКА — «Спартак»...

Протестанты, городским инстинктом чужа подвох, стремятся не поддаваться на провокации. Они понимают, что происходит умножение и сложение разных форм ЗАКОННОГО сопротивления. «Солидарность» — здесь ключевое слово. Опять-таки, не в советском смысле, как сплоченность со *своими*, а наоборот — смысле антисоветском. Солидарность с чужими, с другими, незнакомыми, — это труднее и непривычнее.

Свобода нужна всем — кроме привилегированных обитателей вертикали. Но нужна по-разному. Иначе в большом городе и не бывает. Иначе бывает лишь в казарме, в тюрьме и на кладбище: идеальных для вертикали социальных средах.

Московское брожение

«Огонек», 18.06.2012

«Ну, побродили по бульварам, — говорят умные люди. — Толку-то что?» И правда, прямого вещественного наvara нет. И вряд ли будет. Никто в отставку не подаст, в воровстве не признается и не пойдет с веригами по Руси, отмаливая избиркомовские фальсификационные грехи.

Толк сугубо косвенный, нематериальный. И, на мой взгляд, для нашей логоцентрической цивилизации самый важный. Называется социальным опытом. Хотя его от души презирают пламенные ниспровергатели режима. Зачем им?! Все и так ясно — трясти надо!

Речь не об опыте митингующих, а об опыте наблюдающих. Их больше, и они не такие пламенно-продвинутые. У них другой опыт и другое миропонимание. За это торопливые огнепоклонники называют их «быдлом», «анчоусами», «инертной массой» и прочими обидными кличками.

В самом узком и частном смысле это, например, полицейские, которые оказались на проспект Сахарова поневоле. Лишний раз убедились, что людей было заведомо больше 50 тысяч. А начальство говорит — 15. Ни одного пьяного, агрессивного или разговаривающего по-английски. Бутылок не бросают, матом не ругаются. Для бойцов, привыкших иметь дело с футбольными фанатами, странный контраст.

В более широком и общем смысле страна тоже в недоумении. Половина населения не чужда интернета, новость, как вода, дырочку найдёт. Предвзятость официального ТВ скорее подогревает, чем гасит интерес, не так уж важно, в позитивном или негативном контексте. К тому же у взрослой и мыслящей категории граждан быстро возрождается навык читать между строк и думать о том, чего не было.

Не было, в частности, контрмитингов на Поклонной. Не приехали и долгожданные мужики с «Уралвагонзавода». По телевизору разъясняли, что протест захлебывается, но на Сахарова народу было очевидно больше, чем на Арбате и на Болотной, а на щиты никто не бросался. Может, офисный хомяк, когда его специально не дразнят, к экстремизму не склонен?

Признаю, когда расходились с митинга, на душе было беспокойно. Вот где-нибудь в переулочках случайно подвернувшаяся группа спортивных молодых людей случайно сцепится с удалыми анархистами-антифашистами. И случайно оказавшиеся рядом латники анархистов по-быстрому заметут. А спортивные молодые люди, известное дело, испарятся. Этих же оставят в каталажке.

Но, слава богу, обошлось. Также важный социальный опыт: во власти есть договороспособные люди. И среди организаторов тоже. А главное — граждане на практике убедились, как просто и гнусно подобные штучки организуются. И теперь строго держат себя в руках. Десятки тысяч понимающих людей — это, доложу я вам, весьма необычное для России зрелище.

Поскольку это реальная жизнь, а не теоретические изыски, опыт осваивается быстро. Просачивается даже туда, где с умной теорией еще лет сто нечего делать. Тысячи сограждан, побывавших наблюдателями на парламентских выборах, за один день узнали об устройстве родного государства больше, чем за три семестра обществоведения.

Но, для того чтобы граждан раззадорить, подоспели обыски. Особенно удивительный у Ксении Собчак. С каких это пор у лиц, приглашенных в качестве свидетелей, стало принято проводить обыски, изы-

мать личные накопления, паспорт, подвергать дензнаки проверке на подлинность и таким образом тормозить начатый ремонт или отменять запланированные поездки? По закону предполагается, что такие меры к своим заблудшим гражданам государство может принимать лишь по решению суда и лишь с момента, когда они из статуса свидетелей перешли в статус обвиняемых.

То есть понятно, конечно, но если руководствоваться не действующими законами РФ, а классовым чутьем и революционным правосознанием.

Неужели теперь органы могут войти в дом к любому, на кого указывает их чутье, забрать паспорт и сомнительные сбережения? Допустим, нам не привыкать: честному человеку бояться нечего, правда? Жаль, конечно, что нас даром тревожили разговорами про борьбу с правовым нигилизмом. С другой стороны, бесценный опыт суверенной демократии. Если ведешь себя правильно, занимаешь активную жизненную позицию на ТВ-экране, то давай, греби со своих корпоративных мальчишников столько экономического суверенитета, сколько сможешь унести. А вот если дуришь и позиция твоя неправильная, то, прости уж, *dura lex...*

Теперь что будет дальше. Социальный опыт вещь обоюдная, но асимметричная. Власть, на практике убедившись, что московских хомяков добром в нору не загонишь, стоит на развилке: ужесточать ситуацию либо нащупывать компромисс. Прямых репрессий никто не хочет (желающих сидеть в одном вольере с Лукашенко под табличкой «последний диктатор Европы» нет). Значит, скорее всего, политика будет двуслойной. С одной стороны, будут рассказывать о «безусловной ценности эволюционного и поступательного развития», «накопленном потенциале стабильности» и «постоянном диалоге с обществом». С другой, в индивидуальном порядке разбираться с оппозиционерами. Стараюсь, впрочем, не слишком вылезать за рамки. Потому что, черт возьми, есть еще и Страсбургский суд. Это счастливчику из Минска на него плевать, а мы бумаги подписали.

Массовые митинги и массовый контроль волонтеров за избирательным процессом вынуждают власть аккуратно вести себя по двум направлениям.

Во-первых, снижать масштаб самых грубых нарушений при подсчете: население набралось опыта и уже чисто технически нельзя приписать себе необходимое число голосов. Выборы становятся не то чтобы более чистыми. Скорее, менее грязными. Об этом стали больше и разнообразнее писать. Отсюда, кстати, ощущение, что фальсификат зашкаливает. Не совсем так. Скорее, тот уровень грязи, который раньше казался приемлемым, с накоплением социального опыта вдруг стал невыносим. Частично выход на улицы и результат этого. Люди хотят

мирно обозначить пределы допустимого.

Во-вторых, учитывая эти явные перемены, политтехнологи уже прямо говорят, что осенью перед единым днем голосования партии власти придется вступать в коалиции и искать какие-то компромиссные решения с «системной» (некоторые неохотно упоминают и «внесистемную») оппозицией.

Условия компромисса, понятно, определяются в том числе и масштабом уличного брожения. Если бы манифестанты сидели по кухням и злословили — можно было бы не обращать внимания. Если бы волонтеры не прикрывали существенную часть избирательных участков — можно было бы и дальше рисовать победные сводки.

Собственно, только так и развивается реальная, а не суверенная демократия. Что у нас, что в Европе. Просто там на 100-200 лет дольше. Если смиренно сидеть на хвосте и ждать справедливости, она не придет никогда.

Как и где пробовать — вот в чем вопрос. Огнедышащим буревестникам очевидно, что надо брать почту, телеграф и вокзалы. А другим гражданам — нет, совсем не очевидно. На хрена им телеграф и что делать с почтой? Они люди не пафосные, им важнее не светлое глобальное будущее, а приземленное настоящее. Не хотят они завоевывать весь мир. В частности, потому что им уже есть что терять. И слава богу.

Люди выходят на улицу не ради светлых идеалов где-то там, далеко. А ради своих понятных интересов здесь и сегодня. Чтобы не вламывались в частное жилье, чтобы не беспредельничали на дороге, не вымогали взятки и честно считали голоса. Сам о себе не позаботишься — никто не позаботится.

Выходить на улицу с мирным протестом. И на выборы с контролем. Это законно, а значит, правильно. А что касается баррикад и революций — то это все от счастливой молодости. В счастливой молодости трудно разобраться, что тобой движет — желание решить проблему или просто зло сорвать. Зло сорвать легко, дотянувшись кулаком. Правда, и самому по дороге есть шанс неплохо огрести.

Но вне зависимости от того, кто больше огреб, проблема таким образом не решается. (Если, конечно, не считать проблемой избыток адреналина.) Все остальное в скучном взрослом мире определяется скучными шкурными интересами скучных шкурных элитных групп. На них не надавишь — не получишь. Но давить надо мирно и в рамках закона. В стране действительно есть разные силы, которых волнует одно и то же: стабильность и будущее России.

Питерский фальсификат

«Новая газета», 02.07.2012

«Чем жестче европейским центрам России будут навязывать «азиатскую» модель голосования, тем больше шансов на очередной распад государства»

«Новая газета» стояла у истоков движения гражданских наблюдателей на выборах. Она первая в декабре прошлого года взяла на себя труд и риск выдать тысяче волонтеров направления на избирательные участки. Газету не подвели — тысяча повела себя безукоризненно. На следующих выборах в марте число волонтеров выросло до 25 тысяч. И опять без проколов. Это кое-что говорит о нашем народонаселении, не так ли? Во всяком случае, о его существенной части. Снимаю шляпу перед вольным племенем волонтеров — они сделали так много и так добросовестно, как никто не ожидал. Уже одно это заставляет продолжать длинную работу с собранными материалами.

Выборы — не только политический механизм, но и зеркало. Мы сумели оценить степень его кривизны. Этого мало, но достаточно, чтобы по-новому взглянуть на перспективы.

В России есть территории, где гражданский контроль возможен и даже эффективен. А есть, где практически немислим: Дагестан, Калмыкия, Ингушетия, Тува, Чечня. И еще в некоторых регионах (не обязательно республиках) — на сельских территориях. Казань, например, или Уфа — доступны для контроля, хотя работать там труднее, чем в Москве или Питере. А татарстанское или башкирское село практически недоступно. Как и во многих русских регионах.

Максимальные показатели поддержки власти фиксируются как раз на непрозрачных территориях. Это около 20 субъектов Федерации с общей численностью избирателей порядка 12—15 млн человек (зависит от того, как считать). Примерно 15% от всего избирательного корпуса России.

Но! Избирательный корпус России на выборы ходит лениво, а эти 15% почти с абсолютной явкой. То есть среди голосующего электората доля непрозрачных территорий поднимается до 20%. Кроме того, голоса обычных избирателей расходятся по разным корзинам, а непрозрачные территории генерируют монолитный поток поддержки национального лидера. И только его. В Чечне — 99,8% за Путина. В результате в его персональной копилке доля «непрозрачных» голосов приближается уже к четверти: порядка 12 млн из суммарных 45.

На этом могучем фоне фальсификат, который удастся выловить на территориях, доступных контролю, выглядит скромно. Правда, сами территории в электоральном смысле обширнее. В Москве более 7 млн

избирателей, в Петербурге почти 4 млн, в Московской области порядка пяти. Благодаря иной социокультурной среде здесь приписки можно оценить аккуратнее. И даже им противодействовать — как 4 марта случилось в столице, где после декабрьских скандалов власть не решилась пользоваться самым простым и эффективным приемом «ночного фальсификата». В результате в Москве победа в первом туре не состоялась.

Из чего вовсе не следует, что московские выборы были абсолютно чистыми. Нет, конечно. Просто возможности жуликов были ограничены жестче обычного. Вместо вольготного «ночного фальсификата» они были вынуждены изобретать голосование «по спискам непрерывного производственного цикла». Но масштаб уже не тот!

Электоральная легитимность избранного президента в значительной степени зависит от лояльности элит «непрозрачных» территорий. Условно — Северного Кавказа. От чего зависит лояльность тамошних элит, мы с грехом пополам догадываемся.

Существующая политическая система («вертикаль») функционально заинтересована в расширении зоны электоральной непрозрачности — как это было в СССР. Проще говоря, в постепенной чеченизации России.

Беда в том, что объективный вектор урбанизации, информатизации, прошу прощения, модернизации и всякого прочего развития направлен в прямо противоположную сторону. Продвинутые и образованные территории активно сопротивляются давлению с востока. Электоральные материалы это иллюстрируют.

Частный пример. В декабре Петербург дал «Единой России» лишь 35%. В марте, с напряжением всех фальсификационных сил, выдал 59% за Путина. С огромным количеством грязи. В итоге председатель городской избирательной комиссии А.В. Гнетов уходит в отставку, а на его место приходит бывший начальник Тамбовского облгизбиркома Алексей Пучнин. В Тамбовской области за ЕР в декабре было 67% и в марте за Путина 72%. Сюжет замечателен с двух точек зрения. Во-первых, для увеличения народной поддержки меняют не городской менеджмент, а председателя избирательной комиссии. Во-вторых, налицо та самая попытка впихнуть продвинутый европейский центр в провинциальную систему ценностей. Превратить электоральный Петербург в электоральный Тамбов.

Г-н Пучнин известен тем, что при нем Тамбовская область поставила общероссийский рекорд по голосованию «на дому» — 20%. Дальше можно не объяснять?

Европейский вектор и урбанизация в итоге все равно победят. Путин и его электоральные шулеры обречены. Проблема совсем в другом. Чем жестче продвинутым европейским центрам России будет навязываться азиатская модель управления, тем сильнее будет противо-

стояние. И тем больше шансов на очередной распад единого государственного пространства в недалеком будущем.

Чем дольше сохраняется нынешняя фальсифицированная модель государственного менеджмента, тем больший груз преступлений накапливается за ее авторами. Тем страшнее им терять власть. Тем ниже вероятность мирного легального перехода полномочий к законно избранным представителям народа.

И сейчас мы расскажем о том, как социокультурная среда Петербурга сопротивляется вертикальному менеджменту.

Комитет гражданских инициатив провел в Петербурге Круглый стол «Избирательный процесс 2011—2012 гг.: оценки, выводы, предложения». Участвовали ведущие эксперты: Андрей Бузин (независимый аналитик), Оксана Дмитриева (вице-председатель думской фракции «Справедливой России»), Александра Крыленкова («Наблюдатели Санкт-Петербурга»), Лилия Шибанова и Аркадий Любарев (ассоциация «ГОЛОС»), многие другие. Вел дискуссию руководитель комитета Алексей Кудрин. Вот самые яркие выжимки.

Фантомные участки

К. Страхов, депутат муниципального совета Финляндского округа Санкт-Петербурга, изложил модернизированную технологию фальсификации с помощью «фантомных участков».

По официальным данным, в сравнении с декабрьскими выборами в Госдуму, Питер к 4 марта разбогател на 204 тысячи избирателей. При пересчете на год — прирост 816 тыс. человек. Теперь в практическом разрезе. По Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав...» избирательные участки (если речь не о полярных станциях, кораблях и пр.) формируются не позднее чем за 45 дней до голосования. Тем не менее городская избирательная комиссия за 5 (прописью: пять) дней до выборов публикует решение:

Санкт-Петербургская избирательная комиссия

Решение

28 февраля 2012 года № 143-б

О сроках образования избирательных участков по месту временного пребывания избирателей

В связи с обращениями территориальных избирательных комиссий № № 1, 2, 3, 5, 7, 8, 11, 13, 14, 16, 17, 21, 22, 24, 27, 30 <...> Санкт-Петербургская избирательная комиссия р е ш и л а :

1. Согласовать территориальным избирательным комиссиям <...> образование в срок до 29 февраля 2012 года избирательных участков в следующих местах временного пребывания избирателей: 442-й Окружной военный клинический госпиталь, Аэровокзал Пулково-1, ГБУЗ «Санкт-Петербургский клинический научно-практический центр», ГУЗ «Санаторий «Белые ночи», ГУПРЭП Строитель, ДОК «Ясень», ООО «ЖКС № 1 Калининского района», ООО «ЖКС № 2 Калининского района», ООО «ЖКС № 3 Калининского района», ЗАО «Норд-Овощ», ЗАО «Племенной завод «Приневское», ЗАО «Полюстровский рынок», ЗАО «ЭВЭК», Клиника Военно-медицинской академии, Клиническая инфекционная больница им. Боткина, КЦ «Питер», Невское РСУ, ОАО «Арнаут», ОАО «Балтийский завод», ОАО «Газаппарат», ОАО «Завод металлоконструкций», ОАО «ЗАРЯ», ОАО «Звезда», ОАО «Ижорские заводы», ОАО «Кировский завод», ОАО «КЛИМОВ», ОАО «Красный октябрь», ОАО «ЛМЗ им. Либкнехта», ОАО «Морской порт СПб», ОАО «Октябрьский электровагоноремонтный завод», ОАО «ОТИС Лифт», ОАО «Петролеспорт», ОАО «Петроход», ОАО «ПНК им. Кирова», ОАО «Пролетарский завод», ОАО «Силовые машины», Общежитие БГТУ «Военмех», ООО «Гигант-Холл», ООО «ДТО», ООО «ЖКС № 1 Адмиралтейского района», ООО «ЖКС № 2 Адмиралтейского района», ООО «Инком», ООО «К-2», ООО «Концерн «Питер», ООО «Невский строительный альянс», ООО «Охта-Сервис», ООО «Пионер-строй», ООО «Промсервис», ООО «Самтрест-СПб», ООО «Сантехстрой», ООО «Спецпроект», ООО «ЭСТ», ООО ДЦ «Арктур», ООО ХК «Пигмент», ОП «Водопад», ОП «СКАТ», Психиатрическая больница Св. Николая Чудотворца, СПб ГУ ДСП «Купчинское», СПб ГУДП Центр, СПб ГУЗ «Городская больница № 28», СПб ГУЗ «Городская Мариинская больница», СПб ГУЗ «Николаевская больница», СПб ГУП «Горэлектротранс», СПб ж/д узел Октябрьской железной дороги (Московский), ТК «Варшавский экспресс», ТК «ПИК», ФГУП «Администрация Морского порта СПб», ЦКФ ВМФ, ЦНИИ РТК.

2. Поручить территориальным избирательным комиссиям <...> обеспечить возможность доступа на указанные участки лиц, которые имеют право находиться на избирательных участках в соответствии с законом. <...>

Председатель
Санкт-Петербургской
избирательной комиссии

А.В. Гнетов

Секретарь Санкт-Петербургской
избирательной комиссии

Н.В. Шубина

В списках действительно найдется десяток удаленных участков с мизерной численностью избирателей. Но минимум 69 экстренно учрежденных УИК располагаются прямо в городе. ООО «Охта-сервис», ЗАО «Племенной завод «Приневское», ООО «Троицкий рынок»... Почему минимум? Потому что не все адреса и телефоны были опубликованы в срок. Контролерам удалось поймать за хвост (хотя бы на бумаге) лишь 69.

Раз есть новые участки (в декабре было 1852, в марте стало 1937), значит, есть и прикрепленные к ним дополнительные избиратели.

Теперь картинки К. Страхова.

Временным участкам были присвоены резервные номера после 1940-го. Для УИК № 1963 в тот же день выделили целых два часа, чтобы участники и пресса могли зарегистрировать наблюдателей. Дело нехитрое: к обеду проведаль, что появился новый участок, по-быстрому собрал штаб, выписал направление — и вперед. И зачем только закон на такую ерунду предусматривает месяц?! Прискакал на Б. Озерную, 100, а там тебе вежливо говорят: документик-то с изъяном! Запятая не на месте и печать косая. Извини, брат, придется вернуться, внести коррективы. А когда? А до 20.00.

На случай, если какая-то хитрая сволочь все же успеет, 29 февраля были выпущены дополнительные предупреждения.

Теперь мышь не проскочит, не то что наблюдатель. Предупредить начальство за три дня невозможно: 3 марта — суббота, нерабочий день. Тем более согласовать с охраной.

И все у них получилось. И с результатами полный порядок. Особенно хороши УИК № 1968 и 1972. Не потому, что процент высок, а потому, что по закону на одном избирательном участке в пределах РФ не может быть зарегистрировано более 3000 избирателей. В сумме на таких УИК, по официальным данным, было зарегистрировано 104 835 избирателей. Чуть более половины питерского «демографического взрыва». За В.В. Путина на них проголосовали 100 432 человека — 95,8%.

«Ночной фальсификат»

Однако остается вторая половина «взрыва». Разъяснение дает другое исследование на основе волонтерских данных проекта «Сводный протокол» «Лиги избирателей».

На начало июня волонтеры представили на сайте «Сводного протокола» отчеты о голосовании на 465 участках Санкт-Петербурга. Четверть от общего городского числа. Среди этих протоколов в 75 случаях (16% выборки) обнаружены существенные расхождения между первичными результатами, зафиксированными наблюдателями, и данными, представленными ГАС «Выборы». Речь о так называемом «ночном фальсификате», когда итоги переписываются перед вводом в автоматизированную систему. В Москве, кстати, такого практически не было —

и официальный результат В.В. Путина там получился 47%. Но в Питере, на родине президента, подобного допустить не могли. Поэтому переписывали каждый седьмой протокол (16%).

Приписка везде в пользу одного и того же кандидата (ну-ка, дети, скажите хором, как его зовут?). Она складывается из двух составляющих. Первая — раздувание числа голосующих. По первичным данным выборки, в голосовании участвовало на 7870 человек меньше, чем показывает ГАС «Выборы». Весь приварок, естественно, всплывает в копилке кандидата № 5, известного так же, как Путин В.В. В пересчете на городскую совокупность это примерно 49 200 голосов. Вот вам еще четверть петербургского «демографического взрыва». Суммируя данные о фантомных участках с данными «ночного фальсификата», получаем 154 тысячи мертвых душ. Которые монолитно поддержали президента.

Остается отыскать еще примерно 50 тыс. беспризорников. Большая часть из них скрывается среди 90 477 избирателей, которые, если верить официальным данным, проголосовали «вне помещений для голосования». Проконтролировать домашнее голосование практически невозможно. Вышли ненадолго два специально обученных человека с урной, вернулись — а в ней полно бюллетеней. И все на удивление одинаковые... Подлый коэффициент корреляции свидетельствует: чем больше народу голосовало дома, тем выше результат В.В. Путина.

Но лишние избиратели, оказывается, не самая важная часть «ночного фальсификата». В рамках выборки у В.В. Путина прибавилась 21 062 голоса. Из них лишь 7870 за счет раздувания списка. Остальные 13 192 вульгарно отняты у конкурентов. В частности, М.Д. Прохоров по первичным протоколам имел 20 622 голоса, а после ночной коррекции — лишь 13 278. Остальные откочевали в пятую графу. Ну и еще по две-три тысячи от Зюганова, Миронова да Жириновского — чтобы никому не обидно. Итого: прибавка В.В. Путина составила 81 600 голосов.

По выборке «Сводного протокола», там, где удалось отсечь «ночной фальсификат», реальный результат В. Путина составил 49,3%. Примерно как в Москве.

Трудности метода

На Круглом столе впервые удалось всерьез сопоставить разные методы оценки фальсификата. Например, выборочный: берем под общественный контроль побольше участков, обеспечиваем на них максимально честный счет, а потом суммируем, что вышло. Но есть и другие способы. Вычленение фантомных участков, чем занимался К. Страхов. Детальная разборка голосования на дому. Сравнение итогов на обычных участках и там, где подсчет велся с помощью сканеров.

Один из самых строгих с формальной точки зрения — анализ распределения ВСЕХ официальных данных и выявление аномалий с по-

мощью теории вероятностей и математической статистики.

В этом направлении дальше всех продвинулись физики Андрей Бузин и Сергей Шпилькин — каждый по-своему отталкиваясь от классического метода Собянина—Суховольского, который впервые формализовал связь необычно высокой явки с необычно высоким процентом поддержки «кого надо».

Но вот что странно: в рамках этих методик оценка фальсификата всегда выходит на несколько пунктов меньше, чем на основе выборочного наблюдения. Что за чертовщина?

И только имея перед глазами данные «Сводного протокола» и график С. Шпилькина (у А. Бузина он близок по сути), понимаешь, в чем дело.

Выборка «Сводного протокола» свидетельствует: на реально существовавших участках Питера 49,2 тыс. голосов Путину приписали за счет раздувания явки. Кривая Шпилькина или Бузина этот вброс добросовестно зафиксирует. Она же учтет приписку явки и результата на фантомных участках. Однако те 81,6 тыс. голосов, которые, судя по «Сводному протоколу», были украдены у конкурентов, она учесть технически не может. Потому что на показателях явки эта манипуляция никак не отразилась. Явка осталась прежней.

Вот пример одного из 75 участков с ночным исправлением протоколов. Он хорош наивной наглядностью.

Санкт-Петербург, 4 марта 2012 г., ТИК № 2, УИК № 109.

Председатель УИК: **Вилков Кирилл Александрович.**

Наблюдатель, представивший первичные данные: **Колотов Сергей Михайлович.**

Ловкость рук и никакого «мошательства». У Путина было 39,6%, стало 69,0%, у Прохорова было 34,9% — стало 17,4%, у Зюганова — 12,5% и 5,1%.

Как удачно сформулировал на Круглом столе А. Любарев, который вовсе даже не математик, а специалист по электоральной юриспруденции: «Метод Шпилькина фиксирует вброс голосов, но не может фиксировать их переброс». В смысле, перераспределение между кандидатами.

Поскольку жулики используют оба механизма (плюс еще кое-что по мелочи, кто во что горазд), интегральная оценка питерского фальсификата возрастает.

За счет игр с мертвыми душами к результату В.В. Путина приписано порядка 200 тыс. голосов (примерно на эту величину прибавилось избирателей между декабрем и мартом). Плюс еще 81,6 тыс. за счет переброса. **Итого: из питерского урожая президента в 1403,8 тыс. голосов минимум 280 тыс. фальшивые.**

При пересчете на проценты с учетом исправленной явки (она теперь на 200 тыс. меньше официальной) выходит, что из 2188 тыс. реально голосовавших петербуржцев В.В. Путина поддержали не более 1123 тыс. —

51,3%. Вместо чуровских 58,8%. Это оценка сверху, потому что в ней еще скрыто дневное воровство по мелочи, где-то в пределах 1—3 процентных пунктов.

Результат совпадает с ОФИЦИАЛЬНЫМИ данными по питерским «условно чистым» участкам, где наблюдателями «Сводного протокола» не было отмечено явных нарушений: там в сумме выходит 51,4%. Хорошее совпадение и с ранее приведенными данными по 75 участкам, где нарушения были, но наблюдатели сумели их отсеять и представить первичные результаты: 49,3%.

Итак, 4 марта в Петербурге настоящий результат В.В. Путина составлял 50 плюс-минус 1—2%. Вряд ли более, но, возможно, менее. Весьма неплохо для любого рационального политика. Но не факт, что достаточно для победы в первом туре. Итог по-своему логичный: Петербург, вторая столица России, становится на второе место с конца вслед за Москвой (официально 47%, по данным независимого наблюдения — 45%).

При подготовке материала использованы сведения из личного блога автора на сайте echo.msk.ru

Город, выбирающий себя

«Огонек», 23.07.2012

Выборы чем хороши? Совсем не результатом, который в России был непредсказуем лишь лет 10 из последних 100. И не интригой. А тем, что отражают рейтинг самоуважения граждан и территорий. Своего рода зеркало. Да, кривоватое. Как раз о степени кривизны и речь.

Если на выборах президента РФ в Чечне выходит 99,8 процента — вопросов нет. Чечня же! Вежливо обходим стороной. На другом конце шкалы Москва (47 процентов) и Калининградская область (52,6 процента). Чувствуете, как отражается социокультурная география? В стране есть своя условная «Азия» и своя условная «Европа». Не случайно лечить болезненно-европеизированную Москву предлагалось переливанием здоровой народной крови с «Уралвагонзавода». Если всмотреться в электоральные отражения пристальней, увидим, что в Калининграде официальный результат был как в Москве — 47 процентов. Областной показатель перетянули через 50 процентов исключительно за счет местной глубинки и воинских частей.

Любой власти наводить порядок в Калининграде следует осторожно. Уже пробовали. Оказалось себе дороже. Крутой губернатор Боос исчез, на его месте появился более сдержанный Цуканов. Наверно, поэтому и голоса в Калининграде считают осторожнее, чем на Северном Кавказе. И получают результат в два раза меньше. 14 октября в Калининграде

состоятся выборы мэра. Руководство волнуется: небось, не Хасавюрт.

Страна Россия очень разнообразна. А многим хотелось бы ее видеть одинаковой, что по-человечески понятно. То есть одинаково податливой простым методам управления. Примерно как на Кавказе. Но разнообразие сопротивляется. И здесь принципиальная развилка: либо самой власти меняться и приспособливаться к требованиям усложняющегося общества; либо, наоборот, общество обстругивать и укорачивать, чтобы вписалось в удобный стандарт.

Так вот, в Калининградской области последние год-два по необходимости применялась в основном первая модель. А в Чечне и некоторых прочих республиках — в основном вторая. Сейчас мы приблизились к точке перелома. Если и дальше так жить, то страна будет испытывать растущее напряжение на разрыв. Не столько со стороны Северного Кавказа (о чем мы привыкли думать с 90-х годов), а, наоборот, со стороны Калининграда, Москвы и Питера. Которым как-то душновато и тесновато становится под грузом ценностей «Уралвагонзавода» и Хасавюрта.

А как быть федеральному начальству, тоже разорваться? Объективно сложная политическая задача, если понимать, что вертикаль — день вчерашний. Калининград — одна из тестовых точек. Удастся здесь сработать по-старому — следующей будет Москва, где в 2014 году выборы Мосгордумы, а в 2015-м — мэра.

Напуганная нарастанием митингов-забастовок в 2009-2010 годах, калининградская власть после неудачных попыток демонстрировать жесткость была вынуждена пойти на компромисс. Организаторов и участников митингов винтила полиция, но — вот на что следовало бы обратить внимание — потом оправдывали в судах. Местные СМИ отказывались выполнять указания администрации, у них в эфире несколько раз выступал организатор протестных акций Константин Дорошок. Избирательные комиссии честно считали голоса — за отдельными исключениями, само собой.

Это и называется — сопротивление социокультурной среды. Странно! Но где и возможно, как не в Калининграде, где трудно отыскать человека, хотя бы раз не побывавшего в «большой Европе». Им не надо ничего особенно объяснять — они все сами видели. Понимают, что судья должен честно судить, журналист честно писать, а член избирательной комиссии честно считать голоса.

Тогда все будет в порядке. Московское начальство (в то время зампред Госдумы, член ЕР Владимир Пехтин) для начала заявит, что все акции протеста проплачены из-за рубежа. А потом (в калининградском случае это был общенациональный лидер ЕР) Владимир Путин скажет, что областному руководству следует грамотно работать с людьми, признавать ошибки и вовремя их исправлять...

Конкретно на выборах 4 марта Калининград выглядел весьма достойно. Наблюдателей с участков не выгоняли. Копии первичных протоколов на руки волонтерам выдавали удивительно легко и столько, сколько требовалось, без видимых нарушений. Перед вводом в ГАС «Выборы» данные не исправляли. Среди 28 отчетов, представленных на сайте Лиги избирателей www.svodnyprotokol.ru, нет ни одного, где были бы зафиксированы значимые расхождения первичных протоколов с официальными данными.

Более того, почти нет привычных для других регионов (включая Москву) косвенных признаков: голосование на дому, за отдельными исключениями, не более 2 процентов. Досрочное голосование — почти всегда ноль. По открепительным талонам тоже немного. Сообщений о списках с так называемых производств непрерывного производственного цикла практически нет.

То есть считали честно. Значит, все-таки можем!

Хотя как посмотреть. В среднем на дому голосуют 10-20 избирателей с каждого участка. Редко более 30. Обычно 1-2 процента от общего числа. Но вот, например, на участке N 297 в Центральной ТИК Калининграда на дому проголосовал сразу 131 избиратель. В 4-5 раз больше, чем у соседей. И протокол почему-то составлен 6 марта — на сутки позже других.

Ну и что? Да, собственно, ничего. В жизни всякое бывает. Но поскольку не Чечня все-таки, коллеги все понимают. Это и называется: социокультурный фон. Самое интересное, что все равно участок N 297 показал результат лишь 46 процентов. Без голосования на дому получилось бы 40-42 процента. Так стоило ли?

То ли дело в Тамбовской области, где дома проголосовали целых 20 процентов граждан. История поучительна тем, что молодого и подающего большие надежды главу облизбиркома Тамбовской области, который сумел так здорово все организовать, в июле перебрасывают на руководство избирательной комиссией Санкт-Петербурга.

В некотором смысле тоже десант с «Уралвагонзавода». Из электорального Питера попытаются сделать электоральный Тамбов. С целью оздоровления общественно-политической атмосферы и повышения надоев.

Исключительно с этой же точки зрения для «большой России» интересны выборы городского главы Калининграда. Вообще говоря, исключительно частное дело горожан, их прессы, их судов и избирательных комиссий. Но в Москве переживают: слабое звено.

Нынешний мэр Александр Ярошук и новый губернатор Николай Цуканов, понятное дело, конфликтуют. Хотя оба члены политической партии «Единая Россия». Конфликт чисто объективный. Так устроена жизнь, что люди, экономика и налоговая база концентрируются в го-

родах. Особенно — в региональных центрах. Города, вполне естественно, хотят оставить в своем бюджете больше денег. Поскольку они их произвели. А губернатор-то наоборот, хочет у городов побольше забрать и размазать по всей областной территории. Раз есть что делить, значит, есть почва для конфликта.

Отсюда понятно: губернатору как человеку вертикали в местной столице нужен мэр потише и попослушней. Так что борьба будет ничуть не партийной, а чисто системной. Один слой региональной элиты схлестнется с другим. И нечего по этому случаю лицемерить в большевистском стиле: мол, буржуазная демократия — это такая штука, которая позволяет трудящимся раз в несколько лет решать, кто именно из враждебного класса будет их угнетать.

В альтернативных политических моделях мнением трудящихся вообще не особо интересуются: проголосовал единогласно и вали отсюда. Считать партийную номенклатуру выразителем интересов рабочих и крестьян — не меньшая натяжка, чем считать мэра, губернатора или президента отцом родным, кормильцем и заступником. Суть дела в одном: голоса считают честно или как всегда?

Если честно — не так уж важно, кто конкретно победит. Потому что честные выборы означают, что достаточно честно (в смысле независимо) работают суд, пресса и политические партии. Так или иначе, развернуть свою начальническую психологию на все 120 процентов они победителю не позволят.

А вот если выборы нечестные — тогда беда.

Пока в Калининграде прошло целых четыре цикла внутрипартийного отбора лучших кандидатов. То, что «Единая Россия» назвала красивым русским словом «праймериз». Понятно, с большим преимуществом победил действующий мэр Ярошук. А вот кто ему станет соперником — неясно. Как и то, какие ресурсы ему за собой удастся объединить. Партийные метки здесь дело последнее. Когда речь об интересах бюрократии и бизнеса, люди готовы ради победы или укрепления своих позиций натянуть майку любой команды с любой надписью. Так что очень даже может быть, что главным оппонентом мэру-единороссу станет кто-нибудь из левых (коммунист, например). Но при этом за его спиной будет стоять и беспартийный бизнес, и команда партийных бюрократов из той же «Единой России», которым надо во что бы то ни стало валить Ярошука...

Все это нормально. Но главное: удастся ли Калининградской области сохранить ту самостоятельность и чувство собственного достоинства, которые она завоевала два года назад? Это очень важно для всей остальной России — как пример для подражания. Будут честные выборы — будет и инструмент для будущего исправления возможных кадровых ошибок.

А нет — так и суда нет. Живи как в Узбекистане. Многим нравится.

Я думаю, попытка все проделать по-старому состоится. Но не удастся. Город свой интерес понимает и умеет его отстаивать, не обращая внимания на партийные бренды и пафосную риторику. Убрать пошлины на ввоз автомобилей, снизить налоги, облегчить визовый режим, остановить рост тарифов и цены на бензин — повестка дня абсолютно аполитичная. Политической ее делает механизм реализации. Если Москва навстречу не пойдет — получит рост антимосковских настроений. Так что лучше слишком не гопничать и на город Иммануила Канта с растопыренными пальцами не наезжать.

Глубинное бурление

«Огонек», 08.10.2012

В пяти областях (Амурской, Белгородской, Брянской, Новгородской, Рязанской) выбирают губернаторов. В шести регионах — депутатов региональных парламентов (Северная Осетия, Удмуртия, Краснодарский край, Пензенская, Саратовская, Сахалинская области). Огромное количество мэров, в том числе в Калининграде и Химках. Несколько городских дум — от Владивостока и Петропавловска-Камчатского на Дальнем Востоке до Черкесска на Северном Кавказе.

Куда столько? Тем более уже в третий раз, если считать декабрьские выборы Госдумы и мартовские президента. Нет, мы понимаем, что страна самая большая в мире, но есть же пределы... Может быть, на то и расчет? Чем больше точек приложения, тем труднее альтернативным силам успеть в каждой. Чем ленивей избиратель голосует, тем проще начальству. Народ, известное дело, слеп и склонен поддаваться дьявольским искушениям. Без руководящей и направляющей силы может ошибиться. Начальник же, как известно, всегда прав. Таков наш геополитический национальный код, о защите которого с таким напором говорит начальство в последнее время. Не забудьте: «Нет власти, аще не от Бога!»

Тут, однако, противоречие. Если уж совсем-совсем код, то выборов вообще не надо. Как в Узбекистане, Туркмении, КНДР или в бывшем СССР. Если же код-код, но все-таки еще немного и от Европы тоже, то начальству приходится изобретать решения разной степени промежуточности. 4800 голосований за раз — отличная находка. Но чувства глубокого удовлетворения пока не приносит. За всеми, черт побери, не уследишь даже в условиях вертикали.

За что люблю Россию — так это за то, что всегда сумеет самое умное начальственное изобретение вывернуть наизнанку через известное место и каким-то загадочным способом обратить себе на пользу, на-

чальству в насмешку. Если, конечно, речь не о прямых репрессиях: их не вывернешь. А выборы очень даже получается.

Поскольку за каждой мелочью уследить из Москвы действительно невозможно, приходится передоверять процесс более мелкому начальству на местах. И — раз речь об отсутствии прямых репрессий — создавать для него институциональную среду, которая мотивирует нижнее начальство демонстрировать лояльность. Чтобы остаться при власти, изволь обеспечить правильные результаты голосования. Тебе поручено — вот и валяй, проявляй активную жизненную позицию. Не все же для себя. Иной раз надо и для Родины потрудиться. В смысле — для вертикали.

Поскольку низовое начальство взрощено по тем же самым культурным канонам, что и вся прочая Россия, активная жизненная позиция проявляется в стремлении протиснуться через извилистую щель между необходимостью выполнить приказ сверху, острым нежеланием перетруждаться и соблюдением какого-то минимума базовых приличий. Как при взгляде вверх, так и при взгляде вниз. Представления о *базовых приличиях* заметно различаются в разных регионах нашей необъятной Родины. Поэтому даже при полном сходстве экономических устремлений регионального начальства выборы в Северной Осетии или Чечне всегда будут сильно отличаться от выборов в Ярославле или Рязанской области.

Чего в принципе не могло быть в СССР, где все начальство ходило по ниточке, легко переходящей в колючую проволоку. И потому везде обеспечивало ровнехонько 99,8 процента. Которые сегодня дают основания хранителям национального кода хлопать себя по коленке и восклицать: «Ведь была же у нас в недавнем прошлом такая новая историческая общность людей — советский народ!» Понятное дело, была. И как единодушно голосовала! Не говоря про бурные продолжительные аплодисменты. Однако к ней в придачу на складе Истории непременно выдают еще и мобилизационный ошейник из колючей проволоки. С красивым красным бубенчиком под названием «партбилет». Не столько даже для народа (он вообще считается за расходный материал), сколько для среднего и низшего руководства.

В СССР такая система выдачи благ называлась «купить в нагрузку». Поскольку начальству ошейник категорически не нравится, оно пытается матушку Историю надуть, прикупив кило-другое национального кода вкуче с «бурными продолжительными», но колючую проволоку, положенную в нагрузку, забыв на прилавке. Наивные надежды.

В результате этих многомудрых ухищрений региональные голосования, в теории призванные обеспечивать монолитность и сплоченность, на практике потихоньку-полегоньку приводят к чему-то прямо противоположному.

Вертикалестроение, если кто помнит, начиналось с отмены губернаторских выборов. Во имя победы над терроризмом. Не то чтобы мы уж прямо так победили терроризм, но выборы приходится возвращать. Отнюдь не из-за протестов прогрессивной общественности, как многие в самообольщении думают, но из чисто прагматической надобности. Местным начальникам, наряду с бесконечной любовью к вертикали, все-таки следовало добавить чуть-чуть связи с населением. А то центральные назначенцы, полностью выполняя нормативы по количеству прогибов перед Москвой, явно недорабатывали в смысле функционального общения с влиятельными местными аборигенами. Из-за чего в регионах систематически искрило и потряхивало.

Выборы все-таки самый адекватный механизм поиска баланса политических интересов между разными группами — кого? Не избирателей, конечно. Это ж вам не Англия. Между разными группами региональных элит. Пусть, как умеют, меж собой договариваются, и кто кого круче нагнет, тот и будет царем горы. Для Москвы важно, чтобы он сознавал и публично признавал свою зависимость. В иные времена это символически закреплялось выдачей ярлыка на княжение. Сегодня — приемом любого сумевшего показать свою силу регионала в ряды «Единой России». На худой конец в ряды другой системной партии, которой Москва позволяет играть в электоральную демократию на просторах Родины.

Например, во всех пяти регионах с губернаторскими выборами благополучно зарегистрированы кандидаты от ЛДПР. Потому что «правильные пацаны». А от «Справедливой России» зарегистрирован только один кандидат. Остальные не смогли собрать подписей. А нечего было Гудкову выпендриваться! В другой раз пусть подумает об ответственности перед коллективом.

Со стороны глядя, не самая глупая политика. Может, даже единственно возможная, если перед тобой стоит задача объединить и держать в едином кулаке такие разные в социокультурном отношении регионы, как Питер — Москва и Чечня — Дагестан. Запасные ключи от местной власти в виде «президентского фильтра», в виде федеральных дотаций (кто плохо себя ведет, на сладкое может не рассчитывать) и от многого другого надежно спрятаны в Кремле. А раз так — пусть себе выбирают и выбирают!

Получается по-настоящему интересно. При внешней унылости и однообразии электорального ландшафта под безжизненной серой поверхностью бушуют вулканические страсти. И порой даже выплескиваются через край.

С губернаторскими выборами все очевидно в Белгородской области, где матерый Евгений Савченко уверенно заходит уже на шестой срок. Помнится, совсем недавно один из президентов нам рассказывал, что третий срок для губернатора — нечто экстраординарное; четвертый во-

обще исключительное. Но куда денешься, если он все так удачно разровнял, взял под контроль и договорился, что альтернативы просто физически не существует. Савченко по-своему очень даже популярен на Белгородчине. Хотя в этой популярности есть нечто от Лукашенко. Но территорию держит надежно. А раз так, от добра добра не ищут, старый конь борозды не портит и т.д. Контроль настолько полный, что Белгородская область позволила себе поставить самый низкий в стране «муниципальный фильтр». Для регистрации кандидату в губернаторы достаточно набрать лишь 5 процентов подписей у депутатов.

Аналогичный случай в Амурской области. Хотя здесь губернатор Олег Кожемяко молод и идет лишь на второй срок. Но тоже все выстроил четко. Настолько, что позволяет себе держать порог «фильтра» на уровне 7 процентов и регистрировать кандидатами представителей всех думских партий. Все равно близких по весу противников нет, отчего бы не позволить? Не догонят, так хоть согреются.

У Сергея Митина в Новгородской области дела похуже. Поэтому область закономерно дает пример не самых изящных, но зато отработанных предвыборных пируэтов. На думских выборах в декабре здесь удачно выступили справедливороссы и коммунисты, в сумме взявшие почти 50 процентов голосов. У ЕР, представителем которой идет губернатор, получилось всего 35 процентов. При этом он лучше всех знает, с каким трудом эти 35 процентов натягивались.

Поэтому так уж получилось, что перед губернаторскими выборами как раз кандидатам от СР и КПрФ — надо же! — не удалось собрать необходимого количества муниципальных подписей. И «фильтр» заблаговременно был поднят до максимума: 10 процентов. На примере скандального снятия своего кандидата в Новгородской области КПрФ подаст в Конституционный суд иск о проверке законности самой идеи «фильтров» на выборах. Но победа Митина в отсутствие реальных оппонентов выглядит весьма вероятной.

Две самые остро пахнущие истории подарили Брянская и Рязанская области. На Брянщине полиция не вовремя обнаружила, что губернатор Николай Денин выделил 21,8 млн казенных рублей для восстановления после пожара такого важного народнохозяйственного объекта, как птицефабрика «Снежка». Оно бы и ничего, коль скоро народнохозяйственный объект действительно сильно пострадал. Беда в том, что до своего продвижения в губернаторы господин Денин был хозяином этой фабрики. А после продвижения оставил ее акции, как это принято, жене и племяннице. Ну как не порадовать родному производству?!

Брянская версия московской «Интеко», которой, если помните, руководил (по отзыву московского мэра-губернатора Лужкова) молодой талантливый бизнесмен Елена Батурина. Бывшая по совместительству его супругой.

Авторитет губернатора Денина и брянской ЕР в таких невыносимых условиях пошатнулся настолько, что пришлось скорее снимать с регистрации наиболее опасного соперника — эсера Вячеслава Рудникова. А то неровен час проиграешь. У него забраковали 17 подписей. А тем временем прозевали рывок молодого бизнесмена от КПРФ, депутата Госдумы Вадима Потомского, который быстро сумел раскрутить себя в глазах избирателей. Снимать его уже поздно, и если изгнанный из гонки Рудников сможет договориться с Потомским о поддержке, то в области вполне может разгореться серьезное соперничество между теряющим популярность единокоросом и набирающим популярность коммунистом.

Дело может кончиться вторым туром, что для Денина практически равносильно поражению. Здесь вступает в действие строго статистический закон: если действующий губернатор не смог победить в первом туре, то во втором его шансы не более чем 25:75. Все свои ресурсы он и так уже собрал в первом туре, больше брать негде; его оппонент, напротив, может рассчитывать, что вокруг объединятся голоса тех, кто в первом туре был против губернатора.

Ситуация близка к критической. И конечно, на помощь поспешил Чип-энд-Дейл из центра. Государственная дума внезапно озаботилась чистотой бизнеса коммуниста Потомского и даже поставила вопрос о его удалении из числа депутатов. Подобно Гудкову. Интересно, избиратель в Брянске уловит эту нехитрую связь с выборами?

Что касается Рязани, то здесь имущественных скандалов не было, но зато был политический — с расколом «Единой России». Летом прошли партийные праймериз, которые, как считалось, выиграл заместитель секретаря областной парторганизации Сергей Сальников. Тоже, кстати, бизнесмен не из последних. Но победителем был признан действующий губернатор Олег Ковалев. Сальников оскорбился и решил выдвигаться помимо родной партии. Примкнул вместе со своим капиталом и влиянием к другому популярному лидеру — Игорю Морозову из «Патриотов России». Их тандем начал быстро отбирать очки у губернатора.

В Кремле вовремя хватились и одновременно попытались а) надавить на Морозова и б) оказать информационную поддержку Ковалеву. Вторая задача была решена телевизионной встречей губернатора Рязанской области с президентом. Многие в Рязани рассматривают это как доказательство влияния Ковалева. Действительно, не с каждым губернатором Путин встречается за два месяца до выборов. Хотя бы и совсем по другим поводам. Например, выслушать рязанскую мать-героиню с трогательно написанными на ладони тезисами выступления.

Первую задачу решили, предложив Морозову место в Совете Федерации — в обмен на отказ баллотироваться. Что и было зафиксировано ровно за месяц до дня голосования — 14 сентября.

Так что на финишную прямую действующий губернатор Рязанской области выходит с рядом мелких оппонентов, вместо того чтобы спорить с одним большим. Ценой пока стал рост напряженности внутри областной ЕР. Люди писали письма, массово прекращали членство или исключались.

В общем, действуют прагматично. Спасибо, пока обходятся без репрессий. Тоже из вполне эгоистичных соображений: кто начнет, тот же раньше или позже и получит. Смысл же исторического прогресса, на мой неискушенный взгляд, заключается только в том, что начинает поджимать тот самый лимит «базовых приличий», ограничивающий бюрократов снизу, со стороны населения.

Все больше сограждан ворочают нос и говорят про себя: «Неужели нельзя вести себя поприличнее? Ну, меру-то надо все-таки знать».

Да откуда ж ее знать, дорогие соотечественники? Мера — это как раз вы-то и есть. Покуда глотаете — значит все в порядке. Как перестанете — вот, стало быть, она и нашлась, мера-то. Мера — это порог терпимости общественной среды. Дрянная вещь демократия, но лучше все равно ничего пока не изобрели.

Кратковременное явление народа

«Новая газета», 15.10.2012

За период между парламентскими и президентскими выборами население Петербурга выросло на 204 тысячи человек. А всего через три месяца — на столько же и сократилось

В № 72 от 2 июля «Новая» опубликовала скандальный материал Дмитрия Орешкина «Питерский фальсификат». В нем рассказывалось о «мертвых душах», о фантомных участках и прочих административных фокусах, которые в ходе мартовских выборов президента РФ принесли В. Путину в Санкт-Петербурге значительное количество дополнительных, не заработанных им голосов. «Новая газета» в официальном запросе в Генпрокуратуру потребовала провести проверку по факту появления 204 тысяч новых жителей Санкт-Петербурга и их последующего бесследного исчезновения. Недавно мы получили ответ из питерской прокуратуры, который передали для комментария Дмитрию Орешкину и его соавтору Владимиру Козлову. Вот их комментарий.

В таких случаях говорят, что письмо Прокуратуры Санкт-Петербурга оставляет неоднозначное впечатление. Но сейчас не тот случай: впечатление вполне однозначное.

Начнем с самого простого. Любому нормальному человеку ясно, что если число избирателей на президентских выборах в марте стало на 204

тысячи больше, чем на думских выборах в декабре, то с избирательной статистикой что-то не так. Такой прирост за три месяца означает, что или темп роста городского населения составляет более миллиона человек в год (прибавка 800 тыс. взрослых избирателей подразумевает еще минимум 300 тыс. детей — ибо взрослые люди обычно имеют семьи). При общей численности горожан около 5 млн., темпы роста заведомо невероятные. Или (что более вероятно) мы имеем дело с примером зурядного мухлежа, более известного как приписки.

Прокуратуру попросили разобраться. Она разобралась. Установлено — пишет и.о. начальника по надзору за соблюдением прав и свобод гражданина, юрист 1 класса Е.В. Костерина, — что 04.12.2011 число избирателей составило 3645378 человек. А 04.03.2012 — 3849426 человек. На 204048 человек больше.

Спасибо, что установили: мужики-то и не знали. Куда уж нам, сивопалапым, догадаться без помощи прокуратуры зайти на сайт Горизбиркома и «установить». Вопрос-то был в другом: откуда эти 204 тысячи вдруг взялись в городе на Неве. А вот откуда — объясняет Е.В. Костерина. Во-первых, в результате уточнения сведений; во-вторых, благодаря включению в список избирателей, зарегистрированных по месту жительства во вновь построенных многоквартирных домах.

Еще раз спасибо. Однако два вопроса: что, все въехавшие в новые дома до того не были жителями Петербурга и, следовательно, избирателями? Все сплошь «понаехавшие»? Об этом, видимо, прокуратура не задумалась. Хотя именно это и следовало бы, на наш скромный взгляд, «установить». Второе. В письме губернатора СПб Г.С. Полтавченко на имя Председателя Центризбиркома В.Е. Чурова от 16 августа 2012 г. по аналогичному вопросу разъясняется, что на 1 июля 2012 г. (через неполных четыре месяца после президентских выборов) численность избирателей в городе составляет 3646034 человека. То есть, если калькулятор не врет, на 203392 человека меньше, чем в момент голосования.

Вот, собственно, что и хотелось бы «установить»: как так вышло, что с декабря по март число избирателей в городе выросло на 204 тысячи, а потом с марта по июль опять упало на 203 тысячи?

Видать, жители вновь построенных многоквартирных домов все поголовно вернулись, откуда приехали? А может, «сведения» вдруг уточнились в обратную сторону. Или это все-таки была массивированная приписка с целью увеличения голосов за В.В.Путина?

Молчит птица-прокуратура. Не дает ответа. В строгом соответствии с национальным культурным кодом. Куда мчишься ты, юрист 1 класса? Туда же, куда электоральная администрация с забубенной головушкой В.Е. Чурова, наш самый справедливый суд, губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко и сам президент РФ Путин Владимир Владимирович, избранный сплоченным голосованием жителей новых много-

квартирных домов.

А пора бы остановиться, оглянуться. Речь о доверии к государству, в конце концов.

Теперь о «фантомных участках». В результате расследования прокуратуры установлено, что решением городской избирательной комиссии от 28.02.2012 г. (менее чем за неделю до выборов) было образовано 66 избирательных участков в местах временного пребывания избирателей. Еще раз спасибо — именно об этом и говорили наблюдатели. Прокуратура также установила, что 28-29 февраля были «сформированы территориальные избирательные комиссии в местах временного пребывания избирателей и на предприятиях с непрерывным циклом работы». Тут, похоже, у них ошибочка: сформированы не территориальные, а участковые комиссии, рангом пониже. Ну, да это мелочи. Вопрос в другом: как, например, на участке № 1963 по адресу Б. Озерная, 100, решение о создании которого было принято 28 февраля, можно обеспечить положенный по закону общественный контроль, если Территориальная комиссия № 14 (как следует из официального извещения на сайте городской администрации), «принимает предложения по формированию участковой избирательной комиссии участка № 163 28 февраля с 18-00 до 20-00»?

Возможно ли физически в тот же день, когда принято решение о создании участка, всего за два часа успеть выдвинуть и зарегистрировать от имени официальных кандидатов членов участковой комиссии с правом решающего или совещательного голоса? Разве это не насмешка над духом и буквой закона, который предусматривает на формирование нормальных избирательных комиссий несколько недель?

Вот что установила по этому поводу Е.В. Костерина: «Избирательный участок №1963 был образован ТИК №14 на территории ООО «Пионер-Строй», сведения об его образовании и приеме предложений в состав участковой избирательной комиссии было размещено, в том числе на официальном портале администрации Санкт-Петербурга».

Еще раз спасибо. Именно с портала администрации Санкт-Петербурга наблюдатели и взяли скандальное сообщение о том, что комиссию надлежало сформировать за два часа, причем в день, когда было объявлено об ее учреждении. А ведь дело не в одном участке. Такие же зубодробительные ограничения были установлены для участка № 1977 и многих других из упоминавшихся 66 «в местах временного пребывания избирателей». Уточним: «временных избирателей», — судя по тому, как они дружно исчезли к 1 июля.

Чтобы расставить все точки над чем надо, 29 февраля на сайте той же городской администрации заботливо размещена информация ТИК №14 о правилах доступа к новым избирательным участкам. Касательно злополучного участка № 1963 они таковы. Извините за стиль:

«В соответствии с приказами генерального директора ООО «Аксиома» Махнова А.Л... и директора ООО «Пионер-Строй» Макарова Д.В... «О порядке допуска на производственную территорию по адресу: СПб, Большая Озерная улица, д. 100 (далее Объект) в выходные и праздничные дни в 2012 году», в целях обеспечения безопасного режима работы предприятия и наличием существенных материальных ценностей на Объекте установлен следующий пропускной режим в выходные и праздничные дни 2012 года:

Для посещения территории Объекта... необходимо подать заявление на имя директора Общества в срок не менее чем за 3 (три) дня до предполагаемого посещения... На основании полученных заявлений, директор Общества составляет список... лиц, которым разрешен допуск... с перечислением фамилий... даты и времени разрешенного доступа. Список подлежит обязательному согласованию с начальником охраны не позднее, чем за 2 (два) рабочих дня до предполагаемого посещения. Запретить доступ любых лиц... не указанных в утвержденном списке».

Переводим на русский. Информация размещена на сайте 29 февраля. До выборов остается 2 (два) рабочих дня — четверг и пятница. Наблюдатели, журналисты и вся прочая сомнительная публика (включая нежелательных членов избирательных комиссий, буде те все-таки успеют зарегистрироваться за 2 часа), технически не успевают проникнуть в помещение по адресу Б.Озерная, д. 100, где будет твориться таинство суверенной электоральной демократии.

Примерно то же самое по остальным 66 фантомным участкам города, учрежденным 28 февраля. Но прокуратуре, понятное дело, не до этого. Как и не до того, почему вдруг места временного пребывания избирателей и «непрерывный производственный цикл» образовались на таких предприятиях как «ЖКС Калининского района» (в трех экземплярах — №1, №2 и №3), «ЗАО Норд-Овощ», «ЗАО Племенной завод «Приневское», «ЗАО Полюстровский рынок», «ОАО Ижорские заводы», «ОАО Кировский завод», «ООО Троицкий рынок» и многие другие, где в прежние времена избиратели благополучно голосовали как все нормальные люди, по месту жительства.

Возможно, причина станет понятней, если принять к сведению суммарный итог голосования по всем спешно организованным 28 февраля новым участкам. (На самом деле их было минимум 69 — не все уместились в опубликованный список). Всего, по официальным данным, на них проголосовали — вежливо не берем это слово в кавычки — 104835 избирателей. Из них 100432 — за Путина В.В. Итого — 95.8%.

И еще порядка 100 тыс., судя по выборке, обнародованной Лигой избирателей на сайте Svodnyprotokol.ru было добавлено В.В. Путину в процессе ночного переписывания протоколов уже после окончания голосо-

вания. Вот и выходят в сумме те 204 тысячи избирателей, неожиданным десантом высадившихся в Петербурге в марте. Ну, и еще плюс, само собой, мелкое жульничество с досрочным голосованием и переброской голосов Путину от Прохорова, Зюганова и Жириновского, которая, понятно, на численности голосовавших никак не отражается.

Итого из примерно 1400 тыс. питерских голосов за Путина приписанными оказываются минимум 250 тыс. А прокуратура — ну что прокуратура: составная часть путинского государства, которому граждане верят все меньше и меньше. К сожалению, есть за что.

Вот так понемногу и разрушаются устои. Строго по советским лекалам. Но виноват, понятное дело, окажется Госдеп. Не Чуров же и не юрист 1 класса Костерина. Они же просто честно выполняют свой долг перед вертикалью, не правда ли?

Лень выборов

«Огонек», 22.10.2012

14 октября показало, что, похоже, про выборы уже никому не интересно. И про депутатов, губернаторов. Вообще, про политику. «У них там своя свадьба, у нас своя». Первый и самый очевидный итог — низкая явка. Настолько, что радостные сообщения о реванше «Единой России» за декабрьский конфуз блекнут перед статистикой. Максимальный прирост партия показала на выборах в городскую думу Барнаула — плюс 20 процентов. Но если учесть явку в 20,5 процента, то выходит, что в натуральном выражении 4 декабря за ЕР проголосовала 81 тысяча городских избирателей, а 14 октября — лишь 53 тысячи. Если и реванш, то не слишком убедительный.

Понятно, что чем меньше народу придет голосовать, тем выше доля так называемого управляемого электората. Бюджетники, пребывающие на коротком поводке у начальства, военнослужащие, пенсионеры, работники крупных предприятий, которых выводят на выборы под персональную ответственность руководства, пациенты больниц... Обеспечить правильное проставление галочки с такого рода контингентом проще, чем с «вольным» городским избирателем, который сам себе голова. Пусть сидят дома и занимаются критикой на кухнях. Любимый национальный спорт.

В результате процент выходит отличный, но реальная поддержка падает. Ну и черт с ней, с реальной поддержкой! Последняя препона — порог обязательной явки — уже устранена. Он (порог) и раньше был скромненький — 25 процентов, а сейчас и того не стало. Иначе, к примеру, в том же Барнауле выборы не состоялись бы. Не говоря уже о Владивостоке (явка 13,1 процента), Петропавловске-Камчатском (16,7 про-

цента), Каменске-Уральском (17,6 процента), Калининграде (20,6 процента) и некоторых других вполне ничего себе городах и районах.

Раз люди не поднялись и не добрели до участка — значит, жить можно. «Очень весомое подтверждение доверия граждан...» Так себе, конечно, логика, но другой нам не предлагают. Да мы и не просим. Живем помаленьку с той самой местной властью во взаимном нейтралитете, вроде надоевших супругов в разных углах квартиры. Стабильно. Не разводиться же. А жить потом где?

Вопрос, в сущности, один: что в таком случае происходит с квартирой. Ремонт делать неохота. И так сойдет. Обои полопались, у холодильника дверца веревочкой прихвачена. Зато по телевизору все нормально.

Из интересного стоит отметить, что все партии так называемой системной оппозиции в октябре ослабили позиции. А иначе и быть не могло! По закону Ломоносова — Лавуазье, если в замкнутой системе где чего прибыло, то в другом месте непременно того же самого должно столько же убыть. Более всего убыло у ЛДПР — что характерно, самой ласкательной из всех оппозиций. В региональные парламенты жириновцам удалось пропихнуть кандидатов лишь в двух случаях из шести. На выборах в горсоветы они набрали проходной балл в четырех случаях из семи возможных. Не густо. Раньше было покруче.

Губернаторы и партии

Не слишком популярный губернатор Брянской области Николай Денин перед выборами испытывал явные трудности с консолидацией электората. В связи с чем двум его оппонентам — яблочнику Андрею Пономареву (не путать с Ильей, тот из «Справедливой России») и жириновцу Михаилу Марченко было по-хорошему предложено снять свои кандидатуры. Как говорят политтехнологи, от такого рода высокого предложения отказываться не принято. Но ведь надо еще уметь красиво уйти! ЛДПР ушла красиво. Владимир Жириновский не поленился лично выступить и объяснить, что партия мужественно снимает своего кандидата в пользу действующего губернатора Денина. Чтобы, не дай бог, в Брянске (в краю партизанской славы) дорожку к власти не проторили коммунисты.

А «Яблоко» стало кочевряжиться. Сергей Митрохин запретил Пономареву сниматься: мол, стыдно предавать своих брянских избирателей и уступать неприкрытому давлению! Ну что за тягомотина, разве ж так можно? Все это давно не в моде. Вроде умный человек, опытный политик. А что в результате? Ничего хорошего. Пономарев все равно снялся (против лома нет приема), партия его предала анафеме и исключила: изыди, нечистый дух; теперь, поскольку его вес резко упал (кто отныне Пономарев без организации и без статуса?), ему не удалось даже вытор-

говать себе приличного отступного. Сиди теперь, жди, что перепадет от милости победившего губернатора. Бедняга.

То ли дело ЛДПР! И суток не прошло, а «Интерфакс» со ссылкой на свои источники уже передает, что красиво ушедшему кандидату Марченко предложен в Совете Федерации пост сенатора от Брянской области. Как все интеллигентные люди из ЛДПР, первым делом он, конечно, стал отнекиваться: да он о назначении не слышал, да ему только из СМИ стало известно... Хотя, конечно, почтет за честь поработать с новым губернатором в одной команде.

Понятно, Жириновского тоже не обидят. Не мог же он, опытный боец, за просто так выставить однопартийца патриотом по вызову.

В Рязанской области главный конкурент губернатора Игорь Морозов тоже вовремя внял голосу разума из Москвы и сошел с дистанции. И — вот чудеса! — тоже сенатор. Хороший коллектив там, в сенате, подбирается.

Правда, в отличие от Брянска на Рязанщине в дураках остались не избиратели ЛДПР, а избиратели «Патриотов России», во имя которых Морозов вел избирательную кампанию. Да какая, в сущности, разница? И те, и другие большие государственники. Их не надо учить жертвовать своими частными интересами ради сплочения номенклатуры.

Но все-таки любопытно, что дадут бывшим яблочникам Андрею Пономареву в Брянске и Игорю Белоусову в Химках. Оба снялись в пользу действующего начальника (один — губернатора, другой — мэра); оба легко проигнорировали прямой запрет партии. Не думаю, что дадут много. Что-нибудь в ранге вице-чего-нибудь или замминистра местного значения.

Партии и думы

«Яблоко» жалко. По всему видно, партия перестала быть кадровым лифтом. А значит, увы, утратила интерес для амбициозных натур. Амбициозные натуры утомились в ожидании. Побежали, побежали на берег шустрые серенькие млекопитающие. Значит, в трюме дыра. И то сказать: среди всех партийных выборов только в Ярославле партия сумела набрать 5,03 процента и пройти в городской совет (думу).

В этом смысле у восстановленного РПР-ПАРНАСА дела получше: формально те же мизерные 5,4 процента (в Барнауле, где еще помнят Владимира Рыжкова), но смотрится как первый скромный успех после выхода из продолжительной комы. У «Яблока», скорее, наоборот — как предпоследняя ступенька перед погружением в кому.

Самое печальное, что схожие чувства вызывают и прочие системные партии. «Справедливая Россия», левая нога власти, после того как ее долго и с удовольствием топтала правая нога, ощутила на своей шкуре все прелести управляемой демократии. Кандидатов от партии с помощью муниципального фильтра снимали (сами уйти не согласи-

лись — и это кое-чего стоит!) в четырех из пяти регионов, где партия хотела потягаться за место губернатора.

Что касается выборов по партийным спискам в региональные и городские законодательные собрания, то и здесь похвастать особенно нечем. Декабрьский синдром, когда избиратель искал СР в бюллетене по принципу «за любую наименее неприятную партию», утратил силу. Не потому что прежние избиратели к октябрю уж так сильно разочаровались в «Справедливой России», а потому что на сей раз они на выборы элементарно не пошли. А какой смысл? Гори оно все огнем.

Мало кто об этом говорит, а ведь правда: высокие проценты у ЕР получились не от того, что на участках оказался почти исключительно ее электорат. Электорату других партий было неинтересно.

КПРФ, как всегда, вечно вторая. Но с относительно более низкими результатами: даже ее верный и отмобилизованный еще с советских времен избиратель поленился привстать с дивана, чтобы внести свой скромный вклад в классовую борьбу. ЛДПР тоже почти практически везде отступила. Про СР и «Яблоко» уже сказано... Публичная политика все явственней припахивает осетриной второй свежести.

Железнодорожная фантазия

«Новая газета», 05.12.2012

Призыв В.В. Путина совершить модернизационный прорыв по образцу 30-х годов зажег сердца неподдельным энтузиазмом. Сразу вспомнилось, как пять лет назад на Съезде железнодорожников он уже призывал к прорыву. Правда, на основе дореволюционного опыта. «Говоря прямо, — заявил он тогда, — стране необходим новый импульс развития железнодорожной отрасли, сопоставимый со стремительным развитием российских железных дорог на рубеже XIX—XX веков...» С тех пор прошла пятилетка. И В.В. Путин решил сменить легенду. С царем не вышло, попробуем с Генеральным секретарем. Совсем плохи, значит, дела. Тогда он мог хотя бы правильно поставить задачу, пусть без надежды на решение. При трех последних царях дороги действительно строились быстро и хорошо — благодаря привлечению частного бизнеса на основе концессий. РЖД — будучи монополией — таких темпов добиться не может, хотя прошло 100 лет и строительные технологии рванули вперед с небывалой силой. Тут все просто: либо модернизация, либо кооператив «Озеро» и вертикаль. В общем, сегодня уже приходится апеллировать к сталинским открытиям в менеджменте. То есть маскировать печальную реальность вдохновляющим враньем. Последуем же импульсу В.В. Путина и рассмотрим итоги сталинского прорыва на конкретном примере железнодорожного строительства.

Уважая страдания патриотов, умученных Госдепом, базовые расчеты строим на официальных советских данных.

В справочнике «СССР в цифрах» за 1957 г. указано, что эксплуатационная длина железных дорог царской России в 1913 году составляла 58,5 тыс. км. А в СССР к 1956 г. уже 120,7 тыс. км (данных на год смерти Сталина нет). Прирост более чем вдвое за 40 с небольшим лет. Это много или мало?

Обратимся к труду В. Ильина (*позже известен как Николай, затем Владимир Ленин*) «Развитие капитализма в России». В восьмой главе («Образование внутреннего рынка») автор с партийной прямоотой указывает, что за 25 лет, с 1865 по 1890 г., железнодорожная сеть России выросла в 7 раз. Круче, чем в Англии, где аналогичный рывок занял 30 лет и обеспечил лишь шестикратный прирост. Правда, слабее, чем в Германии. Но в любом случае пореформенная Россия заведомо входит в число мировых лидеров по темпам развития транспортной инфраструктуры.

С 1865 по 1875 г., как следует из этой замечательной книги, русский капитализм, которому реформы Александра II развязали руки, строит железные дороги со средней скоростью 1,5 тыс. км в год. С начала 90-х уже около 2,5 тыс. км в год. К концу XIX века годовой прирост достигает 3 тыс. км. Референты верно подсказали президенту Путину момент, на который следует равняться: вот бы РЖД достичь показателей рубежа позапрошлого и прошлого веков! Быстро развивалась урбанизация, рос объем грузо- и пассажироперевозок, торговли, промышленного производства. Марксист В. Ильин добросовестно отмечает «*истинно американские*» темпы роста тогдашней России.

В начале XX в., уже после выхода книги, наступает интересная пауза, одной из причин которой были переживания государя императора и его правительства из-за слишком быстрорастущей экономической мощи буржуазии и ее политического влияния. Капиталу, видите ли, требуются свободы и гарантии. Конституцию ему подай, как в Европе! Того и гляди, начнут раскачивать лодку и рядиться с самодержцем о правах!

Монархия инстинктивно склоняется не к экономическому, а политико-идеологическому выбору. Рост притормозить; страну подморозить; развитие разменять на упрочение устоев. Транспортный каркас ощутил разворот в казенном направлении быстро и больно.

9 мая 1913 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли представляет официальный доклад по вопросам коренного улучшения транспорта за подписью члена Государственного совета Н. Авдакова и управляющего делами барона Г. Майделя. Доклад констатирует, что дорожная сеть опасно отстала от роста населения и хозяйства, в связи с чем нагрузка на нее (*в пудо-верстах*) за последние 10 лет возросла на 84,6%. Дальнейший рост экономики требует к 1920 г. увеличить протя-

женность сети до 110 000 верст. Это, в свою очередь, означает необходимость вводить по 5000 с лишним верст пути в течение 8 лет. Там же недвусмысленно сказано про «искусственный тормоз развития» из-за стремления правительства взять процесс под монопольный контроль: *«Если дело пойдет так и дальше, то мы, очевидно, не справимся со всеми грузами, которые будут предъявляться к перевозке, и страна, естественно, будет охвачена кризисом, тем более тяжелым, что он будет вызван искусственно... Несмотря на то что частная инициатива затрачивает огромные суммы на производство изысканий, самое удовлетворение ходатайств о сооружении дорог дается чрезвычайно скупо... Правительство в этом деле действует крайне вяло, а это угрожает насущнейшим интересам страны».*

На языке цифр дело выглядело так. К 1910 г. железнодорожная сеть России общей протяженностью 62 422 версты включала 42 502 версты казенных дорог и 19 920 верст частных. Легко пересчитать в километры: верста равна 1,067 км. Итого на 1910 г.: 66,6 тыс. км. Расхождение с данными советского справочника (там на 1913 г. указано 58,5 тыс. км) объясняется просто. Составители в предисловии тихонько оговариваются, что *«цифры за 1913 г. <...> приводятся по территории в границах СССР до 17 сентября 1939 г.»* Типичное советское жульничество: выходит, что рельсы (да и прочие экономические достижения) в Западной Украине и Белоруссии, в Бессарабии и трех республиках Прибалтики при царе как бы отсутствовали. А при Сталине (в 1939 г.) как бы вдруг появились. Пусть-чок, а несколько тысяч км таким нехитрым маневром советская статистика у царя-батюшки стырила и себе приписала.

По данным Авдакова, который ссылается на официальные материалы МПС, в 1913 г. казна проектирует на ближайшие годы строительство всего 9000 верст пути. Тогда как частные предприниматели за свой счет уже вложились в изыскания и проектирование 50 200 дополнительных верст. Что с гарантией покрывает обозначенный в докладе дефицит сети к 1920 г. Однако правительство не хочет, не может допустить, чтобы более половины железных дорог России оказались в руках частных. Пусть рост будет в 5 раз меньше, но зато свой, казенный...

Такой вот непростой выбор. Простите за краткий правый уклон в несоветские данные: исключительно чтобы обозначить тогдашние приоритеты и понять, почему перед Первой мировой войной истинно американские темпы роста сети вдруг иссякли.

Вскоре у нас случается пролетарская революция. А в Америке, с ее темпами, не случается. Поэтому рельсы там продолжают класть быстро и много. Но лишь до тех пор, пока не выяснилось, что большегрузный автомобильный транспорт эффективнее. После чего там происходит революция автобанов.

А у нас не происходит. У нас разворачивается борьба против эксплуатации человека человеком, за прогрессивное плановое хозяйство при

более высокой производительности труда в интересах пролетариата и крестьянства. На транспортной инфраструктуре это отразилось самым прискорбным образом.

С первых дней народная власть уделяет железным дорогам максимум внимания. С 1917 по 1923 г. она сменила 8 наркомов путей сообщения. Из самых известных — Л.Б. Красин, Л.Д. Троцкий и Ф.Э. Дзержинский. Тов. Ленин тоже помогал изо всех сил. Написал замечательную статью из жизни тружеников депо про пользу бесплатного труда «Великий почин». Последовательно истреблял квалифицированных железнодорожников из «Викжеля» — крупнейшего дореволюционного профсоюза, который по старой привычке пытался отстаивать интересы рабочих (а надо было — интересы рабочей власти; почувствуйте разницу). Чудаковатый «Викжель» требовал для путейцев нормальной платы за нормальный труд вместо продвижения в их массы идей «Великого почина».

С производительностью труда — даром, что освобожденного, — у большевиков категорически не ладилось. Какие там 5000 верст новых путей в год?! Заставить бы функционировать то, что построено до революции. «Транспорт висит на волоске»; «Не допустить паралича ж/д транспорта»; «Положение с транспортом отчаянное. Для спасения нужны меры поистине героические и революционные» — типичные ленинские резолюции тех победоносных лет.

Уж героические Лев Давыдович с Феликсом Эдмундовичем стреляли-стреляли волынщиков, саботажников и дезертиров трудового фронта! И Владимир Ильич поддерживал их тихим, не злым словом: мол, мало стреляете, товарищи. И все равно: тянут-потянут — вытянуть не могут. Пять лет, десять лет — а воз и ныне там.

Пришлось впрягаться лично тов. Сталину. В том же характерном для вертикалистов режиме ручного управления. Только уже без мягкотелости, присущей кисейным барышням Троцкому и Дзержинскому. 19 сентября 1931 г. тов. Сталин пишет тов. Кагановичу: «Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего — желдор-транспорт... Пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевицки издевающихся над постановлениями ЦК и сующих кругом разлагающий скептицизм, постановления ЦК будут клясть под сукно. Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт».

Вот это правильно! Партия неустанно заботится о желдортранспорте вот уже 14 лет. Самое время спастись от разлагающего скептицизма. В остальном ничего нового: как в 1918 г. требовали разгромить и пресечь, так и в 1931 г. требуют. Хотя последнего из крупных царских транспортников, Ивана фон Мекка, имевшего неосторожность из патриотических соображений остаться в России, расстреляли еще в 1929 г. Теперь, значит, настала пора разбираться уже со своими, партийными.

Самовлюбленные транспортные бюрократы, понятно, были уничтожены и заменены верными людьми из ЧК. Точнее — из ТОГПУ, транспортного отдела ГПУ. То было начало индустриального прорыва, который так понравился В.В. Путину.

Но каков суммарный итог этой самоотверженной деятельности?

Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 г., по данным советского справочника, — 1,4 тыс. км. Благодаря революции, коллективизации, индустриализации и централизации железная дорога под личным контролем Вождя съехала на темпы роста, немного уступающие эпохе Александра II (1865—1875 гг.). По В.И. Ленину, тогда выходило 1,5 тыс. км в год.

Хотя тов. Сталин демонстрировал чудеса эффективного менеджмента. Вот письмо В.М. Молотову от 22 сентября 1930 г., за год до того, как выяснилось, что в транспорте сидит шайка самовлюбленных бюрократов:

«Плохо дело обстоит с Уралом. Миллионы руды лежат у рудников, а вывезти ее не на чем. Нет рельс для проведения подъездных и внутризаводских веток — в этом вся беда. Почему нельзя было бы приостановить на год новое железнодорожное строительство где-либо на Украине или в другом месте (подчеркнуто Сталиным) и, освободив рельсы верст на 200—300, отдать их немедленно Уралу?»

Понятно, что Америке в голову не приходило освобождать рельсы где-либо в Канзасе для ударной переброски в Калифорнию. Подобные проблемы как-то сами собой решались частным бизнесом. А правительство занималось чем-то другим. Не исключено, что более важным.

В отличие от загнивающей Америки тов. Сталин не искал легких путей. И России не позволял. В лучшие годы индустриализации с 1928 г. (76,9 тыс. км) по 1940 г. (106,1 тыс. км) средний темп прироста ж/д сети в СССР составляет 2,4 тыс. км в год. Слабее, чем за 30—40 лет до того, на рубеже веков. Похуже, чем в начале 1890-х, когда Николай Александрович Романов начинал свое скорбное царствование. Хотя лучше, чем в последние 10 лет романовской эпохи, когда царь-батюшка пытался заменить частные инвестиции государственными с целью укрепления самодержавной вертикали.

Если же учесть фокус с тысячами км дореволюционной сети, приписанных Сталину советской статистикой после 1939 г., то железнодорожный прорыв 30-х годов на фоне XIX века выглядит просто жалко.

Может, желаете данные периода «быстро послевоенного восстановления народного хозяйства»? Будьте любезны: с 1945 (112,9 тыс. км) по 1956 г. (120,7 тыс. км) сеть прирастала со скоростью 0,7 тыс. км в год. Вдвое медленнее, чем в счастливые времена после поражения России в Крымской войне и отмены крепостного права.

Можно сказать и по-другому. Благодаря чуткому руководству ВКП(б) во главе с эффективным менеджером к 1945 г. СССР наконец достиг раз-

меров ж/д сети, которые в 1913 г. были намечены Советом съездов представителей промышленности и торговли на 1920-й.

Для справки. За 20 лет, с 1970 по 1990 год, в РСФСР прирост сети составил 24 тыс. км. В среднем по 1,2 тыс. в год. Включая эпопею БАМа. Т.е. темпов пореформенной России достичь так и не удалось. Оставляем за скобками очевидные соображения о технологическом прогрессе, который, вообще говоря, должен был бы за четыре поколения обеспечить некоторое ускорение ввода.

Если бы сталинский СССР смог удержать планку хотя бы на уровне Александра III (куда уж до обозначенного В.В. Путиным «рубежа XIX—XX веков!»), Россия к моменту смерти Вождя имела бы бонус в 40—50 тыс. км «сверхплановой» инфраструктуры.

Однако не имеет. Зато досыта победного гула и жужжания про успехи индустриализации. Хорошая доза бодрящего патриотического вранья — как раз то, что нужно государственной галере, когда она шаркает по дну.

Коррупция — это наша нетленная отечественная духовность

«Новая газета», 17.12.2012

Полпред в СКФО г-н Хлопонин выступил с оценкой задолженности федерального округа за газ и электричество. В сумме набежало 60 млрд рублей, около 2 млрд долларов. Так вот, полпред Хлопонин удивляется: конечные потребители округа оплачивают счета на 80%, а до производителя доходит ноль. Где-то по дороге нарушается закон Ломоносова—Лавуазье.

Действительно, странная вещь. Иностранцы на своем языке провокационно называли бы это коррупцией. Но мы-то знаем, что на Северном Кавказе давно наведен Конституционный Порядок (на днях в честь юбилея зарезали полковника милиции), — так что коррупции там быть никак не может.

С другой стороны, схема слишком напоминает наведение порядка в Приднестровье. Там интересы мира и социализма более 20 лет охраняли патриоты из спецслужб и оборонки — Владимир Антюфеев (под именем Вадима Шевцова, прославившийся вооруженной борьбой за советскую власть в Латвии) и Игорь Смирнов. В итоге прогрессивный Тирасполь накопил перед Россией долг по газу в 3,5 млрд долларов. И вы знаете, что интересно: конечные потребители тоже добросовестно платили. (А поди не заплати, если газ крышует генерал Антюфеев со своими пацанами.) Стало быть, деньги, как и в СКФО, исчезали где-то

выше этажом. Ближе к крыше. Ситуацию отчасти проясняет тот факт, что президентом тираспольского Газпромбанка, долгое время собиравшего газомые платежи, была невестка президента-патриота Марина Смирнова. Невестка — это жена сына, если кто не знает...

Как заметил еще Пушкин, бывают странные сближенья. Люди высокой духовности, осененные патриотической традицией, тянутся друг к другу. А уж к госбюджету тем более. А.А. Проханов, помню, восклицал в пламенных предвыборных передовицах: «Смирнов, побеждай!» И тот побеждал, естественно. Благо за соблюдением законности и порядка на выборах следил опять-таки генерал МГБ Антюфеев.

Короче, сейчас их всех сильно разыскивают наши бдительные правоохранительные органы. Не за газ, конечно, а за хищение более мелких сумм, выданных Россией Приднестровью на приобретение гуманитарной помощи для благоденствующего под их режимом населения. Там мелочь, что-то в общей сложности под 200 млн рублей. И еще кое-какая скромная уголовка. Ничуть не напоминающая операции Комитета внешних связей петербургской мэрии в начале 90-х, когда там тоже куда-то делась гуманитарная помощь. Действительно, ничего общего...

Словом, ищут пожарные, ищет милиция, ищет Счетная палата (ее шеф — сам бывший пожарный, так что ему не привыкать). И не могут найти. Хотя СМИ пишут, что дружная семья патриотов Смирновых живет в Крыму, где у нее накоплено немало престижной недвижимости.

Но не можем же мы, нарушая законность, вытаскивать их из суверенной Украины?! Это вам не левак Развозжаев, у которого, говорят, было аж 1,5 тысячи долларов на подрыв государственных устоев. То солидные, уважаемые люди. Державники. А ну как рассказывать начнут и даже фамилии вспомнят?!

Нет, их точно не найдут.

Характерно, что тем временем новый патриот России Дмитрий Рогозин настаивает, чтобы украденные приднестровскими соратниками деньги нам вернула Молдавия. Вот это смело! Не Антюфеев же, неподкупный генерал, всю жизнь положивший на защиту номенклатурных идеалов, будет возвращать. Еще 20 лет назад его по уголовному обвинению объявили в международный розыск сначала в Латвии. Подумай, кого-то там поубивал. С кем не бывает в горячке классовых боев. Затем в Молдавии. Тоже облыжно. Потом — медленно, но все же скорее, чем членов «списка Магнитского», — сделали персоной нон грата в Европе.

Помнится, покойный генерал Александр Лебедь в прямом эфире федерального телевидения в лицо назвал г-на Антюфеева гестаповцем — вместе с его Министерством госбезопасности. Лебедь служил в 14-й армии и имел возможность вплотную наблюдать процесс защиты нетлен-

ных патриотических ценностей. Включая нелегальную торговлю оружием, крышевание трансграничной контрабанды и наркотрафика. Все то, чем еще в советские времена в мировом масштабе занимались наши спецслужбы в рамках обостряющейся борьбы за светлое будущее.

Эх, вот быть бы г-ну Антюфееву, подобно г-ну Луговому, депутатом Госдумы! Чтобы В. Бурматову и другим юношам родом из «Молодой Гвардии» было с кого делать большую и яркую жизнь.

Собственно, невестка президента ПМР Марина Смирнова уже пыталась избираться в российскую Думу. Но у мадам оказалось три гражданства — как и положено настоящему патриоту, работающему с государственной казной. Не пустили бедняжку в депутаты, проявили бездушие и формализм.

Зато генерал приднестровского МГБ Антюфеев стал в России профессором Академии военных наук. У него и диссертация есть. Не хуже, чем у Бурматова.

Россия действительно поднимается с колен. Что ни вор или жулик — то непременно обладатель ученого звания или член специально созданной для этого политической партии. Так что ничего плохого с этими уважаемыми гражданами не будет. Они ж все наши родные, лубянская соль земли русской. При чем здесь вообще какая-то ихняя иностранная коррупция, если речь идет о нашей отечественной нетленной духовности?

Мы же наблюдаем очевидный прогресс: просто заурядных уголовников, без идеологической нагрузки, — в стране почти не осталось.

Самозащитники Отечества

«Огонек», 28.01.2013

18 января губернатор Краснодарского края Александр Ткачев на отчетном сборе Кубанского казачьего войска высоко оценил опыт охраны общественного порядка казацкими дружинами. Официальный сайт краевой администрации разъясняет: они эффективны и пользуются доверием людей. Ими уже пресечено более 170 преступлений и 30 тысяч административных правонарушений.

— И мы, и люди уже убедились в правильности такого решения, — подчеркнул губернатор. — Поэтому в ближайшее время мы удвоим количество казаков-дружинников и обеспечим их травматическим оружием.

Там же, на сборе, господин Ткачев дал общую оценку политической ситуации:

— Год начался с попыток оппозиции раскатать лодку и завершился глубоким осознанием того, что потрясения России не нужны, — под-

черкнул глава края. — Мы знаем цену стабильности, и когда по всей стране прокатилась бесовская волна, казаки выступили единым фронтом и сделали главный выбор — «За веру, Кубань и Отечество!».

Несмотря на патриотическое обрамление, идея с травматикой не понравилась начальнику ГУ МВД по Южному федеральному округу генерал-майору полиции Николаю Симакову. «Я считаю, что это ошибочно... Да, общественность должна участвовать в охране общественного порядка, но пусть участвует рядом с сотрудниками полиции», — цитирует его «РИА Новости». Генерал напомнил, что в РФ применять оружие имеют право только полицейские и сотрудники спецслужб; вооружение же казачьих дружин чревато проблемами. По закону полномочия дружинников сводятся к тому, чтобы потребовать прекратить правонарушения; при необходимости — проверить документы и доставить нарушителя в полицию.

За этой историей маячит сразу несколько сюжетов.

Во-первых, губернатор — хочет он того или нет — де-факто признает, что полиция в крае не справляется со своими функциями. Раз требуется помощь.

Во-вторых, он создает собственную силовую структуру регионального уровня. Общественники общественниками, но весь 2012 год речь шла о муниципальной казачьей милиции на профессиональной основе, для поддержания которой, по сообщениям СМИ, предполагается выделить 650 млн рублей из краевого бюджета. Исходя из средней зарплаты дружинника в 20-25 тысяч рублей.

Неизбежно вспоминается сюжет с майором Евсюковым. После стрельбы в супермаркете «Остров» власть заверила общественность, что с 2011 года вся милиция будет переведена на финансирование из федерального бюджета. То есть проблема, с ее точки зрения, была в наличии второго, неподконтрольного вертикали канала финансирования через муниципальную (в случае Евсюкова — лужковскую) казну. Вот сделаем один канал — и все станет хорошо.

Так, после теракта в Беслане отменили выборы губернаторов. И всем сразу полегло. Сейчас, правда, полегоныку сдают назад.

Неужели губернатор Ткачев так прост, что устремился в осужденную высшим руководством лужковскую колею, не подумав о возможных последствиях? Нет, впечатления простака он не производит. Чтобы избежать подобных нехороших ассоциаций, казачьих «милиционеров» к концу года и переименовали в «дружинников». Но суть события не изменилась: Москва со всеми ее административными и силовыми ресурсами не в силах обеспечить порядок в регионе, где через год будут Игры. Хочешь не хочешь, а приходится делегировать полномочия на места.

Российская власть (в широком смысле слова), наигравшись со сказкой про великий могучий федеральный центр, объективным ходом со-

бытий принуждается к пересмотру системы отношений с регионами. Не оттого, что кому-то так хочется, а оттого, что иначе не выходит. Вот и генерал Симаков все душой против альтернативных охранников (кому из генералов понравится вторжение в сферу его компетенции?). Но придется смириться.

Третий сюжет, просвечивающий через эту замечательную затею, самый опасный. По существу, Николай Симаков глубоко прав не только с точки зрения закона, но и с точки зрения здравого смысла. Но кого сегодня интересует закон и здравый смысл? На том же официальном сайте краевой администрации в разделе «История кубанского казачества» среди многих забавных суждений есть, в частности, и такие:

«По уровню образованности казачьи области были намного выше остальных губерний в Российской империи... Пройдя через горнило испытаний в начале XX века, казачество сохранилось как этнос... К началу XX века эти войска представляли собой действительные этнические группы, причем замкнутые, поскольку притока извне уже не было, и представляли собой неотъемлемую часть северокавказской цивилизации».

К сожалению, тезис насчет шибкой образованности неважно согласуется с неумением авторов писать по-русски: они систематически ставят «не» там, где должно быть «ни»: «Сколько бы беглых не приходило в войско...» Митрополия путается с метрополией, не говоря о катастрофе со знаками препинания. Но ладно, Бог с ними. Хуже другое. Вопрос о том, являются ли казаки самостоятельным этносом, до сих не могут решить куда более маститые умы, чем многогрешный автор этих строк. Но раз администрация края определилась что, мол, этнос — добро, не будем спорить. Администрация большая, ей видней. И уж точно приятней — как неотъемлемой части северокавказской цивилизации.

Но тогда будьте последовательны! Если казаки этнос, то 18 января 2013 года губернатор Ткачев официально заявил о создании дружин (вооруженных травматикой), впервые в современной России созданных по этническому признаку. Многообещающий прецедент с точки зрения укрепления общенародной сплоченности. Заметьте, мы и здесь не собираемся спорить, хорошо это или дурно, правильно или неправильно. Нас другое занимает: как объективное развитие идет поперек или помимо заявленных официальными лицами намерений. Намерения, они ведь всегда благие. Ну, или по крайней мере стараются таковыми выглядеть. А что получается в итоге — это совсем другая история. Причем даже не со зла и не от острого желания кого-то обмануть. А по бюрократической необходимости.

Губернатору Ткачеву надо улучшать репутацию перед избирателями и перед московским начальством? Надо. Особенно после того, как она подмокла в Крымске. Какой самый простой ход? Да как у господина

Холманских с «Уралвагонзавода»: послать наверх сигнал, что мы тут с мужиками (с казаками) готовы, если что, до последней капли крови защищать драгоценную стабильность! А вниз запустить столь же долгожданный сигнал, что на «понаехавших», наконец, с Божьей помощью найдется управа. Любо, казаки?

Любо, конечно. Где в мире любят понаехавших? Правда, есть страны, где власть считает своим долгом в первую очередь защищать закон и прописанные в законе права, которые для всех одинаковы. И одинаково преследовать всех нарушителей — что местных, что приблудных. В конечном счете это приводит к укреплению государственных устоев. Только можно ли ожидать такого от «дружин», собранных по этническому признаку? Скорее, наоборот, межнациональная напряженность будет накаляться. А значит, расти популярность патриотического губернатора Ткачева.

За этими прозрачными, как слеза, тактическими интересами зияют стратегические провалы, за которые расплачиваться придется лет через 5-10.

Есть ли официальный статус у казацких дружин, почему его не может быть у ногайских? Если казаки вправе защищать порядок по своему традиционному укладу («обычному праву»), почему того же не могут потребовать горские народы? Собственно, они уже требуют: глава Чечни Рамзан Кадыров нам очень убедительно рассказал про мудрость древнего обычая кровной мести. Теперь ждем не дождемся рассказов про мудрость шариата, адата и прочих замечательных изобретений прогрессивного человечества. Все это прекрасно, но покажите, где про кровную месть сказано в Конституции Российской Федерации или хотя бы в одном из ее (Федерации) законов. Нет, нигде не сказано. Как нигде не сказано и про вертикаль. И про созданные по национальному признаку дружины...

Фишка в том, что, страстно рассуждая про укрепление уз, консолидацию, братство и прочие прелести, вертикальные люди, движимые жаждой успеха в их специфической системе ценностей, на самом деле эту консолидацию разрушают. Ежедневно и ежечасно. По одной простой и чудовищно неизбежной причине: государство остается единым, если в нем работает единая система законов. Она может быть чудовищно несправедливой и грубо примитивной, сводясь, например, к личной воле вождя. Но она должна быть.

В этом фундаментальное противоречие. Страна и населяющие ее народы стали слишком сложны, чтобы регулироваться силой прямого приказа, тюрьмой и наганом. А власть, осознанно или нет (при поддержке заметной части сограждан!), именно к этой простой модели и тяготеет. Если быть до конца честными, то за идеей казацких самостоятельных отрядов светится одна простая, как сапог, мысль: нам мож-

но, а вам нельзя. Мы здесь хозяева, и никакие байки про равноправие, Конституцию и прочие демократические штучки у нас не прокатят. Захотим, вы отсюда пулей вылетите...

Характерно, что это точная копия того, что русским приходится слышать в горах. Иными словами, русский цивилизационный центр (в отличие от северокавказского он действительно существует) де-факто сполз до уровня национальной окраины. По крайней мере, в частном случае господина Ткачева. Исчезло явление имперской социокультурной асимметрии, когда метрополия (как раз тот случай, когда она пишется через «е») в правовом, научном, этическом, религиозном, организационном и, конечно, военном смыслах столь явно возвышается над периферией, что ее роль лидера для окружающих территорий не вызывает сомнений.

Если бы подобное имело место в современной России, губернатор Ткачев на своей территории инстинктивно отстаивал бы приоритет единого для всех официального российского закона. Но вместо этого опытный господин Ткачев инстинктивно следует неофициальному закону чиновного быта: кому больше позволено, тот и прав. Поэтому в социокультурном отношении он ничуть не выше господина Кадырова. А пожалуй, и ниже, ибо тому позволено больше. Уж так, «по понятиям» устроена их общая вертикаль.

Собственно, и казацкие дружины ориентированы не на соблюдение законов, а на статусное оформление «понятийных» преимуществ над всей прочей сомнительной публикой. Иначе их формировали бы не по этническому признаку, а по профессиональному.

Это признак того, что вертикаль из большого восклицательного знака (каким ее хотели бы видеть изобретатели) на самом деле скрючилась в маленький вопросительный. Она явно не способна обеспечить гражданину, вне зависимости от его национальности, пола и места проживания, прописанный на бумаге минимально необходимый набор прав, включая право на физическую безопасность. В Чечне для этого надо «договариваться» с кадыровскими нукерами, в Краснодарском крае — с общественно озабоченными казаками, а по дороге к этим богоспасаемым местам — с гайшниками. Как-то не очень к вам туда тянет, уважаемые представители северокавказской цивилизации.

Вот так, сами того не желая, а всего лишь обслуживая свои номенклатурные интересы, вертикальные люди понемногу и готовят очередной цикл территориального развала.

Если что-то у станичников получится, то лишь на их собственной ограниченной территории. Что заведомо не прибавит ей инвестиционной и прочей привлекательности; только глубже погрузит в изоляционизм. Если только у них не хватит ума и стиля превратить всю затею в туристический манок — типа шотландских патрулей в юбках и с

волянками или королевских гвардейцев в красных камзолах и черных меховых шапках. Но ведь они, кажется, всерьез... С попыткой распространить эти игрушки на земли метрополии, на Москву и Петербург, не выйдет даже сколько-нибудь сносной оперетты. Если казаки попробуют наводить порядок в столице, их с удовольствием закидают помидорами, а то московской молодежи в последнее время что-то нечем заняться. Если же ограничатся «патрулированием», никто просто не обратит внимания. Мало ли здесь ряженных подрабатывает с маскарадами.

По сути, это оскорбительно. Прежде всего для самих казаков — с их трагической и так до конца и непонятной судьбой.

Советская власть сначала упорно втоптывала их в чернозем, вместе с верой, надеждой и любовью, а потом — в виде компенсации? — наскоро слепила избыточно колхозную картинку под симпатичные песни Исаковского-Дунаевского (тех еще казаков)... С одной стороны «Тихий Дон», а с другой — второй каток Отечественной войны, с предательством в Лиенце и изобретением (опять в виде компенсации?) общеевропейского образа чего-то среднего между загадочно благородными краснокожими и стреляющими с бедра ковбоями. Гойко Митич, только в бурке и с иконой. Cossacks...

И вот опять начальство предлагает роль в сценарии про защиту Отечества... Любо, любо.

Один крупный советский деятель 28 марта 1917 года, когда только шел к власти, понимал взаимодействие центра и периферии так: «Для всех ясно, что области в России (окраины) связаны с Центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы».

Через два с небольшим года, уже находясь во власти, он понимает это взаимодействие несколько иначе. На беду, как раз применительно к казакам: «Советская власть стремилась к тому, чтобы интересы казачества не попирались. Она не думала, товарищи казаки, отбирать у вас земли. У нее была одна только мысль — освободить вас от ига царских генералов и богатеев... Казаки же вели себя более чем подозрительно. Они все глядели в лес, не доверяли советской власти... А в последнее время... в эту минуту одна часть терского казачества вероломно — иначе нельзя выразиться — восстала против наших войск в тылу... Советская власть долго терпела, но всякому терпению бывает конец. И вот, вследствие того что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами... Если казаки не откажутся от вероломных выходов против рабоче-крестьянской России, я должен сказать, что правительству придется вновь прибегнуть к репрессиям».

Такие вот «демократичные узы». Чем демократичнее, тем прочнее... Это был И.В. Сталин, конечно. «Доклад о советской автономии Терской области, 17 ноября 1920 г.». Сначала выселили вероломных казаков и заселили чеченцев. Взорвали церкви, расстреляли попов. Затем выселили уже вероломных чеченцев (а также ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар...). Ну, и казаков тоже еще разок — до кучи.

А потому что надо было с самого начала доверять советской власти! И она всех бы сделала счастливыми. Прямо как сейчас. Вы, казаки, главное, порядок берегите. Как, например, в станице Кушевской. Там при вдумчивом руководстве социальными процессами со стороны банды Цапков Территориальная избирательная комиссия еще на позапозапрошлых выборах фиксировала результат «Единой России» на два процента выше, чем в среднем по краю. При том что сам край устойчиво дает на 8-12 процентов больше, чем в среднем по стране.

Значит, люди-то счастливы! Вот что такое по-настоящему эффективное руководство и бдительный казацкий контроль за соблюдением основ вертикальной государственности.

Век на месте

«Огонек», 14.01.2013

Сто лет тринадцатому году — тому самому 1913-му, по которому советская власть сверяла свои достижения, а постсоветская ностальгировала как по «России, которую мы потеряли»

Для тех, кому за 70, этот год вроде теплой печки, от которой танцевали школьные учебники, чтобы объяснить, насколько в стране Советов жить стало лучше и веселее. Для тех, кому около 50, тема для изящных шуток: «А насколько у нас лучше с производством презервативов в сравнении с 1913 годом?» Для тех, кому меньше 30, вообще не тема: ну год и год. Это при Сталине или при Пушкине?

Жаль, конечно. На самом деле действительно один из ключевых реперов нашего исторического развития. Точка отсчета. Только не экономических достижений, как было принято думать в советские времена, а тихого дрейфа массового мышления.

Мясо в живом весе

В романе Максима Горького «Мать» написано, что в царское время рабочие жили впроголодь и питались картофелем с селедкой.

— Вот черт! — сказал мой друг, когда мы были молодыми. — У нас мама готовит картошку с селедкой только по воскресеньям...

Подробнее к этой животрепещущей теме удалось вернуться лишь через четверть века, когда Институт российской истории РАН наконец

выпустил статистико-документальный справочник «Россия. 1913 год». (СПб, «Блиц», 1995 год). Тираж — 5000 экземпляров.

Так вот, оказывается, средний москвич (включая грудных младенцев) в 1908-1912 годах потреблял 4,59 пуда мяса в год, или 75,2 кг, то есть примерно 200 г в день. При этом Статистический отдел тогдашней городской управы озабоченно подчеркивает, что, несмотря на абсолютный рост потребления мяса на 20 процентов за последние 10 лет, душевые показатели несколько снизились. Оно и не мудрено, если учесть, что численность населения города за эти же 10 лет выросла на 35 процентов.

Вот уж понаехали, так понаехали.

Тут вспоминается одна острая идеологическая дискуссия. С цифрами и фактами в руках, как у нас принято.

В 1959 году Никита Сергеевич Хрущев поехал в США. 22 сентября на приеме в его честь в Торговой палате Де-Мойна спецпредставитель президента США Генри Лодж провокационно заявил, что де «средний американец потребляет 8,4 фунта масла, 13 фунтов сыра, 151 фунт мяса и 180 фунтов молока в год».

Надо было дать отпор недостойному выпадку. И Хрущев, конечно, дал — сконцентрировав боевую мощь конкретно на мясе. 151 фунт в год — это в переводе на наши советские килограммы 62 кг. Значит, средний американец в 1959 году вкушал скоромного немного меньше, чем средний москвич в 1912 году. Это нормально — в крупных городах всего мира уровень производства ВВП и уровень потребления в душевом пересчете всегда в 2-3 раза выше, чем по стране в целом. Эффект концентрации.

В целом по России в 1913 году душевое потребление продуктов по довольно экзотической номинации «мясо, сало, птица» составляло 29 кг в год; молока и молочных продуктов — 154 кг в год. Не так плохо в сравнении даже с Америкой 1959 года. Главное, заведомо лучше показателей СССР, начиная с конца нэпа.

Даже по официальным данным справочника «СССР в цифрах», мяса и сала в убойном весе в 1913 году было произведено 5 млн тонн, а в 1940-м, после коллективизации и индустриализации, 4,7 млн тонн.

Но пока речь о другом — как мужественно держит оборону наш партийный руководитель в окружении врагов.

А вот мы, отвечает он американцу, в семилетнем плане намечаем производить ежегодно «мяса — не менее 16 млн тонн, молока — 100-105 млн тонн. Советские люди уверены в том, что эти плановые задания будут не только выполнены, но и перевыполнены».

Что тут скажешь? Товарищ Хрущев мог бы раскрыть свой советский справочник «СССР в цифрах» 1958 года издания и выяснить, что в 1957 году мяса у нас было произведено 7,4 млн тонн. Население СССР на тот

момент, исходя из того же справочника, составляло 200,2 млн человек. Делим одно на другое, получаем 37 кг на душу. Мяса? Нет, уважаемые читатели, «мяса в живом весе». Именно так его считает советская статистика. То есть мяса с рогами, копытами, шкурой, костями и требухой.

Коварный американец говорит про конечное душевое потребление, а Хрущев тонко отвечает ему про государственное производство. Из произведенного в живом весе мяса что-то уйдет в стратегический запас, что-то на помощь всегда голодным братским народам, что-то сгниет из-за отказа холодильных установок, что-то будет украдено. Данных по конечному потреблению мяса советским населением в справочнике просто нет. Как в многочисленных частных случаях не было и самого потребления. Этим передовая советская наука выигрышно отличается от простодушного 1913 года.

Мало того. Пресловутый мистер Лодж толкует Хрущеву про уже состоявшийся акт потребления, а тот отвечает ему про производство в будущем времени! Мы, мол, намечаем 16 млн тонн (двойной рост!), и советские люди уверены... В одной короткой фразе три вранья. Не потребление, а производство; не мяса, а «живого веса»; не сегодня, а послезавтра.

Но он об этом не задумывается. Прямо как товарищ Сталин в статье «Год великого перелома» (1929 год): «...Нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире». И надо же — через три года самый пик голодомора. Вот и у Хрущева аналогичный случай. Через три года после того, как он ловко срезал настырного американца, — хлебный кризис и расстрел рабочих в Новочеркасске. Как раз по случаю потребления мяса, масла и прочих излишеств.

Увертливая печка

Отмотаем назад к 1913 году. Тут есть одна милая деталь, что называется, «для служебного пользования». В предисловии к справочнику 1958 года издания (это, по сути, первая публичная статистическая сводка после десятилетий победного сталинского молчания — размером в два спичечных коробка) составители тихо, но честно оговариваются: «Цифры за 1913 год... приводятся по территории в границах СССР до 17 сентября 1939 года, то есть без данных по западным областям Украинской ССР и Белорусской ССР, без Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, Бессарабии и других районов, вошедших в состав СССР после 1939 года».

В переводе на русский это значит, что, например, протяженность железнодорожной сети, указанная в справочнике за 1913 год (58,5 тыс. км), занижена, потому что игнорирует рельсы, положенные

Российской империей вне границ СССР образца 1939 года. А в данных за 1940 год (106,1 тыс. км) эти рельсы уже присутствуют. И по умолчанию как бы приплюсовываются к достижениям сталинской индустриализации. Пустячок, а приятно.

Почему железная дорога так интересна? Потому что из нее тяжело выдуть статистические пузыри: рельсы либо есть, либо нет. К тому же комплексный показатель общего развития. Сталь-чугун, машиностроение-энергетика, костыли-шпалы, щебень-бетон... Объективный суховатый интеграл ресурсов, менеджмента и технологий.

Если углубиться в статистику царских времен, то оказывается, что без подъездных путей на 1914 год длина русской железнодорожной сети составляла 63 805 тысяч верст, или примерно 68 тыс. км. Статистический сборник МПС за 1913 год дает цифру уже с учетом подъездных путей: 68 370 тысяч верст, или 73 тыс. км. Во всех случаях не учитывались железные дороги Финляндии, которая хотя и входила в империю, но имела свои органы управления и свой самостоятельный бюджет.

Что имеем в сухом остатке? Советский справочник учит нас, что в России образца 1913 года было 58,5 тыс. км железных дорог. На самом деле их было 68 тыс. км по широкому царскому счету (без подсобок), или 73 тыс. км по более скрупулезному ведомственному учету.

Такая вот увертливая печка, от которой положено плясать при учете достижений сталинской индустриализации. И так — по всему кругу вопросов. А мы верили.

До революции помещики производили 600 млн пудов хлеба, кулаки — 1900 млн пудов, беднота и середняки — 2500 млн пудов, объясняет нам товарищ Сталин в речи «К вопросам аграрной политики в СССР» 27 декабря 1929 года. И ссылается на табличку некоего товарища Немчинова.

А как дела в 1927 году? Помещики, понятно, произвели ноль, кулаки — всего 600 млн, зато беднота и середняки — целых 4000 млн пудов. «Вот вам факты, говорящие о том, что бедняки и середняки получили колоссальный выигрыш от Октябрьской революции».

Оставим в стороне сравнительно тонкое передергивание: что такое середняк и кулак до революции, что такое после. Запиши бывших кулаков в середняки (им самим выгодно спрятаться) — вот тебе и прогресс в табличке.

Это всего лишь изящные мелочи. Нам хотя бы в самом грубом вранье с цифрами разобраться. До революции (по его словам) общее производство хлеба составляло $600 + 1900 + 2500 = 5000$ млн пудов. После революции, в 1927 году — $600 + 4000 = 4600$ млн пудов. «Колоссальный выигрыш» бедняков, советской власти и лично товарища Сталина на самом деле есть существенный проигрыш для страны в целом. За 14 лет годовое производство хлеба снизилось на 400 млн пудов — если исходить из сталинских же цифр. Если же воспользоваться настоящей дореволюци-

онной статистикой, то, поскольку реальное производство хлеба в 1913 году составляло 5637 млн пудов (а вовсе не 5000), общее падение производства составило 1037 млн пудов. Примерно на 18 процентов.

Может, статистик Немчинов делал пересчет на актуальные границы 1927 года? Это было бы логично. Но кто ж его знает — нам не говорят. В любом случае падение производства зерна в подвергнутой коллективизации стране составило по отношению к царской эпохе от 400 млн пудов (выходит по Сталину) до 1037 млн пудов (выходит по дореволюционной статистике).

Население в сопоставимых границах в 1913 году было 139,3 млн человек, а по переписи 1926 года стало 147 млн человек. Сказался всплеск отложенной рождаемости в сравнительно сытные годы нэпа. На среднюю российскую женщину детородного возраста в 1926 году приходилось 6,7-6,8 ребенка! Но вот только-только они родились — так по ним и громыхнула коллективизация. Людей стало заметно больше, а еды заметно меньше. И 1927 год был только началом. Страна еще держалась остатками нэпа. До Сибири коллективизация по-настоящему еще вообще не добралась. Все самое страшное было впереди. Но число людей уже начало сокращаться под сужающуюся кормовую базу.

Зато со статистикой все в порядке. Она, как и весь советский народ, уверенно смотрит в будущее. «Известно, наконец, — веско говорит товарищ Сталин в той же речи, — что в 1930 году валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн пудов... а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн пудов (то есть несравненно больше, чем кулак в 1927 году)».

Вот видите, ему все известно наперед. А нам даже апостериори неизвестно! Данные о производстве хлеба в те годы советская статистика даже после смерти вождя стесняется дать. И уж тем более данные о душевом потреблении. В сборнике 1958 года они подменены цифрами товарного вывоза, да и то лишь для периодов 1923-1926 и 1937-1940 годов. Между ними, как раз в эпоху коллективизации и голодомора, — черная статистическая яма в 10 лет длиной. Ведь что такое товарная продукция? Зерно, вывезенное из села в город. Его прирост (помимо приписок и очковтирательства) может обеспечиваться как ростом производства хлеба, так и ростом его изъятия, в том числе на фоне стагнации или даже сокращения урожаев. Вывези все до зернышка, оставь деревню подыхать с голоду — вот тебе и рост товарной продукции...

Все слабее запах молока и хлеба

Понятно, все это сопровождается нежными играми со статистикой. В том числе с дореволюционной. Вот данные из политического отчета ЦК ВКП (б) XVI съезду партии. Это уже июнь 1930 года. Понятно, про обещанные полгода назад 900 млн пудов никто не вспоминает: ясно, что

не получается. Сталин вообще с начала 30-х аккуратно избегает абсолютных цифр по сельскохозяйственному производству, оперирует в основном процентами, числом колхозов да площадями запашки.

Послушаем его. В относительно благополучном 1927 году по отношению к 1916-му (за точку отсчета он берет не пресловутый 1913-й, а самый скверный год германской войны, когда были перебои с продуктами) прирост крупного рогатого скота составил 14,3 процента, овец и коз — 19,3, свиней — 11,3.

А в 1930 году (по сравнению с тем же военным 1916 годом) состоялось сокращение крупного рогатого скота на 10,9 процента, овец и коз — на 12,9, свиней — на 39,9. «Нехорошо! — говорит товарищ Сталин товарищам. — Есть еще над чем поработать!»

Интересно, что прямо сравнить 1930 год с 1927-м он не захотел. Хотя для оценки эффекта коллективизации это было бы самым правильным. Предпочел плясать от 1916-го. Ничего, мы не гордые, пересчитаем. Исходя из его процентов, получается, что с 1927 (последний год рыночного капитализма на селе) по 1930 год поголовье крупного рогатого скота упало на 25,2 процента, овец и коз — на 32,2 и свиней — на 51,2.

Все это на фоне, напомним, падения производства хлеба и всплеска деторождений, которым неразумный русский народ откликнулся на четыре благополучных года нэпа.

Вообще-то сокращение производства еды на 20 процентов — это уже не кризис, а катастрофа. Но только не в СССР. В СССР, как знает каждый, кризисов не бывает. Подумаешь, 8 млн крестьян померло (в основном недавно родившиеся дети), что и зафиксировала перепись середины 30-х годов. Которую, как известно, признали вредительской, а авторов расстреляли.

Статистика, однако. Читай и плачь.

Если вернуться к такой трудно растяжимой материи, как железнодорожные рельсы, то сравнительная картинка царской и советской экономики смотрится так.

Ленин в книге «Развитие капитализма в России» пишет, что за 25 лет, с 1865 по 1890 год, железнодорожная сеть России выросла в 7 раз. Круче, чем в Англии, где аналогичный рывок занял 30 лет и обеспечил лишь шестикратный прирост. Правда, слабее, чем в Германии.

С 1865 по 1875 год русский капитализм строит железные дороги со средней скоростью 1,5 тыс. км в год. С начала 1890-х процесс ускоряется: 2,5 тыс. км в год. Автор добросовестно констатирует «истинно американские» темпы роста тогдашней России и ее железнодорожной инфраструктуры. К концу XIX века, уже за временными рамками его исследования, годовой прирост сети достигает 3 тыс. км.

Потом у нас Первая мировая война, революция, интервенция, индустриализация, Вторая мировая война и, наконец, смерть вождя всех

народов в 1953 году. Каков итог этой бурной деятельности в объективном железнодорожном измерении?

Среднегодовой прирост сети по советским данным с 1913 (58,5 тыс. км) по 1956 год (120,7 тыс. км) — 1,4 тыс. км. Выходит, Советская Россия съехала к темпам роста, немного уступающим эпохе Александра II (данные за 1865-1875 годы). По В.И. Ленину, тогда было 1,5 тыс. км в год.

Если же взять за точку отсчета цифру царского МПС (73 тыс. км), то советский прирост скукоживается до совсем скромных размеров. Правда, тогда следует учесть Польшу, дороги которой в имперской статистике учитывались, а советской, понятно, нет. Оценим польский фактор округленно в 3 тыс. км — Привислинские, Варшавско-Венская дороги, Варшавские, Лодзинские и прочие подъездные и фабричные пути. Тогда советский прирост к 1956 году составляет примерно 51 тыс. км. По 1,2 тыс. км в год. Царь-Освободитель и эпоха отмены крепостного права резко уходят вперед по сравнению с достижениями сталинских пятилеток.

Понятно, нас интересует чистый замер за лучшие годы индустриализации. Чтобы без революций, гражданских войн и прочих напастей. Пожалуйста. В лучшие годы индустриализации, с 1928 (76,9 тыс. км) по 1940 год (106,1 тыс. км), средней темп прироста железнодорожной сети в СССР составляет 2,4 тыс. км в год. Слабее, чем за 30-40 лет до того, на рубеже веков. Чуть хуже, чем даже 1890-х, когда Николай Александрович Романов начинал свое скорбное царствование. Тогда, по Ленину, выходило в среднем 2,5 тыс. км. Это по официальным советским данным.

Если же учесть непринужденное шулерство с сетью в зоне 1939 года, украденной советской статистикой у батюшки-царя и приписанной товарищу Сталину (оценим ее на круг в 4 тыс. км), то железнодорожный триумф 30-х годов составляет примерно 25 тыс. км, то есть темпы роста около 2,1 тыс. км в год. Похуже, чем у Александра III.

Может, желаете данные эпохи быстрого послевоенного восстановления хозяйства? Будьте любезны: с 1945 (112,9 тыс. км) по 1956 год (120,7 тыс. км) сеть прирастала со скоростью 0,7 тыс. км в год. Вдвое медленнее, чем в благословенные времена после поражения Николая I в Крымской войне и отмены крепостного права. Кстати, несложно сообразить, что в самые трудные военные годы страна, сцепив зубы, выдавала вдвое больше: в 1940-м было 106,1 тыс. км, в 1945-м стало 112,9 тыс. км. Всего по 1,4 тыс. км в год.

Итого. При последнем царе — до 3000 км в год. Во время оптимума сталинской индустриализации — примерно 2100 км в год. Во время Отечественной войны — 1400 км в год. После войны, до 1956 года, — 700 км сети в год. И сейчас, между нами говоря, держимся примерно на этом же уровне.

Стальная поступь индустриализации в конкретном рельсовом изменении.

И ведь по всем остальным направлениям примерно то же самое. Только их объективно измерить также нелегко — не всегда найдешь рельс подходящего размера.

Либералы не в том смысле

«Огонек», 18.02.2013

Читал я твой трактат — полезная книга, но глупая.

Как же это ты? Нехорошо».

А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом»

Раньше либералы существовали без манифеста и без «Единой России». И вот пришло время устранить изъян. Жанр требует особой тонкости во владении языком: авторы начинают с заявления о преданности идеалам чести и свободы, но тут же подчеркивают, что не видят принципиальных расхождений с программой своей партии.

Раз авторы манифеста не видят принципиальных расхождений с ЕР, что же тогда они видят? О, многое! Например, что «либерализм — это идея развития страны в том направлении, которое определяется в результате свободного выбора ее народа».

Как же это вы, господа? Нехорошо. Давно известно, что либерализм — идея приоритета прав и свобод граждан над правами бюрократии, общины, государства и т.д. Про свободный выбор народа — это из другой оперы. Называется демократия.

Печальная правда заключается в том, что свободный выбор народа редко бывает либеральным. Немцы, например, в начале 30-х свободно выбрали Гитлера. И что, Германия, значит, начала развитие в направлении либерализма? Хоть бы немного подумали, прежде чем принтер включать.

Понятия демократии и либерализма сближаются лишь в условиях беспросветного тоталитаризма, когда свободы народа и свободы гражданина одинаково подавлены и одинаково нуждаются в защите. Чем раскрепощеннее страна, тем яснее расхождение.

Пушкин — особенно в молодости — был либералом. Ода вольности, свобода, оковы тяжкие падут, все такое. Но ни в коем случае не демократом. Аристократом он был, вот кем! Ему в равной мере претило заискивание как перед «случайным вельможей», так и перед уличной чернью. «Большинство, нагло притесняющее общество... Со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и по-

добострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой» — так неласково он характеризует современную ему американскую демократию.

А что, разве не прав? Батюшка Александр Сергеевич тем и велик, что органично свободен, в том числе от популистской догмы. Потому-то и народен в высшем смысле этого слова. Он не вне народа, он не над народом. Он его *часть* — но лучшая часть. Высокая честь, большая ответственность. Неси свой груз с достоинством, и нечего придуриваться, опрощаясь под умильный образ босоногого пахаря в пестрядинной рубахе, как повели себя некоторые мастера отечественной словесности в более поздние времена.

От таких лубковых сюжетов густо пахнет тем самым заискиванием таланта перед идеей фальшивого равенства в мире, где равенства нет и быть не может. Ну, не равен Пушкин Демьяну Бедному! Хотя стартовые позиции равны — перед каждым алфавит с тремя десятками букв. Такое вот пренеприятнейшее свойство есть у либерализма: раз он признает свободу, значит, вынужден признать и неравенство. В равных условиях по-разному одаренные люди достигают неравных результатов. А как иначе?

Вот за это — если по правде — народы либералов и не любят. И крайне неохотно за них голосуют на свободных выборах. Вовсе не только в России. Если, допустим, пустить на честные демократические выборы Пушкина с Медным всадником и того же Демьяна Бедного с гармошкой и куплетами в стиле Жириновского — кто победит?

Возвращаясь к манифесту. Коли он не способен разобраться в разнице между либерализмом и демократией, может, мы лучше проживем без него, по старинке?

Половину документа авторы посвятили развенчанию так называемого псевдолиберализма. Оно бы и ничего, если оговориться, что «псевдолиберализм» на самом деле существует главным образом как страшилка, изобретенная ТВ-пропагандистами для дискредитации оппозиции. Однако нет: создатели манифеста вытаскивают этот набитый телевизионными опилками мешок и вступают с ним в беспощадный бой, как Тузик с грелкой.

Авторы решительно вскрывают гнилую сущность «до странности узкой версии либерализма, извилистым ручьем обтекающей крутые берега российской жизни...» Согласно этой версии, либерал должен:

- отрицать роль государства в экономике, выступать за нерегулируемые свободные рынки, сокращение социальных расходов...;
- в случае кризиса желать, чтобы закрылось как можно больше предприятий (ради повышения эффективности)...

- отрицать наличие чего-либо позитивного в советском опыте, стремиться к защите различных маргиналий;
- считать, что «Россия должна стать обычной, средней европейской» страной, считать, что все, приходящее с Запада, заведомо лучше всего, что можно найти в России, включая область идей;
- запрещать себе задаваться вопросом, каковы политические и экономические программы лидеров оппозиции;
- считать, что все проблемы решают свободные выборы, верить, что увеличение демократии всегда ведет к росту эффективности государства;
- мечтать выступить в парламентах других стран с обвинениями в адрес России, считать эти институты более важными, чем российская Государственная дума.

Ну да, именно такую петрушку нам показывают по телевизору, когда речь заходит о либералах. Зачем авторы манифеста, вроде бы вознамерившиеся говорить всерьез, заимствуют этот шарж в качестве идейного оппонента — бог весть.

Возьмем главное — миф об отрицании государства.

Адам Смит, родоначальник экономического либерализма, где создал свою теорию? В Англии, которая была и остается монархией. И притом одной из самых либеральных стран мира. Если это и парадокс, то лишь для тех, кто мыслит ТВ-шаблонами.

Стоит чуть-чуть подумать и станет ясно, что «невидимая рука рынка» может функционировать лишь при одном очевидном (поразительно, как можно этого не заметить?) условии: когда в государстве есть ясные, неукоснительно исполняемые законы и твердая власть. В противном случае все, что условный экономический либерал в союзе с «невидимой рукой» стяжал на свободном рынке имени тов. Адама Смита, будет изъято при первой же встрече на большой дороге с условным тов. Робинсом Гудом — воплощением общенародных чаяний о справедливом перераспределении богатств.

Какое отрицание государства, вы вообще о чем? Без закона, суда, арбитража, вышколенного констебля «невидимая рука рынка» такая же фикция, как и гражданские свободы без обеспечивающих их государственных институтов. Либералы — по определению самые последовательные сторонники твердой, прозрачной и ответственной перед обществом и судом власти. Не слишком важно какой — монархической, республиканской, президентской или парламентской.

А уж русской разновидности либералов тем более не надо объяснять, какую роль сыграли реформы царя-освободителя Александра II в либерализации экономической и социальной жизни страны. На что страна, кстати, откликнулась самыми высокими в мире темпами экономического роста в течение последующих десятилетий.

Другое дело, что либералы всегда вели речь о «компактном», «эффективном» и «прозрачном» государстве (= бюрократии). Но никогда о его уничтожении либо об отмирании. Об этом, пардон, говорили марксисты — главные мастера популистского компостирования мозгов.

Компактное и эффективное — значит, четко выполняющее свои обязанности, но знающее свое место и не влезющее «в ручной режим» в частную жизнь граждан, в частную собственность и частную инициативу.

Вот здесь и начинается конфликт интересов. Власть — особенно в России, в ее привычном номенклатурном воплощении — категорически не любит, когда ее ставят в рамки. Она не хочет контролировать институты. Она хочет контролировать все! В первую очередь финансовые, газовые, нефтяные потоки.

А раз так, номенклатура одной рукой подбрасывает гражданам байку про прелести национализации и общенародной собственности, а другой душит либеральную оппозицию, которая тем же гражданам пытается объяснить, что общенародной собственности не бывает, ею на деле всегда владеет, управляет и пользуется номенклатура = бюрократия. Под прикрытием обильных речей о равенстве, справедливости и т.п.

Спор долгий, с предсказуемым, но нескорым результатом. Речь сейчас не о нем, а о конкретных интересах и ограничивающих их рамках.

Итак, существуют вертикаль власти и интересы персонифицирующих ее номенклатурных людей. Вертикаль начинали строить под либеральным лозунгом четкого, прозрачного, разумно ограниченного в правах государства, которое существует для обеспечения прав граждан. Вот цитата из обращения президента РФ к Федеральному собранию 8 июня 2000 года:

«Наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово «сильное», скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины».

С либерального фланга есть возражения? Вряд ли. Адам Смит стоя аплодирует. Вспоминаем далее:

«Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности...

Второе направление — обеспечение равенства условий конкуренции... Следует отменить все необоснованные льготы и преференции, прямые и косвенные субсидии предприятиям. Чем бы они ни обосновывались... В некоторых регионах это просто превратилось в орудие сведения счетов с политическими и экономическими конкурентами.

Третье направление — освобождение предпринимателей от административного гнета. Государство должно последовательно уходить от практики избыточного вмешательства в бизнес.

Четвертое направление — снижение налогового бремени. Сегодня налоговая система способствует массовому уклонению от налогов, уходу экономики «в тень», уменьшению инвестиционной активности, в конечном счете — падению конкурентоспособности российского бизнеса».

Опять — трудно придумать более либеральные формулировки. Ответственное, грамотное, сильное государство, подотчетное гражданам. Чего еще пожелать?

На деле все вышло немного иначе. К 2013 году бюрократия увеличилась втрое, коррупция — на порядок, налоги (если учесть выросшие пенсионные отчисления, откаты и неформальные поборы) — минимум вдвое, крышевание и рейдерство со стороны бюрократии превратились в норму.

Приоритеты перевернулись. Обещали сильное государство ради граждан и экономики, а получили граждан и экономику ради сильного государства. Интересы раздобревшей на казенных харчах номенклатуры вышли в топ, потеснив интересы избирателей, предпринимателей и свободной конкуренции. Характерно, что в ответ обозначилось сближение протестных интересов демократии и либерализма: при усилении автократии они опять становятся естественными союзниками.

В этой ситуации у казенных либералов дело швах. Интересы расплывшей вертикали, которые представляет столь же расплывшая «Единая Россия», тянут к политической монополии, ограничению конкуренции и к стагнации, которую они, понятно, именуют стабильностью. Отсюда торопливый всплеск казенного патриотизма, оборонная риторика, желание закрыться от внешнего мира (чтобы не было видно отставания) и неприличное остервенение в поисках «пятой колонны» — естественно, в лице поганых либералов.

Немногочисленные люди либеральных убеждений, встроенные в ЕР, движимы теми же, вполне рыночными мотивами: положение при вертикали дает им явные преимущества как в смысле бюджетной подпитки, так и в смысле номенклатурной крыши. Уйти в свободное плавание из гавани казенных льгот им уже не под силу — бояться конкурентных штормов. Остается мужественно подпирать и оборонять плодоносную вертикаль риторическими фигурами, вольно или невольно исполняя роль спойлера для набирающего силу либерально-демократического фланга несистемной оппозиции.

Могли бы авторы либерального манифеста независимо пройти в Госдуму в декабре 2011 года, минуя списки «Единой России»? Заведомо нет. Знают ли авторы либерального манифеста о масштабных фальсификациях в пользу «Единой России»? Заведомо да. Слава богу, образованные люди, в статистике разбираются. Вот вам и ответ, что на самом деле они выбирают, когда вопрос об идеалах и интересах переходит

в практическую плоскость. В своем манифесте они ни слова не говорят об угрозе перерождения власти в систему кормления торжествующей бюрократии, но не жалеют сил на критику независимой оппозиции. Каждый кулик хлопочет о своем болоте, обеспечивающем ему прокорм. Приоритет как на ладони: яблоки либо от вертикального ствола, либо от свободно развивающейся конкурентной экономики. Авторы надежно привязаны к питательному стволу.

Но самое грустное (для них) даже не это. У системы своя жесткая логика. Единожды встав на лыжную политическую монополию, власть обречена потихоньку съезжать к самым простым («эффективным») формам охраны своего корпоративного интереса. Фальсификация выборов, шельмование оппозиции, уголовные дела, запугивание, изоляция. Чем дальше, тем меньше она нуждается в мастерах словесной эквилибристики и все больше — в мастерах заплочных дел. Специалиста по тонкой разводке и филигранной эквилибристике Владислава Суркова в администрации президента сменил простой как правда Вячеслав Володин. Утонченного идеолога «Единой России» Алексея Чеснакова — жизнерадостный популист Андрей Исаев. Пройдет немного времени, и «вертикальные либералы» за ненадобностью будут отодвинуты в тень, а их место займет набирающий силу номенклатурный патриот Кургинян.

Кстати, буквально через пару дней после презентации манифеста президент как бы случайно появился на съезде Родительского всероссийского сопротивления Сергея Кургиняна, где лейтмотивом был как раз отпор чуждым либеральным веяниям, разрушающим счастливую и обильную русскую семью. Похоже, группа депутатов со своим мощным политическим центром крепко промахнулась.

Либеральный манифест получается в итоге не нужным ни верхам, ни низам. Что осталось на лице майора Ковалева после его прощания с Носом? Преглупое ровное и гладкое место. Как, знаете ли, только что выпеченный блин...

Критическая масса

«Огонек», 04.03.2013

На телевидении образ русской женщины благополучно эволюционировал сначала от Светланы Сорокиной до Светы из Иванова, а потом и до Юлии Кузьминой. Которая прославилась не тем, что допилась до лишения родительских прав, а тем, что один из ее малышей (о судьбе которых она даже не знала) умер в Америке. Самое время очнуться, заявить о попранном мировым империализмом родительских правах и потребовать компенсации. То есть сатисфакции. При полной подде-

ржке администрации. Ее вспомнили, нашли, привели в порядок и пустили в студию.

Вы чувствуете, как страна сходит с ума? С ускорением. От Светланы до Светланы тянулось 10 лет; спуск к Юлии занял меньше года. Интересно, что они отыщут для нас к лету?

Та же Светлана Сорокина много лет растит приемную дочь. Никогда она этого не скрывала, никогда не выпячивала. Не фотографировалась в глянцевых журналах с ребенком на руках на фоне елки, не делилась с наострившей уши общественностью надеждами и опасениями. Просто делала все, что нужно для ее девочки. Как все нормальные мамы.

И на телевидении «эпохи Сорокиной» происходящее нынче в эфире просто невозможно себе представить. Не-воз-мож-но. Зато применительно к телевидению Светы из Иванова и представлять не надо — вот оно щебечет. Наливай да пей.

Что-то случилось. Непоправимое. И не только в телевизоре.

Вот, скажем, сенсация прошлой недели: следствие утверждает, что уличило Алексея Навального в подложной адвокатской справке. Навальный, как большинство людей, занимающихся политикой, тот еще фрукт. Его политическая стратегия — топить вражеские линкоры и строить из них пьедестал для личной карьеры — явно не лучший способ обретения влиятельных друзей. Ну что ж, каждый сам выбирает себе путь и на нем изнемогает.

Однако ответный огонь по нему настолько вонюч, что заставляет усомниться, с линкорами ли он имеет дело. Больше похоже на ассенизационные баржи. Власть сама делает из него героя. Что за бред насчет адвокатского статуса? Кто-нибудь из его клиентов недоволен? Кто-нибудь жалуется на низкое качество адвокатских услуг? Нет, под него просто общими силами рыли, рыли и наконец, что-то нарыли — чтобы нанести ответный удар.

Дом в Майами, православный отельчик в Германии, бизнесок в Праге, детишки в Оксфорде — вы, господа чиновники, обязаны объясниться, откуда это все взялось у скромного казенного человека. Но вы вместо этого проводите сразу несколько контррасследований за государственный счет, чтобы сказать Навальному: сам дурак! Сам жулик! У самого справка устарела!

Может, и дурак. Может, и жулик. А уж насчет справки, так у нас, по-ди, в стране ни одного не найдется, чтобы все справки были в порядке. Не в этом дело вообще. Дело в ваших, господа чиновники, декларациях и вашей собственности. Нигде, ни в каком законе не сказано, что человек, предъявляющий законные претензии к другому человеку, сам должен быть образцом высоконравственного поведения. Речь вообще не о его личности, а о его (и не только его, но и моем, например) юридическом ПРАВЕ знать. Вне зависимости от того, грешны мы или без-

грешны. Улавливаете разницу?

Меня, налогоплательщика, не слишком волнует, как частный адвокат Навальный, не обремененный никакими государственными постами, получил свой диплом и заработал свои капиталы. Вот если решит избираться в Госдуму — тогда декларацию и посмотрим. Даже с пристрастием. А пока он всего лишь один из тысяч ему подобных частников. Отличается только тем, что смеет публиковать крайне невыгодные для начальников материалы. Строго в рамках закона.

И разве не из-за этого только на нем сфокусированы сразу четыре уголовных расследования в СК, многомесячный труд следователей-доброхотов из кремлевских молодежных организаций и разоблачительные усилия государственных СМИ? Неужели у поднявшейся с колен могучей державы нет более достойных мест и целей трудоприложения? Например, той же депутатской недвижимости в Майами.

Государственный аппарат совершенно откровенно, ничуть не стесняясь, обслуживает и защищает в первую очередь себя и свои корпоративные интересы. И лишь во вторую, если не в пятую, да и то с неохотой, если очень-очень попросить и чем-то угостить, — права и интересы налогоплательщика. Разве не очевидно?

Ведь еще недавно, каких-то лет 10-15 назад, подобную тотальную битву (чтобы не сказать, сведение счетов) государства с парнем, которому нет еще и 40, невозможно было вообразить. Просто по причине масштаба. Какое невероятное измельчание, какая недостойная злопамятная мстительность появилась в действиях и помыслах государственных мужей за последние годы!

Или другой популярный сюжет: над Челябинском взорвался метеорит. И, конечно, первым выступил с комментарием выдающийся звездочет Владимир Жириновский. Это над нашим мирным промышленным гигантом американцы испытывают новое оружие! Нет сомнений, с Владимира Вольфовича все как с гуся вода; его избиратель ценит не столько вменяемость, сколько остроту. Но ведь раньше такое позволяла себе разве что газета «Завтра» — геотектоническое оружие, климатическое оружие, психотропное оружие... Главе крупной политической партии как-то было неприлично выступать с подобным. А сейчас — ничего, пожалуйста.

Жириновский — один из умнейших, талантливейших наших шоуменов, с незаурядным политическим нюхом. Самый высокооплачиваемый. Раз сказал, значит, было нужно. И довольно понятно, почему. С его политическим опытом несложно догадаться, что на обжитые им патриотические уголья власть выпускает нового политического скакуна по имени Кургинян. Конкурент! Тут хочешь не хочешь, болят кости или не болят, а отправляясь в поле и скачи, как молодой, рви перед начальством уздечку. Иначе поустят на консервы.

Вы спросите: почему борозда, которую не портит старый конь, должна быть такой откровенно безумной? А вот потому. Жириновский не ошибается! Именно в этом искривленном пространстве, которое ни общим аршином, ни косыми саженьями не измерить, размечена их с Кургиняном дистанция. В нем же начальство будет выдавать призы. Помчались, короче!

Если всерьез, то качество политики наряду с качеством СМИ, научных диссертаций, экономики и даже человеческого материала как-то сразу по всем направлениям двинулось вниз. Точнее, не совсем так. Ухудшается — и быстро — качество того, что плавает на поверхности. Что скрывается на дне, нам знать не дано. Может, там как раз сейчас рождается что-то совершенно новое, свежее и спасительное. Очень хотелось бы верить. Но публичная политика всегда видит то, что наверху. А наверху мы имеем то, что имеем. Веселая карусель для добрых людей.

Выборы с Владимиром Чуровым, здоровье и продукты с Геннадием Онищенко, этика с Владимиром Пехтиным, армия с Анатолием Сердюковым, патриотизм с Сергеем Кургиняном и Владимиром Жириновским, новости с Дмитрием Киселевым и Аркадием Мамонтовым, дети с Павлом Астаховым, охрана закона с Александром Бастрыкиным...

В общем, приехали. Причем ехали-катались довольно долго, больше 10 лет, так что у каждого было время присмотреться и убедиться. И вот только сейчас начало приходить понимание.

Почему же кажется, что всплыло как-то сразу и везде? Потому что сначала старались не замечать. Надеялись, что разветится и рассосется. Собственно, так всегда и случаются кризисы: люди живут, не обращают внимания; а оно потихоньку копится. Накопилась критическая масса — и привет.

Понятно, почему это происходит и почему не могло не произойти. Потому что есть, грубо говоря, две системы кормления для людей с большими амбициями. Или при собственной частной инициативе, или при казенной вертикали. У каждой свои преимущества. Ни той, ни другой системы в абсолютно чистом виде не существует, только их сочетание. Но конкретная пропорция сочетания для каждой конкретной страны, народа и эпохи всегда бывает чуть-чуть разной.

Мы в России выбрали для себя побольше вертикали — это нормальная реакция на стрессы 1990-х. И довольно долго этой вертикали радовались. Пока не появилось чувство, что она кое-где жмет. И с каждым годом все сильнее. Однако люди, которые кормятся от вертикали, так вовсе не считают. Им очень даже нравится! Вот тут-то и наступает момент честно взвесить, каких людей больше и насколько.

Однако выясняется, что от демократии-то к авторитаризму есть законный переход по мостику честных выборов. А назад, из авторитариз-

ма к демократии, такого мостика уже нет. Ибо первое, что делают архитекторы вертикали, — берут под контроль политические мосты-дорожки. Или даже вовсе их разрушают, чтобы потенциальным конкурентам негде было ходить. Называется это изящно — наведение порядка. Многим нравится. Но не всем!

Примерно так сложилась постсоветская история во всех трех славянских странах: в Белоруссии, на Украине и у нас в России. Сейчас нечто похожее разворачивается в Грузии. В Средней Азии было проще — сразу к автократии. И в Прибалтике тоже проще — сразу к демократии. А мы, значит, где-то между.

Но и в этом «между» есть своя эволюционная логика: раз нет возможности снизу вверх повлиять на ситуацию, вертикаль понемногу замыкается, по ходу устраняя потенциально опасных конкурентов — и незаметно для себя начинает утрачивать чувство реальности. И чувство меры. Чем больше людей ощущает необходимость перемен, тем больше возникает агрессии со стороны товарищей, привыкших жить в высоком вертикальном терему (вы-то там, внизу, кто такие?!). Тем агрессивней свист пурги в телевизоре, тем примитивней риторика и циничнее действующие лица и исполнители.

Процесс, похоже, необратим. Опровергнуть обвинения в свой адрес люди власти не могут, потому что это правда: они действительно кормятся при казне. Заткнуть рот всем критикам они тоже не могут, потому что все-таки не Узбекистан и не Китай. Пока еще. Кого-то можно посадить-напугать, но весь интернет в стойло не загонишь. Значит, остается единственный вариант: так замусорить информационное пространство, чтобы у народонаселения голова пошла кругом и шерсть встала дыбом. Рядом с каждой правдой (причем даже не обязательно неприятной!) посадить десяток фейков (причем не обязательно правдоподобных!) — и пусть народ блуждает, разбивая лбы.

«Управляемый хаос» на информационной площадке — ничего лучше и не придумаешь. Метеорит? Давай его сюда! Бесконечные менты с бесконечными разборками? Тоже годится. Мистический бред с псевдонаучной терминологией от провалившейся разведчицы Анны Чапман? Ничего лучше и пожелать нельзя! Просветленная мать-алкоголичка, у которой жирные американцы украли и убили сына? Нет, дай я тебя расцелую за такой сюжет! И все это на фоне страшилок про нравственное здоровье народа, крестных ходов и педофилии. Предела совершенству нет. Вот, например, умный член ГД от ЕР Евгений Федоров разъясняет: Государственная дума, демократические выборы и администрация президента суть инструменты американского контроля над Россией. А президент и здоровые силы (вместе с Е.А. Федоровым, по-

нятно) действуют как агенты поработанного народа; как партизаны в тылу врага...

Нет, депутат Федоров ни в коем случае не идиот. И даже, скорее всего, не параноик. Он просто работающий специалист по искусственному осеменению массового сознания зародышами управляемого хаоса.

Боже, как это знакомо и примитивно. Сначала забрызгать информационную поляну бешеной слюной и как бы неуправляемой («свободной») истерикой, аккуратно убрать вменяемых редакторов и ведущих, обладающих профессионализмом, чувством приличий и собственного достоинства, а потом валяй, дискутируй. Хоть насчет засланного американцами метеорита, хоть насчет разобранных на органы детей.

Вот вам плюрализм! Вот вам свободы! Вот вам конкуренция! Мало? Еще добавим.

Искать виноватых нет смысла, а расплачиваться в итоге будет, как всегда, страна целиком. За то, что поверила вертикали, с облегчением сдала ей ключи и позволила делать себе прививки. Сначала успокоительный укол. Потом, когда ситуация выходит из-под контроля, — прививку бешенства. Чтобы испугаться собственного отражения в зеркале и позволить в дополнение к уколам надеть на себя смирительную рубашку. Вот молодец. Ложись на бочок, лицом к стене. А я страшную сказку расскажу про серых волчков да полковников квачков.

Что самое неприятное, в таких условиях выборы уже не спасают: выбирать между Жириновским и Кургиняном, когда голоса считает Чуров, — в самом деле довольно странное занятие. Но не выбирать — еще хуже. Собственно, примерно так людей и сводят с ума — неразрешимым выбором между очень плохим и просто отвратительным.

Не надо поддаваться. И слушаться тоже не надо. Жить своим умом. Воспитывать своих детей. Прикрывать их от вялотекущего фестиваля психопатов и истериков. По нынешним временам это уже довольно тяжелая работа — когда все ползет вниз, не поддаться и устоять на месте.

Без объявления войны*

OpenSpace.ru, 07.05.2012

Три часа дня, при выходе из метро «Октябрьская» толпа людей: яблочники, экологи из Жуковского леса с футболками «Нам нужны посадки». Имелись в виду, кажется, деревья, а не чиновники. Мы прошли через два ряда рамок. В первом же у нас отобрали воду, у кого-то — духи и даже крем. Все стали выстраиваться в колонны, многие не знали, к кому примкнуть.

Все расслабленно переминались, колонны не двигались. Устав от бездействия, мы двинулись в сторону Болотной площади, куда пришли в числе первых. Через 20 минут Болотная стала походить уже на «Пикник Афиши»: из динамиков Борис Гребенщиков сообщал, что рок-ролл мертв, люди рассаживались прямо на асфальте, дети играли в салочки, кто-то шумно жалел, что не захватил бадминтон и пляжные зонтики. Кто-то в шутку возмущался, что нет мороженого, газировки и поп-корна.

Но при всем при этом, вопреки опыту предыдущих митингов, мужчин в толпе было раза в три больше, чем женщин. На многих были разноцветные шапки-маски, как у Pussy Riot. Кроме того, удивляло практически полное отсутствие плакатов. А на тех, что мы видели, были очень конкретные слова. Например, анархисты шли с растяжкой: «У нас есть четкий план». Мы вспомнили, как менялись плакаты от митинга к митингу. На первой Болотной лозунги были в стиле монстрантов — мы не знаем, чего хотим, перевыборы, «Владимир Владимирович Мубарак». На Сахарова — в основном, те же перевыборы и только появившиеся «путинуходийки». На второй Болотной уже, в основном, все требовали отставки Путина. Сейчас многие были в майках-«антипутинках». Причем если раньше такие носили только активисты, то теперь в этих майках были люди с айпадами.

Между тем, толпа с Якиманки все прибывала. Чтобы пробраться на Болотную, ей нужно было пройти через узкий коридор омовцев-космонавтов и еще одни рамки. Было ощущение резервации, в толпе зло шутили, что в следующий раз нас загонят митинговать в подьезды.

На сцене, меж тем, сменялись ораторы. Их слушали вполуха. Но вот на сцену вышла какая-то женщина и сказала, что у «Ударника», то есть как раз на Якиманке, сидят, мол, наши товарищи — Удальцов, Навальный и Немцов — и бастуют. Толпа молча, без всяких сомнений ринулась на помощь. Поскольку проход был очень узкий, люди снесли ме-

таллоискатель, образовался затор. ОМОНу пришлось открыть оцепленный до этого и обвешанный свадебными замками Лужков мост.

Но, когда мы подошли к «Ударнику», Навального и Удальцова, оказывается, уже свинтили на Болотной. Мы двинулись обратно через Якиманку к Каменному мосту. Рядом с нами шли люди в голубых «зенитовских» шарфах. Навстречу им шла пара ребята в красных, спартаковских. Среди всей толпы фанаты выцепили друг друга: «Ну че там? — спросили голубые. — Стоят. А какой счет?» Зенитовцы ответили и спросили, почему спартаковцы уходят с митинга. «Так матч же». — «Ну мы же идем». Спартаковцы посмотрели друг на друга, развернулись и пошли с зенитовцами на площадь. Часом позже «Спартак» победил «Зенит» со счетом 3:2.

На площади атмосфера была уже не столь радужная. Людей, приехавших с Каменного моста, не пускали на Болотную площадь и к Лужкову мосту. Оцепление состояло не из ОМОНа, а почему-то из внутренних войск — мальчиков лет двадцати в серой форме. С ними пытались вести переговоры. Мол, вырастете, будет вам стыдно. Мальчики, в основном, на переговоры не шли, в глаза не смотрели. Кто-то из них оправдывался: одному через месяц домой в Тамбов, другой боялся «губы».

Со всех сторон начали стекаться космонавты. В 6:40, за 20 минут до окончания согласованного, но, кажется, так и не начавшегося толком митинга, над площадью разнеслось: «Граждане, митинг закончился, пора расходиться». Но толпа все прибывала. Интересно, что на второй Болотной через полчаса после окончания митинга площадь была абсолютно пуста, а в этот раз люди не уходили. Многие хотели пройти на Болотную, начали напирать на оцепление. Кричали «Позор-позор». Потом правее образовался какой-то непонятный клубок, движуха, там, кажется, кого-то побили. Мальчиков из оцепления стали сменять омоновцы. В них кто-то кинул пластиковую бутылку. Она полетела обратно. Стали кидать еще бутылки, все еще только пластиковые. Потом внезапно вспыхнул фаер. И столь же внезапно этот фаер омоновцы кинули обратно в толпу, он задел стоявшего рядом фотографа *Independent Media*. Толпа разозлилась. Началась потасовка — ОМОН достал дубинки, а толпа — теперь уже стеклянные бутылки.

С площади стали уходить мамы с детьми и девушки в длинных юбках. А девушки в джинсах, наоборот, стали пробираться поближе к эпицентру. Толпу у Каменного моста начали зажимать с двух сторон. Юноша с закрывающим рот платком и в темных очках, как любят носить антифашисты, пробежал с криком: «Не сдаемся, идем на ОМОН!» Люди за ним не потянулись, но заорали «Полиция с народом, не служи уродам». Но космонавты не просто напирала, а двигаясь цепью, вылавливали наиболее активно митингующих, дубинками загоняли их в автозаки. Увидев это, толпа перестала кричать, что полиция с народом,

заорала «Позор!». И, более того, люди начали вставать в цепь под руки, пытаясь не дать космонавтам пройти.

Все это было похоже на морские приливы: ОМОН насеждает, выхватывает людей, вяжет, уводит, пока сажает в автозаки, напор уменьшается. Потом по новой. Мы встретили двух врачей — кандидатов наук, один из которых вообще первый раз пришел на митинг. Они тоже встали в цепь и даже в какой-то момент прорвали оцепление ОМОНа, но потом вынуждены были отступить под удвоившимся натиском. Началась настоящая война.

Причем в толпе уже не осталось ни анархистов, ни антифа, ни националистов — только мирные демонстранты, среди которых было много женщин и пенсионеров. До этого они стояли как бы в сторонке, а теперь оказались зажаты между двух цепей ОМОНа. Какой-то женщине стало плохо, но «Скорую помощь» вызывать было некому. От беспомощности кто-то опрокинул на напирających космонавтов биотуалет, в воздухе резко запахло. Это помогло, космонавты отступили. Кто-то кричал «Дайте выйти!»

На пяточке между парапетом и тротуаром стоял корреспондент *Moscow Times* Кевин О’Флинн, и по губам его было понятно, что он повторяет слово *fuck*. Рядом с ним человек с бейджем «Организатор» обнимал тоненькую брюнетку, закрывая ее от возможных ударов.

Отчаянные, злые и оттого по-боевому настроенные люди, даже выбравшись с площади, не пошли по домам. Человек 700 столпилось на Ордынке. Там уже открыли дорожное движение. Когда загорался зеленый пешеходный человечек, люди устраивали мини-шествие. Потом кто-то на серой иномарке развернул машину, перегородив все полосы. Начался митинг, космонавты вызывали подмогу по рациям.

Уберегшиеся от этой подмоги спрятались в *McDonald’s*. Они расселись за столиками, знакомые и незнакомые, объединенные общими разговорами о боевых травмах, сидящих в ОВД друзьях, спорили, кто же спровоцировал бойню — антифашисты, националисты, «Левый фронт» или все-таки полиция.

А полицейские ели свои гамбургеры снаружи, облокотившись на автозаки.

Спасибо, Рамзан!

OpenSpace.ru, 01.06.2012

Самое точное определение города Грозного принадлежит моей подруге Ксении Маренниковой, поэтессе и нежной девушке с большим сердцем: «Это город, в котором постоянно преследует странное ощущение, что тебя только что на*бали».

И это — абсолютная правда. Город Грозный не похож ни на один город мира хотя бы тем, что *не предполагает никакого наличия жителей.*

Практически полностью разрушенный во время двух чеченских войн, за последние лет пять Грозный был отстроен заново, с чистого листа, и местами напоминает Дубай, а местами — новостройки в Бутове. Первая строчка чистого листа звучит так: «Спасибо за Грозный, Рамзан!» Этот лозунг преследует тебя повсюду. Например, ты заходишь в закусочную на рынке, заказываешь неизбежные дешевые и безумно вкусные манты и спрашиваешь у подавальщицы, как идут дела. «Спасибо за Грозный, Рамзан!» — заученно произносит она.

Или ты, например, идешь в больницу, берешь интервью у главного фтизиатра республики, Арби-Хажии Сайдулаева, и просишь сказать, сколько больных туберкулезом было выявлено в Чечне за последний год. «Спасибо за Грозный, Рамзан!» — механически отвечает он.

За Грозный Рамзана Кадырова бесконечно благодарят муллы в мечетях, дикторы чеченского телевидения во всех передачах, учителя в школе, пенсионеры в селе, врачи и пациенты. Хотя благодарить, в общем, не за что: на земле, наверное, нет города, который был бы таким же мертвым, как город Грозный. Он напоминает макет, созданный безумным визионером: пластмассовые пальмы вдоль проспекта В.В. Путина, мечети из полированного мрамора вдоль проспекта Ахмат-Хаджи Кадырова и практически полное отсутствие людей.

Мамаши с колясками не воркуют у вычурного фонтана перед мэрией, влюбленные не воркуют на заставленной маршрутными такси площади Минутка, а принаряженная молодежь не выстраивается в очереди в местном ЦУМе. За те три дня, которые я провела в этом городе, я видела на его улицах хорошо если двадцать человек.

Зато на каждом доме висят неперменные портреты Рамзана Кадырова, его отца, Ахмат-Хаджи Кадырова, и их праотца — Владимира Путина. Изображения последнего пугают: он молод, без следов ботокса на лице, с таким лукавым прищуром глаз, как будто увидел в левом углу кошку, поймавшую мышь.

Еще год назад, говорила мне двадцатилетняя жительница Грозного Диана П., по этому городу гуляли простоволосые чеченки в брюках, и народу было гораздо больше, и иногда даже слышался радостный смех. Потом, вспоминает Диана, девушек в брюках начали расстреливать из пейнтбольных ружей шариками краски — прямо так, среди бела дня, из машин. Девушки кричали, падали в обморок, некоторые даже попали в больницу, брюки носить перестали и купили головные платки — правда, пестрые, шелковые. «Такая у нас началась мода», — смеется Диана. Женщины, конечно, попереживали, а потом привыкли.

И женщин в брюках на проспекте В.В. Путина больше нет. Я, наверное, была единственной. К тому же на этом проспекте я решила заку-

ритель сигарету и через пять минут была остановлена милиционером-кадыровцем в пятнистой форме и с автоматом Калашникова на груди. Он внимательно изучил мой паспорт и сказал, что «женщинам в городе курить запрещено, а на этом проспекте — особенно».

В общем, никаких официальных правил на этот счет нет. Все правила Рамзан, который «Спасибо за Грозный!», устанавливает сам. Он объявляет вне закона брюки, алкоголь, смех на улицах и разговоры на кухнях. «У нас нет законов, есть Рамзан, — говорит мне таксист Асламбек. — Вы даже не знаете, как мы живем, а если я вам расскажу, то за мной ночью придут, и все, и нет меня».

Поэтому принято радоваться и делать вид, что все спокойно.

Перед музеем Ахмат-Хаджи Кадырова, огромной блямбой из полированного мрамора, внешне напоминающей гибрид Тадж-Махала и Бородинской панорамы, фотографируются командировочные омовцы из Тюмени — в кепках и банданах, уперев автоматы в бедро, в классической позе коммандос. О целях своей командировки умалчивают.

В магазинах канцелярских принадлежностей продают магниты на холодильник: Рамзан с лошастью, Рамзан в темных очках, Рамзан в кепке, с детьми, и просто — в рубашке и галстуке. На автоматах для приема платежей — надпись «Платежная система “Тимплат” берет пример с нашего лидера, Кадырова Рамзана Ахматовича, в развитии Чеченской Республики». На экране, посреди логотипов «Билайна», «Мегафона» и «МТС», бесконечно показывают ролик: Рамзан Кадыров на стадионе Ахмат-Хаджи Кадырова, в Мекке, на похоронах, в школе, впереди кавалькады машин в открытом автомобиле, украшенном пестрыми коврами. Похожая кавалькада ездит по городу в день чеченской Конституции: для начала по проспекту Ахмат-Хаджи Кадырова скачет всадник на белом коне, за ним рядом едут черные автомобили. Одну из машин тянет шей человек пугающих размеров за ременные постромки — на потеху публике.

Разобраться в том, действительно ли жители Грозного честно любят Кадырова, практически невозможно: меньшая часть респондентов отвечает на этот вопрос смущенным молчанием, большая часть отвечает так: «Жизнь отдам за Рамзана». Кто-то из них может показать вам многоквартирный дом в районе Дома печати, где находится одна из квартир Рамзана Кадырова: «Видите, три этажа его портретом закрыто? Там он бывает иногда. Один мой друг отделку в квартире делал. Там, как только Рамзан в квартиру заходил, у всех тут же телефоны глохли».

Телефоны в Грозном глушат, как только ты подходишь к Дому торжественных приемов, где тоже бывает Рамзан, или когда ты подходишь к «Грозному-Сити», точной копии московского монстра, только меньшего размера. Телефон глушат и возле нового аэровокзала, по периметру обсаженного бронзовыми львами. Над одним из львов над-

пись: «Единственным свидетельством патриотизма является поступок Р. Кадыров». Над другим написано: «Мое оружие — правда, и перед этим оружием бессильна любая армия. Р. Кадыров».

Основной печатный орган города — газета «Грозненский рабочий», в которой освещаются основные события скудной местной жизни. Так, недавно в Грозном прошла церемония вручения премии «Золотое перо»: Максим Шевченко и Игорь Верник вручали статуэтки местным журналистам, и самую большую и самую золотую получил Рамзан Кадыров — «за содействие чеченской прессе и развитие ее свободы и независимости». Но ни того, ни другого в городе нет, как нет здесь и оппозиции, если только не считать оппозиционным проявлением крохотную надпись «ждем перемен» на рыночном ларьке, в котором продают лепешки из тонкого теста.

Можно уехать из центра и попытаться найти дом, где жила правозащитница Наталья Эстемирова. Никто из местных не знает точный адрес, никто из местных не хочет даже произносить вслух саму фамилию — «Эстемирова». Никто не хочет вспоминать, что она была похищена три года назад, убита, а убийцы, несмотря на поквартирный обход, так и не были найдены. И за ее фамилией любому грозненцу и грозненке мерещатся ужас, ночь и — «А вдруг за мной придут?»

Ее дом расположен чуть вбок от проспекта Ахмат-Хаджи Кадырова, на улице Богдана Хмельницкого. Простой щитовой дом, расписанный граффити и украшенный портретами Кадырова и Путина. Перед домом валяются гнилые тыквы. В мусорных баках жгут мусор. Я кладу на скамейку перед домом две бордовые розы. Делать в Грозном больше нечего.

Ты здесь один

OpenSpace.ru, 13.06.2012

Бывший десантник Денис Луцкевич, задержанный по делу о массовых беспорядках 6 мая, прошел путь от знаменной группы на Красной площади до Болотной.

Стелла АНТОН, 41 год, флорист, мама 20-летнего Дениса Луцкевича, задержанного за организацию беспорядков на Болотной площади

Я сама молдаванка, а замуж вышла за украинца, Сашу Луцкевича. Жили мы у него, в городе Могилев-Подольский.

Тогда были тяжелые времена: Дениса я родила в 1992 году, денег не было, и мы крутились как могли: коммерцией занимались, что-то покупали, что-то продавали. Я устроилась работать в *Air Moldova International* в диспетчерскую службу, но в то время в Молдавии зарплаты были низкими, денег на жизнь не хватало, и народ бежал, кто куда. А я решила

ехать в Москву. Потихоньку заработала денег, выучилась на флориста, получила российское гражданство, купила в кредит квартиру в Лобне.

Денис все это время жил с моими родителями и учился в молдавской школе. Воспитывали его дедушка с бабушкой и делали это в духе старого времени: ну, надо помогать слабым, уважать старших и все в таком духе. В школе Денис был старостой класса и учился на одни пятерки. Мне было чем гордиться, понимаете? Когда я приезжала к родителям в деревню Ханкауцы, односельчане и учителя его постоянно хвалили. А обучение в школе, чтоб вы знали, велось только на румынском языке.

Мама моя, Дора Ефимовна, человек строгий: она сама учительница, математику преподавала. Она по три часа после уроков с Денисом алгеброй и геометрией занималась, а когда он из школы домой приходил, то она его со всех сторон обнюхивала, все боялась, что внук курить начнет. В общем, воспитывался мой мальчик в строгости. При этом по характеру он совсем не конфликтный и больше всего в жизни скандалы не любит. Например, с моим вторым мужем, Анатолием Вдовенко, бывшим начальником УБЭПа Лобненского ОВД, Денис ни разу не поругался и терпеть не мог, когда мы с Анатолием отношения выясняли, — как только начнется скандал, Денис сразу гулять уходил.

В Россию Денис переехал три года назад, когда ему только-только исполнилось семнадцать лет. Сыну довольно легко дали российское гражданство, и я мечтала о том, чтобы он поступил учиться в институт — в любой, лишь бы в армию не забрали. Но ему пришла повестка, и он добровольно пошел в военкомат, прошел медкомиссию, и я помню момент, когда он пришел и сказал: «Мам, я решил пойти служить в армию». И как-то он серьезно это сказал. Представьте себе, он отказался от молдавского гражданства, он понимал, что дома, в деревне Ханкауцы, ему делать нечего и работы никакой нет. А в России больше возможностей и гражданство дали. Он, наверное, был благодарен этой стране, в которой ему позволили жить, и пошел ее защищать.

Военную комиссию Денис прошел очень легко и мне потом рассказывал, что на вопрос, где хочет служить, ответил: «В десантных войсках». Его определили служить в Балтийский флот. Когда я поехала к нему на присягу, выяснилось, что его взяли в десантно-штурмовой батальон, элитное подразделение флота, где служило всего сорок человек. Я помню, когда его в ДШБ зачислили, он прыгал до потолка.

Служить ему было очень тяжело: слава богу, в армии сейчас разрешены телефоны, мы часто созванивались, и он, конечно, в трубку не плакал, но я по голосу его чувствовала, что он устает и изматывается. Он дослужился до младшего сержанта, а год назад его выбрали в знаменную группу для парада на Красной площади. Я видела парад по телевизору, поскольку в то время на работе была. Денис мне говорил: «Мам, ты не представляешь, какие ты на Красной площади чувства ис-

пытываешь! Ты проходишь мимо президента и понимаешь, что обязан идти с улыбкой, а у тебя от волнения и счастья слезы текут. Столько эмоций, и ты их даже не поймешь, поскольку там сама не была».

В то время президентом был Медведев, а рядом, конечно, Путин. И на то, как Денис шел по Красной площади, смотрела не только я, но и вся родня в Молдавии и на Украине, и все звонили друг другу и плакали.

Знаменная группа из двенадцати человек приехала в Москву раньше всех остальных. Перед тем, как нести знамя по Красной площади, группа проходила инструктаж в президентском полку — знаете, это те ребята, которые Мавзолей охраняют. Перед парадом группа проходила проверку в ФСО. Каждому предложили идти в Академию ФСО. Я помню, Денис взял визитку какого-то чина из охраны, и после этого у него не было никаких иных желаний, кроме как пойти в ФСО. Он этой службой бредил.

Через месяц после парада Денис демобилизовался. 17 июня он пришел домой, а у меня в тот день была свадьба, я как раз выходила замуж за Анатолия.

При первой же возможности Денис понес документы в академию. Он прошел все собеседования, но его не взяли — несмотря на то, что он служил в элитных войсках, занимался боксом и по всем параметрам проходил. Сказали, что российское гражданство он получил совсем недавно, к тому же его отец живет на Украине, а это — серьезный минус. Тем не менее копии его документов в академии оставили, сказав, что пусть он не унывает и если что, ему обязательно позвонят. То есть какая-то надежда у него осталась.

После этого Денис поступил в Государственный академический университет гуманитарных наук, на заочное отделение. Там же, в университете, он устроился на работу: в общий отдел, помощником декана отделения культурологии. Сначала его взяли на испытательный срок, потом зачислили в штат — он исполнительный, ответственный и учится практически на одни пятерки.

Про то, что Денис ходил на «Марш миллионов» на Болотной площади, я ничего не знала: меня дома не было, в Тунисе отдыхала. Понимаете, Денис до этого ни на какие митинги не ходил, а тут пошел — во-первых, университет находится рядом с Якиманкой, во-вторых, пошли все коллеги моего сына — и студенты, и преподаватели.

Я его спрашивала потом, зачем он пошел на митинг. Да нет, я не спрашивала, я кричала: «Что ты там забыл? Что ты хотел изменить? Тебе что, больше всех надо?!» А он отвечал: «Пошли молодые девчонки, а я же мужчина. Мам, а если бы их задавили в толпе?» И все время говорил, что на его глазах тащили какую-то Олю, а он пытался ей помочь. А что это за Оля, я даже не знаю.

Но его же избили на митинге, вы понимаете? А я — мать. Я говорю: «И что, после того, как тебя измочалили, ты опять пойдешь, да? Ты хочешь,

чтобы тебя изуродовали?» Он сказал: «Нет, больше не пойду, хватит».

Хотя, может, он мне это просто так сказал, чтобы я успокоилась.

Но все это потом было, а тогда события разворачивались так: Денис встретился со своим командиром с Балтийского флота Юрием Бойченко. Тот его пригласил на ночную репетицию парада, которая была в самом начале мая. Денис сходил и договорился, что его пустят посмотреть на парад.

Я прилетела из Туниса вечером 9 мая. Перед вылетом позвонила сыну: «Денис, как прошел парад?» Он говорит: «Мам, я не пошел, я проспал».

Я страшно удивилась: ну не могло такого быть, он страшно на этот парад хотел. Ладно. Приезжаю домой. Достаяю шорты и футболку, которые сыну в подарок привезла: «Денис, смотри, какое все красивое, давай скорее мерить!»

А тот отвечает: «Да ну, давай завтра!» На следующий день он встал и рано утром пошел на работу. А я, простите, тайком взяла телефон мужа, стала сообщения просматривать — просто так, чтобы проверить, чем он во время моего отдыха занимался. Смотрю — раз! — Денискина спина располосованная, ухо черное, коленки до кости ободранные. Я в ужасе. Денис пришел домой, я полезла к нему с вопросами. Вот тогда он раскололся, что был на митинге, стал девчонку защищать, а его самого омоновцы побили, задержали и отвезли в ОВД «Останкино», где составили протокол по статье 19.3 (неповиновение законным распоряжениям сотрудника полиции. — OS). Из ОВД его муж забирал, и они, конечно, решили ничего мне не рассказывать, чтобы я лишний раз не волновалась. Потом они сразу поехали в институт Склифосовского по бои снимать.

Через месяц эта справка пропала при обыске.

28 мая мы задним числом получили повестку из УВД по Северо-Восточному округу о том, что 17 июня Денис должен явиться в мировой суд. Денис позвонил по указанному в повестке телефону, и ему сказали, что все в порядке и никуда приходить не нужно.

Вечером 8 июня мы вдвоем с Денисом смотрели футбол, муж гостил у родственников во Владимирской области. В том матче Россия выиграла у Чехии со счетом 4:1, сын орал от счастья, а я боялась, что он соседней разбудит.

Спать мы легли очень поздно. Около четырех часов утра раздался оглушительный грохот в дверь. Денис пошел открывать, и на него сразу налетели полицейские, бригада из семи человек. Какой-то следователь, оперативники из ОВД «Останкино» и участковый из Лобни. Дениса скрутили, начали обыск. Нашли травматический пистолет, и не смотря на то, что дома у нас было разрешение на «травмат», на сына недели наручники.

Мне кричат: «Несите одежду, в которой ваш сын был на Болотной!» Я приношу его шорты. Оперативники их встряхивают, и из кармана выпадает перочинный нож. Один из полицейских сразу закричал: «Вот, из-за таких, как ваш сын, наши омовцы в больнице лежат!» То есть им в голову не пришло, что после 6 мая прошло больше месяца, и шорты я сто раз стирала, и нож перочинный сын позже купил!

Все в доме перевернули. Изъяли телефон Дениса и ноутбук. Стали спрашивать, состоит ли он в запрещенных организациях, искали любые зацепки, но ничего не нашли: в компьютере были только видеозапись Парада Победы, в котором Денис участвовал, и фотография с задержания на митинге, кто-то ее Денису прислал.

Изъяли документы, изъяли старый молдавский паспорт и повели Дениса на выход. Я спрашиваю: «Вы его надолго забираете?» Мне не ответили. Я опять: «А можно, я с ним поеду?» А мне: «Можно, но вы к нам в машину не влезете». — «Ну хоть скажите, куда вы его везете? Откуда его забирать?»

Отвечают: «На Петровку, 38. И это — надолго».

Они его забрали, и больше я Дениса не видела. Мне кусок в горло не лезет, совсем есть не могу. Адвокат Сергей Леонов, которого сыну коллеги по университету нашли, сказал, что Денис содержится в изоляторе временного содержания на Петровке и к нему пока никого не пускают. Может, после праздников мне свидание разрешат и передачу. Я волнуюсь — а вдруг его там бьют? Но адвокат меня успокаивает, говорит, условия в ИВС нормальные, не бьют никого.

Я Денису всегда говорила, что не надо здесь ни за кого заступаться. Это Москва, это не Ханкауцы или Могилев-Подольский. Здесь совсем другие люди. Ты здесь один.

Тринадцать

«Большой город», 20.06.2012

По делу о беспорядках на Болотной задержано 13 человек. За них редко кто вступается, широкой публике про них известно мало — кроме того, что задержаны провокаторы, подстрекавшие толпу. Директор турфирмы, анархистка, ученый-химик, ультраправый скинхед — их не объединяет ничего, кроме того, что большинство из них 6 мая были на Болотной.

Олег АРХИПЕНКОВ

14 июня, Басманный суд, полдень. Конвойные заводят в зал №19 высокого крепкого брюнета в бордовой куртке и джинсах. Он озирается по сторонам и, прежде чем его запирают в клетке, успевает улыбнуться

красивой темноволосой девушке, сидящей в первом ряду.

«Все будет хорошо», — шепчет она. Он кивает в ответ.

Брюнета зовут Олег Архипенков, ему 27 лет. Он один из тринадцати, задержанных по делу о беспорядках на Болотной площади. Ему вменяют избиение двух омоновцев и прорыв цепи между Малым Каменным мостом и Болотной площадью, то есть организацию и участие в массовых беспорядках — часть 1, 2, 3 статьи 212 УК РФ. Сегодня судья Артур Карпов, лысый мужчина представительной наружности, должен вынести решение: оставить Архипенкова под стражей до суда или отпустить домой под подписку о невыезде.

Девушку, сидящую в первом ряду, зовут Настя. Она — жена Архипенкова, коммерческого директора турфирмы. «Сотрудник полиции Литвинов четко и уверенно опознал Архипенкова как человека, бросавшего в него камни», — чеканит судья. Настя же шепчет мне на ухо, что ее мужа в тот день на Болотной площади вообще не было: «В четыре часа дня мы с ним расстались в метро, на Кольцевой линии. Дальше он поехал по своим делам, а я — по своим. В семь часов вечера он позвонил мне из ОВД, уже не помню какого, и сказал, что его задержали рядом с метро «Театральная».

У Архипенкова ничем не примечательная внешность и, если верить влюбленной в него Насте, довольно обычная жизнь — не считая давней судимости за хранение наркотиков. Но это было давно, десять лет назад, «по малолетке» — отсидел год с небольшим и вышел по УДО. С турагентом Настей Архипенков познакомился полгода назад. На митинги никогда не ходил. Шестого мая — стандартная схема: автозак, ОВД, суд за «неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции», штраф в тысячу рублей, свобода.

23 мая 2012 года Олег с Настей поженились. В середине июня собирались ехать в свадебное путешествие либо на Бали, либо на Мальдивы. А 10 июня Олег не вернулся с работы домой: его взяли прямо на улице и отвезли в изолятор временного содержания, на Петровку, 38.

«Б...дь, это какой-то е...ный п...дец», — сердито шепчет Настя и смотрит в окно, за которым лето, жара и клиенты, которым надо искать поездки. Вероятно, на Бали. Или даже на Мальдивы. В невиновности своего мужа Настя уверена: «Мы даже не стали нанимать адвоката, зачем? Сейчас судья разберется, отпустит Олега домой. Знаешь, сколько я еды наготовила?»

В этот момент судья Карпов говорит, что «не видит препятствий для содержания Архипенкова под стражей до суда», и оставляет его под арестом до 10 августа.

По лицу Насти текут злые слезы.

Владимир АКИМЕНКОВ

За нашу и вашу свободу

В тот день в Басманном суде арестовали еще четырех человек, проходящих по «делу о Болотной». В 13.00 в клетку завели активиста «Левого фронта» — худощавого Владимира Акименкова. Он был задержан вечером 6 мая, и ему, как и Архипенкову, вменяют прорыв кордона от моста к площади. Судья Карпов зачитывает характеристику Акименкова: «Известен как активный участник митингов. Действия сотрудников правоохранительных органов во время общественных мероприятий снимает на камеру, сотрудничать с ними отказывается».

На скамейках сидят соратники Акименкова по «Левому фронту» и возмущенно перешептываются. Слово берет адвокат подсудимого Дмитрий Аграновский: «Ваша честь, с какого времени активное участие в митингах характеризуется отрицательно? Мы, насколько я понимаю, пока еще живем в свободной стране!» Карпов молчит.

Два года назад Акименков был условно осужден по 282-й статье УК РФ. Заявление на Акименкова написала его собственная мать, обнаружившая у него листовки лимоновцев. На этот раз, считает следствие, причины для заключения Акименкова под стражу более весомые: «Гражданин Акименков в составе группы граждан из 400 человек прорвал полицейское оцепление, продолжил несанкционированное шествие, при задержании пытался скрыться в толпе митингующих». К делу приложены протоколы допроса свидетеля-омоновца, никаких фото и видеоматериалов не представлено. Показаний Акименков не дает и настаивает на своей полной невиновности.

Его оставляют под арестом до 10 августа.

Рихард СОБОЛЕВ

Одновременно в соседнем зале рассматривают дело об аресте тщедушного 22-летнего монтажника Рихарда Соболева. Он был задержан 10 мая, при обыске у него была изъята маска с прорезями для глаз и флаг ДПНИ. В 2010 году Соболев проходил по делу о неонацистской банде NS/WP, работавших в Москве. Вердиктом присяжных за недостаточностью доказательств Соболев был полностью оправдан.

Адвокат Александр Васильев описывает Соболева так: «Мальчик из простой семьи, типичный подросток, который не производит впечатление интеллектуала. Не удивлюсь, если Соболев был просто задержан в компании, которая совершала либо противоправные действия, либо на грани закона. Но он не похож на человека, способного хоть к чему-то призывать, понимаете? Он не лидер, не зачинщик, не громила. Он типичный ведомый». Виновным Соболев себя не считает. Позже юрист правозащитного центра «Мемориал» Анна Каретникова напишет в сво-

ем ЖЖ: «Приезжали оперативники, хотели, чтоб Соболев рассказал, кто еще был на площади, кто лидеры, кто управлял народом. Изначально говорили, что, если даст показания, отпустят под подписку о невыезде, но только он им не поверил. Пока показания давать не собирается, «потому что следователь может против тебя же их и пустить». Считает, что арестовали из-за того, что раньше привлекался, и прокуроры решили отыграться: в прошлый раз не вышло — может, в этот выйдет».

Соболев тоже остается под стражей до 10 августа.

Александр КАМЕНСКИЙ

На такой же срок оставлен под арестом активист незарегистрированной партии «Другая Россия», мирного вида увалень Александр Каменский (20 июня был отпущен под подписку о невыезде. — БГ) — хотя его соратники утверждают, что в тот день он вообще был не на Болотной, а на площади Революции. «Мы давно знаем, что если начинается какой-то кипеш, то во всем обвиняют нас, — объясняет Сергей Фомченков, член партии «Другая Россия». — Именно поэтому мы приняли решение не ходить на Болотную площадь вообще, а пройти от площади Революции до Манежа». В материалах дела даже есть протокол задержания Александра на площади Революции. И есть два свидетеля, с которыми Каменский ехал в автозаке, но суд отказывается их выслушать.

Артем САВЕЛОВ

Вероятно, Каменский будет сидеть в соседней камере еще с одним фигурантом «Болотного дела», Артемом Савеловым. Смуглый, невысокого роста, с частой сединой в волосах, тридцатилетний Савелов практически не может самостоятельно отвечать на вопросы — он очень сильно заикается. По мнению следствия, Савелов оказывал активное сопротивление полиции и несколько раз подряд кричал лозунг «Долой полицейское государство!». Поверить в то, что с трудом произносящий даже «да» и «нет» человек смог прокричать такой длинный лозунг, невозможно.

Среди тринадцати задержанных за призывы к беспорядкам на Болотной площади один инвалид уже есть — Михаил Косенко. По версии следствия, он нанесил удары омоновцу. У Косенко инвалидность второй группы по психическому заболеванию, которое обострилось после избиения в армии. Несмотря на диагноз и на то, что, по протоколу, потерпевший омоновец «не помнит и не может указать тех, кто наносил ему удары», Косенко взят под стражу.

Просто дети

Когда я смотрю на полный список задержанных, ловлю себя на мысли о том, что большей части потенциальных «погромщиков» едва исполнилось двадцать. Самой известной из задержанных — 18 лет. Александр

ру Духанину, защитницу Цаговского и Химкинского леса, постоянную участницу лагеря «Оккупай» на Чистых прудах, взяли прямо на улице 27 мая. За две недели до задержания в сети распространились фотографии, на которых худенькую Александру волочит, обхватив за шею, громадный омоновец. Благодаря этому снимку Саша невольно превратилась в икону протестного движения. «Ее взяли первой, потому что она стала слишком заметной», — утверждает ее адвокат Ефремов. Свою подзащитную он описывает так: «Почти подросток, родилась на Кипре, живет в Москве, у тети. Здесь же окончила школу и поступила в МГУ на специальность «переводчик с немецкого языка». Потом с учебой что-то не сложилось, специальность не понравилась, из университета ушла. После этого — мелкие подработки, хотела устроиться администратором в кришнаитский центр, говорят, мечтает продолжить учебу».

Друзья Духаниной в один голос описывают ее как человека «доброго и светлого». Алексей, познакомившийся с ней в лагере на Чистых прудах, утверждает, что Саша — вегетарианка, активистка движения «Еда вместо бомб» и «большая любительница бродячих животных, которым она все время помогала». А вот подруги считают, что она очень изменилась, когда зимой подружилась с анархистами: стала коротко стричь волосы и говорить, что «там брат за брата — не то что у вас».

«Она похожа на девушку, которая попала не в ту компанию, вот и все. В восемнадцать лет человек должен учиться в институте, а не ходить на Болотную площадь», — считает Ефремов.

Духанину обвиняют в причинении насилия в отношении представителя власти и участия в массовых беспорядках. Комментировать предъявленное обвинение Ефремов отказывается: «Я могу только сказать, что девочка попала в ситуацию, когда все что-то кидают. Ну и она кинула». В сети действительно есть несколько видеозаписей, на которых видно, как Духанина периодически выбегает из толпы митингующих, делает бросок непонятым предметом в непонятном направлении и убегает обратно. «Я отказываюсь верить в то, что Саша могла в кого-то чем-то бросать», — говорит ее друг Алексей.

Денис ЛУЦКЕВИЧ

Ложь и видео

Часть записей с митинга, выложенных на YouTube с пометкой «Беспорядки на Болотной площади», мы смотрим с мамой 20-летнего студента Дениса Луцкевича. Маму зовут Стелла, она живет в городе Лобня вместе со своим вторым мужем, бывшим начальником лобненского УБЭПа. В тот день, когда Денис пошел на площадь, дома ее не было — отдыхала в Тунисе. Зато она была в тот момент, когда за сыном пришли. 9 июня ночью в дверь их квартиры начали бить кулаками. Стелла открыла дверь — ворвалась бригада из нескольких полицейских, и Де-

ниса скрутили. Тогда она видела сына в последний раз.

Луцкевич, бывший морской пехотинец, пошел на Болотную площадь с однокурсниками и преподавателями. На митинги он никогда прежде не ходил, оппозиционными взглядами не отличался и больше всего на свете хотел поступить в полк ФСО. Известно, что на площади он был с девушкой по имени Ольга, которую потерял, когда толпа митингующих пошла на прорыв. Предположительно на его глазах Ольгу задерживали, и он пытался ей помочь. Тогда же был задержан и он сам, но в тот же день отпущен без всяких санкций — до той самой проклятой ночи 9 июня.

И теперь мы сидим со Стеллой в кафе в центре Лобни и смотрим запись, на которой видно, как Денис Луцкевич на секунду появляется в толпе вместе с девушкой с длинными русыми волосами, а через три секунды уже стоит один и неловко озирается по сторонам. Еще через несколько секунд он уже что-то кричит вместе с толпой, запертой между двумя цепями ОМОНа.

Стелла смотрит видео, и костяшки ее переплетенных пальцев белеют от напряжения.

«Луцкевича жестоко избили сотрудники ОМОНа, — рассказывает мне его адвокат. — В институте имени Склифосовского у него зафиксировали ушиб затылочной части головы, гематому правой ушной раковины, множественные ушибы спины и рук. А через месяц его задерживают и доставляют в СК, где омоновец опознает Дениса как человека, срывавшего с него шлем. При этом ни на одной из записей мы не видим, как Денис кидается камнями или срывает с омоновца шлем!»

Андрей БАРАБАНОВ

Двое

Скудной информации о тринадцати задержанных недостаточно для того, чтобы понять, как они жили до ареста. Я езжу по городу и общаюсь с их родными и близкими. В кафе на Бронной мне назначает встречу Катя Миншарапова, подруга Андрея Барабанова.

23-летняя Катя и 21-летний Андрей познакомились три года назад через друзей. Он только-только закончил Московский математический колледж, она уже училась на факультете изобразительных искусств в МГГУ имени Шолохова. Мы сидим с ней в итальянском кафе, и Катя рассказывает про их с Андреем жизнь: «Жили с его мамой, Татьяной Николаевной. Я окончила курсы аэрографии и Андрея немного подучила: у нас дома есть компрессор, делаем заказы по интерьеру, мебель. На это и живем. Да, еще Андрей дреды плетет, на сноуборде людей подучивает, и нам хорошо».

В феврале Катя и Андрей пошли на первый в своей жизни митинг — «За честные выборы». «Не то чтобы мы увлекались политикой, мы друг другом жили. При этом мы не совсем отрешенные — понимаем, в какой

стране находимся». Шестого мая, взявшись за руки, пошли на Якиманку: «Было много людей, все очень довольные, веселые, дети бегали — до этого я такого не видела. Солнце светило, я в коротком синем платье была».

На Болотной Катя с Андреем оказались вместе со всеми и даже не заметили, когда на толпу пошел ОМОН. «Стали выгонять людей, кричать, что мероприятие закончено, а я еще заметила, что народ на площади разный — и молодежь, и старики, кто-то хорошо одет, а кто-то очень бедно. И для меня было возмутительно, что всех их разгоняли, хотя митинг был мирный».

Андрей держал миниатюрную Катю за руку, а часов в шесть вечера, когда бойцы стали рассекать толпу на несколько частей и в полицейских полетели пластиковые бутылки и камни, Катю с Андреем отбросило друг от друга: «Я бегала минут десять, и тут он позвонил мне с какого-то телефона и сказал, что его забрали в автозак. Через час он перезвонил и попросил привезти его паспорт в ОВД «Тверское». Андрея очень сильно побили — все было в ссадинах и синяках. После этого его в ОВД держали сутки».

Позже был суд по административному правонарушению, где Андрею, по словам Кати, сказали, что «сутки в ОВД — это и есть наказание, и больше ничего не будет».

Она всхлипывает: «Мы вместе на суд ездили, и ему дали бумажку, что все хорошо».

Недолго, но счастливо они прожили до 28 мая. В тот день, уже поздно вечером, в их квартире неожиданно погас свет: «Татьяна Николаевна, мама Андрея, открыла дверь, чтобы проверить счетчики в коридоре, и тут же в квартиру кидается куча народа, маму откидывают в сторону, на меня наставляют пистолет, Андрей выходит из туалета, его кидают на пол, нам ничего не говорят, мама визжит, а его скручивают и уносят». Потом начался обыск: изъяли пять пар джинсов Барабанова, Катин блокнот для рисования, кошелек Андрея, все компьютеры, телефоны и жесткие диски. 30 мая Барабанов был взят под стражу. Когда Катя вспоминает про тот вечер, она начинает плакать: «Кроме него, у меня никого нет. Маму я похоронила в прошлом году, бабушку тоже. С папой я не общаюсь, он нас бросил. Почему так все получается?»

Барабанову предъявлено стандартное обвинение в избиении омоновца. Если порыться в сети, можно найти видео, на котором омоновец валяет три изрядно накачанных человека в черных масках. После этого от толпы отделяется Андрей, одетый в длинные джинсовые шорты и черную маску с белым рисунком, и pinaет омоновца по бронежилету. «Это такая глупость, — плачет Катя, — Он потерял меня, как-то глупо поддался истерике толпы, но его самого избили в ответ, к нему скорую в ОВД дважды вызывали, у него черепно-мозговые травмы. Что же нам теперь делать?»

Максим ЛУЗЯНИН

По этому видео был опознан еще один из тринадцати подозреваемых, Максим Лузянин. Культурист-ресторатор из Подмосковья, Лузянин изначально утверждал, что не узнает себя на фотографиях людей, бьющих омоновца на Болотной площади.

Потом он, как и Барабанов, признал свою вину.

Было бы нелепо утверждать, что на Болотной не было людей, нападавших на омоновцев. Был прорыв оцепления, были ответные действия, когда омоновцы налетали на толпу, оттесняли ее и били дубинками всех, до кого могли дотянуться. И толпа, швырявшая в ответ бутылки, камни и куски асфальта, тоже была. Я четко помню, как со всех сторон раздавались крики: «Не уходим! Держим цепь!» и даже — «Валим биотуалеты!» И в общем, никто не уходил, и все держали, и все валили. Впоследствии пошла речь о том, что в толпе митингующих были провокаторы. Но даже если это и так, толпу все же будоражили не они. Терпение толпы лопнуло само по себе, и люди пошли на прорыв, простояв полтора часа на раскаленном солнцем мосту.

А через две недели после митинга начались задержания, обыски, аресты, уголовные дела.

Ярослав БЕЛОУСОВ

Студенты

20-летнего политолога Ярослава Белоусова задержали ранним утром и увели на несколько часов. Домой он так и не вернулся, и теперь его юная жена Тамара Лиханова бежит с передачами на Петровку, а потом к адвокату, а еще на сессию — и так целый день. Все это время с Тамарой ее годовалый сын, Андрей. Оставить его категорически не с кем.

Мы гуляем по Измайловскому парку: Тамара невысокого роста, с длинными темно-русыми волосами, очень сосредоточенная — типичная отличница. Ее сын в джинсовом комбинезоне ковыляет по тропинке. Тамара — студентка четвертого курса факультета политологии. Ее муж уже неделю сидит в изоляторе. Тамара рассказывает, что свидания им не дают и она, взяв передачу, долго катала коляску с сыном вокруг здания на Петровке, 38, в надежде, что Ярослав выглянет в окно и их заметит.

Они познакомились на первом курсе, учились в одной группе. Тамара была старостой, Ярослав — примерным студентом. Через полгода после начала учебы стали встречаться, еще через полтора — поженились. Теперь у них, говорит Лиханова, «толерантная» семья: Тамара придерживается социалистических взглядов, Ярослав — национал-демократических, но, по словам Тамары, официально ни в какую организацию не входит. Правда, общается с друзьями из Русского гражданского союза — «не больше года, и они позиционируют себя как сугубо

мирных». Александр Храмов, координатор Русского гражданского союза, вкратце рассказывает про свою организацию так: «Была создана в ноябре 2010 года, входит в нее небольшое количество людей в Москве. В основном люди до тридцати — студенты, аспиранты, менеджеры. Наше движение не против кого-то, оно скорее о политике государства — мы против заливания Кавказа деньгами, против безумной политики по отношению к мигрантам, пусть они приезжают по визе. Условно говоря, такой вариант Навального».

Когда началось движение «За честные выборы», Ярослав стал в нем участвовать — ему, объясняет Тамара, как политологу это было очень интересно. Белоусов дважды был наблюдателем на выборах, один раз — членом избирательной комиссии: «Он был недоволен результатами выборов и стал ходить на митинги». В тот день 6 мая Ярослав, как обычно, собрался на митинг, жена с сыном ждали его дома. Позже, когда в новостях прошла информация о том, что у кинотеатра «Ударник» неожиданно началась сидячая забастовка, Тамара стала переживать: «Я звоню Ярославу, и он сказал, что на площади какой-то ужас творится. Я ему кричу: «Уходи!», он сказал — «Да, сейчас уйду!», и все, а потом позвонил из автозака».

Она спросила его, что произошло. Он ответил, что его схватили омоновцы и поволокли в автобус. Дальше Тамара искала его по всем ОВД и нашла в отделении в Вешняках. Спустя сутки Белоусова отпустили. Затем ему пришла повестка с требованием явиться в мировой суд, Белоусов получил наказание в виде суток, уже отбытых в ОВД, и все были страшно рады, что кошмар закончился.

Ярослав начал готовиться к сессии и в начале июня успел сдать два экзамена. Третий был назначен на 11 июня, и его Белоусов сдать не успел.

Тамара рассказывает: «9 июня рано утром к нам пришли люди в штатском и потребовали, чтобы Ярослав оделся и проехал с ними. Было их человек пять. Через 15 минут в квартире начался обыск: у нас с Ярославом был один стол на двоих, и там стояли компьютеры, и его, и мой. Оба компьютера забрали. Я все хотела распечатать фотографии Андрюшки, так и не собралась».

Белоусову вменяют все ту же «организацию и участие в массовых беспорядках на Болотной площади». На видеозаписи, которую даже демонстрировали по телевидению, видно, как человек, похожий на Белоусова, поднимает руку и замахивается. Сказать с уверенностью, что в руке его зажат хоть какой-нибудь предмет, нельзя. С уверенностью можно сказать только одно: Ярослав стоит в толпе, не кричит никаких лозунгов и меньше всего похож на «крепкого мужчину в спортивном костюме», провоцирующего толпу. А именно так описывали провокаторов на Болотной площади в блогах и СМИ.

Семья

В списке задержанных, на первый взгляд хаотичном, есть своя внутренняя логика: в нем каждой твари по паре. Есть активисты запрещенных и оппозиционных движений — «Другой России», «Левого фронта», Гражданского союза. Есть анархисты. Есть скинхед. Вот безработные, а тут пусть и бывший, но военнотружущий. Задержанный почвовед Федор Бахов, безо всякого сомнения, подходит под категорию «научный работник» и по рассказам близких производит впечатление человека незлобивога, к жизни не слишком приспособленного. Федор — поздний ребенок, воспитывали его родители и, конечно, любимая бабушка. Окончил химический факультет, прекрасно учился. Со своей женой, Светланой Дмитриенко, познакомился на сайте знакомств, когда ему едва исполнился 21 год — сразу после окончания вуза.

Два года Светлана и Федор встречались, потом поженились. Вскоре после этого родилась дочь Анастасия. После декрета Светлана устроилась на работу консультантом по продаже косметики, 28-летний Федор, к тому моменту защитивший кандидатскую диссертацию, стал начальником лаборатории инновационных технологий в одном из институтов при РАН. Нормальная среднестатистическая семья. Мы курим со Светланой на лавочке возле их дома — обычной многоэтажки на севере Москвы. Светлана говорит, что постоянно отговаривала мужа от походов на митинги. А он все ходил: «У Феде папа пенсионер, очень политикой увлекается, они на эту тему до бесконечности говорили. Муж наблюдателем на выборах был, а мне, если честно, раньше было все равно, кто страной руководит. Теперь, конечно, нет».

День митинга Света описывает просто: «Я вообще не знала, что муж пойдет на этот митинг, он должен был сидеть с ребенком, а я на работе была. А Федя отдал ребенка бабушке, сказал мне, что поедет оплатить интернет и вернется через пару часов. Потом, где-то часов в шесть вечера, он позвонил из ОВД «Вешняки», и я, если честно, была в шоке. В этот же вечер его сестра Мария и мама Людмила поехали в ОВД, отвезли ему еду, какие-то вещи. От теплой одежды он отказался, о чем потом очень пожалел: в камере был ужасный холод. С утра его отпустили, потом пришла повестка в суд, мы заплатили пятьсот рублей и абсолютно обо всем забыли».

В их квартиру пришли 9 июня в три часа утра. Светлана не открыла дверь: «У меня спал ребенок, и мама только-только из больницы выписалась. Тогда пришли в шесть утра, и мы уже их впустили. Настя, слава богу, спала». Я спрашиваю, как проходил обыск, Света отвечает: «Не могу сказать, что они действовали как варвары: ничего не ломали, не кидали. Изъяли компьютеры, телефоны, жесткие диски. Федю увели и сказали, что вечером обязательно отпустят и даже все вещи вернут,

вот только проверят. И еще полицейские, которые обыск проводили, сокрушались: «Что же вы, гражданин Бахов, на митинг пошли? Вот если б дома сидели, то никаких бы проблем не было». Федор сказал: «Да я уже и сам понял, что ни на какие митинги у нас ходить нельзя».

На следующий день в Басманном суде Федор Бахов был взят под стражу.

Все, что было потом, описала и распространила в соцсетях сестра Федора Мария: «Госадвокат Наполов сказал, что Федор написал явку с повинной. С его слов можно было понять, что явка с повинной — невероятно удачная идея и что следователь лично ему обещал отпустить Федора под подписку о невыезде. Со слов Наполова, в явке с повинной написано, что Федор увидел трех омоновцев, избивающих одного мужчину, и в результате последующего инцидента оттолкнул омоновца». Никаких фото- и видеодоказательств вины Бахова представлено не было.

Надо ли говорить, что почвоведа Федора Бахова никто и никуда не отпустил. Светлана сокрушается: «У нас жизнь повернулась на 180 градусов. Дочка постоянно спрашивает: «Где папа? Где папа?» Что я ей буду говорить, я не знаю. Наверное, что он в командировке, на работе, где угодно. Он такой добрый, хороший, попал по глупости».

Степан ЗИМИН

Точно такими же словами — «добрый, хороший» — описывает мне своего партнера по танцам Степана Зимина его лучшая подруга Саша Кунько.

Я смотрю видеозапись, на которой стройная шатенка Саша Кунько и крупного сложения Степан Зимин танцуют буги-вуги. Саша одета в красное короткое платье, бритый наголо Степан — в черные мешковатые брюки, серую рубашку и черную жилетку. «Когда мы Степу видели, то всегда улыбались, потому что он не просто большой, толстый и лысый, а большой, толстый, лысый и очень добрый», — рассказывает Саша.

Они стали танцевальными партнерами в феврале и с того же времени начали плотно общаться: «Мы выступали на чемпионате России по буги-вуги, прошли в финал, а потом стали лучшими друзьями, и я начала узнавать о нем подробнее. Оказывается, он занимается реконструкцией костюмов, культуры и быта славян X века, работает кузнецом, при этом учится на факультете политологии РГГУ, востоковед, в совершенстве знает арабский язык».

Они плотно общались и виделись каждый день. Про митинги речи не было. Сама Саша к протестному движению относится скептически: «Я ходила на Чистые пруды, но мне кажется, что все это бессмысленно. У меня есть более интересные дела, чем ходить на митинги». А Степан не скрывал, что он анархист: говорил, что он «за свободу, равенство и братство».

Шестого мая Саши не было в Москве, и она не знает, что делал Степан: «Думаю, никто этого не знает, кроме тех, кто с ним рядом стоял. Я видела фотографии, на которых были потасовки с полицейскими. Но

я не видела и не верю в то, что Степа мог кидать камни».

А об аресте Степана она узнала во «Вконтакте»: «Однокурсница скинула ссылку на заявление Владимира Маркина, что Степу задержали. Мне казалось, что это не со мной происходит: мы со Степой последний раз виделись 7 июня, а 8-го его арестовали».

Седьмого они гуляли по городу и договорились встретиться на следующий день. Были планы на праздники — уехать за город с друзьями на долгие выходные.

Не уехали.

Василий Кушнир, адвокат Зимина, говорит, что при обыске у Степана были изъяты маска и бутылка со ста граммами ацетона. При этом, утверждает Кушнир, доказательств вины его подзащитного нет: «Есть первый протокол допроса сотрудника полиции Уватова, в котором он говорит: «В тот момент, когда мы стали задерживать граждан, они начали в нас бросать камни, бутылки, куски асфальта. Самые активные граждане, бросавшие предметы, были в черных масках, поэтому их лиц не было видно». Через месяц с небольшим был проведен повторный допрос Уватова — и он дал совершенно другие показания, указав на человека, который был «выше среднего роста, в маске».

Степана, юношу ростом под два с лишним метра, бывшего на митинге в черной маске, которые носят почти все анархисты, немедленно задержали. По мнению Кушнира, «сотрудник полиции оговорил человека. В материалах дела всего две фотографии, на них Степана задерживают сотрудники полиции. Никаких камней в руках у него нет».

Ареста, считает Саша Кунько, Степа не заслуживает, а только дружбы и восхищения: «Его стремление ходить на митинги — отчасти юношеский максимализм. Он боролся за свои идеалы и не совершал никакого страшного поступка, за который ему грозит такое. Он не преступник, он 20-летний парень, студент с активной жизненной позицией».

Сейчас Саша собирает передачи и хочет, чтобы ситуация со Степой «поскорее закончилась и прошла, как страшный сон».

Такие передачи — рассыпной чай, колбасная нарезка, шоколадные конфеты — собирают сейчас во всех тринадцати семьях. В каждой семье считают, что их близкий не мог быть зачинщиком, не мог призывать к беспорядкам и тем более не мог их заранее организовывать. Да, защищался. Да, защищал. Да, был вместе с толпой, да, пришел в ярость — и даже дрался.

На площади — и это видно на любом видео — оборонялась и атаковала значительная часть митингующих. Взяли тех, кто был на переднем крае. Ни один из людей, отдававших приказы омоновцам, не был обвинен в превышении должностных полномочий. А тринадцать человек взяли. И никому они по большому счету не нужны: трех взялась защищать общественная организация «Росузник», двух — «Агора», одно — «Общественный вердикт», кому-то не досталось и этого.

Я не следователь и могу расписаться только в своих субъективных ощущениях. Арестованные, о которых я расспрашивала адвокатов, друзей, жен и подруг, не показались мне похожими на провокаторов или организаторов беспорядков. Зато мне показалось, что вместо них в СИЗО мог оказаться практически любой участник митинга — вне зависимости от своих политических взглядов, активности и гражданской позиции. Просто «пришел в ярость», «поддался на истерику толпы». Или просто стоял рядом. Или даже не стоял.

А еще мне показалось, что эти арестованные — просто пешки в не очень-то тонкой игре. Потому что от адвокатов и правозащитников уже известно, что в изолятор к тринадцати арестантам ежедневно приходят оперативники и следователи и просят дать показания на известных лидеров оппозиции. Показания — и больше ничего.

И когда этот сон прекратится, неизвестно никому.

Будут сидеть

«Большой город», 05.07.2012

В рамках дела о беспорядках на Болотной площади опрошено 1 290 человек, проведено 30 обысков. Люди, близкие к следствию говорят, что процесс «тринадцати» идет по белорусскому сценарию и обвиняемых будут «закрывать на 3 года минимум».

«Уберите мальчика с прохода, он мешает работе суда», — кипятится полная женщина в черном платье с белым воротником в коридоре Басманного суда. Андрюшу спешно поднимают с пола, вручают ему банан. В этот же момент судебные приставы просят людей «принять в сторону» и ведут по коридору отца мальчика — политолога, четверокурсника МГУ Ярослава Белоусова. Если описывать его внешность одним словом, то это — ботаник. Худощавый, аккуратная стрижка, прямоугольные очки.

Белоусов был задержан на Болотной площади 6 мая, когда согласованный митинг превратился в несогласованную свалку с элементами бойни. Его продержали ночь в ОВД, вменили стандартную статью 19.3 КоАП и отпустили на все четыре стороны.

Три недели спустя сводная бригада полицейских пришла к нему домой с обыском. Ярослав был арестован, помещен в изолятор на Петровке, его обвинили в участии в массовых беспорядках на митинге и через пару недель перевели в СИЗО №5.

Сегодня, 3 июля, судья Наталья Мушникова, женщина ничем не примечательной внешности, должна решить, продлить ли Ярославу срок содержания под стражей до 6 ноября, как того просит следствие, или избрать другую, более мягкую меру пресечения.

На скамейках сидят ближайшие родственники Белоусова — жена Тамара и мать Лариса Васильевна. Помимо них, Белоусова пришли поддержать соратники из Национал-демократической партии под предводительством Константина Крылова и Натальи Холмогоровой. Других несистемных оппозиционеров в суде нет.

Слово берет следователь, который механическим голосом сообщает, что в «рамках расследования дела о беспорядках на Болотной площади было опрошено 1 290 человек, проведены 30 обысков, в том числе у предполагаемых организаторов беспорядков Навального, Яшина, Удальцова, Бароновой, Собчак». Он утверждает, что Белоусова необходимо оставить в СИЗО на весь период следствия, в противном случае «он уничтожит улики» и «будет давить на свидетелей». Обвинение вменяет Белоусову «прорыв цепи и сопротивление сотрудникам полиции», которое, судя по всему, выражалось в том, что «Белоусов, вскидывая кулак, кричал омоновцам «Фашисты!», а еще кидался в них непонятным желтым предметом и попал». Все это есть на видеопленке, которую адвокатам Белоусова — Дмитрию Аграновскому и Игорю Руденко — так и не показали. Состояние здоровья, утверждает следствие, позволяет Белоусову находиться под стражей. «Но у меня астма и плохое зрение», — возражает Белоусов. «Насколько плохое?» — участливо интересуется Мушникова. «Один глаз — девять, второй — пять».

Защита Белоусова предлагает заменить заключение в СИЗО на домашний арест или залог в полмиллиона рублей, просит приобщить к делу поручительство трех московских муниципальных депутатов, а также замечает, что жена Белоусова в академическом отпуске и «у него, ваша честь, маленький ребенок». Тот самый годовалый Андрюша, который ест банан в коридоре.

Мушникова удаляется для принятия решения и через полчаса объявляет, что ходатайство следствия удовлетворено, Белоусов останется под стражей до 6 ноября. «Какой же это суд?! — надрывно кричит Лариса Васильевна, — где же правосудие?! Shame on you, госпожа судья!»

В коридоре уже стоят родственники следующего обвиняемого, заведующего лабораторией «Роснано», химика-почвовед Федора Бахова. Его ведут по коридору. Руки — в наручниках, пристегнутых к конвою.

Если описывать внешность Федора тремя словами, то это «типичный выпускник школы №57» или «любитель авторской песни». Рядом с конвоем семенит мама Федора, Людмила Владимировна, седовласая женщина с гребешком в причёске и очках с сильными диоптриями: «Федя, мы очиститель воды тебе передали и мяч большой, чтобы ты его кидал, двигался».

Федора заводят в зал, и все начинается снова. Следователь под копирку рассказывает про 1 290 опрошенных и 30 обысков и настаивает, что Бахов «уничтожит улики и будет оказывать на свидетелей давле-

ние». Каким образом все это будет проделано — не уточняется: может, поймает кого-нибудь, заставит слушать Булата Окуджаву на полной громкости. Зато уточняется следующее: Бахов может скрыться из страны, поскольку у него есть загранпаспорт и зарубежные счета.

«Срок действия моего заграничного паспорта истек в 2005 году, и у меня нет счетов даже в России», — возражает Федор. «Зато есть неуплаченные штрафы ПДД», — лихо парирует следователь Гуревич, молодой мужчина, каждую фразу начинающий со слов «значит, так». Бахову вменяют оказание сопротивления властям и неизбежный «прорыв цепи». Свою вину Федор признает частично: он не отрицает, что пнул омоновца в бедро, когда тот грубо задерживал человека, стоящего рядом с ним, но цепь не прорывал.

Адвокат Бахова, Анна Зарва, просит отпустить своего подзащитного под залог, под домашний арест, под поручительство депутата КПРФ Александрова.

Через полчаса Мушникова оглашает решение, после которого отец Бахова, Николай Иванович, возмущенно кричит: «Подождите! Как это? Стойте! Есть вопрос!»

Еще через три минуты Бахова, опять закованного в наручники, ведут по коридору. Людмила Владимировна опять семенит рядом и говорит: «Федя, не волнуйся, передачу мы завтра сделаем».

На следующий день, 4 июля, судья Басманного суда Артур Карпов, представительный мужчина, удивительно похожий на актера Юла Бриннера, решает, оставить ли под стражей двадцатилетнего Андрея Барабанова.

Если описывать Барабанова одним словом, то это — хипстер. Мешковатые брюки, модная кофта с капюшоном, род занятий — разнообразный: делает мебель, учит кататься на сноуборде, плетет дреды. Таких людей много на Пикнике «Афиши» и их почти не бывает в клетке суда, возле которой — двое спецназовцев, три милиционера и девушка с овчаркой, которая лает на всех, кроме секретаря. «Сырком подкармливаете?» — интересуется у секретаря, миловидной блондинки, следователь Андреев. «Да, и еще — колбаской», — радостно отвечает та. Усиленный контроль вызван тем, что Барабанов априори признан особо опасным преступником, ткнувшим омоновца ногой в бронежилет на митинге 6 мая. Свою вину Барабанов признает частично, от дальнейших показаний отказывается, ссылаясь на 51-ю статью Конституции («Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»).

Дальше — стандартная скороговорка следователя про опрошенных/обыски/уничтожит улики. В дополнение — документально не подкрепленные сообщения о том, что Барабанов якобы связан с футбольными

фанатами и анархистами. Адвокат Андрея, Светлана Сидоркина, просит заменить содержание под стражей на домашний арест. Сам Барабанов говорит, что у него хронический гастрит, обострившийся в СИЗО.

Карпов объявляет перерыв для принятия решения, а я выхожу на улицу.

По ней идут девушки в цветастых платьях, и самая заметная из них — Катя Миншарапова, художница и гражданская жена Андрея Барабанова. Я уже знаю, что через полчаса, когда Карпов решит оставить ее молодого человека под стражей, она будет плакать.

И она, конечно, плачет. И никто, конечно, не может ей помочь. Поэтому что даже люди, близкие к следствию, откровенно говорят, что процесс идет по белорусскому сценарию и всех «закроют» на три года минимум, и ни один адвокат, будь он сто раз Плевако, не сможет ничего сделать, — все уже давно решено: будут сидеть».

А еще говорят, что это — показательная порка, и пороть, понятно, будут больно.

После Барабанова в зал заводят еще одного обвиняемого, подмосковного предпринимателя Максима Лузянина — мускулистого здорового парня. Его адвокат, Сергей Шушпанов, просит отпустить подзащитного под залог в миллион рублей. Вдогонку добавляет, что Максим не отрицает свою вину, и да, он ударил омоновца и нанес тому ущерб в виде «повреждения зубной эмали». Но омоновец Пронин «сходил к стоматологу, ему оплатили лечение», и Лузянин «активно раскаялся в содеянном».

Так вот, когда после сбивчивой речи адвоката объявляют перерыв, я ухожу из здания суда.

Решение, которое вынесет судья Карпов через полчаса раздумий, я за эти два дня выучила наизусть.

Р.С. Сегодня, 5 июля, Басманный суд Москвы продлил до 6 ноября срок ареста еще одного обвиняемого по делу о беспорядках на Болотной площади, инвалида 2-й группы, Михаила Косенко.

Узники Болотной. Продолжение истории.

«Большой город», 27.07.2012

Первым о своих претензиях к лидерам оппозиции заявил Николай Бахов, отец химика Федора Бахова, задержанного за участие в беспорядках на Болотной площади. Уже несколько месяцев Федор, с виду безобидный молодой человек, сидит в одном из московских СИЗО, и его родителям даже думать об этом тяжело, не то что — говорить.

«Почему оппозиция спряталась?» — воскликнул Николай Бахов на встрече правозащитников с родственниками задержанных. Встреча проходила 17 июля в тесном помещении центра «За права человека», и на ней, в буквальном смысле, яблоку негде было упасть. «Идет зверский накат, прошли обыски, нашему сыну грозит срок до восьми лет. Где оппозиция?» — возмущался Николай.

Модератор встречи, правозащитник Лев Пономарев, пытаясь остановить эскалацию конфликта, пообещал родственникам устроить встречу с лидерами протестного движения, чтобы неудобные вопросы вроде «Зачем эти люди устроили сидячую забастовку и довели наших близких до тюрьмы?» больше не повисали в спертom воздухе.

Первым такую встречу организовал в офисе «Роспила» оппозиционер Алексей Навальный. 23 июля Навальный, одетый в рубашку-поло Moncler и светлые джинсы, стоял перед родственниками шести «погромщиков с Болотной»: Степана Зими́на, Андрея Барабанова, Ярослава Белоусова, Михаила Косенко, Артема Савелова и Федора Бахова.

Но до того, как Навальный начал говорить, в комнату вошли авторы документального фильма «Срок» — Павел Костомаров и Александр Расторгуев. «Мы бы хотели заснять вашу встречу, помочь близким вам людям», — обратился с проникновенной речью к собравшимся Расторгуев. Дальше режиссер сказал, что 14 фигурантов «болотного дела» попали под каток репрессий, и теперь требуется одно — привлечь к ним внимание. Все собравшиеся в комнате молчали. Потом отец Артема Савелова, Виктор, сказал, что «не будет себя чувствовать комфортно перед камерой», и попросил режиссеров уйти. Очевидно обидевшись, Расторгуев сказал: «Вы нас не услышали. Когда ваши близкие сядут на восемь лет, делать что-либо будет уже поздно».

«Ваших родственников держат в заложниках, — начал свою речь Алексей Навальный. — Всем понятно, что они случайным образом набранные люди, и здесь двух мнений быть не может. Броски камнями, которые им вменяют, не тянут ни на что, кроме легкого хулиганства». Навальный добавил, что сам проходит свидетелем по делу о беспорядках на Болотной — и в любой момент этот статус может измениться. За Pussy Riot вписывается гораздо больше людей, чем за «узников 6 мая»

«Почему вы не приходили на суды?» — спросил кто-то из родственников. «Я считаю, что собирать деньги на адвокатов гораздо эффективнее, чем ходить в суды и на пресс-конференции», — парировал Навальный и стал рассказывать об общественном правозащитном проекте «Росузник», который он придумал вместе с менеджером строительной компании Сергеем Власовым. Проект обеспечивает юридическую защиту четырех «узников 6 мая»: Александры Духаниной, Степана Зими́на, Михаила Косенко и Федора Бахова. После того как Навальный озвучил цифру собранных «Росузником» денег на оплату адвокатов — 400

тысяч рублей, — с места встала сестра Федора Бахова, Мария. Она сказала, что недовольна работой «Росузника», поскольку его координатор Сергей Власов критиковал одного из адвокатов, занимающихся делом Федора, а именно — известного защитника националистов Александра Васильева. «Есть еще одна вещь, — горячилась Мария, — Вы зачем-то назвали моего брата почвоведом, а он, вообще-то, химик».

Власов пытался объяснить, что его претензии к Васильеву вызваны тем, что тот стал третьим по счету адвокатом, защищающим Федора Бахова, «а три защитника в процессе никогда не смогут договориться». Мария объявила, что сотрудничество семьи Баховых с «Росузником» заканчивается к «обоюдному удовольствию».

После этого подруга Степана Зимина, Саша Кунько, спросила разрешения задать «самый сложный вопрос» и после небольшой паузы сказала: «Алексей, как вы думаете, а сколько им всем дадут?» Навальный ответил: «На сегодняшний день обстоятельства складываются так, что «заложникам» дадут маленькие или совсем небольшие сроки».

В комнате повисла недоверчивая тишина.

На следующий день все в том же офисе центра «За права человека» с родственниками встречался лидер «Левого фронта» Сергей Удальцов. «Вы родственник?» — таким вопросом встречали каждого, кто входил в комнату. Родственников оказалось всего двое: сестра Михаила Косенко, Ксения, и инженер Виктор Савелов, с ходу призвавший оппозицию объединиться и работать вместе.

«Вот и я не понимаю, почему Навальный провел встречу отдельно от всех», — недоуменно говорил Сергей Удальцов. «Вы скажите, сколько родственников пришло к Навальному?» — спрашивал он у собравшихся журналистов. Те из вежливости молчали. Свою речь Удальцов начал со стандартных слов: «Я с вашими ребятами в одной лодке, я тоже свидетель по этому делу», после чего посетовал, что за Pussy Riot вписывается гораздо больше людей, чем за «узников 6 мая», и публичные мероприятия в их поддержку пока не проводились. Потом Удальцов и присутствующие на встрече члены «Комитета 6 мая», недавно созданного в поддержку задержанных, переключились на обсуждение будущего митинга в Новопушкинском сквере — его решили провести 26 июля под лозунгом «Спасем узников Болотной!».

25 июля, в среду, когда список выступающих на митинге был окончательно утвержден, а в типографии уже напечатали 14 портретов, которые должны были нести митингующие, неожиданно задержали еще двух человек в рамках «болотного дела».

Ближе к одиннадцати вечера в твиттере правозащитницы Анны Каретниковой появилась запись, что арестован юрист МРОО «За гражданские права», 26-летний Николай Кавказский. «В 19.30 в его квартире прошел обыск, через 20 минут его вывезли в ИВС на Петровку, а через два часа начался допрос, который продолжался всю ночь», — взволно-

ванно рассказывала Тамара Флерова, коллега Кавказского по работе в «Комитете за гражданские права».

А в ночь со среды на четверг стало известно об аресте еще одного человека, 22-летнего студента-конфликтолога из РГСУ Алексея Полиховича.

26 июля, в четверг, адская машинка, про которую все успели слегка подзабыть, начала работать с новой силой. К вечеру объявили, что в Басманный суд везут Николая Кавказского — арестовывать.

В коридоре суда сидела растерянная мама Николая, Наталья: «Коля вышел вечером за хлебом, а потом вернулся в компании четырех мужчин и сказал: «Мама, сейчас у нас будет обыск». Обыск, по ее словам, проходил вполне корректно, и ей даже объяснили, что на митинге 6 мая ее Коля, «одетый в красную майку с портретом Че Гевары, ударил омоновца ногой, «и даже есть по этому поводу видеозапись».

«Это полный бред, — вступился друг Николая Кирилл Гончаров, лидер «Молодежного «Яблока». — Коля — мирный человек, он был категорически против несанкционированных митингов, он при мне на Болотной площади уговаривал толпу не кидаться асфальтом».

В промежутках между разговорами с друзьями Кавказского о том, что «Коля мухи не обидит и на том митинге даже не был задержан», я дозванивалась девушке Алексея Полиховича, Тане. Она рассказывала, что квартиру ее молодого человека обыскали в полпервого ночи, изъяли компьютер, а его самого увезли в ИВС на Петровке. «Леша успел отправить мне сообщение, что его задержали, — и все», — нервничала Таня. «И что ты делала после того, как получила это сообщение?» «Что я делала? Что я делала? Я пила валерьянку и плакала», — отвечала Таня и скороговоркой добавляла, что родители Алексея поехали к следователю, но ничего до сих пор непонятно.

В восемь вечера в Басманном суде начались слушания по избранию меры пресечения в отношении Кавказского.

Николай, одетый в красную майку Nike и холщовые брюки, сидел в клетке и растерянно оглядывался по сторонам. Судья Ирина Скуридина, несмотря на ходатайства адвокатов Кавказского, Тамары Романовой и Жанны Сабеевой, просивших отложить разбирательство на 72 часа, поскольку они не успели собрать часть важных справок, постановила — слушать, как есть.

Без внимания остался тот факт, что Николай десять лет состоял на учете в психоневрологическом диспансере по поводу «неврологических проблем, головных болей неясной этиологии и общей расторможенности». Скуридина прямо сказала, что «врачебной помощи в СИЗО Кавказскому будет достаточно». Наталья Кавказская, которой Скуридина разрешила выступить в качестве свидетеля, долго рассказывала, что ее сын — «романтик и мечтатель, который помогал всем, кто нуждался в его помощи». В частности, ее сын помогал тем, кто был задержан на

политических акциях. А еще «дружил с кришнаитами, «яблочниками», буддистами и был активным борцом за права ЛГБТ».

«В каком смысле? Меньшинства защищал?» — переспросила Скуридина. «Да, — кивнула Наталья. — И вы ведь понимаете, что с борцом за права геев и лесбиянок могут сделать в СИЗО. Я как мать вас прошу: отпустите моего сына домой! Не арестовывайте его, изберите ему другую меру пресечения. Вы же понимаете, что в СИЗО его могут убить, и я больше никогда не увижу своего сына».

Адвокат Кавказского, Тамара Романова, обратилась к судье с просьбой «сделать одно хорошее дело, один добрый поступок» и призвала суд отпустить Николая под подписку о невыезде или под домашний арест.

В тот момент, когда судья Скуридина зачитывала постановление, согласно которому Николай Кавказский немедленно отправлялся в СИЗО, на сцену в Новопушкинском сквере поднялся пожилой инженер Виктор Савелов. Он долго рассказывал, как ходил со своим сыном на охоту и рыбалку. А теперь его сын — сидит. Люди в толпе, держащие в руках четырнадцать портретов, согласно кивали.

Никто не знал, сколько портретов придется нести в следующий раз.

P.S. Сегодня в Басманном суде состоялись слушания в отношении Алексея Полиховича. На суде выяснилось, что Полихович отслужил в ВМФ, а в этом году был приглашен служить в ФСО. Полихович обвинили в том, что на Болотной он вырывал задержанных из рук омоновцев. Во время заседания прокурор Кольчук читал распечатку вчерашнего нашумевшего поста Алексея Навального о руководителе Следственного комитета А.Бастрыкине. По окончании судебного заседания Полихович оставлен под стражей до 25 сентября.

Избирательное право

«Большой город», 10.08.2012

«Боец Траерин узнал Луцкевича по лицу, которое пыталось сорвать с него шлем, в то время как другое лицо пыталось его ударить». Светлана Рейтер провела несколько дней в Басманном суде — на этой неделе там продлили срок содержания под стражей четырех человек, задержанных по делу о беспорядках на Болотной площади.

6 августа

Степан ЗИМИН

Асфальт перед Басманным судом плавится от жары. Кондиционеры в зале суда работают вполсилы, и по лицам людей, пришедших на очередное заседание по «Болотному делу», течет пот. Сегодня судья Ирина Скуридина, брюнетка в очках, похожая на школьную учительницу хи-

мии, решит, оставить ли в СИЗО до 6 ноября Степана Зими́на, анархиста, студента четвертого курса факультета политологии РГГУ.

Его обвиняют в «прицельном броске куска асфальта в омоновца Куватова во время беспорядков на Болотной площади». По версии обвинения, камень сломал омоновцу палец.

Степана арестовали два месяца назад, и, по словам его подруги Александры Кунько, за это время он заметно похудел. Адвокат Степана, Василий Кушнир, полный бритый мужчина, злится — его подзащитного привезли в суд ранним утром и до шести вечера, пока Скуридина не объявила заседание открытым, держали в тесной комнате без окон, еды и питья. Вообще, у Кушнера много поводов для злости: например, к делу не приобщили результаты медицинского освидетельствования Куватова, доказывающие, что «характер повреждения пальца не соответствует удару камнем», и протокол очной ставки между Куватовым и его коллегой, омоновцем Кувшинниковым. Там Кувшинников рассказал, что «заметил Зими́на в толпе митингующих, постоянно за ним следил и не видел, чтобы камни попадали в Куватова».

В зале суда, на скамье, стоящей ближе других к решетчатой клетке, — друзья Степана, с которыми тот постоянно перемигивается, как будто до конца не отдавая себе отчета в серьезности происходящего. На второй скамье — журналисты из новостных агентств. У них на коленях компьютеры. На экранах я краем глаза вижу заготовки заметок о том, что «Басманный суд принял решение оставить Степана Зими́на под стражей до ноября».

В чудеса в суде не верят.

Следователь Агасий Марукян зачитывает текст ходатайства о продлении срока содержания в СИЗО: по версии обвинения, никакая иная мера невозможна, поскольку «Зимин может скрыться от следствия, уничтожить улики, давить на свидетелей и имеет достаточные средства к существованию». Последнее важно, потому что, как утверждает Степан, у него квартира в ипотеке, и на нее не хватает денег.

«А почему вы сами платите за квартиру?» — интересуется Скуридина. Зимин замолкает, и с места встает Василий Кушнир: «Ваша честь, я вам сам объясню, моему подзащитному тяжело говорить. Дело в том, что в январе у него умерла мама, профессор физики в РГГУ, и теперь бремя ипотеки полностью легло на плечи Степана. Я прошу вас изменить моему подзащитному меру пресечения на подписку о невыезде, чтобы у него была возможность оплачивать свою квартиру».

Кушнир поясняет, что «никаких следственных действий в отношении Зими́на за два месяца проведено не было и доказательств его вины не представлено».

Едва только судья Скуридина начинает зачитывать текст решения и произносит фразу «Суд считает позицию следствия обоснованной

и не считает нужным изменить меру пресечения на более мягкую», корреспонденты отправляют заметки в редакцию.

У Зимина вытягивается лицо. Потом он беспомощно улыбается.

Александра Кунько пытается подойти к клетке, но ее выводят приставы. Прислонившись к стенке, она смотрит, как мимо нее ведут закованного в наручники Степана.

7 августа

Денис ЛУЦКЕВИЧ

Стелла Антон, мама двадцатилетнего Дениса Луцкевича, волнуется, что ее не впустят в зал суда и она не посмотрит на своего сына. Дениса, бывшего морского пехотинца, а теперь первокурсника РГСУ, арестовали девятого июня, и с тех пор она его не видела.

О том, что с ним происходит последние два месяца, ей известно немного: сидит в камере на десять человек, жалуется на духоту — окно в камере открывается на пять сантиметров, нет простейшего вентилятора и не хватает воды. Об этом Стелле рассказал адвокат Дениса Сергей Леонов, который раз в неделю навещает своего подзащитного.

Он ходит к нему с самого начала июня и с того же времени подает жалобы всюду, куда только может: например, на действия бойцов ОМОНа, избивших Дениса во время митинга на Болотной площади. Фотографии исполосованной дубинками спины Луцкевича шестого мая широко разошлись по сети. На следующий день побои засвидетельствовали в Институте имени Склифосовского. Ответа на жалобу, несмотря на приложенные к ней копии больничных справок, Леонов не дождался. Служебных проверок в отношении омоновцев не было: на Болотной площади они находились «при исполнении», а значит — в своем праве. Не было никакой реакции и на следующую жалобу — по факту давления следствия на Дениса. «В камеру к Денису приходили неизвестные люди, представлялись следователями, угрожали, что если он не даст показания против организаторов митинга, его отправят в режимную «красную зону» и сделают из него петуха по полной программе», — негодует Леонов.

В три часа дня, с часовым опозданием, по коридору Басманного суда ведут Луцкевича. За ним — полицейский с лающей собакой, от которой Стелла в испуге шарахается. Дениса заводят в зал, собака остается ждать в коридоре. Наличие собаки как бы подчеркивает, что Денис уже признан опасным преступником: его обвиняют в том, что шестого мая на Болотной площади он «сорвал с омоновца шлем». Теперь следствие просит суд оставить Луцкевича в СИЗО до зимы, пока идут «необходимые мероприятия».

Следователь Быков торопливо зачитывает парадоксальный с точки зрения русского языка документ: «Боец Траерин узнал Луцкевича по

лицу, которое пыталось сорвать с него шлем, в то время как другое лицо пыталось его ударить».

В деле, уверяет Быков, есть «раскадровка видео, на котором видны действия Луцкевича».

Адвокат Леонов ставит раскадровку под сомнение, утверждает, что за шестьдесят с лишним дней никаких следственных действий в отношении Дениса проведено не было, и просит отпустить его под подписку о невыезде.

«У подсудимого папа на Украине, он может скрыться», — парирует Быков.

«Контактов с родственниками на Украине не поддерживаю», — вступает в диалог Луцкевич.

Судья Наталья Мушникова, женщина абсолютно непримечательной внешности, предсказуемо поддерживает позицию следствия. Заседание закрыто, Луцкевича заковывают в наручники и выводят из зала — под присмотр собаки, а дальше — в душную камеру.

«Мам, ты не волнуйся», — на ходу говорит Денис.

8 августа

Владимир АКИМЕНКОВ

В суде ходят слухи о том, что двух обвиняемых по «Болотному делу», Олега Архипенкова и Рихарда Соболева, вот-вот отпустят под подписку о невыезде. Осторожно говорят, что адвокатам удалось доказать: ни Архипенкова, ни Соболева на Болотной площади в тот день не было. Они были на Театральной площади, где проходил несанкционированный митинг националистов. Доказательства — протоколы их задержаний (обоих задержали в 19.00 у входа в метро «Площадь Революции»), а также запись, на которой видно, как Архипенков стоит на Театральной площади и курит, в то время как омониторы задерживают националистов, кричащих: «Русские, вперед!» Среди тех, кто кричит, есть и Рихард Соболев.

Я звоню адвокату Архипенкова Алексею Орлову. Он уверен в победе: «По телефонному биллингу, по видеосъемкам видно, что Архипенкова на Болотной площади в тот день не было». Настя, жена Олега Архипенкова, боится верить в удачу и, пока не увидит мужа собственными глазами, старается не радоваться.

Тем временем в Басманный суд привозят активиста «Левого фронта» Владимира Акименкова. За ним — внушительная группа соратников, включая Сергея Удальцова. До зала, где пройдет заседание, Удальцов так и не доходит: поругавшись с судебными приставами, выбегает на улицу.

Владимир Акименков, худощавый молодой человек двадцати с лишним лет, заходит в зал в сопровождении трех конвоиров и собаки. «Примите в сторону! — кричит один из полицейских. — Баксик у нас не-

рвный, может укусить!»

В зале — рутинная картина. Бесперывно кашляющий следователь Алексей Добарин просит суд оставить Владимира Акименкова под стражей до ноября. Адвокат Владимира Дмитрий Аграновский возражает — у его подзащитного врожденное неизлечимое заболевание сетчатки, он очень плохо видит, ему нужно оформлять инвалидность, и нахождение в СИЗО ему противопоказано.

Аграновский просит отпустить подзащитного под поручительство депутатов Ильи Пономарева («Справедливая Россия») и Бориса Кашина (КПРФ). Прокурор Владимир Кольчук, бритый наголо мужчина, похожий на Фантомаса в исполнении актера Жана Маре, даже не пытается скрыть скуки и, пока следователь спорит с адвокатом, бесконечно выводит на бумажках какие-то виньетки.

Обвинение вменяет Акименкову прорыв цепи омоновцев на митинге на Болотной площади; следователь Добарин скороговоркой произносит, что «решается вопрос о выделении дела Акименкова в отдельное производство». Точно такие же вопросы решаются и в отношении Степана Зимина и Дениса Луцкевича, и, судя по всему, дела всех «болотников» будут слушаться по отдельности. Близкий к следствию источник не скрывает, что делается это для того, чтобы «распылить громкое дело на мелкие части, не делать подарка журналистам в виде громкого дела, а тихо и споро посудить всех на скорую руку, без лишнего шума и резонанса».

Спокойно выслушав фразу Добарина о том, что «обвиняемый может скрыться от следствия», Владимир Акименков задает резонный вопрос: «Как же я могу скрыться от следствия, если у меня даже заграничного паспорта нет?» В ответ Добарин зачитывает характеристику Акименкова, выданную его участковым: «Скрытен, с правоохранительными органами не сотрудничает, снимает участкового на видеокамеру, грубит старшим, не принимает участия в поддержании порядка». «Ага, еще улицы не метет и не здоровается с бабушками у подъезда», — неожиданно оживляется прокурор Кольчук и бросает рисовать закорючки.

Журналисты улыбаются, и судья Наталья Дударь, хрупкая блондинка, говорит неожиданно грозно: «А вот тех, кто будет улыбаться и особенно смеяться, мы будем тут же выводить из зала!»

Медицинского освидетельствования Владимира не было. Его вина, по словам Аграновского, следствием не доказана. Но Акименков — и кого это удивит? — оставлен судьей Дударь под стражей до ноября.

Его выводят из здания под крики: «Держись, Володя, мы с тобой!»

9 августа

Рихард СОБОЛЕВ

В 15.00 Максим Коротков-Гуляев, адвокат Рихарда Соболева, стоит перед зданием СИЗО №5 «Водник» с бутылкой минеральной воды в руках. На адвоката в обывательском понимании он похож меньше всего: на нем сетчатая майка без рукавов, шорты и шлепанцы, голова обрита наголо, на лице — два заметных шрама. «Последствия автомобильной аварии, ничего интересного», — отмахивается он от моего вопроса. Известность Коротков-Гуляев получил в качестве защитника Евгении Хасис, год назад признанной соучастницей в убийстве Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой. В первый раз Рихарда Соболева он защищал в 2009 году. Тогда в Мосгорсуде судом присяжных слушалось дело двенадцати человек, входивших в националистскую группировку White Wolves («Белые волки»). Их обвиняли в одиннадцати убийствах лиц неславянской внешности — скинхеды забили их отвертками и ножами.

Рихард Соболев был одним из обвиняемых; присяжные признали его невиновным, и он был освобожден прямо в зале суда. Когда я спрашиваю Максима, стоит ли считать его адвокатом, специализирующимся на защите националистов, он обижается: «Каждый гражданин страны имеет право на квалифицированную защиту, и меня позвали защищать Рихарда только потому, что у меня высокий процент оправдательных приговоров».

После того как Соболев был оправдан по делу «Белых волков», Коротков-Гуляев добился полной реабилитации своего подзащитного. А потом стал его защитником в новом деле.

«На данной стадии, — аккуратно говорит он, — у нас четкая позиция, что Рихард на Болотной площади не присутствовал и не принимал участия в действиях, которые имели отношение к массовым беспорядкам. Он был задержан на Театральной площади, есть протокол задержания, есть административное производство по статье КОАП 19.3. На мой взгляд, и следователи, и следственный комитет, и сам господин Бастрыкин с вниманием и пониманием, индивидуально подошли к рассмотрению этого вопроса». Я интересуюсь, почему Соболев стал одним из двух «погромщиков», отпущенных следствием под подписку о невыезде, и Коротков-Гуляев отвечает: «Надо со вниманием относиться к Следственному комитету, к обвинению, которое предъявляют. Надо строить конструктивную позицию, не болтать и делать какие-то громкие заявления, а просто хорошо работать». Коротков-Гуляев слегка лукавит — известно, что во время последнего молодежного форума на Селигере Владимиру Путину дважды задали вопрос о том, как так получилось, что среди шестнадцати обвиняемых по «Болотному делу» есть два человека, задержанных на Театральной площади. Путин стандартно ответил, что «прокуратура разберется».

И вот, похоже, разобрались.

Дверь СИЗО открывается, и Соболев выходит на свободу. Низкого роста, щуплый, голова обрита, темные круги под глазами, спортивная сумка в руках. Глядя на него, я не могу отделаться от мысли, что видела таких ребят в массовке фильма Павла Бардина «Россия-88». Рихард из неполной семьи, работает монтажником в МГТС, болеет за «Спартак» и легко «тянет по фене». По его словам, шестого мая он почти весь день провел с девушкой, затем пошел с другом на Театральную площадь, там их и «повинтили». Сидеть, говорит, во второй раз было проще — потому что теперь он знает здешние законы. Камера была хорошая: «Есть голодные хаты, в которых ничего нет, ни еды, ни вообще, и туда закидывают обычных сидельцев. А поскольку мы политические эки, нас закидывали в хорошие камеры, к нормальным людям». Честно признается, что следователи просили дать показания на «Яшева, то есть Яшина, и на «Левый фронт». Спрашивали, может, лидеры оппозиции мне деньги давали или еще что. Я на это отвечал, что не знаю, ребята, я мимо проходил, вы о чем? А они сказали, что если я показания не дам, то меня закинут в пресс-хату к грузинам. А за показания обещали под условный срок отпустить». Несмотря на это, Соболев от показаний отказывался: по его словам, «сидел на 51-й статье Конституции». Он честно называет себя «футбольным хулиганом» и не отрицает, что при обыске у него был обнаружен флаг запрещенной экстремистской организации ДПНИ.

Но арестовали его не за флаг, а за «участие в беспорядках на Болотной площади». «Я на суде говорил, что меня там вообще не было, а судья дело пролистала и отправила меня в СИЗО», — недоумевает Соболев.

Он выкидывает в урну мятый коробок тюремных спичек и едет домой.

Олег АРХИПЕНКОВ

Вечером я встречаюсь с коммерческим директором турфирмы Олегом Архипенковым и его женой Настей у метро «Динамо». Они идут мне навстречу, держась за руки. На ней — белая рубашка с длинным рукавом и темные брюки. На короткостриженном Архипенкове — джинсы и белая футболка. Когда они подходят ближе, я вижу на руках Олега татуировки: «Blood and honor» на левой, солдат в фашистской каске и знак SS — на правой. Свои татуировки он называет «делами молодости» и говорит, что «все в прошлом».

Десять лет назад ему было восемнадцать, он был футбольным бонельщиком ЦСКА и проходил «по правой теме». Тогда же отсидел срок по статье 228, за хранение метамфетамина. Потом встретил Настю, женился и теперь о прошлом рассказывает неохотно.

На митинге на Болотной площади Архипенков был — но в декабре.

А 6 мая он собирался встретиться у станции метро «Площадь Революции» со своим другом: «Хотели пойти в клуб «Кай Метов», он в гостинице «Метрополь» находится. В итоге я вышел из метро, увидел митинг, остановился посмотреть, и меня задержали — вместе с Беловым (Александр Белов-Поткин, бывший лидер запрещенной организации ДПНИ. — БГ). Я думаю, потом следователи просто взяли списки задержанных и вычленили тех, кто был для них удобен. Белову ведь не припишешь участие в массовых беспорядках — он фигура заметная, быстро докажет, что его там не было. А со мной так поступить было проще».

Арестовали его в ночь с девятого на десятое июня, возле собственного дома: «СОБР, маски-шоу, руки за голову, все дела». Он говорил, что на Болотной площади не был, но это никого не интересовало: «Отвезли в изолятор на Петровку, потом — в Бутырку. Я подумал, что меня закроют минимум на четыре года строгого режима. Тогда у меня случился нервный срыв». Неделю Архипенков провел в психиатрическом отделении тюремной больницы: «Там сохранились какие-то карательные методы, бл... буду. Меня кололи галоперидолом и аминазином одновременно, и это, я вам скажу, было мощно».

Через неделю его определили в камеру на двадцать с лишним человек: «Комары, болото, холод даже тогда, когда на улице жарко. Надежда на справедливость у меня была совсем уж тусклая. Только три дня назад жена передала мне с воли, что меня будут выпускать под подписку о невыезде». Про следствие Архипенков говорит лаконично: «Совершили ошибку, с кем не бывает».

Само следствие свои ошибки не признает. На сайте СК то, что их отпустили, объясняется так: «Учитывая, что основные следственные действия с обвиняемыми уже проведены, и принимая во внимание, что они постоянно проживают в Москве, следствием принято решение по истечении срока содержания под стражей изменить Рихарду Соболеву и Олегу Архипенкову меру пресечения на подписку о невыезде».

В этот же день в Басманном суде до шестого ноября продлевают арест Артему Савелову. Он страдает сильнейшим заиканием, но ему в числе прочего вменяют скандирование антиправительственных лозунгов. Считается, что он кричал: «Долой полицейское государство!»

Он, конечно, тоже постоянно проживает в городе Москве. Как и остальные «погромщики».

И следственных действий с ними, похоже, никто не проводит.

Мочить в сортире

«Большой город», 07.09.2012

Басманный суд оставил нового фигуранта «Болотного дела» Леонида Ковязина под стражей.

Судья Ольга Солопова внимательно смотрит в клетку, где сидит семнадцатый задержанный по делу о беспорядках на Болотной площади, внештатный журналист газеты «Вятский наблюдатель»:

«Подсудимый, перед тем как переворачивать туалеты, вы убедились, что в них никого не было? Там же, не знаю, мог пенсионер находиться, инвалид или женщина. А вы туалеты перевернули, и из них биожидкость потекла, и еще что другое, похуже», — стальным голосом произносит она.

«Ну, вы знаете, на туалетах были такие замочки, значит, там никого не было», — растерянно поясняет Ковязин, поправляя очки. Он щуплого телосложения, в черном свитере с белыми ромбами, на ногах — растоптанные кроссовки без шнурков. Ему двадцать пять лет, он учился на философском факультете Вятского государственного университета, сменил множество работ, от грузчика до учителя труда, ходил в драмкружок и кино клуб, хотел быть монтировщиком сцены. Вместо этого — попал в Басманный суд, под прицельный огонь Ольги Солоповой.

«То есть вы признаете, что биотуалеты переворачивали? И зачем же, вот мне интересно, вы это делали?» — продолжает Солопова.

«Полиция начала избивать людей, мы хотели их защитить», — с испугом отвечает Ковязин.

В случае с Ковязиным — семнадцатым задержанным по «Болотному делу» — следствию есть что предъявить. В суде представлена видеозапись, на которой видно, как Ковязин толкает туалеты. Есть раскадровки, фотографии, свидетельские показания. По большинству «болотников» нет ничего и близко похожего, а, например, по Федору Бахову (и об этом открыто говорит источник, близкий к следствию), «нет вообще ничего, и что с ним делать дальше, непонятно». Случай Ковязина — первый случай в «Болотном деле», когда подсудимый практически открыто признает свою вину. «А что вас удивляет? — переспрашивает меня адвокат Ковязина Руслан Чанидзе. — На фотографиях и видео все видно, глупо это отрицать. Вы что, хотите, чтобы мой подзащитный подольше сидел?»

На вопрос о том, будет ли разбирательство по делу Ковязина проходить в «особом порядке» и будет ли он давать показания в отношении «предполагаемых сообщников», переворачивавших биотуалеты вместе с ним, Чанидзе отвечает так: «Это дело моего подзащитного, не мое. Я думаю, он никого сдавать не будет».

Ковязин, видеооператор и корреспондент «Вятского наблюдателя», был на «Марше миллионов» с редакционным заданием: снимал все,

что творилось вокруг. Активный участник движения «За честные выборы», он не остался безучастным к тому, что происходило на площади, когда весь сценарий мирного митинга был сорван.

На другом видео, совсем не его авторства, названном «Активисты обмазывались фекалиями», видно, как Леонид Ковязин, одетый в серую кофту и синие джинсы, вместе с группой людей переворачивает биотуалеты, а на них плотной толпой движется ОМОН.

Он был задержан пятого сентября, рано утром. Вот как описывает это его старший брат Василий: «Позвонили в дверь в шесть утра, показали ордер. Леня, конечно, волновался, но у него и в мыслях не было, что его арестуют». Полиция действовала относительно аккуратно: ничего вверх дном в доме не переворачивали, изъяли шесть пар брюк и компьютер. Но по словам следователя Михаила Ермилова, «вещи изымали у подсудимого принудительно, он их отдавать не хотел».

Сам Ковязин объясняет это тем, что «при обыске ему не был представлен защитник, и он не знал, что делать». Он просил судью Солопову отпустить его под подписку о невыезде или посадить под домашний арест. «Я не собираюсь скрываться и не буду препятствовать работе следствия», — сказал он и в очередной раз поправил сползшие с носа очки. Солопова решила по-своему: Леонид остался в клетке, а его брат Василий приготовился передать ему сумку с вещами.

Ущерб от перевернутых биотуалетов составил 73 тысячи рублей. Леонид Ковязин может провести в заключении пять лет.

На живца

Colta.ru, 27.09.2012

На видеопленке — вечер, двухкомнатная квартира. Камера небрежно скользит по типичному интерьеру хрущевки — софа, полированная двухсекционная мебельная стенка, немного дешевого хрусталя на полках.

В соседней комнате — раздвинутый диван, накрытый дешевым верблюжьим одеялом: темным с белым рисунком. В таких квартирах, как правило, двери санузла украшены чеканкой с изображением писающего мальчика и купающейся в ванне девочки, и так оно оказывается и в этот раз: камера тщательно, в деталях, показывает, как крепко сбитый человек в черной майке-безрукавке, очках и в идиотской шапке в форме головы покемона резким толчком открывает ту дверь, к которой прикреплена чеканка с девочкой. За ней — белая ванна, в которой сидит и плачет молодой человек, практически подросток субтильного сложения.

Крепыш-«покемон» называет его «дядей Эдуардом» и задает ему странные, на первый взгляд, вопросы: «А в попу ты мальчика отыметь не хотел? А что ж ты мальчиков любишь, ты что, “голубчик”?»

На все вопросы юноша в ванне отвечает плачем, сквозь который постоянно повторяет: «Отпустите меня, пожалуйста!»

Через несколько минут его обольют мочой, дадут ему поцеловать микрофон, спрятанный внутри фаллоимитатора розового цвета — его держит в руках ярко накрашенная блондинка с точеной фигурой и отчетливым декольте. В микрофон он должен поклясться, что больше никогда не будет знакомиться с «маленькими мальчиками» в сети.

Все закончится тем, что «дядю Эдуарда» выволокут из ванны, не дав ему смыть мочу с тела, и отпустят наконец домой.

Так проходит отлов сетевых педофилов.

Технически сезон охоты был открыт Госдумой 7 февраля 2012 года: именно в тот день был принят закон, предусматривающий ужесточение наказания для педофилов-рецидивистов вплоть до пожизненного заключения и химической кастрации в принудительном порядке.

29 февраля 2012 года закон был подписан Дмитрием Медведевым. Парадоксальным образом за полгода до его введения новости о том, что очередного учителя-врача-агронома-инженера заподозрили в педофилии, стали общим местом.

Со стороны это все изрядно напоминало паранойю пандемического масштаба. В сентябре 2011 года по «педофильской» статье был на тринадцать лет осужден чиновник московского Министерства транспорта Владимир Макаров, в октябре того же года «за насилие над собственными детьми» был арестован пластический хирург Владимир Тапия-Фернандес, тогда же в Калининграде было заведено дело на сотрудника местного Дома творчества Сергея Большакова. В январе 2011 года по обвинению в «сексуальных действиях насильственного характера» был арестован Анатолий Рябов, профессор Центральной музыкальной школы при консерватории. Менее раскрученных случаев — сотня, не меньше.

Мамам решили помочь. И государство, и отдельные защитники нравственности, и любители поохотиться на людей. Потому что любое преступление в отношении детей — страшное дело, и защищать слабых хочется каждому.

Скорая помощь

У меня двое детей, и больше всего в жизни я боюсь их потерять. Мне становится страшно при мысли о том, что незнакомый взрослый дядя, прикинувшись двенадцатилетним мальчиком, сломает моим дочерям жизнь — раз и навсегда.

И я вроде бы должна радоваться большому количеству добровольных сетевых ловцов педофилов. Но у меня никак не получается.

С точки зрения хронологии первым сообществом, всерьез занявшимся ловлей «педофилов», стала группа «Дури.нет». Состав — пятнадцать человек, которые действуют анонимно и с прессой практи-

чески не встречаются. Но есть одноименное сообщество в ЖЖ, где написано следующее: «Что мы делаем? Мы создаем в интернете анкету 11-летнего мальчика, и когда нам поступает предложение встретиться для секса, мы приходим, чтобы разочаровать педофила и немного с ним побеседовать». Некоторое время ведут переписку, терпеливо дожидаясь, пока поступит явное предложение «встречи с последующим сексом».

Своего имени не скрывает лишь один из членов группы, Даниил Шаманов. Ему 29 лет, он — заместитель генерального директора в одной из компаний, занимается бодибилдингом.

Историю группы Шаманов отсчитывает с 2009 года: «Ситуация достаточно простая — от наркотиков погиб наш близкий друг. После его смерти решили что-то делать: как раз, если помнишь, в то время появилось много синтетики в Москве, миксы продавались, спайсы. Их можно было купить на любой станции метро, по интернету. Количество укуренных и нанюханых зашкаливало. А милиция, я думаю, их крышевала. Мы ловили барыгу, отнимали товар, прижимали, снимали на видео. По мере того как мы накидывали ролики про наркоту в сеть, люди накидывали нам еще задач. А что у нас важное? Парковка, алкоголь, педофилия. В общем, мы решили заняться педофилией, а потом нас еще и Дмитрий Медведев пропиарил: пошло обсуждение химической кастрации, интерес к нам возрос».

Если верить Шаманову, группа «Дури.нет» впервые ввела в оборот «ловлю на живца». Клевало всегда.

Группа базируется в Москве, но часто выезжает в другие города — «к друзьям по спорту; можно и с товарищами пообщаться, и пару роликов отснять». Первого «педофила», пойманного в столице два года назад, Шаманов до сих пор хорошо помнит: «Мужчина, возраст 56 лет, повелся на анкету от двенадцатилетнего мальчика. Я помню, этот дедуля с ходу в переписке заявил, что будет спонсором. Мы от лица мальчика пишем, что вообще не понимаем, что такое секс, а тот пообещал все показать, научить, задний проход, в общем, разработать. Взяли мы его зимой, как будто мальчик ему встречу назначил. Дядя приехал на машине, мы окружили его, заблокировали двери. Дед пошел в отказ полнейший: типа, он ни при чем, он дружить хотел. Ну, на десятом педофиле нам уже стало ясно, что отмазки у всех одинаковые, а потом люди начинают волноваться и по-любому прокальваются». Я прошу Даниила назвать статистику «пойманных», и он довольно отвечает: «За два года соточка наберется, но сейчас хуже стало: когда мы не были на слуху, можно было спокойно с Москвы в выходные взять до шести человек. Потом стало хуже — три-четыре человека. В сентябре прошлого года пришлось с гастрольями по стране проехаться: из Питера привезли два ролика, из Нижнего Новгорода — пять, из Воронежа — пять».

Свою задачу Даниил видит в том, чтобы «загнать эту нечисть в подполье»: «Пусть сидят и не высовываются. Да, мы позорим их на весь свет, выкладываем ролики, ломаем им жизнь. Но это все за дело: пусть тихо сидят дома и не лезут с гадостями к детям».

На вопрос о том, бьет ли он своих жертв, Шаманов отвечает просто: «За попытку убежать — сразу прихватываем, сажаем на лавку, не даем убежать. Если в машине сидит, насильно выдергиваем ключи, не даем уехать».

С этого года данные о тех, кого «прихватывали», группа «Дури.нет» передает в правоохранительные органы: «Они на нас сами вышли, просили им помочь. Ну, мы даем им всю информацию, не отказываем».

Под конец Шаманов говорит о том, что «русские мужчины утратили мужественность, перестали заниматься спортом и помогать слабым». Он упоминает о том, что «Дури.нет» сотрудничает с музыкальными группами «Грот» и «25/17»: «Их очень часто обвиняют в национализме, но у них очень правильные тексты. Один из самых главных их лозунгов: “Русский — значит, трезвый”. А так оно и должно быть».

Суд леща

Методы, которыми действуют добровольные сыщики, прямо скажем, далеки от вегетарианских. Так, в городе Омске уже несколько месяцев действует группа «Омск без педофилов»: она была основана в июне этого года журналистом Евгением Зайцевым, и по моей просьбе о принципах ее работы рассказывает Сергей Овченков, один из самых активных «ловцов»: ему восемнадцать лет, он учится в транспортном колледже, подрабатывает охранником в ночном клубе.

Теперь он чистит от «уродов» город.

Чистят стандартно — регистрируют анкеты от имени малолетних и ждут, пока им начнут писать мужчины в возрасте от двадцати лет. Овченков утверждает, что с ходу «предлагают деньги, интим. Потом встречаемся, записываем ролик. Пользователи интернета любят смешные видео, и мы решили немножко юмора добавить: приходили на встречу с лещом в руках, как бы устраивали лещевание — подносили рыбу к самому лицу гражданина, вместо микрофона. Ну, прихватывали чуть-чуть».

С начала августа группа «Омск без педофилов» перестала носить с собой леща, стала поофициальнее: «Мы плотно сотрудничаем с МВД России, и у нас теперь будут совместные рейды. Оперативники с нами поедут на встречи, и у нас появится живая подставная девочка двенадцати лет, ну и мальчик того же возраста».

Овченков откровенно говорит, что «педоориентированных граждан» ему не жалко: «Если бы их сжигали, я бы особо не расстроился».

Безопасные технологии

«Если государство не выполняет свои функции, их с энтузиазмом начинают выполнять другие — но при этом не всегда удачно и законно», — считает Урван Парфентьев, координатор Центра безопасного интернета.

Центр был основан правозащитным движением «Сопротивление» и РОЦИТом в 2008 году, работает при поддержке Общественной палаты РФ и Уполномоченного по правам ребенка при президенте. На стене — грамота за помощь в работе от ФСКН, в активе — сотрудничество с МВД, прокурорскими и следственными органами, интернет-индустрией.

К добровольным дружинам Парфентьев относится с долей скепсиса. «Здесь часто пахнет незаконной оперативно-розыскной деятельностью, а в случае с некоторыми видеороликами группы «Дури.нет» явно видны признаки и другого преступления — это как минимум побои и нанесение ущерба чужому имуществу. Я считаю, такую “деятельность” надо однозначно пресекать.

Если мы возьмем Федеральный закон № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности”, по которому работает полиция, то там категорически запрещено подстрекать или склонять кого-либо к совершению преступления — то есть провоцировать. Я видел скриншоты этой “деятельности”, когда откровенно акцентируется внимание на том, что “слушай, мне реально 10—11—12 лет”, когда люди идут на явные провокации, а потом уже творят невесть что. Приходилось слышать на этот счет и доводы коллег из правоохранительных органов, что эта деятельность им просто создает проблемы: дескать, они ведут преступника, вдруг вклинивается “добровольный помощник” со своими сомнительными методами и “стахановскими” темпами — а в итоге преступник пугается, ложится на дно, уничтожает доказательства, и длительная работа идет насмарку. В общем, не нужно защищаться от преступников крайне сомнительными, а иногда и просто преступными методами», — резюмирует Парфентьев.

При этом среди тех, с кем он общается и встречается по работе, Парфентьев называет Сергея Жука, выступающего в сети под ником «Гудвин»: это основатель сообщества «Охотники за головами», которое многие упрекали за жестокие методы в «охоте» и за то, что они требуют деньги с «жертв», пойманных за перепиской с несовершеннолетними на сайтах знакомств.

Жука благословляет на борьбу с «нечистой» Всеволод Чаплин, с ним сотрудничает Союз десантников России.

Летом 2011 года сообщество «Охотники за головами» «ВКонтакте» было заблокировано. Причиной послужило заявление о «наборе бойцов для охоты на педофилов», в котором говорилось следующее: «Мы педофилов бьем, а не пугаем до икоты. Уголовной ответственности не будет — у нас полно хороших друзей. Бьем не ногами, а забиваем кнутом до по-

тери сознания». Теперь «Охотники за головами» набирают сторонников на других ресурсах.

С Сергеем Жуком общается и Анна Левченко, помощник Павла Астахова и директор Всероссийского мониторингового центра по выявлению опасного и запрещенного контента. Ей двадцать два года, и она производит впечатление человека амбициозного.

Мы встречаемся с Левченко в пиццерии на Тверском бульваре. Выросла в Воронеже, яркая брюнетка с железными интонациями в голосе. Левченко охотно рассказывает, что была в движении «Наши» с пятнадцати лет, «прошла весь путь, который только можно было пройти». В 2010 году она уже была руководителем воронежского отделения «Наших», потом поняла, что «дальше двигаться некуда».

Темой педофилии Левченко начала заниматься во время учебы в университете: «Максим Маркин, преподаватель Воронежского дворца творчества для детей и молодежи, был пойман на приставании к детям. Самое страшное было в том, что я сама когда-то в этот кружок ходила и с ним занималась. Мы начали проверять эту информацию, нам дети говорили, что он их лапал, а потом мы у него в ноутбуке нашли около двух тысяч фотографий детской порнографии, включая детей из кружка».

Маркин, вспоминает Левченко, «заманивал детей разными методами: говорил, что сделает из них звезд, что вот в России мало подростковых групп, что он будет крутым продюсером. Он давал детям посидеть за ударной установкой, давал им электрогитару, дети были полностью счастливы и считали его своим другом, которому можно рассказать все свои секреты. Потом учитель переводил разговор в плоскость секса: два эпизода было доказано, мы детей уговорили и уговорили их родителей, чтобы они заявление в милицию написали. Потом случилось что-то невероятное, и уголовное дело приостановили».

Но саму Левченко остановить было невозможно: «У меня не было жажды мести, я никого не хотела посадить — мне просто было интересно, почему это в принципе возникает. Никто ведь не думает, что это может происходить рядом с нами: когда мы включаем телевизор, там показывают убийства, катастрофы, изнасилования, и мы смотрим на это как на страшный детектив, не соотносим это с реальностью. До меня стало доходить, что эти нелюди ходят с нами по одним улицам, мы с ними дружим, а потом случается что-то ужасное».

Основная проблема, по мнению Левченко, состоит в том, что «у нас нет четких методичек для следователей именно по этой категории преступлений. Очевидно, что, год занимаясь этой темой, человек может выяснить про нее все и знать, как правильно на нее реагировать: как проводить осмотр места происшествия, как опрашивать детей. Какие-то мелочи, которые в УПК не прописаны, обычная криминалистичес-

кая методика. Но у следователя лежит 20 дел в месяц — убийства, изнасилования, педофилия, и он всем должен заниматься одновременно. Я начала заниматься разработкой методики, стала в интернете выяснять, где собираются педофилы. От имени педофила я познакомилась с администратором сайта знакомств, мы нашли с ним контакт. Оказалось, что он — организатор крупнейшей сети по обмену детской порнографией и “секс-туров” по пионерским лагерям. Это страшно на самом деле: вот представьте себе, в пионерский лагерь где-то на Украине приезжают два десятка здоровенных дядек, указывают пальцами на понравившихся детей, дают взятку вожатым, а на следующий день “использованных” детей возвращают обратно, и никому до них дела нет. Сайт у него назывался “Феликс”, а его, педофила, называли Боссом. Он вообще ничего не боялся, он гордился, что у него нет никаких сантиментов и слюней, а детей он просто трахает, договаривается с ними за триста рублей, за наркотики и алкоголь, и все. После того как он мне рассказал про то, что он совратил одиннадцать детей, я написала заявление в милицию, и он сел».

В общей сложности Анна, которая собственноручно разыскивала педофилов «от имени педофила» и вела блог под ником *Agatha Christy*, написала семьдесят заявлений и посадила полсотни педофилов.

В январе прошлого года она переехала в Москву: «В Москву я переехала по одной причине: когда я завела свой блог, я поняла, что в регионах проблему решить невозможно. Все СМИ — в Москве, СК в Москве, МВД — там же. Я стала активно развивать свою позицию в Твиттере, познакомилась с Владимиром Рудольфовичем Соловьевым и другими медийными лицами. Потом мне позвонил Антон Астахов, сын Павла Алексеевича, и предложил помощь. Павел Алексеевич следил за моей деятельностью, за моим блогом и одобрял мою деятельность. Вместе мы закрыли почти все педофильские сайты — их было пятьдесят, осталось четыре».

Свою методику Левченко всерьез называет «инновацией»: «Мы знакомились от имени педофилов, а все остальные знакомятся от имени детей. Мы писали: “Я твой собрат по несчастью”, цепляли контакты на форумах, чаты, аськи. Мы не записывали ролики, не встречались с насильниками, но присылали в МВД все собранные данные, фотографии, проверяли IP». Она встречалась с Медведевым и Путиным, рассказывала им про свою деятельность и этим, очевидно, гордится — как гордится дружбой с Владимиром Соловьевым, которого считает своим «духовным наставником» и даже пересматривает его передачи, когда ей «становится плохо».

Мощной поддержкой от властей Левченко довольна, а про добровольные «педоборческие» дружины говорит следующее: «Когда человек пишет, что готов встретиться с двенадцатилетней девочкой, он еще ничего плохого не совершил, он перед законом чист. А ты приходишь к нему на встречу с накачанными парнями, с камерой, и любой признается во всех

смертных грехах. С другой стороны, я народные дружины понимаю — когда у тебя нет доказательств, ты готов пойти на все что угодно».

А священная война с педофилами все спешит.

Самосуд и правосудие

Раз начав чистить город, добровольные чистильщики готовы заниматься стерилизацией до победного конца. Спрогнозировать, кто попадет под их каток, возможно — например, это те, кого сами власти объявляют людьми вне закона.

Известно, что после того, как в Санкт-Петербурге законодательно запретили пропаганду гомосексуализма, число нападений на представителей ЛГБТ выросло в несколько раз.

«Теперь в глазах обывателей геи — преступники, с ними необходимо бороться, и молодчики, которым некуда девать свою агрессию, начинают ее изливать на других, заниматься самосудом, придумывать свои формы издевательства», — говорит Юрий Гавриков, руководитель санкт-петербургской ЛГБТ-организации «Равноправие».

За последние месяцы таких эпизодов расправы над геями было не менее десяти: «Мы пытались связаться с жертвами, но люди после таких случаев замыкаются, уходят в себя, наотрез отказываются обращаться к правоохранительным органам. К тому же органы во многих случаях с этими людьми откровенно сотрудничают».

«Если разрешат ловить пид*расов, то я с удовольствием буду это делать. Пид*раса поймать легко, их много, и ловить их еще веселее», — глумливым тоном произносит Максим «Тесак» Марцинкевич, основатель группы «ОккупайПедофилияй».

Тесак — легендарная личность, по степени одиозности с ним мало кто сравнится. Известный идеолог нацизма, Марцинкевич отсидел три с половиной года по обвинению в разжигании экстремизма и национальной розни: с 2005 по 2007 год его объединение «Формат18» сняло и выложило в сеть несколько постановочных роликов жестокой казни гастарбайтеров.

Из колонии Максим вынес одно четкое убеждение — во всем виноваты либералы.

«Сегодня ты в Химки на митинг идешь, а завтра ребенка домой отведишь!» — декламирует он во время нашей беседы.

«Для чего поведешь-то?» — переспрашиваю я. «Как для чего? Для *бли, конечно», — отвечает Марцинкевич.

Теперь он, одетый в шапку покемона, обливает мочой «педофилов» и заставляет их целовать член из розовой резины.

Своих жертв Марцинкевич называет «дяди Эдуарды». Почему? «Потому что я заметил, что любой Эдуард либо пид*рас, либо педофил».

Еще Марцинкевич считает, что все педофилы — либералы и наобо-

рот: «Первый же наш пойманный педофил оказался таким, голосовал за “Яблоко”. Потом ко мне пришло понимание, что педофилия — это либерализм в чистом виде, потакание своим желаниям. Мы ставим в сеть анкету мальчика двенадцати лет, а либералы сразу предлагают ему сделать минет, полизать яички».

Собственно, Тесак назвал свою группу «ОккупайПедофиляй» в качестве отсылки к «либеральной движухе» «ОккупайАбай» и теперь регулярно устраивает для желающих сафари на «педофилов». Цена билета — тысяча рублей.

Журналистов на сафари не берут: «Они все неправильно представляют: типа, сломали человеку жизнь, облили мочой, а он же не сделал ничего. Особо либеральные СМИ пишут, что я ловлю не педофилов, а гомосексуалистов, которые любят молодых мальчиков. СМИ у нас слишком либеральные в стране, я даже ужасаюсь. А гомосексуалистов я ненавижу, я их считаю уродами моральными и генетическими».

В отличие от других «охотников», сам Марцинкевич с правоохранительными органами не сотрудничает, хотя они его «выискивают, хотят вместе работать». Зато к полицейским ходят ребята, с которыми Марцинкевич работает, «и данные раздают. Трех педофилов уже посадили».

Сам Марцинкевич посадил бы больше, но вот «доказательной базы не хватает». А на что ее хватает?

«На то, чтобы жизнь испортить. Пришел к ребенку, поговорил о письке, и все, жизнь сломана. От тебя отворачиваются друзья и близкие, тебя начинают в метро бить, жены уходят. И никому тебя не жалко».

Максим Марцинкевич всерьез подумывает о большой политике и свои шансы оценивает как высокие.

Сторонников, говорит, у них много. По всему городу. Да что там, по всей стране.

Первый пошел

«Большой город», 09.11.2012

Максиму Лузянину, признавшему свою вину по делу о беспорядках 6 мая, дали 4,5 года реального срока.

«Дорогая Фимочка, поздравляю тебя с днем рождения и желаю долгих и счастливых лет жизни» — журналистка новостного агентства едва успевает отправить СМС, как в зал Замоскворецкого суда заводят Максима Лузянина, одного из восемнадцати фигурантов громкого «Болотного дела». Заседание было назначено на одиннадцать утра, но началось только в час дня.

В небольшой зал с трудом втиснулись многочисленные журналисты

и наблюдатели, среди них — оппозиционер Алексей Навальный. Перед клеткой сидят родственники Лузянина — жена Наталья, рыжеволосая красавица с чуть раскосыми глазами, и шестнадцатилетний сын Антон. Они похожи.

В клетке — изрядно похудевший Лузянин. Владелец сети фитнес-клубов в Подольске, директор компании по производству моющих средств ООО «Гармония», Лузянин долгое время занимался бодибилдингом. В СИЗО, по словам его адвоката, франтовато одетого Сергея Шушпанова, «он перестал употреблять стероиды», отчего объем мышц уменьшился ровно в половину.

Едва судья Андрей Федин дошел до фразы «Подсудимый обвиняется в совершении преступления по статье 212 и статье 318 УК РФ», как на него напал приступ кашля. С трудом успев объявить перерыв, Федин удалился в совещательную комнату на двадцать минут.

После его возвращения прокурор Замоскворецкого суда Александр Третьяков начал зачитывать обвинительное заключение, по размерам сопоставимое с томом «Войны и мира». Согласно заключению, 6 мая 2012 года Максим Лузянин, находившийся на митинге «За честные выборы!», «имея преступный умысел, нанес телесные повреждения пятерым бойцам ОМОНа». А именно — Прохорову, Круглову, Казьмину, Маркову и Шталкину.

По словам прокурора, Лузянин действовал вместе с остальными шестнадцатью обвиняемыми, хоть они и не были знакомы раньше. Все они нанесли городскому бюджету «существенный ущерб»: «Разрушили асфальтовое покрытие на сумму в 28 миллионов рублей, повредили биотуалетов на 70 тысяч рублей, нанесли ГУ МВД ущерб в 25 тысяч рублей».

«В результате массовых беспорядков, сопровождавшихся поджогом и насилием, ГУ МВД и ГСУ МВД лишились 14 бронезилов, 29 резиновых палок, 2 мегафонов, 2 шлемов».

Никого из потерпевших в зале суда не было — часть из бойцов ОМОНа в отпуске, часть — в командировках. Прокурор Третьяков монотонно зачитал список травм, нанесенных омовцам Лузяниным и «группой лиц»: «Царапины лба, сотрясение мозга легкой степени, повреждение зубной эмали у омовца Круглова».

Еще до суда Максим Лузянин полностью признал свою вину, и дело его рассматривалось в особом порядке. Подсудимый заявил, что «детально раскаивается в содеянном, на очной ставке с потерпевшими извинился, и они с омовцами пожали друг другу руки в знак примирения».

Сразу после его реплики адвокат Шушпанов вызвал в суд в качестве свидетеля мать Максима, Анну Лузянину. Она рассказала, что сын ее отличается «спокойным характером, поддерживает ее финансово, пос-

кольку пенсия составляет шесть тысяч рублей». Сам же Шушпанов добавил, что Лузянин поддерживает православную общину селения Булатниковское, организовал в ней танцевальную и спортивные секции. Шушпанов утверждал, что на митинге Максим подпал под «влияние толпы и впал в состояние аффекта», ссылаясь на работы Зигмунда Фрейда и Карла Юнга.

«У подсудимого — престарелые родители и несовершеннолетний сын, он осознал свою вину, и больше такого не повторится, он твердо встал на путь исправления», — чеканил Шушпанов, просивший для своего подзащитного условного наказания.

Но прокурор Третьяков решительным голосом потребовал — шесть с половиной лет реального срока. После его фразы вытянулись лица не только у родственников Лузянина, но и у всех присутствовавших в зале. Стало понятно, что если такой срок грозит человеку, во всеуслышанье признавшему свою вину, который жал руки омоновцам в знак примирения, то остальным фигурантам «Болотного дела» придется гораздо хуже. Им наглядно дали понять, что если они признают свою вину, будет плохо. Не признают — будет невыносимо.

Сестра одного из фигурантов, Михаила Косенко, нервно курила перед зданием суда. Между затяжками Ксения рассказывала, что сегодня прошло первое заседание по делу брата, которому грозит срок либо в психиатрической спецлечебнице, либо в колонии. Ее брата защищают пять адвокатов, но непонятно, смогут ли они добиться снисхождения от суда.

Косенко, как и Лузянина, обязательно обвиняет в том, что он содрал асфальтовое покрытие на многие миллионы рублей. И в том, что он переворачивал биотуалеты. И в том, что именно он поджег коктейлем Молотова неустановленного человека — об этом рассказывал свидетель по делу, лейтенант ОМОНа Максим Полканов. Примерно так же обвиняет и всех остальных, не вдаваясь в детали и подробности.

Судья Федин обдумывал приговор четыре с половиной часа. Максим Лузянин проведет в колонии четыре с половиной года.

«Самое ужасное — это сны»

«Большой город», 12.11.2012

Химик Федор Бахов вышел под подписку о невыезде после полугода в СИЗО. В интервью БГ он рассказал, как из обычного участника митинга 6 мая стал фигурантом «Болотного дела», о ночном обыске и жизни в изоляторе.

— **Что было после того, как ты вышел из СИЗО?**

— После освобождения я встретился со своей женой Светой. Она жда-

ла меня у тюрьмы, обняла со слезами на глазах, мы постояли так минут пять. Поехали домой, где я впервые за полгода увидел дочь Настю. Когда она меня увидела, то даже не поняла сначала, кто это, а потом подошла и сказала, что очень сильно по мне скучала. Пока я сидел в СИЗО, ей говорили, что папа в командировке, но Настя уже достаточно взрослая, ей четыре с половиной года, она была дома, когда у нас был обыск, и понимала, что ее обманывают и ни в какую командировку я не уехал.

— Почему ты решил идти на митинг 6 мая? Что там происходило, почему возникла давка и драка?

— Я стал ходить на митинги из-за непонятной ситуации с выборами — с думскими и президентскими. На последних выборах я был наблюдателем на одном участке в Хамовниках, и, хотя именно на моем участке серьезных нарушений не было, общая ситуация с подтасовками и махинациями вызвала протест. И кроме того, у нас двенадцать лет одна и та же политика, мы зависим от цен на энергоносители, которые устанавливают совершенно другие страны, а если цены на нефть рухнут, то мы окажемся в крайне плачевном положении. Это мое личное суждение, я могу ошибаться.

Когда я шел на митинг 6 мая, у меня не было и мысли о том, что может что-то случиться. Во время шествия все было спокойно, никакой агрессии — все уже понимали, что на следующий день будет инаугурация Путина и, по сути дела, ничего уже не изменить.

Я шел в смешанной колонне — впереди были какие-то флаги красного цвета, по правую руку — зеленые с белым. Когда мы зашли на мост и уже должны были заворачивать на площадь, колонна встала минут на двадцать. Я был с левого края, недалеко от дополнительного оцепления ОМОНа, которое было выстроено по дугообразному принципу. Из-за этого проход на площадь был сильно сужен, а на саму площадь никого не пропускали. Впереди, на Большом Каменном мосту, было еще одно оцепление — несколько рядов ОМОНа и бронетехника. Сначала мы спокойно стояли на мосту, и мне не было страшно. Потом, когда кто-то крикнул: «Надо сесть!», я начал волноваться. Я сел на асфальт, но сразу же встал, поскольку сидеть было неудобно — ноги болят, народу много. Вокруг меня было очень шумно, кто-то кому-то все время кричал: «Почему не проходим?!» Многие волновались — пробка, давка. В толпе были женщины, некоторые — с колясками, мы пытались как-то двигаться, чтобы они прошли вперед, и вдруг сзади пошло какое-то давление, стало реально страшно, поскольку толпа понеслась, я почувствовал, как меня со всех сторон сдавили, такого ощущения я не испытывал никогда в жизни. Через несколько минут толпа прорвала оцепление, которое стояло по дуге. И тогда я подумал, что на такие мероприятия ходить нельзя, и сразу вспомнил, как мне рассказывали, что в такой дав-

ке — например на стадионе — люди просто погибали. Хорошо, что мне удалось тогда выжить.

После того как оцепление прорвали, люди стали проходить на площадь. Я попытался дойти до сцены и не видел, как за моей спиной выстраивают заграждения и что дело уже дошло до драки. На самой площади было довольно спокойно, кто-то выкрикивал лозунги: «Долой президентское самодержавие!» Сейчас я те события смутно помню, может, это связано с тем, что меня на той площади по голове ударили.

Когда я находился в самом центре площади, произошла очередная атака, в результате которой я остался один в окружении омоновцев. Двое сотрудников скрутили мне руки. Тут же кто-то из митингующих попытался меня выхватить, а я упал на землю. Омоновцы не хотели меня отпускать, и я проскреб рукой по асфальту несколько метров. В этот момент меня ударили по голове с криком «Вот тебе, б...дь!» — я не видел кто. Думаю, омоновцы — удар нанесли широким, тупым предметом. После этого меня протащили еще несколько метров по асфальту, я пытался сказать, что сам в автобус пойду. Тогда меня поставили на ноги и заломали руки. Идти было сложно, голова кружилась.

— **И тебя посадили в автозак?**

— Да. В автобусе было двадцать человек. Час мы ждали, пока нас отвезут в ОВД. Одна из женщин, сидящих в автозаке, дала мне перекись водорода, и я, как мог, обработал изодранную руку, наложил повязку. На голове, я потом нащупал, была серьезная шишка. Телефон был разряжен, но кто-то в автобусе дал мне трубку, я набрал сестре Марии и сказал, что сижу в полицейском автобусе на Болотной площади и не знаю, куда меня повезут. Нас отвезли в ОВД «Вешняки» и долго пытались оформить протоколы. В результате кого-то оформили, кого-то — нет, кому-то дали подписать протоколы задержания, а кому-то, например мне, вообще никаких протоколов не дали. Позже, в мировом суде, мне сказали, что я сам от подписи отказался, а это неправда.

Я думал, что скоро все это забуду как страшный сон. Оказалось, это только начало. Седьмого мая прямо из ОВД меня повезли в мировой суд на Якиманку, где должны были судить по административной статье, но заседание отложили до 17 мая, и меня отпустили. Я помню, что перед судом боялся, что меня могут посадить на 15 суток в спецприемник, все время думал о том, как же я на работе это коллегам буду объяснять. Семнадцатого числа был суд, и мне предложили сразу признать свою вину и заплатить штраф в 500 рублей. Я решил немножко побороться, хотя понимал, что шансов у меня мало.

Меня судили по статье 19.3, неподчинение сотрудникам полиции. Стандартная статья, ее всем дают. У них в ОВД «Вешняки», я помню, даже образцы протоколов были — мой, например, составляли по про-

токолу Алексея Навального. На суде я утверждал, что ни в чем не виноват, никакого сопротивления сотрудникам полиции не оказывал. Мне выписали штраф в 500 рублей, и я поехал домой.

— **За тобой пришли ночью?**

— Ранним утром 10 июня — еще темно было. Раздался звонок в дверь. Мы со Светой проснулись, а теща и Настя спали. Я посмотрел в глазок, никого не увидел и решил дверь не открывать. Через некоторое время звонки в дверь стали практически постоянными, с небольшими интервалами. В пять утра в нашу дверь звонили и стучали уже без перерыва. Я попробовал позвонить родителям, но не смог, поскольку с телефоном случилась какая-то странная вещь: ты набираешь номер — и сразу идут гудки, как будто занято. Пробираешь звонить с мобильного — такая же история. Тогда я подошел к двери и спросил: «Что вам нужно?» Мне ответили, что есть документы на обыск в нашей квартире. Я не мог предположить — почему, за что? Когда кто-то ломится в твою дверь, это действительно страшно. Света побледнела, но не плакала. Настя по-прежнему спала. Я крикнул, что сейчас вызову полицию, а в ответ услышал: «Не надо никого вызывать, мы сами полиция. Сейчас будем дверь ломать». Тогда я открыл им сам.

Света сказала, что будет обыск на камеру снимать, чтобы нам, не дай бог, чего-нибудь не подложили. А ей говорят: «Снимайте, вот только камеру мы у вас изымаем». И они действительно изъяли все электронные носители. Устроили, конечно, беспорядок, но в доме ничего вверх дном не перевернули, а Насте, проснувшейся от шума, мы сказали, что это к нам гости пришли. Меня попросили отдать вещи, в которых я был на митинге, и я отдал им только ботинки, поскольку вся одежда, которая на мне была, порвалась во время задержания. Рубашка на площади осталась, брюки на тряпки пошли.

— **И куда тебя отвезли после обыска?**

— В приемную СК, на улицу Туполева. Сказали, что я должен буду подписать протокол об изъятых у меня предметах: «Подпишешь, ознакомишься, и мы тебя отпустим». Я долго сидел в коридоре, а через час с небольшим меня отвели в кабинет №4, где следователь Денис Конов сказал: «Ну что же, Федор Николаевич, на вас есть неопровержимые доказательства». Суть сводилась к тому, что у них есть видео с моим участием в беспорядках, когда в полицию кидают разные предметы, а омоновцам наносят травмы. Потом следователь дополнил: «Поскольку вы работаете и живете в Москве и у вас маленькая дочь, вам достаточно будет просто рассказать, как все было, и мы отпустим вас домой».

Через десять минут меня познакомили с моим адвокатом по назначению, Василием Наполовым. Мне тридцать лет, опыта общения с адвокатами у меня не было, и я не знал, что они должны защищать людей до последнего. Поэтому я не удивился, когда Наполов предложил

мне следующие два варианта: либо отказываться от дачи показаний по 51-й статье, либо написать явку с повинной. Он добавил, что судьи и следователи не любят, когда люди не дают показаний, а вот если я все расскажу, то меня тут же отпустят домой. Наполов еще сказал, что я, наверное, кого-то из омовцев случайно задел, когда толпа пошла на прорыв. И я подумал, что если у Конова есть бесспорное видео, то так оно и было, а я чего-то могу не помнить.

Конов мне сразу предложил посмотреть видеозапись. На видео было следующее: одного из сотрудников ОМОНа хватают несколько человек, бьют, а он кричит: «Помогите!» Меня среди этих людей, естественно, не было. Потом Конов прервал показ и сказал: «Дальше, Федор Николаевич, я вам ничего показать не могу, это тайна следствия, но вы там тоже есть, и вам лучше все чистосердечно рассказать». Все следователи были хорошо одеты, производили впечатление нормальных людей — не мордовороты, не бьют. И я им поверил. Рассказал, что случайно оказался в той части толпы, которая прорвала оцепление. Тогда мне и вменили прорыв оцепления и участие в массовых беспорядках. Я помыслить не мог, что человек, который находился в толпе, будет назван преступником. Это немыслимо, невозможно себе представить. По сути дела, это обвинение на мне до сих пор висит.

— **И ты не ожидал, что суд решит оставить тебя под стражей?**

— Нет. Меня отвезли на Петровку, в ИВС. Конов сказал, что я побуду там одну ночь, а потом меня отпустят домой. Но на следующий день, 11 июня, меня отвезли в Басманный суд. Я уже не помню, о чем говорил на суде. По-моему, я даже пытался перед кем-то извиниться и обещал больше никогда в жизни не ходить на митинги. Но меня арестовали до 6 июля, и сейчас я думаю, что зря тогда извинялся. Я же ни перед кем не виноват, да и митинг был разрешенный, и полиция там была, на мой взгляд, не совсем уместна. Меня арестовали и опять повезли в изолятор.

Кормежка была нормальная. Камера маленькая, кишкообразная — на три места. Туалет устроен не очень хорошо, загородки нет. Скотские условия. Со мной сидели разные люди — кто за нанесение тяжких телесных повреждений, кто за грабеж. Несколько дней меня продержали в полной изоляции от адвоката. Я был уверен, что мои родители найдут мне другого защитника вместо Наполова, и они действительно через проект «Росузник» вышли на адвоката Анну Зарву, вот только ее четыре дня ко мне вообще не пускали. Я ничего не знал о том, что происходит в городе: 12 июня, после грозы, в камере сломалось радио, и его так и не починили. А 20 июня поздно вечером меня перевезли в СИЗО №5, в «Водник».

Когда я заходил в камеру, то был в полной панике — смотрел фильмы про тюрьму, видел, как на новичка идут такие крепкие парни, руки в боки: «А, свежее мясо пришло!» Ничего такого не было. В каран-

тинной камере был один из участников «Болотного дела», студент Ярослав Белоусов. После того как я его увидел, у меня как-то страх отлег: если с ним все нормально, значит, не бьют. После карантина меня определили в камеру №509, в пятом отделении. Это специальное отделение, изолированное от остальных этажом, на котором расположены медицинские кабинеты. Межкамерной связи нет, постоянный видеоконтроль. Но камера чистая, обжитая. Считается, что у нее хорошая репутация, отсюда — выходят. Я в это не верил.

— **А как с сокамерниками общался?**

— Мне повезло, люди в камере попались интеллигентные. Одно время со мной сидел Сергей Шилов, фигурант громкого дела о контрабанде мака. Мы с ним даже схлестнулись на химической почве: он говорил, что невозможно из нескольких тонн мака вычленить существенное количество наркотического вещества. Я с ним соглашался, но возражал, что наши ГОСТы предписывают нулевое содержание примесей в маке и сделать с этим ничего нельзя. А он горячился и обещал ГОСТы изменить. Я же химик. Работаю заведующим отдела в компании «Мета-кэй», которая занимается разработкой новых полимерных материалов — в частности, для кабельной и пищевой промышленности. Когда меня посадили, в прессе широко распространилась информация, что я почвовед. Это ошибка: я учился на химфаке МГУ, на кафедре высокомолекулярных соединений, и работал по специальности.

В СИЗО меня спасали две вещи — спорт и письма. В «Воднике» две камеры переделали под тренажерные залы, и ты можешь час на платной основе спортом заниматься. А потом — внеплановый душ, в который обычно водят раз в неделю.

Писала Света, писали через сайт «Росузника» люди, которых я даже не знал. Если я день не получал письма, то сразу же начинал нервничать. Кто-то мне даже переводил деньги на лицевой счет, и я мог заказать в киоске СИЗО все, что мне хотелось. Единственное, там не было нормального хлеба, его я просил передавать в передачах. Вообще, я считаю, что в СИЗО я сидел с невиновными людьми — в основном все они шли по 159-й, самой распространённой у бизнесменов и чиновников статье. Мне особенно запомнился глава администрации Кабардино-Балкарии Руслан Жамборов, которого арестовали по делу о хищении прав собственности на бывшее здание филармонии в Нальчике. Я не знаю, прав он или нет, но он производил впечатление мягкого и интеллигентного человека с феноменальным объемом знаний. Он пытался меня поддержать и всегда сглаживал любую конфликтную ситуацию в камере.

Я был в шоковом состоянии, меня водили на допросы и иногда даже не снимали наручники. У меня постоянно было такое ощущение, что это все не со мной происходит и вот сейчас я проснусь у себя в кровати,

дома. А самое ужасное — это сны. Тебе снится, что ты дома, и тут ты просыпаешься и видишь зарешеченное окно и дверь эту кошмарную.

19 июня я отказался от своей явки с повинной, от адвоката Наполова, и ко мне наконец пустили Анну Зарву. Потом меня вызывал на допросы новый следователь, Сергей Костерин. Он предъявил мне обвинение по одной статье, 212-й — «участие в массовых беспорядках». Ни о каком непроверяемом видео уже никто ничего не говорил, но меня тем не менее держали в СИЗО до 6 ноября. Считалось, что я могу скрыться от следствия, хотя у меня и заграничного паспорта нет.

— **Расскажи о последнем дне в изоляторе.**

— Я до последнего ждал, что меня отвезут в Басманный суд. Все, с кем я сидел, в один голос говорили, что на продление могут отвезти в любой, даже в самый последний момент. Только утром 6 ноября я понял: что-то не так, меня никуда не ведут, а срок моего содержания истекает в 15.40. Я сидел перед телевизором и считал минуты: на Пятом канале в углу экрана показывают часы, и я от них глаз не отрывал. Ровно в 15.00 в камеру зашли и сказали: «Давай, налегке». Это значит, поведут в адвокатскую комнату. Меня заводят в комнату, там сидят Анна и Сергей Костерин. И Костерин говорит: «Следствие приняло решение изменить вам меру пресечения», протянул какую-то бумагу. Я до конца не поверил ему и решил не радоваться, пока не выйду из тюрьмы. Через два часа меня встретила жена. Этот день я провел как сомнамбула — ходил шатаюсь, у меня постоянно щипало в глазах и в носу. Да что там, я до сих пор себя так чувствую.

Фигуранта «Болотного дела» могут отправить на бессрочное лечение

«Большой город», 28.11.2012

Сегодня в Замоскворецком суде прошло второе заседание по делу Михаила Косенко, обвиняемого в участии в массовых беспорядках на Болотной площади. Его обвиняют по статье 318 части 2 — применение насилия, опасного для жизни, в отношении представителя власти. Ранее он обвинялся по части 1 данной статьи.

Согласно материалам обвинения, Косенко «совершил участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, поджогами, уничтожением имущества». Если верить следствию, инвалид Косенко, действуя «заодно с Лузяниным М.С. и неустановленными лицами, применил в отношении представителя власти — бойца 1-й роты 2-го оперативного батальона отряда особого назначения Центра специального назначения сил оперативного реагирования ГУ МВД России по г. Мос-

кве рядового полиции Казьмина А.В., производившего задержание активных участников массовых беспорядков, в связи с исполнением последним своих должностных обязанностей физическое насилие, опасное для его здоровья». Срок тюремного заключения по этому обвинению — до 10 лет.

Адвокаты Елена Липцер и Василий Шухардин связывают «утяжеленное» обвинение с результатами судебно-медицинской экспертизы, проведенной в период с 28 мая 2012 года по 27 июня 2012 года специалистом бюро судебно-медицинских экспертиз, Каратаевой Гузель Хайдаровной. Согласно ее заключению, «Казьмину А.В. была причинена физическая боль в местах ударов, а также следующие телесные повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, ссадины лобной области, сотрясение головного мозга, вызвавшие кратковременное расстройство здоровья продолжительностью менее 3 недель от момента причинения травмы и расцениваемые как причинившие легкий вред здоровью».

По мнению адвоката Шухардина, если обвинение Михаила Косенко останется без изменений, то и другим фигурантам «Болотного дела» «легко могут переqualифицировать статью с «насилия неопасного» на «насилия опасное». В этом случае все обвиняемые получают внушительные сроки.

Обвинение требует применить в отношении Михаила Косенко, инвалида II группы, состоящего на учете в ПНД, «меру принудительного медицинского характера» и просит суд направить его в специальную психиатрическую лечебницу.

В том случае если речь идет о принудительном лечении, то оно может быть бессрочным.

Сам Косенко был категорически не согласен с обвинением: «В постановлении много надуманного, лишнего, не соответствующего действительности. Сотрудники ОМОНа все как один говорят, что дубинки не применялись, в то время как видеоматериалы говорят об обратном».

«В постановлении не конкретизированы действия Косенко. Что именно он делал и каким образом участвовал в беспорядках — не сказано», — заявила на суде Елена Липцер.

На заседании в Замоскворецком суде адвокат Шухардин ходатайствовал о смене меры пресечения для Косенко и об отводе судьи, но в обоих случаях ему было отказано.

Следующее заседание по делу Михаила Косенко назначено на 17 декабря.

Напомню, так называемое «Болотное дело» возбудили вскоре после согласованного с властями шествия по Якиманке и митинга на Болотной площади 6 мая — акция завершилась столкновениями с полицией. Пострадали десятки человек с обеих сторон, более 400 демонстрантов были задержаны.

Пытки в сторону

«Большой город», 12.12.2012

Басманный суд продлил срок ареста Леониду Развозжаеву — фигуранту дела о подготовке к массовым беспорядкам. В ходе заседания Развозжаев указал на сидевшего в зале человека и заявил, что тот применял к нему пытки.

Перед залом суда — шеренга судебных приставов. По коридору ведут оппозиционера Леонида Развозжаева, помощника депутата Ильи Пономарева.

Развозжаев выглядит бодро: собравшуюся у зала группу поддержки он приветствует речевкой: «Жулики и воры, пять минут на сборы!» «Леня, держись, мы с тобой!» — нестройным хором отвечают ему.

В толпе — жена Развозжаева и два его брата. Рядом с ними стоит Сергей Удальцов, который до начала заседания сообщил интересующимся журналистам о том, что переговоры с мэрией по выбору маршрута шествия «Марш миллионов», запланированного на 15 декабря, «сильно затягиваются».

Слушание по делу о продлении ареста Леонида Развозжаева ведет судья Артур Карпов. Непосредственно за спиной у представителя обвинения, следователя СК Евгения Грачева, сидит короткостриженный молодой человек в сером костюме и сиреновой рубашке с галстуком в тон. В руках он держит айпэд в футляре из искусственной кожи «под крокодила». После того как судья Карпов открыл заседание, Развозжаев попросил дать ему слово и назвал суд над ним «судом над всеми свободными людьми, которые всего лишь хотят жить в демократическом обществе». Он проходит обвиняемым по делу, которое было возбуждено вскоре после выхода фильма НТВ «Анатомия протеста-2» — авторы утверждали, что российские оппозиционеры готовили силовой захват власти на зарубежные средства. Развозжаев назвал дело гнусной фабрикацией и пообещал, что превратит «свою скамью подсудимых в трибуну обвинения властей». Свое обещание он сразу сдержал, указав на человека в сером костюме с крокодиловым айпэдом: «Я узнаю в этом мужчине человека, который пытал меня двое суток после того, как меня похитили на Украине! Он прикрывался кличкой Аналитик и был в маске, но я готов прямо сейчас его опознать!» — громко крикнул Развозжаев. В зале повисла тишина. Человек с айпэдом улыбнулся — то ли смущенно, то ли обреченно.

Судья Карпов сказал, что «суд не может брать на себя функции Следственного комитета и данное заявление не относится к существу рассматриваемого вопроса о продлении содержания под стражей».

«Как же не относится? — возразил судье один из адвокатов обвиняе-

мого, Дмитрий Аграновский, — этот факт прямо указывает на то, что наш подзащитный был незаконно похищен, незаконно задержан и находиться под стражей не должен!» В дополнение Аграновский перечислил список заболеваний, которыми страдает Леонид: остеохондроз, остеомиелит, пулевой прострел правого легкого.

«Эти заболевания препятствуют содержанию Леонида в СИЗО!» — заявил защитник. После его выступления следователь Грачев зачитал материалы обвинительного заключения: согласно им «Развозжаев Л.М. подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1, ст. 30 (приготовление к преступлению или покушение к преступлению. — БГ), ч. 1, ст. 212 (организация массовых беспорядков. — БГ). Он располагает обширными связями в среде лидеров различных общественных и правозащитных организаций и движений на территории Российской Федерации и за рубежом, а также в органах государственной власти. Он неоднократно выезжал за пределы Российской Федерации, документирован действующим заграничным паспортом, не имеет постоянного места работы, не проживает по месту постоянной регистрации в городе Ангарск Иркутской области и может продолжить заниматься преступной деятельностью, поскольку его деятельность была пресечена на стадии приготовления к преступлению. После возбуждения уголовного дела скрылся от следствия. Оставаясь на свободе, может вновь скрыться от следствия и суда, и, поскольку в настоящее время не все участники установлены, подозреваемый может лично или через других лиц совершить действия, направленные на уклонение от уголовной ответственности, а также уничтожить доказательства предварительного расследования».

В качестве свидетелей, допрошенных по делу «о приготовлении к массовым беспорядкам», была упомянута Самира Бадер, 26-летняя помощница депутата Госдумы Алексея Чепы из Твери. Ранее в эксклюзивном интервью «Известиям» она призналась, что у них с оппозиционером целый год был роман, и Леонид не скрывал от нее ни поездку в Минск вместе с лидером «Левого фронта» Сергеем Удальцовым и его помощником Константином Лебедевым, ни финансирования оппозиции со стороны «грузинских друзей».

Помимо этого, следователь Грачев заявил, что против Леонида Развозжаева в 1997 году в Ангарске было возбуждено уголовное дело по факту «хищения из квартиры гражданина Скуденкова 500 сурковых шапок и видеокамеры марки Hitachi».

В ответ адвокат Развозжаева, Александр Денисов, парировал: «Это дело 7 июня 2012 года было закрыто, и вы сейчас пытаетесь возродить шапки из пепла!»

Судья Карпов, помолчав, сообщил присутствующим, что шапки не относятся к предмету сегодняшнего разбирательства.

Выслушав аргументы защиты и обвинения, Карпов удалился — обдумывать решение. В перерыве из зала стремительно ретировался человек с айпэдом: вслед ему неслись крики «Долой!» и «Пыточных дел мастера!». «Это следователь СК Дмитрий Плешивцев, мы хорошо его знаем!» — сообщил журналистам соратник Леонида Развозжаева, активист «Левого фронта» Алексей Сахнин.

Ровно через час судья Карпов огласил решение: Леонид Развозжаев останется под стражей до 1 апреля 2013 года.

«Леонид, ты выйдешь из тюрьмы героем!» — крикнула находившаяся в зале Анастасия Удальцова.

«Мы ведь продолжим борьбу?» — то ли спросил, то ли ответил ей Развозжаев.

Оперативная память

«Большой город», 24.12.2012

20 декабря Владимир Путин, отвечая на вопрос журналиста Lenta.ru о «Болотном деле», заявил, что за участие в массовых акциях не следует сажать в тюрьму, но рукоприкладство в отношении представителей правоохранительных органов недопустимо. 21 декабря к одному из фигурантов «Болотного дела» Алексею Полиховичу пришел следователь и привел с собой сотрудника ОМОНа — тот внезапно вспомнил, что Полихович ударил его по руке во время акции 6 мая. Полиховичу предъявили новое обвинение. БГ поговорил с родителями обвиняемого о странных совпадениях в деле их сына.

— Когда вы узнали о том, что вашему сыну предъявили новое обвинение, по 318-й статье («применение насилия по отношению к представителю власти»). — БГ)?

Алексей ПОЛИХОВИЧ: В пятницу, в шесть вечера — ну, максимум в половине седьмого. Нам с Таней позвонила адвокат Леша Александра Пирогова. Мы пришли в ужас, да и адвокат была в шоке не меньше нашего. А в четверг мы слушали пресс-конференцию нашего «отца народов», на которой он ясно сказал, что люди по 212-й статье («массовые беспорядки»). — БГ) из-за участия в несанкционированных митингах сидеть не должны, и мы были уверены, что к Новому году Лешу отпустят.

— Вы ждали, что на пресс-конференции зададут вопрос про «Болотное дело»?

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Честно говоря, я думал, вряд ли этот вопрос зададут, считал, что он из категории запрещенных. Молодцы, осмелились. Я ехал в машине, слушал радио, и после ответа Путина на этот

вопрос обрадовался — ну, думаю, теперь-то следователи должны отреагировать, это ж президент сказал! Вот они и отреагировали как могли — оперативно, на следующий день. Вообще-то, следователь Сергей Костерин и адвокат Пирогова должны были в тот четверг в СИЗО идти: следствие по Лешину делу закончилось, началось ознакомление с материалами. Я точно не знаю, во сколько они должны были встретиться, кажется, во второй половине дня. Но Костерин отменил встречу, сославшись на занятость, и попросил перенести ее на пятницу. А в пятницу предъявили новое обвинение.

Я с утра в СИЗО ездил, передачу передавал — сладости разные, конфеты. Потом мне уже до конфет не было: вечером, когда мне Пирогова позвонила, я ее спросил: «Что случилось? Что произошло?» Она мне рассказала, что в СИЗО вместе со следователем пришел боец ОМОНа Игорь Тарасов. Он сказал, что вспомнил, как 6 мая Леша ударил его по руке. Бред какой-то. Вы понимаете, Тарасов же в сентябре опознавал Лешу как «человека, выдергивавшего задержанного из рук омоновцев», и ни о каких ударах речь не шла. А тут вдруг раз — и вспомнил. Может, ему кто-то помог вспомнить, не знаю.

— **Что значит «помог вспомнить»?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Начальник какой-то вспомнить попросил. Тут еще вот какая история: есть видео с митинга на Болотной площади, на котором видно, что делает Леша. Ни адвокат это видео не видел, ни мой сын, но я — видел. В августе, когда Леша отказывался от всех показаний по 51-й статье («никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». — БГ), Сергей Костерин вызвал меня на допрос и показал видео — с тем, чтобы я своего сына идентифицировал. Видео выглядит так: пятеро омоновцев нагибают какого-то парня, он стоит в форме буквы Г, а его по спине бьют дубинками. Костерин говорит: «Вот, смотрите. Это омоновцы правонарушителя задерживают». Я ему отвечаю: «Слушайте, я задержание несколько по-другому представлял, это уже на избивание похоже». В этот момент на пленке появляется Леша, и пытается парня вытащить из-под дубинок, дергает его за брючный ремень.

— **И чего от вас хотел Сергей Костерин?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Чтобы я убедился в том, что парня выхватывает именно Леша.

— **И это действительно был Леша?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Да, это был он.

— **В материалах дела говорится, что на Леше была медицинская маска, — вы его в ней узнали?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Он и в метро такую маску носил, что с того? Он следователю говорил, что если бы хотел спрятаться, то надел бы не медицинскую маску, а шапку с прорезями. Кстати, в таких штуках

многие на том митинге были. А медицинские маски сам Онищенко в людные места надевать советовал — у нас ведь и грипп, и бытовой сифилис, и все что хочешь. Я даже не знаю, почему следователь к этой маске так прицепился.

— **Медицинские маски на митингах антифашисты и анархисты носят, а их правоохранительные органы никогда особенно не любили.**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: У Леши взгляды, позиция. При этом он не ходит ни на какие собрания, не регистрируется в сообществах в интернете и в партии не вступает.

— **А позиция у него какая?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Анархистская. А почему нет? Это что, в нашей стране запрещено законом? Когда его арестовывали, то в Басманном суде зачитывали бумагу от какого-то полковника Ревякина из Центра «Э» — дескать, Леша состоит в «объединениях деструктивного толка». Чистый идиотизм! Ну да, он ездил Цаговский лес защищать, так это ж не считается деструктивной деятельностью! Самое интересное, что когда следственные действия по Леше закончились, в обвинительном заключении ни строчки про деструктивные организации не было.

— **На этом видео Леша бьет омоновца?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Он вообще не касается полицейских. Стоит согнутый человек, его по спине бьют дубинками, а Леша хватается его ниже, за пояс, и вытягивает. А дальше сына начинают бить дубинками по предплечьям, он разжимает руки, и все. Я Костерина тогда спросил: «А в чем вина Леши, вы мне скажите?» «Противодействовал полиции», — отвечает. А в каком законе написано, что полиция может безнаказанно избивать людей?!

— **Следователь Костерин позвонил адвокату до того, как журналист Илья Азар задал Путину вопрос о «Болотном деле» или после?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Не знаю, если честно. Я точно не могу сказать, как эти события взаимосвязаны, но если это и совпадение, то очень и очень странное. 22 ноября следствие было закончено — все, точка, обвинительное заключение. Похоже, после слов Путина о том, что люди без 318-й статьи в тюрьме сидеть не должны, у следствия случилась мощная конвульсия. Они поняли — надо что-то делать. Для Леши нашелся омоновец, «вспомнивший» все, — ладно бы нового полицейского нашли или новое видео обнаружили, так нет же!

(По словам адвоката Александры Пироговой, следователь Костерин назначил ей встречу на 15 часов в четверг. В 17 часов он позвонил и перенес встречу на день. Илья Азар задал вопрос около 15:30 — БГ)

Татьяна ПОЛИХОВИЧ: Да. Очень «кстати» нашелся омоновец, который через полгода вспомнил, что Алеша его по руке ударил.

Алексей ПОЛИХОВИЧ: У нас есть свидетели, которые были рядом с сыном на площади. Они обещают: «Придем на суд, все расскажем». Но вы

же знаете, какие у нас суды: они могут выслушать свидетелей, а могут не обратить на них никакого внимания. Он не должен сидеть в тюрьме, он сделал то, что должен был сделать любой нормальный гражданин этой страны, — вступился за того, кому нужна была помощь.

Леша год отслужил на Северном флоте, плывал на корабле «Адмирал Ушаков», в 2011 году вернулся, а через несколько месяцев ему письмо пришло из Федеральной службы охраны при президенте России — на работу звали. Они же подыскивают кадры в армии, и Леша им, наверное, подходил. Я потом следователю объяснял: «Как так может быть, моего парня три месяца назад в ФСО работать звали, а вы его в деструктивные организации засовываете! По-вашему, в ФСО проверок нет, они кого попало с улицы берут?!» Там такие хорошие условия были, а он отказался.

— **А вы хотели, чтобы он в ФСО пошел?**

Алексей ПОЛИХОВИЧ: Я ему говорил: «Леша, смотри, как все прекрасно расписано: тебе сразу девяносто тысяч рублей подъемных выплачивают, после трех лет работы квартиру в ипотеку дают. Наверняка с большими льготами и скидками».

Татьяна ПОЛИХОВИЧ: График работы девятичасовой, без обязательного ношения военной формы. И то, что он на заочном отделении в РГСУ учился, помехой не было. Алеша ответил: «Отстаньте от меня, я туда не пойду. Как я буду друзьям в глаза смотреть?»

Алексей ПОЛИХОВИЧ: С детства — за свободу, равенство, братство. Цвета кожи у людей не существовало. Я футбол, бывает, смотрю: «О, негр побежал!», а Леша ругаться начинает. Обижался. На Чистых прудах была такая ситуация: Леша с друзьями у метро стоял, а полицейские к двум нерусским подошли, проверили документы и, несмотря на это, задержали и в отделение повели. Сын спрашивает: «На каком основании граждан задерживаете?» Поехал с ними в участок, написал рапорт на этих полицейских, что они незаконно людей на улице задержали. Нам потом ответ пришел от начальника отделения: «Ваше заявление рассмотрено, нарушений в действиях сотрудников не обнаружено». Мы об этом случае только по этому ответу и узнали. А потом еще квитанция пришла на уплату штрафа в тысячу рублей за участие в несанкционированной акции в защиту Цаговского леса.

— **К чему вам советует готовиться адвокат?**

Татьяна ПОЛИХОВИЧ: Мы ждали сына домой к Новому году. А сейчас даже не знаем, что будет дальше, абсолютно непредсказуемая ситуация.

Алексей ПОЛИХОВИЧ: В принципе, у нас даже есть свидетель, что первое Лешино опознание проводилось с нарушениями: оно должно было начаться в десять утра, а началось на три часа позже. И все эти три часа омоновец Тарасов курил в коридоре с подставными опознаваемыми — блондином лет сорока и мальчиком лет шестнадцати с косой чел-

кой. И на опознании между ними сидел короткостриженный Леша. Адвокат следователя спрашивает: «Что ж вы, похожих по внешности людей подобрать не смогли?» А тот от нее отмахнулся: «Да что вы паритесь, может быть, вашему подзащитному условный срок дадут, и все». А сейчас уже понятно, что никакого условного срока не будет, а будет новая статья.

Остался на продленку

«Большой город», 27.02.2013

Первым человеком, которому Басманный суд продлил срок содержания под стражей, стал бывший морской пехотинец и студент Государственной академии гуманитарных наук Денис Луцкевич

Следователь Алексей Быков сидит на скамейке перед залом суда №31. На Быкове синий с красной оторочкой китель, поверх кителя — потертый пуховик. Быков выглядит уставшим. Он ведет дела троих фигурантов «Болотного дела» — Александры Духаниной, Николая Кавказского и Дениса Луцкевича — и называет их по-отечески: Саша, Коля и Денис. На мой вопрос о том, могут ли Дениса Луцкевича отпустить до суда под домашний арест, Быков отвечает долгим молчанием.

Через два часа, вытянувшись по струнке перед судьей Натальей Мушниковой, Быков твердо говорит, что иная мера пресечения, кроме содержания под стражей, в отношении Луцкевича невозможна: «Он родился на Украине, где проживал до 2010 года. У него есть родственники за границей, к которым он может убежать».

Залог в 4 миллиона 630 рублей, который была готова внести мама, Быков отвел недрогнувшей рукой: «Он может оказать давление на свидетелей или препятствовать следствию иным способом». — «Каким «иным»?» — пытается уточнить адвокат обвиняемого Дмитрий Динзе. «Просто — иным», — отвечает Быков и выразительно смотрит на адвоката.

Сам Луцкевич печально следит за тем, как судья Мушникова отказывается приобщить к делу медицинские справки о наличии у обвиняемого вегетососудистой дистонии, развившейся на почве закрытой черепно-мозговой травмы, полученной в 2007 году. Наличие у обвиняемого гастродуоденита тоже не трогает Мушникову. Не поколебали ее уверенность и прочие предоставленные Динзе бумаги: результаты психологического обследования Дениса, согласно которым он является «законопослушным гражданином, не способным на преступление». В дело попали даже грамоты за примерную учебу в школе и колледже, а также «за победу в футбольном соревновании в пионерском лагере».

«Отличник боевой службы?» — переспросила Мушникова, с недоверием поглядев на Динзе. Тот утвердительно кивнул. Стопка бумаг, ко-

тору он держал в руках, пунктиром описывала нехитрую жизнь подзащитного: примерное детство, русский язык и арифметика в школе на твердую пятерку, служба в десантно-штурмовом батальоне, участие в параде в честь Дня Победы в 2010 году.

«Пользуясь случаем, хочу поздравить судью и всех собравшихся в зале милых дам с наступающим праздником 8 Марта», — неожиданно подал голос Луцкевич. Мушникова посмотрела на него с недоумением. В зале тихо всхлипывала мама обвиняемого.

Дмитрий Динзе попросил отпустить подзащитного под домашний арест, в своей речи ссылаясь на решения ЕСПЧ, неоднократно пенявшего российским судам за неоправданное содержание в СИЗО людей, чья вина не доказана. Мушникова не вняла доводам адвоката. Решение суда предписало оставить Луцкевича под стражей до 9 июня 2013 года.

Ровно за пять дней до решения Мушниковой суд города Претории отпустил под залог параолимпийского чемпиона Оскара Писториуса, обвиняемого в убийстве своей девушки. В пересчете на рубли залог составил 3 миллиона 370 тысяч рублей. Мать Луцкевича предлагала суду на 1 миллион больше.

«Болотное дело» возбудили вскоре после «Марша миллионов» 6 мая 2011 года. Согласованная акция на Болотной площади завершилась столкновениями с полицией, которые следствие трактовало как массовые беспорядки. Всего по делу проходит 21 обвиняемый. Большая часть из них до сих пор содержится в СИЗО. К настоящему времени приговор был вынесен только одному из них — предпринимателю Максиму Лузянину, которого 9 ноября 2012 года Замоскворецкий суд приговорил к четырем с половиной годам лишения свободы. В качестве предполагаемых организаторов беспорядков следствие называет Сергея Удальцова, Константина Лебедева и Леонида Развозжаева.

Жертвы папарацци

«Большой город», 20.02.2013

Девушка бежит вниз по лестнице, считая ступеньки, — восемь пролетов, четыре этажа. Ее лицо наполовину закрыто шарфом, на руках — дочка Соня, которой недавно исполнилось полтора года. Девушка выбегает из подъезда, подбегает к машине, пытается посадить ребенка в автокресло — безуспешно, трясутся руки. В итоге она сажает дочку на переднее сиденье, заводит машину и уезжает.

За ней из подъезда выбегает человек с камерой.

На календаре — шестнадцатое января. Всего неделю назад 28-летняя Ольга, домохозяйка, в прошлом — владелица агентства по организации корпоративных праздников, отдыхала с Соней в Португалии, куда уе-

хала с компанией друзей перед Новым годом.

Там третьего января она получила СМС от своего близкого друга, шеф-повара кафе «А энд Б», многодетного отца Алексея Кабанова: «Ира (жена Кабанова. — БГ) ушла из дома. Волнуюсь, не знаю, что делать». Ольга спросила, чем она может помочь, — через несколько дней Кабанов написал, что Ира по-прежнему не вернулась домой, и попросил одолжить ему на время машину — для поисков. Ольга ответила: «Давай, держись, я скоро, я помогу, я приеду, я сварю суп» — и, прилетев десятого января в Москву, отдала машину марки Škoda Fabia Кабанову. На следующий день ей позвонила подруга: «Ты уже знаешь про Кабанова?»

Ольга зашла на страницу Алексея в фейсбуке, где увидела ссылку на Life News: «Части тела жены Кабанова обнаружены в багажнике автомобиля Škoda Fabia».

Алексей попал в СИЗО №5, а Ольга — прямиком в ад.

В ночь с пятницы на субботу за Ольгой приехали шесть сотрудников ОВД «Войковский»: «Они продержали меня до семи утра, но так и не допросили, поскольку говорить я была не в состоянии».

Она вернулась домой, но заснуть так и не смогла. «Нам стали звонить в дверь с криками: «Ольга! Можно Ольгу!!! Ольга, выходите!!!» Муж на секунду открыл дверь, увидел человека с камерой — и сразу же хлопнул обратно. Они потоптались под дверью и пошли вниз, на улицу. Я выглянула в окно и увидела, как к нашему подъезду подкатывает несколько телевизионных фургонов. Соня была у моей мамы, а мы сразу наглухо закрыли все окна шторами».

В воскресенье Ольга снова поехала на допрос: чтобы заблокировать людей с камерами, один из ее друзей, нарушив все возможные правила, подогнал машину прямо к подъезду.

На допросе она провела восемь часов, оперативники выводили ее из ОВД через черный ход, потому что у парадного подъезда стояла толпа людей с камерами. Лицо ее было закрыто шарфом, чтобы никто не понял, как она выглядит.

В ночь с воскресенья на понедельник в газете «Известия» появилась статья о том, что следствие обнаружило вероятную сообщницу Кабанова, одолжившую ему машину. Она является его любовницей, конфликт начался из-за нее».

Эти слова были скоро официально опровергнуты представителями СК, но механизм уже был запущен.

В понедельник под каждым деревом возле ее дома, расположенного в районе Фили-Давыдково, стоял человек с камерой: «Я сказала мужу, что надо уезжать, при этом сама ничего не могла делать, только пила воду и курила. В дверь звонили постоянно, трезвонили оба телефона — мобильный, домашний. Мы задернули занавески на окнах, не подхо-

дили к телефонам, вытащили батарейки из дверного звонка. Два дня просидели в самой дальней комнате при свете настольной лампы».

Журналисты даже как-то пробились к соседям и позвонили с их номера на Ольгин мобильный. Увидев знакомый номер, она сняла трубку и услышала взволнованный голос: «Оля, у нас с потолка льет кипяток! Приходит сантехник, сказал, у вас прорвало батарею! Приезжайте немедленно домой — или мы будем ломать вам дверь! У нас полквартиры затопило!» Сидя в квартире, где не было и намека на лопнувшие батареи, она соврала, что находится за городом, домой вернуться не может. Параллельно перепуганные родственники наперебой сообщали, что к ним приходят «непонятные люди из благотворительного фонда «Доверие», почему-то — с камерами, и расспрашивают об Ольгиной жизни.

«Ты полностью затравлен, — объясняет Ольга. — Начинаешь ходить по квартире на цыпочках, знаешь, что, если сделаешь неверный ход, тебя накроют. В туалет, простите, ходишь инстинктивно тихо. А еще любую мировую трагедию перекрывает твоя собственная ситуация, поскольку тебе по-настоящему страшно и мерзко: да, никто не угрожает твоему физическому здоровью, твою дверь не выламывают братки. Но ты унижен хотя бы потому, что твоя жизнь тебе уже не принадлежит».

Известно, что слово «папарацци» в значении «фоторепортер» было введено в обиход Федерико Феллини: в его фильме «Сладкая жизнь» присутствует проныра-фотограф по фамилии Папараццо. Позже трансформация слова во множественное число — «папарацци» — стала применяться к фотографам, преследующим знаменитостей ради одного-единственного компрометирующего снимка. История российских папарацци берет разбег в начале XX века, когда в дачных поселках Подмосковья можно было встретить фотографов-«моменталистов». Они часами дежурили в засаде, чтобы снять курьезную или купальную сценку. В ответ на это купальщики предсказуемо били моменталистам морды, но на естественное развитие журналистики это никак не повлияло: в России насчитывается порядка двух десятков желтых изданий, и им всегда есть чем заняться.

В первую очередь — звезды. Во вторую — политики. А дальше — обычные люди, которым приходится хуже всего: они не выбирали себе публичной профессии, не топтали красные дорожки, не улыбались под вспышками объективов, а просто оказались в неправильном месте в неправильное время. О том, что в их квартиру в панельном доме могут ворваться люди с камерами, их никто не предупреждал. Как и о том, что ради сюжета эти люди не только не дадут спокойно пережить трагедию, но, если надо, устроят новую, чтобы ее прокомментировали.

Шестого ноября прошлого года Юлия Смирнова, блондинка сорока лет, с карими глазами и слегка монотонным голосом, пошла в магазин «Кальцедония» на Тверской улице — купить футболки своему мужу Леониду Развозжаеву, одному из лидеров «Левого фронта». Он уже две недели находился в лефортовском СИЗО — по обвинению в подготовке массовых беспорядков в России. Юлия никак не могла предположить, что впервые с момента ареста увидит мужа на экране ноутбука корреспондента Life News.

Как только она вышла из «Кальцедонии», ей позвонили с незнакомого номера: «Здравствуйте, Life News беспокоит, нам нужно срочно с вами встретиться. У нас есть видео интимного характера, касается вашего мужа». Юлия села ждать в ближайшее кафе — скоро зашли трое. Девушка и юноша сели за ее стол, включили ноутбук. А мужчина постарше занял отдельный столик и стал внимательно следить за Юлиной реакцией.

«Мне показывают видео — ну, чистая порнушка. Леня лежит в форме морской звезды, по нему ползает брюнетка — помощница депутата Госдумы Алексея Чепы по имени Самира Бадер. Все это было отвратительно».

Пленка, по мнению Юлии, не фейк, да и слухи о похождениях мужа на стороне до Юлии доходили и раньше: «В желтой прессе всюду писали о его романе с дочерью кувейтского бизнесмена, этой самой Самирой Бадер. По-моему, это слив СК, там же и пленку журналистам выдали». Однако компрометирующее видео Развозжаева, как ни странно, не появилось потом в сети. Видимо, риски его публикации оказались выше, чем медийный эффект, поэтому журналисты решили воспользоваться им только в качестве провокации.

На вопрос, какая реакция была после просмотра, Юлия резко отвечает: «Честно говоря, я ох...ела. Думаю: ни хера себе, Ленечка-то у меня чем занимается! Ему еще повезло, что он в тот момент уже в Лефортово сидел, — был бы дома, он бы у меня сам в тюрьму попросился. Мы ведь, понимаешь, живем с Леной 18 лет, и такое — в первый раз. Я представить себе не могла, что окажусь в такой идиотской ситуации: муж арестован, я постоянно на нервах, а нужно работать, успокаивать детей, собирать передачи и каждый день ходить в СИЗО. А тут мне показывают три эпизода порнографического характера, причем последний — самый жесткий: съемка велась посреди бела дня, в комнате даже шторы задернуты не были». Несмотря на то что, сидя у себя дома, Юлия крепких выражений не стесняется, тогда, перед сотрудниками Life News, она сдержалась: не заплакала, взяла себя в руки и, не сказав ни слова, вылетела из кафе.

Сюжета об убитой изменой мужа жене Развозжаева у Life News не вышло.

«Самое ужасное то, что они объявляют человека преступником до суда и следствия», — всплескивает полными руками 65-летняя преподавательница музыки Елена Гриневич. Мы сидим с ней на кухне, пьем минеральную воду; статная Гриневич выглядит лет на пятнадцать моложе своего возраста. В соседней комнате ее муж, профессор Академии им. Маймонида Анатолий Рябов, помогает внучке делать уроки. Два с лишним года назад у него произошел конфликт с матерью одной из учениц по поводу дальнейшего образования девочки, и он отказался с ней заниматься. После чего мать написала заявление в полицию, обвинив его в «совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней». Дело на фоне государственной «охоты на педофилов» получило массовую огласку. Но в апреле прошлого года Рябов был полностью оправдан судом присяжных.

Когда Рябова арестовали и привезли на воронке в Пресненский суд, там уже ждали корреспонденты. Он был в таком ужасе, что смог выдать только одну фразу: «Я не могу говорить, извините». В тот же вечер на портале Life News вышла статья под заголовком «Музыканту-педофилу есть за что извиняться».

Потом, как водится, началась осада дома. «Я не знаю, откуда они взяли адрес, но через пару дней у меня на пороге появилась корреспондент программы «ЧП», с телеканала НТВ, — рассказывает Гриневич. — Я сказала этой девушке: «Никаких интервью». А она в ответ: «Знаете, мне не нужно никаких интервью, я хочу просто вас поддержать, успокоить». Я поверила ей, пустила в дом. Со мной была моя подруга Мила и дочка Даша, так эта журналистка тайком сняла нас на телефон. Лиц не было — одни животы. Вы представляете: включаю я телевизор, вижу во весь экран свой живот и слышу собственный голос! Я-то считала, что если людям говорят, что снимать нельзя, то они этого не делают».

Гриневич подходит к кухонному окну, обводит рукой стандартный двор, взятый в каре четырьмя пятиэтажными домами из серого кирпича: «У каждого подъезда машины с затемненными стеклами стояли. На каждой лестничной площадке — люди с камерами. По телефонам звонили постоянно, в дверь стучали. Один раз из-за двери крикнули: «Картошку по хорошей цене купить не хотите?» Я смотрю в глазок, а там — три камеры и никакой картошки».

Журналисты из «Комсомольской правды», которым Гриневич по телефону наотрез отказала в интервью, огорошили ее вопросом «Так вы не хотите его защищать?! Значит, считаете его преступником, да?» На что Гриневич, женщина откровенная, ответила: «Да если бы у меня была хоть капля подозрения, что он преступник, я бы ему лично яйца оторвала!» Понятно, что на следующий день в газете вышла заметка со словами «жена профессора Рябова обещает оторвать ему...». «Они еще

эти многоточия поставили, как будто я матом ругаюсь», — кипятится Елена.

В какой-то момент ей стало казаться, что она сходит с ума: с одной стороны, надо бороться, ходить в суд, поддерживать мужа, а с другой — ежедневные заголовки «Знаменитый музыкант оказался педофилом!», «Жертва педофила — четырнадцатилетняя девочка!», «Поймали педофила!». Она перестала выходить даже в магазин за продуктами, а Анатолий Рябов, которого отпустили до суда под залог, передвигался по городу только на машине. «Ставил машину к самому подъезду, чтобы сразу в нее сесть и уехать. Бывало, спустится и тут же обратно в квартиру вернется. Говорил: не могу ехать, там люди. И вроде скрываешься от камер, чтобы остановить эту махину, но чем больше от нее бежишь, тем страшней она тебя накрывает: как будто его уже осудили и признали виновным. Кромешная безысходность».

Студентка факультета журналистики МГУ Анастасия Качалова познакомилась с журналистом Олегом Кашиным три года назад через социальную сеть «Твиттер»: «Я ему что-то написала, он ответил, мы обменялись телефонами, завязалась переписка». У 22-летней Качаловой асимметричная стрижка, татуировка на внутренней стороне правого предплечья и айфон в голубом чехле с заячьими ушами. Типичная студентка, охотно рассказывающая о заваленных пересдачах.

«В какой-то момент мы с Олегом переписывались по тысяче эсэмэсок в день, страшно дружили, ходили в кафе. Я на него снизу вверх смотрела и во всем с ним советовалась», — вспоминает она.

6 ноября 2010 года они с Олегом встретились около десяти часов вечера в кафе «Хлеб насущный» в Камергерском переулке, через пару часов вышли на Тверскую, зашли в «Евросеть», потом разъехались. Утром Настя открыла твиттер, и ей в глаза бросился «набор каких-то странных слов»: искусственная кома, оторванная фаланга пальца, сотрясение мозга, больница.

Через день она сидела на Петровке на допросе — как человек, который видел Олега Кашина последним, за час до того, как его жестоко избили. «Вот, смотри, — Настя вытягивает руки, покрытые мурашками. — Мне до сих пор страшно вспоминать».

В общей сложности на Петровке она провела два месяца, трижды проходила многочасовые исследования на полиграфе. После первого допроса ее вычислили корреспонденты Life News: «Кто-то из моих знакомых проговорился, что мы с Олегом дружили, и уже на следующий день после избиения в «Лайфе» появилась заметка «С Олегом Кашиным была его любовница». То, что к реальности это не имело отношения, что у меня был молодой человек, абсолютно никого не волновало. На-

чался какой-то атасище: корреспонденты искали меня в ресторане, где я работала официанткой в 18 лет, на журфаке, где я училась».

Когда Качалова не выдержала и переехала из своей квартиры на Юго-Западе на Кутузовский проспект — к своему молодому человеку Максиму, папарацци поехали за ней. В Life News вышла заметка о том, что возле избитого Олега Кашина был найден букет хризантем, «а это — цветы ревности. Кого могли приревновать? Вероятно, Настю Качалову». Максима вызвали на Петровку, Настя перестала есть. Она меняла сим-карты, но «Лайф» моментально пробивал новый номер и продолжал бомбардировку. «Факт того, что меня ищут, довел меня до мании преследования. Я безвылазно сидела дома. Хотела сменить паспорт. Папа отвел меня к психиатру, тот посоветовал принимать по таблетке феназепама в день». На десятый день Качалова выпила вместо одной таблетки феназепама четыре: «Мне хотелось успокоиться, и я впала в какой-то вязкий сон. Через двое суток я пришла в себя от того, что меня хлестал по щекам отец, выломавший дверь в квартиру».

Преследование с засадами у подъезда и почетным караулом на этажах продолжалось месяц, а потом с Настей случилась странная вещь: мания преследования сменилась навязчивой идеей понять, почему журналисты из Life News так себя ведут. «Я узнала, что у них в редакции есть вакансии, решила попробовать. С одной стороны, мне было важно понять, как выглядят люди, которые столько времени меня мучали. С другой, мне стало казаться, что лайфовцы — это ниндзя. Что они обладают тайным знанием, как добыть самую ценную информацию, проходят ради нее сквозь стены, сутками сидят в машинах с темными стеклами».

Ее сразу взяли в отдел светской хроники, и сейчас она со смехом вспоминает, как Арам Габрелянов, владелец «Лайфа», сказал ей: «Сука, я тебя столько искал! Я бы тебе столько денег за интервью дал!» Как только Качалова решила для себя, что сотрудники «Лайфа» — шпионы, а не личные враги, страх стал отступать.

Среди бывших преследователей, а затем коллег Качаловой оказался фотограф Марат Сайченко — наверное, самый известный сотрудник империи Габрелянова. Он десять лет назад перебрался в Москву из Ташкента и устроился курьером к фотографу. Потом по совету знакомых пошел в газету «Московские ведомости», куда требовались люди, готовые снимать за небольшой гонорар. Главного редактора газеты звали Арам Габрелянов.

С этого момента Сайченко, по его выражению, стал фотографом факта. Он три дня лежал на заснеженной вышке возле колонии в Краснокаменске, чтобы снять первую фотографию Михаила Ходорковского в заключении. Сутки сторожил в камышах умирающего Александра Абдулова, которого друзья привезли на последнюю в жизни рыбалку. Одевшись

санитаром, прошел в больницу к Олегу Кашину и сделал самую первую после избиения фотографию. Выслеживал Константина Хабенского, когда тот приезжал в больницу к умирающей жене, и гонялся за Дмитрием Певцовым, выгуливающим в коляске своего первенца. Ему разбил нос Леонид Ярмольник, а камеру — Валерий Карпин, легенда футбольного клуба «Спартак». После того как он снял тяжелобольную актрису Наталью Гундареву в реанимации, ее муж, Михаил Филиппов, тряс его за грудки со словами «у тебя что, матери нет?». Сайченко, которому мечтает набить морду практически каждый артист в стране, может показаться эдаким неуловимым злодеем, но этот образ рухнет в первые же минуты нашей встречи. Он оказывается обаятельным, умным и отзывчивым молодым человеком, моментально располагающим к себе собеседника.

На вопрос, как он примирился с тем, что его ненавидит такое количество людей и зачем ему вообще это нужно, Сайченко рассказывает мне готовую историю: «Несколько лет назад у нас работала фотограф Наташа Потапова — очень экспрессивная, отлично снимала. Для работы в ежедневной газете у нее были проблемы с дисциплиной, по съемке — техническая небрежность, но в репортерском деле она вживалась в ситуацию на сто процентов. Для нее не было барьера — вот как я сейчас к этому человеку подойду, что я ему скажу? Помню ситуацию, когда некогда подающий надежды футболист Дмитрий Сычев после скандального ухода из «Спартака» уехал к родителям в Омск. Вот представь: обычная провинциальная хрущевка, Сычев выходит из подъезда — маленький миллионер из трущоб. Наташа, абсолютно не прячась, начинает долбить его со вспышкой в лоб. На нее поперли его родители: «Как вы можете, у вас нет совести!» А она им: «Если вы не хотите, чтобы его снимали, надо было его на дворника выучить». Вот это для меня главное внутреннее оправдание того, что я делаю».

«А что ты мог бы сказать условному дворнику, которого угораздило оказаться в ситуации, интересной Life News?» — на этот вопрос у Сайченко нет складного ответа. Он устало трет лоб и говорит, что думает об этом каждый раз, отработывая задание редакции. «С одной стороны, у меня есть четкая мотивация: это моя работа — осветить историю со всех сторон, безжалостно и беспощадно. Поэтому я закрываю глаза и ломлюсь. Но, с другой стороны, я все равно долго переживаю по этому поводу. Вот побывал ты в семье под видом психолога или следователя из СК, люди тебе всю душу выложили, ты выходишь потом и бормочешь: «Господи, прости меня, пожалуйста!» Да, мы насилуем людей, насилуем себя — только для того, чтобы это было на «Лайфе» и нигде больше. Иной раз ловишь себя на мысли — вот бы сейчас менты пришли и увели нас из этой квартиры, подъезда и дома. Конечно, можно еще подогнать в оправдание теорию, что людям, у которых произошло горе, наш визит не переполнит чашу страданий. Но, говоря совсем чес-

тно, если слишком много мучиться такими вопросами, надо менять работу и идти в дворники. Да, я заложник этой нервной, выворачивающей наизнанку, но стабильности собственной жизни».

Кажется, что это порочный круг: папарацци уничтожают частную жизнь обывателя ради того, чтобы об этом узнали другие обыватели. Обыватели с удовольствием покупают чужую трагедию, не понимая, какой ценой она им досталась, ровно до того момента, пока сами не становятся героями заголовков.

У человека, попавшего в этот круг, оказывается единственный выход — остановить свой частный ад. Ольга заматывает лицо шарфом, хватает в охапку мужа и ребенка и уезжает на месяц за границу. Юлия Смирнова, стиснув зубы, берет себя в руки и носит передачи Развозжаеву в СИЗО. Елена Гриневич верит в мужа и через два года слышит в суде «Рябова оправдать». Настя Качалова переходит на сторону своих преследователей — пусть и поняла потом, что попала из одного ада в другой. 1 апреля 2011 года, через несколько месяцев после того, как Качалова устроилась в «Лайф», ее отправили в морг — делать репортаж про умершую 30 марта Людмилу Гурченко. Настя с фотографом подъехали к моргу Центральной клинической больницы на затонированной машине и долго ждали, пока приедет личный стилист Гурченко Аслан Ахмадов — с платьем и косметикой. В соседней машине сидел муж Гурченко, Сергей Сенин. Качалова через стекло видела, что в руках у него бутылка виски, из которой он никак не решался отпить. Тогда Настя подошла к нему, постучала в стекло и сказала: «У вас горе, не сдерживайте себя — выпейте!» Он поднял бутылку ко рту, Настя, чтобы не загромождать кадр, отошла в сторону, фотограф Life News нажал на спуск — и через несколько часов на сайте висела заметка с этой фотографией и заголовком «Сергей Сенин не расстается с бутылкой».

После этого Настя, согласно редакционному заданию, прошла в морг, назвавшись помощницей личного стилиста Людмилы Гурченко. «Мне нужно было снять ее в гробу, — будничным тоном рассказывает она, — я подошла к гробу, достала камеру — и тут поняла, что больше не могу».

Выйдя из морга, Качалова вернула пустую камеру фотографу и пошла домой. В редакцию она больше не вернулась.

Басманный суд Москвы оставил Сергея Кривова и Артема Савелова в СИЗО

«Большой город», 28.02.2013

Басманный суд продлил срок содержания под стражей фигурантам «Болотного дела» Сергею Кривову — до 6 июля 2013 года, и Артему Савелову — до 11 июня 2013 года. Следователь по делу Савелова попросил суд оставить обвиняемого под арестом, ссылаясь на то, что тот может скрыться от правосудия и оказать давление на свидетелей. Также он отметил, что в деле имеется документ, подтверждающий наличие у Савелова судимости: в 2000 году он был осужден по части 2 статьи 158 (кража). Адвокат Фарит Муртазин позже пояснил СМИ, что судимость давно погашена. Он попросил приобщить к материалам дела справку из Института нейрореабилитации и патологии речи. Адвокат просил суд отпустить Савелова под домашний арест или под залог в 500 тысяч рублей. На оглашение решения попали только брат обвиняемого и фотокорреспондент «Новой газеты». Ни отца, ни сотрудников СМИ, ни зрителей в зал суда приставы не пустили. По версии следствия, Артем Савелов участвовал в прорыве оцепления 6 мая 2012 года. Суд счел обоснованными доводы следствия.

Следователь по делу Сергея Кривова Денис Курдюков указал, что в материалах имеются видеоподтверждения вины фигуранта — по версии следствия, он толкнул бойца ОМОНа во время беспорядков на Болотной площади 6 мая. Он настаивал на продлении срока содержания Кривова под стражей. Адвокат Вячеслав Макаров дважды заявлял отвод судье, мотивируя это тем, что событие, в котором обвиняется его подзащитный, произошло в районе, неподсудном Басманному суду. Макаров просил отпустить Кривова под домашний арест или под залог в размере 200 тысяч рублей. При этом он отметил, что у Кривова на иждивении находятся двое несовершеннолетних детей и мать — инвалид 2-й группы. Судья не прислушалась к этим доводам и продлила срок содержания под стражей.

Новым фигурантом «Болотного дела» стала пенсионерка

«Большой город», 25.03.2013

57-летней пенсионерке Елене Кохтаревой в ближайшие дни предъявят обвинения в рамках дела о беспорядках на Болотной площади 6 мая

2012 года, сообщил БГ источник в Следственном комитете. По данным следствия, Кохтарева бросала в бойцов ОМОНа бутылки: «прицельно швырялась разными предметами в представителей власти» — уточнил источник БГ. По его словам, в ближайшее время Кохтаревой предъявят обвинения. Вероятно, как и другим фигурантам дела, ей грозит обвинение по части 2 статьи 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках) и части 1 статьи 318 («применение насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти»). Своей вины Кохтарева не признает.

По данным БГ, Кохтареву допрашивали в понедельник в течение 5 часов в присутствии адвоката правозащитного проекта «Росузник» Юрия Кругова. Кохтаревой продемонстрировали видео, на котором женщина, похожая на нее, бросает пластиковые бутылки. Двое сотрудников ОМОНа, которые на данный момент признаны потерпевшими, сегодня опознали Кохтареву, и ее статус свидетеля был изменен на статус подозреваемой.

Повестку Кохтаревой представители СК вручили 19 марта, тогда ей был присвоен статус свидетеля. По словам источника БГ в следствии, СК не станет ходатайствовать о заключении Кохтаревой в СИЗО — вероятно, новая фигурантка дела дала подписку о невыезде. На данный момент Кохтарева не задержана.

Так называемое «Болотное дело» было возбуждено вскоре после оппозиционной акции «Марш миллионов» 6 мая 2012 года — согласованные с властями шествие по Якиманке и митинг на Болотной площади завершились столкновениями с полицией, которые СК трактовал как массовые беспорядки. На данный момент в деле 22 фигуранта.

«В детстве я и представить не могла, что свадьба пройдет вот так»

«Большой город», 28.03.2013

Леонид Ковязин женился сегодня на Евгении Тарасовой в СИЗО №4 («Медведь»). На церемонии присутствовали их матери и брат фигуранта. Ковязин находится в изоляторе с сентября. На Болотной площади 6 мая 2012 года он находился по заданию кировской газеты «Вятский наблюдатель». По версии следствия, Ковязин «переворачивал биотуалеты, строил из них препятствия для движения участникам массового мероприятия и сотрудникам полиции». Его обвиняют по статье 212, часть 2, УК РФ («участие в массовых беспорядках»).

«Мы прошли в СИЗО, обнялись, поцеловались и все. Вообще, с Лейей мы знакомы с 2007 года, когда я закончила институт. Когда его

арестовали, я несколько раз ездила в СИЗО, поэтому сегодня уже ничего не боялась. Обыденная процедура: прошли бюро пропусков, завели в комнату. Там — начальница тюрьмы и женщина из загса. Зачитали речь, дали расписаться, поздравили — вся процедура заняла 10 минут.

Предложение Леня сделал в письме, и я сразу же согласилась: у меня была четкая цель — видеть его почаще. Выглядел он, как мне кажется, бодро и радостно. Я надеюсь, из СИЗО его отпустят на свободу, а если нет — ну, буду ездить. Вообще, конечно, странно — СИЗО, решетки, комната с голыми стенами и простым столом. Когда я в детстве мечтала о свадьбе, то и представить себе не могла, что она будет проходить вот так. Фамилию менять, конечно, буду: Евгения Ковязина».

Еще один фигурант «Болотного дела» — Алексей Полихович — запланировал свадьбу на май. Так же как и Ковязина, его обвиняли в участии в массовых беспорядках, однако в декабре Полиховичу предъявили новое обвинение. Один из сотрудников ОМОНа заявил, что вспомнил, как Полихович его ударил. Сотрудник сообщил об этом на следующий день после пресс-конференции Владимира Путина, где тот сказал, что за участие в массовых акциях не следует арестовывать, но рукоприкладство в отношении представителей правоохранительных органов недопустимо. Сейчас Полиховича обвиняют по статье 318, часть 1: «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти».

«Мы с Лешей будем расписываться в мае. Для нас свадьба — это необходимая юридическая операция. У нас с ним очень близкие отношения, и мне нужно получить возможность более плотно участвовать в его деле, а сейчас по официальным бумагам я Леше никто. Свиданий мне не давали, и только сейчас, после того как Леша отправил на имя следователя Алексея Быкова разрешение на брак, нам можно будет повидаться. Опять же, мы не знаем, какими будут результаты суда, а то, что происходит, рушит любую радужную перспективу. У меня нет надежд на то, что все кончится отлично. Я понимаю, что может быть срок, и немаленький. Для дальнейшей заботы о Леше нам необходимо пожениться.

Знакомы мы пятый год, наверное. Если человек кого-то ждет из СИЗО больше месяца, то это что-то да значит. Решение о свадьбе было обоюдным, договаривались обо всем через его родителей.

Мои родители отнеслись к нашему решению нормально: это трезвая и взрослая реакция на то, что с нами произошло.

Теперь, если Лешу отправят в колонию, я смогу получать свидания. Жизнь — сложная и многогранная система, ты никогда не знаешь, чем тебе придется заниматься. Я в жизни не могла представить, что мне придется разбираться в счетах и бухгалтерии. Тем не менее когда Лешу переводили из «Медведя» в Бутырку, я три месяца сидела и билась над

тем, чтобы деньги с его счета из одного СИЗО перевели в другое. Это еще хорошо, что в бухгалтерии Бутырки милые женщины работают, а могло быть и так — приходишь разбираться, а тебе говорят: «Вы кто такая? Какое вы к Полиховичу отношение имеете?» К сожалению, в нашей системе это нормально: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек».

Сегодня я заберу заявление о браке, отвезу в СИЗО, юрист передаст Леше. Потом в загсе назначат дату. Я вот только надеюсь, что это будет не шестое мая, иначе это не свадьба, а трагедия какая-то будет».

Каска со счастливым концом

Esquire, № 82

В преддверии судов по «Болотному делу» Светлана Рейтер поговорила с сотрудниками ОМОНа, которые пострадали во время мирной демонстрации 6 мая и были награждены за это.

Алексей ТРАЕРИН, 23 года, сержант полиции, 1-я рота, 2-й батальон ОМОН ГУВД Москвы

Ранение: черепно-мозговая травма средней степени тяжести

Награда: внеочередное предоставление служебной квартиры

Обвиняемый: Денис Луцкевич, бывший морской пехотинец. Единственный из 17 обвиняемых по делу о беспорядках 6 мая зафиксировал множественные побои после митинга. В Институте им. Склифосовского у него были зафиксированы ушиб затылочной части головы, гематома правой ушной раковины, множественные ушибы спины и рук. По версии следствия, во время столкновений с полицией атаковал омоновца Алексея Траерина, который в протоколе допроса утверждал, что узнал нападавшего «по лицу, которое пыталось сорвать с него шлем», и подробно описывал внешность и одежду Луцкевича. Задержан через месяц после митинга и находится под арестом с 9 июня.

«Я сам приезжий из Пензы, работаю в московском ОМОНе третий год. Нормально работаю — что называется, не жалуясь. Проще всего, конечно, в резервном отряде, когда в активных действиях участия не принимаешь. Но в последнее время часто приходится на митингах работать. Сложностей особенных в этом деле нет, но вот когда бежишь в толпу человека задерживать, то тут уже да, сложновато. Нужно найти зачинщика, самого ядерного провокатора из гущи выхватить. Провокатора сразу видно — он стоит, лозунги кричит, заводит толпу. На каждом митинге такие есть.

Например, 6 мая было много провокаторов, и их выявляли. Мы же как действовали в тот день? Выявляли, задерживали, отводили в авто-

бус и сразу шли на очередное задержание. Около пяти часов дня я пошел в толпу в группе задержания и изъятия, нас было четверо: старший и мы, трое подчиненных. Бежали цепочкой, я был сзади, самый последний. Вдруг удар в спину, я оборачиваюсь и получаю еще один удар в голову. У меня на голове была «джетта», защитная каска. И здесь, резко неожиданно, меня затаскивают в толпу, снимают «джетту». Кто снимал, не помню — толпа. Начали наносить множественные удары в область головы — не помню чем, я оборонялся, руками закрывал лицо. Я так сейчас вспоминаю, что вроде один человек с меня шлем сорвал — кажется, выше меня ростом. Когда тебя пятеро бьют, это по-настоящему страшно. Ты не понимаешь ничего: на тебя кидается толпа, ты пытаешься прикрыться, защитить себя, а когда вот это все происходит... даже вспоминать сложно. Потом подбежали, по-моему, сотрудники оперативного полка. У меня уже в глазах помутилось, и меня отвели в машину скорой помощи.

Я лежал в госпитале, десять дней следили за нашим здоровьем, а потом еще две недели дома лечился амбулаторно, в строю не стоял. Потом мне квартиру дали — служебную, однокомнатную, в доме на Можайском шоссе. Это был приятный сюрприз, но я до этого уже подавал документы на служебное жилье, а после мая в очереди продвинулся. Квартира небольшая. Въехали совсем недавно, даже диваном обзавестись не успели. Ну ничего, скоро купим. А пока спим с женой Ириной — она сейчас в положении — на матрасах».

Александр КАЗЬМИН, 21 год, боец, 1-я рота, 2-й батальон ОМОН ГУВД Москвы

Ранение: черепно-мозговая травма средней степени тяжести

Награда: внеочередное предоставление служебной квартиры

Обвиняемый: Михаил Косенко, инвалид II группы, получивший контузию во время службы в армии и состоящий на учете в психоневрологическом диспансере. По данным следствия, Косенко нанес Казьмину один удар ногой и один удар рукой. До ареста обвиняемого полицейский в своих показаниях утверждал, что не может узнать тех, кто на него напал 6 мая, но при очной ставке быстро опознал обвиняемого. Косенко содержится под стражей с 8 июня, невзирая на поручительства правозащитников и его жалобы о том, что в заключении он не получает необходимых лекарств.

«Я с Орловской области и считаю, что мужчина должен быть воином. Профессию хотел такую: либо военным стать, либо в ОМОН пойти, поскольку там командировки на Северный Кавказ часто бывают. Митинг на Болотной площади я очень хорошо запомнил. В 15.00 поступила команда усилить оцепление на Болотной площади. Сначала я стоял на Большом Каменном мосту, а через час наш наряд разбили на отряды задержания. Мы работали в группах по четыре человека, и в 18.00, пос-

ле прорыва основной цепи, к нам поступила команда из штаба задерживать людей. Нам говорили, что нужно задерживать зачинщиков.

Мы выдвинулись в толпу, и я раза три лично уворачивался от летящих камней. Камнем я ни разу не получил, но вычислил человека, который их кидал. Попытались выхватить его из толпы, но он сразу же убежал за других людей, и задержать его у нас не получилось. Потом на меня сзади набросился человек. Прыгнул с разбегу на плечи, схватил за голову, сорвал „джетту“ — как он выглядел, я не помню, но потом отыскали видео, на котором я смог его разглядеть и опознать. Я упал, несколько человек схватили меня, сорвали бронежилет, вырвали резиновую палку. Когда я попытался оттолкнуться от земли, меня ударили ногой в голову, а потом — по затылку и по туловищу. Видимо, я попал в то место, где было много очень озлобленных людей. Я уже ничего не понимал, а через несколько секунд меня подняли товарищи.

Три недели я лежал в госпитале, потом уехал в отпуск. 20 мая я узнал о том, что мне дали служебную квартиру на Можайском шоссе. Она небольшая, 39 квадратных метров, но есть балкон. Травма на мне никак не сказалась: я до сих пор люблю спорт и веду очень активный образ жизни. Много бегаю, не курю и не пью».

Максим ПОЛКАНОВ, 30 лет, лейтенант, 2-я рота, 4-й батальон ОМОН ГУВД Москвы

Ранение: гематома лобной части головы, ушиб правой руки

Награда: медаль «За доблесть в службе»

Обвиняемый: разыскивается

«Каждые выходные — митинги. Значит, большая группа людей, можно сказать — толпа. На любом митинге надо знать лидеров провокаторов — по мегафонам. Они управляют толпой, используют ее в своих целях, заводят людей. Мы после задержания разговариваем с гражданами, спрашиваем, зачем они в беспорядках участвуют, а они ответить не могут: толпа — это отдельный организм, а люди самостоятельно редко думают.

6 мая мы стояли в оцеплении между Большим Каменным мостом и Болотной площадью. Проход к площади был свободен. Потом лидеры групп в мегафоны призвали устроить сидячую забастовку. На самой площади было свободно, но люди не хотели туда проходить, а скапливались на мосту. Командиры передали нам команду: сомкнуть цепочку, чтобы не допустить прорыва оцепления на Большом Каменном мосту. Этот мост мы перекрыли, чтобы они не пошли к Манежной площади. Была информация, что они хотят перекрыть мост и блокировать вход в Кремль. Я сам слышал разговоры.

*В подготовке материала помощь оказали Межрегиональная ассоциация правозащитных организаций «Агора» и фонд «Общественный вердикт»

Кто-то из толпы бросил «коктейль Молотова», попали в обычного гражданина, не в нас. Наши ребята притащили огнетушители, тушили его. А потом говорили, что это якобы были не огнетушители, а химическое оружие.

В нас полетели дровки от флагов, но мы стояли до последнего. Через полчаса раздвинули решетки и стали рассекать толпу на две части. В какой-то момент я увидел молодого человека лет двадцати, темнокожего: он кидал камни в сотрудников, и мы бросились к нему. Он упал, и наша группа, числом в шесть человек, пыталась его схватить.

Работали мы так: двое задерживают, остальные четверо нас прикрывали. Темнокожий был в плотной массе, и на каждого из нас бросилось по несколько человек из толпы. Сорвали шлемы и стали пригибать нас к земле, чтобы ударить в голову. Это продолжалось секунд двадцать, но подошло подкрепление, нас отбили. Потом я ездил к следователю, отсматривал видео, опознал темнокожего, но пока его не нашли.

На том митинге было много провокаций, некоторые люди на жалость давили: подходит женщина и говорит: «Да у меня сын твоего возраста, как ты можешь так себя вести!» Всячески играет на чувствах, давит морально и психологически, а потом — уходит. Была одна бабуля лет восьмидесяти, она кричала на нас матом. Спрашивается, зачем человеку в восемьдесят лет в это лезть? На эти митинги некоторые маленьких детей водят. Это каким же надо быть родителем, чтобы использовать своего ребенка в политических целях?»

Что не разрешают говорить омовцам

В ходе подготовки этого материала были опрошены еще несколько сотрудников московского ОМОНа, но в процессе согласования их интервью пресс-служба ЦСН ГУ МВД Москвы изъяла из текстов ряд утверждений, в результате чего их смысл был искажен. Вот эти отрывки.

«Удальцов и Навальный сели на асфальт, среди людей началась паника, и специально обученные люди начали кричать: „Давайте пойдем на прорыв, на площадь!“ И мы побежали задерживать активных граждан. А как там разберешься, кто виноват?»

«Поймите, прежде всего нас волнует безопасность людей, мы не хотим насилия, действуем предельно гуманными методами. Мы любим нашу страну и наш народ. Во Франции на митингах по 15 полицейских на одного человека прыгают, бьют так, что мама дорогая. Если б нам так поработать дали — не дай бог, конечно, — то, может, люди бы и задумались о том, что если полицейского ударишь, то это может плохо кончиться. Но мы же понимаем, что в толпе пенсионеры, дети, женщины — бывает, беременные. Главный наш принцип — работать бережно, не допустить травм. На мосту, допустим, я лично видел, стояло четыре водомета, и их вполне хватило бы на то, чтобы смыть всю эту

толпу в речку. Точно так же там стояли „Тигры“, где сидели люди, и у них резиновые пули. Но нам никто не дал команду: „Действуйте, как вас учат“. Чтобы не было травм. Там реально дети. Кто здесь работает, никто не хочет лишней крови».

«Люди не хотели идти через турникеты, они прорывали нашу цепочку — я не знаю, зачем. Может, были в них какие-то ростки намерений, а потом начали импровизировать».

«Мне кажется, рейтинг у нас хороший, население нас очень любит. Люди, которых мы встречаем на улицах и площадях, благодарят нас: «Спасибо, что вы есть, хоть маленько порядок наладился». Сотни таких случаев было. А было еще вот такое: помню, стою на пикете, подходит ко мне дяденька один и говорит: «Можете подойти к машине и напугать моего сына, а то он раскапризничался сильно?» Подхожу к машине. В ней сидит девочка восьми лет, держит на руках мальчика лет пяти. Я в окно заглядываю, и тут девочка как закричит: «Не отдам Димку!» Мальчик — в слезы. Его папа радостно пожал мне руку и горячо поблагодарил: «Спасибо вам большое, он никогда капризничать не будет!» А я ответил: «Не за что. Вот только я боюсь, что у вашего ребенка травма».

«Мы же такие же люди, тоже надеваем гражданку, (воспитаны в такой же стране) сделаны из такого же мяса».

Чтоб я так шил*

Esquire, № 86

Пять популярных схем, которые российские правоохранительные органы используют, чтобы фабриковать дела и улучшать статистику.

1. Незаконный оборот наркотиков

Схема

Оперативник ФСКН или МВД задерживает человека с наркотиками. Ему предлагается на выбор три варианта:

а) откупиться на месте (обычно — из расчета около \$1 тыс. за 1 грамм марихуаны или гашиша и \$3 тыс. за 1 грамм сильнодействующего вещества);

б) сесть по статье 228.1 УК РФ (хранение наркотических средств, срок — до 3 лет лишения свободы);

в) стать «контрольным закупщиком».

В случае варианта (в) задержанный сначала сдает своего продавца — делает контрольную закупку мечеными купюрами, а затем повторяет эту операцию с другими людьми, которых ищет сам или на которых ему указывают оперативники. Закупщик получает вознаграждение, а оперативники — возможность возбуждать дела по более тяже-

лой статье 228.2 (сбыт наркотиков) и статье 30 (покушение на преступление). Речь идет о «приготовлении к сбыту», поскольку контрольная закупка тут же фиксируется, а продавец задерживается. При этом других клиентов, покупающих наркотики у продавца, в деле нет. По оценкам правозащитников, такие дела составляют до 50% в общей уголовной практике. В 2012 году ЕСПЧ вынес решение, по которому в России «контролируемые закупки наркотиков без иных доказательств наркосбыта не могут служить основанием для уголовного преследования».

Прецедент

Светлана СИДОРКИНА, адвокат: «20 июля 2009 года был задержан житель Химок Роман Кузнецов. Ему вменили хранение наркотиков в крупном объеме — 13,9 грамма гашиша, расфасованного в пачку сигарет в виде 19 свертков, — и приготовление к сбыту — 0,74 грамма, проданные закупщику. Сработала классическая схема: к операции подключили троих наркозависимых — Дыдо, Хазина и Фриде, — которые были агентами оперативника Гукова и работали у него то понятыми, то закупщиками. Впоследствии Фриде написал письмо на имя главы следственного отдела Химок: «В 2006 году я был задержан сотрудниками службы ФСКН МО, и мне было предложено с ними сотрудничать. В противном случае меня обещали посадить... Несколько лет, находясь в зависимом положении от оперативных сотрудников службы ФСКН МО, а именно: Громова, Гукова, Чизганова, Селиверстова, я неоднократно принимал участие в ОРМ (оперативно-разыскных мероприятиях. — *Esquire*)... Большинство закупок шло с подачи Гукова».

Сбыт наркотиков был организован так: Роман Кузнецов продал гашиш своему знакомому, который находился в сговоре с Дыдо, и получил от него меченые купюры. Знакомый передал Дыдо 0,74 грамма гашиша в качестве контрольной закупки, и через час после этого Роман был задержан оперативниками ФСКН в своем подъезде. В его сумке очень кстати была обнаружена сигаретная пачка со свертками с гашишем. Откуда взялся этот гашиш — непонятно. Скорее всего, его подбросили прямо на месте, в подъезде. В роли понятых выступили наркозависимые Фриде и Хазин, агенты оперативников. Найденное вменили в качестве хранения, а «контрольную закупку» посчитали приготовлением к сбыту. В итоге Кузнецов был осужден на пять лет лишения свободы.

После этого его мать, Елена Кузнецова, обклеила все стены домов в Химках листовками с рассказом о своем сыне. Она выяснила, что в этом городе было несколько сходных случаев — с одними и теми же оперативниками, понятыми и закупщиками. У меня в руках — семь приговоров по точно таким же химкинским делам. И все люди получили реальные сроки. Самое смешное, что оперативник Гуков год назад был пойман

на сбыте наркотиков и благополучно сел, вслед за ним сел Фриде, но на общую порочную практику это никак не повлияло. Таких дел — тысячи».

2. Нелицензионное программное обеспечение

Схема

Сотрудники регионального отделения управления «К» МВД РФ (борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации и пресечение противоправных мер в информационно-телекоммуникационных сетях) приходят в коммерческую или общественную организацию и по постановлению Следственного комитета изымают компьютеры. Владельцам сообщают, что есть информация: на компьютерах установлено нелицензионное программное обеспечение. Им предлагают два варианта:

а) заплатить взятку (обычно — около 100 тыс. рублей за компьютер);
б) пойти под суд по статье 146, часть 1 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав, штраф до 1 млн рублей или 1 год лишения свободы). Чаще всего люди предпочитают платить сразу — особенно в тех случаях, когда они действительно устанавливали на компьютеры нелицензионное программное обеспечение. В противном случае техника отправляется в дружественную управлению «К» экспертную лабораторию, авторизованному специалисту производителя ПО («1С», Microsoft, Adobe и др. — зачастую разные компании имеют одного представителя в регионе). Дружественный эксперт обнаруживает нелицензионные программы — при необходимости они устанавливаются на компьютеры задним числом, уже после изъятия. Материалы передаются в СК. По решению суда, обвиняемый, как правило, платит штраф 1 млн рублей.

Прецедент

Сергей КУРТ-АДЖИЕВ, *главный редактор интернет-газеты «Парк Гагарина»:* «В 2007 году под Самарой должен был пройти очередной правительственный саммит, а вместе с ним — «Марш несогласных», одним из заявителей которого была моя дочь, Настя. Марш был заявлен на 17 мая; по странному стечению обстоятельств за неделю до этого в самарскую редакцию «Новой газеты», где я тогда был главным редактором, приехала бригада из городского управления «К» с постановлением, подписанным заместителем начальника УВД области Кузьминым, о проверке моих компьютеров. Они изъяли все редакционные компьютеры и тут же сказали, что мы используем нелицензионную программу «1С», хотя я купил ее совершенно официально, и у меня были на нее все необходимые документы.

Мое уголовное дело длилось 2 года, 8 месяцев и 14 дней. На первом же допросе мне предъявили подписку о невыезде и ознакомили с экспертизой, которую проводил эксперт Владимир Серпухов, сотрудник компании «1С Самара». Когда мы с адвокатом Ириной Хруновой за-

требовали проведения повторной экспертизы в лаборатории при ми-нюсте, она показала, что все данные в моем компьютере были наме-ренно уничтожены, и сделать вывод о том, пользовался ли я нелегитимными программами, невозможно. После этого в лабораторию ми-нюста пришли сотрудники управления «К» и опять изъяли компьютеры. Через несколько месяцев мы добились проведения третьей эксперти-зы — ее делали в Саратове, в институте МВД. Она показала, что на моих компьютерах действительно было установлено нелегитимное про-граммное обеспечение — уже после второй экспертизы.

Я стал интересоваться, популярна ли такая практика в Самаре, дал объявление в газете и выяснил — таких случаев много. Я нашел поряд-ка сорока бизнесменов, к которым приходили из управления «К», изы-мали компьютеры, а потом экспертизу делал Серпухов. Я, очевидно, был «заказным» по политическим мотивам, а с остальными работали по-другому. Существовала такая замечательная связка: из управления «К» по Самаре приходили к предпринимателям, брали компьютеры, требовали взятку, а в случае отказа меняли начинку. Например, у вла-дельца аудиторской фирмы Ольги Афанасьевой было изъято пять ком-пьютеров, и за каждый оперативники управления «К» просили по сто тысяч рублей. Из сорока человек, пострадавших от этой схемы и связав-шихся со мной, лишь семеро согласились идти в суд и бороться до кон-ца. И все семеро были полностью оправданы. Но остальные предпочли заплатить. Мы пытались привлечь к уголовной ответственности экс-перта Серпухова, но ничего не вышло: он закрыл свою прежнюю фир-му «1С Самара» и открыл ООО «Лаборатория технических экспертиз».

3. Создание организованного преступного сообщества Схема

Оперативники задерживают подозреваемого в квартирной краже. Ему предлагают сделку:

а) он садится по статье 158 УК РФ (кража) на срок до 7 лет;

б) он пишет явку с повинной, показывает на людей, имеющих отно-шение к квартирным кражам в этом районе, а его дело впоследствии рассматривается судом в особом порядке, без судебного следствия, и срок он получает минимальный. На задержанного оказывают психо-логическое давление, его пытаются. Получив сведения о потенциальных преступниках, оперативники отправляются по адресам и задерживают максимально возможное количество людей. Давление и пытки приме-няют и к ним. Задача — объединить максимальное количество краж в одно дело для искусственного создания «организованного преступно-го сообщества», которое специализируется на том или ином виде пре-ступлений. Это уже более тяжелая статья, и членам такого сообщества грозит до 10 лет лишения свободы.

Прецедент

Дмитрий ДИНЗЕ, адвокат: «В 2010 году сотрудники угрозыска Московского района Петербурга задержали одну женщину — Наталию Сотину, причастную к квартирной краже. При задержании ее избили рукояткой пистолета по голове. Под давлением она дала показания на Ольгу Зверькову, причастную к квартирным кражам. Оперативники Гальчук, Ситников, Саенко, Ишталов, Семенов, Лучутенков определили квартиру, в которой проживала Зверькова, установили за ней слежку и вечером 1 октября 2010 года задержали ее на одном из лестничных пролетов. Надели на нее наручники, избили головой об стену, забрали ключи от квартиры. Дома оказался молодой человек Ольги, Денис Выржиковский. Не имея никаких полномочий, они провели обыск, заключили Выржиковского в наручники и доставили его вместе с девушкой в УВД. В милиции молодых людей удерживали всю ночь. Зверькову били и держали в камере, где на полу была огромная лужа мочи. Выржиковского подвешивали на дыбу, заведя руки и ноги за спину. От него требовали одного: признаться в причастности к квартирным кражам, хотя он не имел к ним ровно никакого отношения. На него не показывала Сотина, а его девушка, Зверькова, отрицала факт его соучастия. Выржиковского бросили в камеру ИВС, где он от боли потерял сознание, а потом у него начался эпилептический припадок. В ту же ночь он был доставлен в больницу, где умер от жировой эмболии. Судебно-медицинский эксперт исследовал все повреждения, найденные на трупе Дениса Выржиковского, и изложил их на полстраницы мелким шрифтом. В частности, он указал на закрытые переломы головки левой и правой плечевых костей со смещением отломков и разрывом суставной сумки, массивные кровоподтеки с пропитыванием кровью и размятием мягких тканей верхних конечностей, грудной клетки, кровоподтеки и ссадины в области глаз, носа, кистей, на бедрах, коленном суставе, голенях, ягодицах. По решению суда, Гальчука и Ситникова признали виновными в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, а также в превышении власти и должностных полномочий. Каждый получил 10 лет колонии строгого режима. Остальные оперативники, которым вменялось только превышение должностных полномочий, получили меньше. Позже, уже за кражи по пяти эпизодам, судили Наталию Сотину и Наталию Зверькову — первую приговорили к четырем годам лишения свободы, в отношении Зверьковой следствие продолжается».

4. Административное правонарушение

Схема

Полицейский наряд ППС всегда имеет четкий план по административным протоколам, которые он должен привезти с патрулирования

(статья КоАП 20.1 — мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков и пр.). Чтобы выполнить этот план, полицейские договариваются с человеком, регулярно присутствующим в каком-либо общественном месте, например со сторожем в парке, что он обеспечит их вызовами. Через произвольные промежутки времени сторож вызывает разные наряды ППС, и они задерживают произвольных людей по произвольным поводам. Сам сторож при задержании не присутствует, но его данные есть в протоколах задержания. Он же выступает свидетелем в суде, который выписывает нарушителям штрафы.

Прецедент

Алексей ГЛУХОВ, *руководитель правозащитной организации «Щит и меч», Чебоксары: «Ввод "фальшивых" свидетелей — обычная практика для фабрикации административных дел. В некоторых случаях вообще все берется из головы: составляется протокол по любым имеющимся под рукой паспортным данным — дескать, перешел улицу в непопозволенном месте. А потом человек получает квитанцию от судебных приставов об уплате штрафа, и пойдн докажн, что ты в тот конкретный день дорогу в непопозволенном месте не переходил: это же целое дело — свидетелей найтн, алиби подтврдитн. Проще заплатитн. А в административных протоколах, составленных по правонарушениям в парках и скверах, очень часто фигурируют фамилии сотрудников: директора, уборщика и так далее. Они, как правило, свидетельствуют о том, что какой-то гражданин распивает спиртные напитки, а такой-то мочитсн в непопозволенном месте. И потом в судах выступают. Есть такие добровольные помощники, которые засвидетельствуют что угодно и когда угодно. В Новочебоксарске есть огромный парк "Ельниковская роща". Три года назад разными нарядами ППС в абсолютно разных частях парка были задержаны около десяти человек, в отношении которых свидетельствовал один-единственный сторож. Он же, собственно, и вызвал все наряды. Всех десятерых задержали за распитие пива, мат и "справление нужды в общественном месте". В какой-то степени нам повезло: среди задержанных был мой знакомый, он обратился к нам за помощью и был знаком еще с одним задержанным. Мы запросили материалы их дел, сопоставили по датам, местам и времени и подняли шум. Но для сторожа это ничем не кончилось: суд у нас не привык возбуждать дела против свидетелей, близких к полиции. Хорошо хоть с этих людей обвинение сняли».*

5. Грабеж

Схема

Оперативник договаривается со своим агентом (внештатным сотрудником, конфидентом, правонарушителем, «сидящим на крючке»),

и т.п.), что тот оставит в людном месте (вокзал, аэропорт и т.п.) принадлежащую ему вещь (сумку, кошелек и т.п.). Когда кто-нибудь пытается эту вещь взять, хозяин поднимает шум. Полицейские, которые контролируют весь процесс и фиксируют его на видеопленку, в присутствии понятых задерживают правонарушителя. Возбуждается уголовное дело, проводятся неотложные следственные и процессуальные действия — допросы потерпевшего и подозреваемого, осмотр места происшествия, приобщение вещественных доказательств, арест. Поскольку преступление раскрыто на месте, задержанного сразу ведут к следователю с готовым уголовным делом.

Прецедент

Александр НАЗАРОВ, руководитель Красноярского краевого комитета по защите прав человека, завкафедрой уголовного процесса Сибирского федерального университета: «Это очень распространенный способ провокации, который основан на российской установке: взять себе то, что «плохо лежит». Например, в 2007 году на железнодорожном вокзале в Красноярске сотрудники ЛУВД милиции проводили оперативно-разыскные мероприятия при помощи нехитрого способа: их «внештатный» сотрудник, то есть добровольный агент, клал на видное место в зале ожидания сумку, из кармана которой торчала тысячерублевая купюра. Затем он отходил к вокзальному киоску и делал вид, что выбирает на витрине какой-то товар. За всей ситуацией внимательно наблюдали оперативники ЛУВД. Когда «помощник» боковым зрением видел, как к его сумочке подходил какой-нибудь гражданин, который пытался взять сумку или вытянуть купюру из кармана, он с криком «Грабят!» бежал от киоска. Гражданина немедленно задерживали за открытое похищение чужого имущества, то есть грабеж. За день на одну сумку ловили до четырех человек. На оперативном жаргоне такой вид провокации почему-то называется «стеклянной преступностью». Всех граждан вели в отдел, с ними работали следователи. Свидетелей преступления — полно, все-таки вокзал. Тут же был живой потерпевший — один на всех. Нерадивых граждан сажали в камеру, где они вели примерно такие разговоры: «Тебя за что взяли?» — «Меня? За сумку». — «Ой, и меня за сумку». — «Меня в зале ожидания взяли». — «Ой, и меня там же». Четыре эпизода, четыре ментально раскрытых, чистых преступления. Один потерпевший, одно вещественное доказательство, вот только обвиняемые разные. Самое интересное, что ни у судьи, судившего все четыре дела, ни у прокурора, подписывавшего обвинительные заключения, эта ситуация никаких вопросов не вызывала. Все дела в Красноярском городском суде были назначены на один день, все обвиняемые получили реальные, а не «стеклянные» сроки.

Кого утопит болотное дело

«Новая газета», 25.06.2012

Маховик дела о беспорядках 6 мая разворачивается планомерно и размашисто. К работе привлечено около 200 следователей. Число намеченных жертв тоже исчисляется, видимо, по меньшей мере десятками. Следователи откровенно в разговорах называют дело политическим. Очевидно, что речь идет о подготовке самого крупного процесса путинского правления, по своим последствиям сопоставимого или даже более серьезного, чем «дело ЮКОСа». Как и в случае ЮКОСа, исход процесса, если он состоится, обозначит необратимый переход политического режима в новое состояние. В состояние репрессивной или полутоталитарной диктатуры.

212-я: механика политических репрессий

Обвинения задержанным по «болотному делу» предъявляются по 212-й («массовые беспорядки») и 318-й («применение насилия в отношении представителя власти») статьям Уголовного кодекса.

Правда, квалифицирующие признаки массовых беспорядков, приведенные в 212-й статье («насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти»), не очень подходят к событиям на Болотной. Налицо лишь «насилие». Но статья эта очень важна, так как предусматривает такие составы, как «организация массовых беспорядков» и «призывы» к ним. То есть позволяет распространить круг обвиняемых на тех, кто не совершал никакого насилия и очевидных противоправных действий.

Статья нужна для того, чтобы дотянуться до лидеров протестного движения, уверены многие. Но дело не только в этом. Дело еще и в принципе: возможность предъявлять обвинения в «призывах» и «организации» позволяет размыть грань между словами и делами, между политическими убеждениями и конкретными правонарушениями.

То, как запускается этот механизм, хорошо видно по работе бастрькинской следственной бригады. Вот, например, на видео активистка Маша Баронова кричит: «Держите цепь, мужики, давите сюда». Если **организованных** массовых беспорядков не было, то Маше как будто нечего предъявить. Но если допустить, что беспорядки были **организованы**,

а следовательно, состоялись «организация» и «призывы», то вот они — призывы, и вот она — организаторша. И тогда Машу за эти четыре слова вроде как можно тащить в тюрьму и невзначай называть «боевиком».

Или, например, у той же Маши Бароновой во время обыска изымают куски белой материи длиной 36 см. Это вчера вы думали, что можете безопасно носить и хранить дома запас белых ленточек, указывающих всего лишь на ваши политические убеждения (у нас же еще действует Конституция!). Но если на Болотной имели место организованные массовые беспорядки, то факт вашей подготовки к митингу и хранения белой материи (для раздачи?) становится уже как бы уликой вашей неблагонадежности, вероятной причастности к организации митинга, а значит — и беспорядков.

Нет, не зря г-н Бастрыкин вдруг увлекся идеями Вышинского. Это и есть самое существо механизма политического террора. Этот механизм призван размыть грань между политическими убеждениями и преступной деятельностью. Как бы сами собой на наших глазах политические убеждения становятся уликой преступных действий. Так что задача не только в том, чтобы притянуть к делу лидеров оппозиции. Она еще в том, чтобы создать у граждан ощущение, что высказывание оппозиционных убеждений, политический активизм, любое выражение протестных настроений помещает тебя в опасную зону, где цепочка не зависящих от тебя допущений и подстав может легко и прямо привести в тюрьму.

Как известно из заявлений задержанных, следователи стараются выбить или выудить из арестованных именно признание того факта, что их «организовывали». Предлагают даже не называть имен. Просто подтвердить сам факт. А кто «организовывал», дескать, найдут сами. От задержанного Луцкевича требовали показаний, что за участие в беспорядках ему обещали деньги. Ну да, тогда ведь сразу станет ясно предназначение «конвертиков» Ксении Собчак. Комбинируя лжепризнания и вполне невинные факты, можно слепить не то что организацию беспорядков, но и настоящий шпионский заговор.

Собственно, в работе наших правоохранительных органов такой практики фабрикации политических дел не было, кажется, непосредственно со сталинских времен. Именно тогда была осознана важность для социалистического правосудия самого понятия «организация»: вменение участия в «организации» превращает политическое убеждение в заговор. Именно тогда была изобретена и широко внедрена модель: «допускал антисоветские высказывания? — допускал — обсуждал с таким-то и таким-то? — обсуждал — знаком с таким-то и таким-то? — знаком — ну вот, а отпирался, что состоишь в террористической организации!» Допросы по болотному делу в большой мере воспроизводят эту схему.

Сами по себе, повторимся, события 6 мая не очень похожи на массовые беспорядки в описании Уголовного кодекса. Но если предположить, что события эти были заранее организованы, то они и становятся автоматически массовыми беспорядками. Прочувствуйте магию этого способа установления «объективной истины»: если были массовые беспорядки, то должны быть и организаторы, а если есть организаторы, значит, массовые беспорядки — точно были.

318-я: механика провокации

А вот без «организаторов беспорядков» дело, над которым трудятся 200 бастрыкинских следователей, выглядит довольно тухло. Да, помимо 212-й статьи всем арестованным предъявляют также 318-ю, ч. 1-ю. Но, во-первых, у следователей, кажется, довольно плохо с доказательной базой. Арестованные не выглядят убедительными злодеями. И доказывать вред, нанесенный ими конкретным представителям власти, будет по большей части довольно хлопотно (поэтому их и уговаривают писать явки с повинной).

Но самое главное, что с самой 318-й статьей есть проблема. Верховный суд неоднократно разъяснял, что «ответственность... за применение насилия в отношении представителя власти наступает тогда, когда насилие является противодействием законной деятельности представителя власти, в том числе и работника милиции по охране общественного порядка» (постановление судебной коллегии Верховного суда от 8 апреля 1997 г.). То есть действия сотрудника полиции должны быть законными, чтобы противодействие им могло быть квалифицировано по 318-й.

Но являлись ли действия представителей власти 6 мая на Малом Каменном мосту законными? На схеме проведения митинга, помещенной на сайте МВД, хорошо видно, что рамок металлоискателей и оцепления в этом месте не должно было быть. Более того, вся схема проведения митинга была изменена. О чем участники его не были поставлены в известность. Оцепление и рамки, выставленные в ненадлежащем месте, создавали эффект бутылочного горлышка, и колонна 50-тысячного шествия просто не могла не упереться в цепь ОМОНа, не прийти с ней в соприкосновение.

Кстати, в Уголовном кодексе имеется также статья 149: «Незаконное воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них..., если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия или угрозой его применения...», а также 286-я статья: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан» с применением насилия и специальных средств.

Иными словами, и по смыслу, и по букве закона действия полиции, перекрывавшей подход к месту проведения согласованного митинга, не могут считаться законными и правомерными. Так это и было на самом деле: в глазах митингующих перекрытие полицией подхода к месту проведения митинга выглядело актом вопиющего беззакония. Люди были возмущены ограничением своих законных прав и насилием отвечали на насилие.

Надо сказать, что в этой коллизии нет ничего нового. 318-я статья уже давно используется правоохранительными органами как эффективный рычаг провокации. Она используется против политических активистов: достаточно вывести человека из себя какими-то жесткими несправедливыми действиями, спровоцировав ответное, почти рефлексорное сопротивление, и вот уже борец за права превращается в обвиняемого по уголовной статье с перспективой получить 6 лет тюрьмы (самые известные дела такого рода — дело Сергея Мохнаткина, дело Ивана Большакова и др.). Применяется 318-я и против людей, подающих в прокуратуру заявления об избиении в милиции, — в ответ появляется заявление сотрудника УВД, что это, наоборот, избитый применил насилие в отношении него. (Подробную справку о том, зачем и как используется 318-я статья, «Новая газета» публиковала еще в 2010 году: <http://www.novayagazeta.ru/politics/2344.html>.) Особая прелесть таких процессов в том, что основной доказательной базой служат показания самих правоохранителей.

Но если обратиться к тому случаю, который и стал поводом постановления Верховного суда 1997 года, то мы увидим, что он мало чем отличается от событий на Болотной. Мужчина в компании родственников ждал электричку; милиционеры потребовали предъявить документы, которых у него не было; когда мужчину потащили в отделение, брат задержанного попытался преградить путь, милиционер замахнулся на него дубинкой, а обвиняемый бросился на того и повалил на асфальт. Суд признал его невиновным по 318-й статье, указав, что у милиционеров не было оснований для проверки документов, а следовательно, их действия были незаконными. Точно так же сопротивление сотрудникам полиции, препятствовавшим проходу граждан к месту согласованного митинга, не может квалифицироваться по 318-й статье.

Так или иначе — ключевым моментом в развитии событий 6 мая стало несогласованное изменение места и схемы проведения митинга, и в результате — создание помех движению колонны. Не было никакого «прорыва ОМОНа» с целью похода на Кремль, которым бредили и пугали друг друга путинские правоохранители. Вместо этого был спровоцирован прорыв к месту проведения согласованного митинга.

Последствия: Болотная и ЮКОС

Были ли цепь поперек движения колонны и перенесение рамок сознательной провокацией, мы вряд ли узнаем точно. Во всяком случае, профессионалам, планирующим безопасность митингов, провокационность такой расстановки с узким горлышком не могла не быть очевидна.

С другой стороны, вполне ясно сходство событий 6 мая и «болотного дела» с событиями 19 декабря 2010 года в Минске. Во время стихийного митинга против фальсификации президентских выборов были разбиты окна и двери Дома правительства. Это дало повод Лукашенко, объявив митинг массовыми беспорядками и попыткой штурма, жестоко разогнать его, арестовать около 700 человек и вынести затем суровые приговоры лидерам оппозиции. На видео хорошо видно, что события у Дома правительства разворачиваются на периферии митинга, а активисты пытаются отвести людей от здания, и это им удается, но в этот самый момент некие личности начинают бить стекла в здании. Характерно, что личности эти так и остались неустановленными.

В отличие от Лукашенко, нанесшего стремительный и широкий удар по своим противникам, Владимир Путин разворачивает репрессивный фронт медленно и постепенно, прощупывая почву и приучая население и элиты, а также международное сообщество к неизбежности процесса и его «законности». На данном этапе самое главное — приучить к мысли о законности применения 318-й статьи и под угрозой ее применения выбивать из задержанных показания, свидетельствующие о наличии «организации». Вспоминая уроки «дела ЮКОСа», можно ожидать открытия против лидеров оппозиции дел, как бы не связанных напрямую с 6 мая. Оппозицию надо «криминализовать» в общественном мнении, приучая его таким образом к неизбежности посадки ее лидеров.

Точно так же, как в ходе «дела ЮКОСа» миллион раз повторялось, что оно не означает «начала репрессий против бизнеса», а является «единичным случаем» наказания противозаконных практик олигархов, в ходе «болотного дела» будет тысячу раз сказано, что речь идет о преследовании конкретных лиц, преступивших закон, а не оппозиции и политического инакомыслия в целом. И точно так, как дело ЮКОСа в результате кардинально изменило взаимоотношения бизнеса и правоохранительных органов, открыв целую эпоху «правоохранительного беспредела» в отношении бизнеса, «болотное дело» станет стартом широких гонений инакомыслящих и гражданских активистов.

Впрочем, у «болотного дела» и «дела ЮКОСа» есть и ряд важных отличий. «Олигарх» был хорошо известной и понятной обществу мишенью, не вызывающей сочувствия. Нынешнего врага идентифицировать в народном мнении довольно сложно. Все тот же одиозный «посла-

нец Госдепа»? Эта пластинка фонит и почти заезжена. Сажать-то придется мальчишек-студентов. Во-вторых, цена на нефть в ходе «дела ЮКОСа» (с весны 2003 года по весну 2005-го) выросла вдвое — с 25 до 50 долларов за баррель. В этот раз, скорее всего, все будет прямо наоборот. Это подстегнет снижающуюся лояльность элит.

Наконец, «дело ЮКОСа» разворачивалось на фоне высокого кредита доверия и безусловного признания легитимности г-на Путина. Сегодня легитимность эта подвергается сомнению в самых разных стратах и слоях общества. Рейтинги после предвыборного вздутия опять пошли вниз. А результатом весеннего наступления оппозиции стало то, что недовольство, сфокусированное зимой на «власти вообще» («партии жуликов и воров»), теперь достаточно быстро переносится на самого Путина. Он не ассоциируется более в народном мнении со справедливостью и законностью, и псевдолегалистская риторика репрессивного процесса может сработать на сей раз в обратную сторону, навсегда поставив на нем клеймо народной нелюбви и презрения.

Гимн отсталости

«Новая газета», 03.09.2012

Кто сказал, что у Путина нет программы? Есть программа. Политическая программа — это не бумажка, не дежурные заклинания. Истинная программа правления определяется теми обстоятельствами и коалициями, которые обеспечили правителю приход к власти. Семь путинских предвыборных статей, «Стратегия-2020» и прочие упражнения — это все ширмы, прикрытие. Реальная программа нового правления ковалась в бурные зимние месяцы с декабря по апрель. И сводится эта программа, в сущности, к одному слову-лозунгу: контрмодернизация.

И предвыборная речь в Лужниках с призывом к России захватить и покорить Москву, восставшую против фальсификации декабрьских выборов. И возведение в высшие государственные сановники начальника цеха оборонного предприятия, прославившегося лишь тем, что выразил готовность последовать путинскому призыву. И средневековый по духу и смыслу процесс над участницами антипутинского молебна, призванный поставить знак равенства между покушением на авторитет Путина и покушением на основы православия. И бесконечные охранительные законы, которые штампует псевдоДума. И приглашение Светы из Иванова — поклонницы Путина, прославившейся некультурностью своей речи, в телеведущие. Все это — символы и знаки путинского курса на контрмодернизацию.

Ход мысли Путина логичен и рационален. Если продвинутые, городские и образованные слои нации его не любят, то следует опереться

на провинцию, необразованных и отставших. На работников крупных индустриальных производств прошлого века (в частности — оборонных, как «Уралвагонзавод»), на депрессивный малый город, чья социальная атмосфера определяется ощущением полного отсутствия перспективы. На бюджетников депрессивных регионов, где бюджетные места играют функцию пособия по безработице. Одним словом, надо опереться на ту Россию, которая не видит сегодня своего места в будущем. Послепутинском будущем.

Если модернизация ведет к росту того класса, который Путиным недоволен, на запросы которого Путин не может и не хочет отвечать, то выход очевиден: надо остановить и обернуть вспять модернизацию. Надо возрождать, пропагандировать и поощрять национальную архаику.

В действительности нет, разумеется, никаких двух России, о которых нам стали нынче твердить, нет никакого специфического российского раскола. Все это пустословие и пропаганда. Глубинка, периферия есть везде, в любой стране. И везде она обладает теми же признаками и родовыми чертами. Она более консервативна, чем центр, менее информирована, ориентирована на заниженные или устаревшие стандарты, сопротивляется новому. Она экономически инертна, в меньшей степени включена в системы торговых связей.

Новацией и особенностью нашей является лишь то, что представления и запросы глубинки объявлены общенациональной повесткой дня. Это действительно искусственная, нелепая и конфликтная ситуация.

Представьте, кстати, как выглядела бы Америка, если бы в течение долгого времени политический класс ее формировался исключительно из жителей американской глубинки, а жители крупных городов и промышленных центров, выпускники ведущих вузов были бы лишены политического представительства. Америка, наверное, выглядела бы как сегодняшняя Россия. Олигархи, продажные политики, мафия, коррумпированные полицейские и суды, бесноватые священники по телевизору.

Программа путинской контрмодернизации не ограничивается перечисленными выше символическими и кадровыми жестами, она идет вширь и вглубь. Яркое проявил себя дух контрмодернизации в проекте пенсионной реформы, спешно разработанной в недрах правительства летом. Разумеется, накопительная пенсия, развитие накопительного компонента — это стратегическая линия решения пенсионной проблемы. Пенсионные доходы должны быть привязаны к трудовым, индивидуализированы. Идея отмены накопительного компонента — это пример решения текущих проблем (затыкания бюджетной дыры) за счет отказа от стратегических целей развития. А кроме того, еще и усиление перераспределительной политики: те, кто зарабатывал больше, будут подкармливать тех, кто зарабатывал меньше. Это тоже идеология

контрмодернизации: продвинутые должны подкармливать отстающих, чтобы те поддерживали власть, которая навязывает продвинутым стандарты и правила отстающих.

В пренебрежении стратегическими целями ради сиюминутных задач — самый дух контрмодернизации, которая вообще не мыслит в категориях будущего.

В сущности, отсталые страны отличаются от передовых именно этим: их элиты и население не чувствуют своей связи с будущим и ответственности перед ним. Именно поэтому, в частности, отсталые страны так сконцентрированы на своем прошлом и лишь в нем видят образ национального единства. Недостаток стратегического мышления, постоянное пренебрежение долгосрочными целями ради сиюминутных и создает тот механизм постоянной ретардации в их развитии, который делает их отсталыми.

Контрмодернизация — это, в сущности, принесение интересов развития в жертву интересам сегодняшних правителей. Путину некуда деваться, у него нет поля для маневра. И в сложившихся обстоятельствах для Путина как политика, стремящегося остаться у власти, контрмодернизация — это разумный проект. Но только для одного Путина.

Караю — следовательно существую

«Новая газета», 01.10.2012

Верховный суд выдал индульгенцию сотрудникам правоохранительных органов на войну против населения

Хорошие новости для ПАСЕ и плохие для нас.

Своим отказом ехать в Страсбург г-н Нарышкин, конечно, сослужил ПАСЕ добрую службу: появление на трибуне парламентской ассамблеи человека, ставшего спикером вследствие прямой фальсификации итогов голосования, выглядело бы чересчур неприлично. В ПАСЕ, думаю, вздохнули с облегчением.

Плохая же новость в том, что громогласный — по лекалам советских демаршей — отказ Нарышкина является не столько реакцией на подготовленную ПАСЕ резолюцию, сколько превентивным выпадом, свидетельствующим о намерении г-на Путина продолжать репрессии против политических оппонентов. Президент России заранее выкладывает на стол угрозу полного разрыва на случай, если реакция Европы на его политику расплзающегося полицейского террора будет слишком резкой.

Между тем вкус к такому террору в России планомерно разогревается. Это род коллективной шизофрении: сознание отвратительности

своих вчерашних поступков заставляет сегодня вести себя еще хуже. Подорванная легитимность, как кнут, подстегивает власти, и не проходит трех дней, чтобы лжедепутаты не выступили с очередной инициативой ввести тюремные сроки за что-нибудь или увеличить уже имеющиеся сроки. «Граждане должны сидеть в тюрьме больше и дольше» — это как бы стало слоганом осенней сессии народных избранников. Образ тюрьмы просто стучится им в души.

Впрочем, в отстраивание системы полицейского террора Кремль втягивает все новые институты. Так, постановление Верховного суда от 27 сентября следовало бы назвать «постановлением о праве на зачистки и полицейский беспредел».

Постановление посвящено вполне реальной проблеме — толкованию права на необходимую оборону. И в первой части выглядит вполне разумным: оно укрепляет это право и защищает права обороняющегося. Однако уже в пункте 6 говорится, что необходимой обороны не составляет противодействие сотрудникам правоохранительных органов. Юридически здесь нет никакой новации: речь идет о «правомерных» действиях правоохранителей.

Первая хитрость, однако, заключается в оговорке, распространяющей это правило на случаи применения силы «при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка». Мало того что эта ненужная оговорка выглядит конъюнктурой и подстрекательством, ее противоправный смысл проясняется в связи с пунктом 28, в котором говорится, что действия сотрудников правоохранительных органов (в том числе с применением спецсредств, оружия и боевой техники!), принесшие вред здоровью граждан, не подлежат уголовному преследованию, если сотрудник действовал в соответствии с положениями «законов, уставов и иных нормативных правовых актов».

Дело в том, что случаи, в которых правоохранители имеют право на применение силы, перечислены в законе. Но теперь (следите за руками!) получается, что если полицейский применил силу в ситуации, выходящей за рамки законных оснований, но по приказу (исполнения которого требует от него устав), то он выведен из-под ответственности. То есть, скажем, получив неопределенный приказ начальства «обеспечить порядок», полицейский может идти метелить мирных граждан сколько заблагорассудится и без всякой опаски: наказать его за то, что он сломал человеку ребро или ногу в ситуации, которая не подпадает под перечисленные в законе случаи применения силы, невозможно.

Постановление заботливо ограждает от ответственности за всевозможные «ошибки»: если задерживаемым оказывается не тот человек, который совершил преступление, если оказывается, что задерживаемый совершил не уголовное преступление, а административное правонарушение, если оказывается, что он несовершеннолетний, — во

всех этих случаях (настаивает славный наш Верховный суд) причинение вреда здоровью человека не влечет ответственности! При этом если в первой части постановления (о необходимой обороне) подробно оговаривается проблема соразмерности обороны и угрозы, то во второй части вопрос соразмерности примененной силы практически не затронут. Помните, в эпизоде фильма «Срок» омоновец просто так заламывает Навальному руку и говорит, что сломает, а Навальный отвечает: «Сломаешь — посажу потом». Так вот — не посадит теперь. Так что постановление Верховного суда — это, по сути, такой страстный призыв к садизму.

«Бейте их, бейте и бейте! Вам ничего за это не будет!» — вот девиз судей Верховного суда, вторящий девизу псевдодепутатов. Это индульгенция сотрудникам правоохранительных органов на войну против населения, юридическая база для выведения из-под уголовной ответственности практики «зачисток». Такая правовая коллизия, впрочем, типична для режимов, практикующих неправомерное насилие: как ограбить солдат режима от ответственности за выполнение противозаконных приказов?

Опасность и коварство тактики Владимира Путина заключается именно в том (как уже приходилось писать), что элиты и общество втягиваются в это новое состояние — состояние полицейского террора — планомерно и постепенно. Если бы у многих из тех, кто работает сегодня в правительстве, еще год-полтора назад спросили, рассматривают ли они для себя возможность работать в кабинете Александра Лукашенко, они бы искренне возмутились. Сегодня — это реальность, которая наступает им на горло. А Лукашенко стремительно теряет лавры самого плохого парня в Европе.

Вторая важная особенность состоит в том, что это не террор, открыто направленный против политических оппонентов. Наоборот, чтобы закамуфлировать его политическую природу, полицейскому террору надо придать форму произвола. Правоохранители получают право на произвол с условием, что оно будет использоваться против противников режима, на которых им будет указано. Но при этом само право на произвол неотчуждаемо. Оно — бонус.

Это означает, что право на произвол системно и будет использоваться разными группами интересов в своих целях. То есть произвол будет иметь такой ковровый характер. Собственно, мы это уже и наблюдаем. Случай Зелениной, всякие безумные процессы по педофильским статьям — все это последствия того сознательного расшатывания норм уголовного преследования, которые необходимы режиму для борьбы с оппонентами посредством институализации произвола.

Наконец, третья особенность: карательно-охранительный экстаз, в который впала путинская администрация, собственно, призван зака-

муфлировать отсутствие у нее внятной повестки. Понятно, что реформаторские инициативы, разговоры об оптимизации и эффективности, которыми обычно прикрывались дележ и пилилово, уже не воспринимаются населением. Воля к репрессиям — это, собственно, единственный способ продемонстрировать населению целеустремленность и дееспособность власти. Караю, следовательно — существую. Примерно так.

Анатомия реакции

«Новая газета», 15.10.2012

Да, то, что мы наблюдаем сегодня в России, — это политическая реакция. Википедия справедливо сообщает, что реакционер — это человек, стремящийся вернуть ситуацию к предыдущему состоянию — *status quo ante bellum*, состоянию, которое было до войны.

Чтобы уяснить, из каких элементов состоит путинская политическая реакция, необходимо вспомнить, что ее спровоцировало, что за *bellum* такое?

Событий, подорвавших стабильность режима, было три: снижение рейтинга Путина на протяжении 2010—2011 годов, поражение «партии власти» на думских выборах и массовые манифестации против фальсификации этих выборов.

Самым опасным (по крайней мере с точки зрения Кремля) стало поражение на выборах: вместо супербольшинства в прошлом цикле «Единая Россия» получила бы в 2011 году при обычном уровне фальсификаций (!) где-то около 40%. Во многих регионах, где фальсификации были обычными, ЕР получала немного больше или немного меньше, чем в 2003 году, когда ее результат составил 37%. Зато в некоторых регионах ее «популярность» резко подскочила: в Татарстане с 60% до 78%, в Дагестане с 66% до 83%, в Башкирии с 39% до 70%.

Соответственно, **основной элемент реакции** — выстраивание нового механизма взаимоотношений с региональными элитами. Как отмечали регионалисты (в частности, Александр Кынев), навязанная Кремлем система назначения губернаторов ослабила и отчасти разрушила региональные электоральные машины. Раньше они нужны были губернатору, чтобы обеспечить свое переизбрание, а заодно работали на выборах федеральных. Это обеспечивало спайку интересов.

Восстановление губернаторских «выборов» понадобилось Кремлю, чтобы восстановить эту спайку и работоспособность «машин». При этом механизм фильтров исключает доступ к выборам «несистемных элементов», а, кроме того, позволяет Кремлю вмешиваться в ход кампании. На примере незадачливого брянского губернатора руководство страны уже продемонстрировало, что имеет рычаги влияния на допуск к выбо-

рам даже действующего главы региона. Возвращение к «выборности» — это не либерализация, а скорее переформатирование правил элитного торга, выстраивание последовательной клиентелистской вертикали. Признание определенной политической автономии региональной власти в обмен на бесперебойную поставку лояльных голосов.

Второй элемент реакции — ставка на «отстающих» и консервативное большинство. Если в первой половине своего правления Путин маневрировал между прогрессистско-рыночными настроениями продвинутых слоев и верой периферии в «социально-ориентированный» авторитаризм, то теперь первая часть формулы практически отпала. Это вполне серьезный выбор с точки зрения экономической политики. Декларированные планы по «накачке оборонки», отказ от накопительных пенсий — вполне знаковые элементы выбора в пользу перераспределительного государства, перекачивающего ресурсы из более эффективных и модернизированных секторов в менее модернизированные и эффективные. Это выбор неизбежный, так как, окончательно потеряв поддержку продвинутой части общества, Путин вынужден искать ее у отстающей, консолидировать свое «консервативное большинство».

Третий элемент реакции лежит в сфере идеологии и выглядит наиболее экзотично. Это ставка на православный фундаментализм. Вещь в России достаточно маргинальная, но очень привлекательная для Путина тем, что позволяет симулировать идеологическую мобилизацию: войны нет, но общество психологически находится в состоянии войны — за ценности. Путин пытается копировать политические трюки мусульманского мира. Это еще один шаг в формировании «антизападной» платформы как способа идеологической легитимации режима, следующая станция после сурковской «суверенной демократии».

Эта ставка в конструкции путинской реакции выглядит экзотичной и проблемной, потому что вызывает большое сопротивление «союзнических» элит. Она до некоторой степени вынужденная, но в то же время находится на острие реакции, является одним из двух ее главных жал. Главный эффект массовых уличных акций состоит в том, что люди понимают: их много. Это мобилизует и их самих, и дает определенный сигнал обществу: обыватель и элиты начинают впитывать повестку активного большинства, воспринимать ее как ценностно и социально важный тренд.

Поэтому Путину совершенно необходимо было перебить болотную эйфорию. Продемонстрировать рассерженным, но мирным горожанам, которые почувствовали, как их много, что тех, других, рассерженных и не мирных, требующих тюрем, публичных наказаний кнутом, погромов — еще больше. Или, по крайней мере, не меньше.

Притом что в социологическом смысле православный фундаментализм сугубо маргинален и предъявленный тренд в большой степени является медийным симулякром, этот ход Путина имеет большой успех. Психологически «рассерженные горожане» — ядро зимних протестов — подавлены и растеряны, это ядро сжалось и ушло в себя. Оно отказалось от претензий на экспансию, скукоживаясь до масштабов Садового кольца и телеканала «Дождь». Оно хочет разговаривать со «своими», опасаясь предъявленного ей Путиным чучела.

Четвертый элемент реакции — это выстраивание репрессивного аппарата и репрессивной юриспруденции для борьбы с публичными проявлениями инакомыслия. Не перечисляя соответствующих нововведений в УК, можно сформулировать так: если в середине 2000-х была создана система, позволяющая придать иллюзию законности посадке в тюрьму любого, занимающегося экономической деятельностью, то теперь стоит задача перенести этот опыт в сферу гражданской публичной деятельности. Дело Самуцевич, АLEXИНОЙ и Толоконниковой, осужденных за антипутинский панк-молебен, а также «болотное дело», которое планомерно готовится, построены на вменении преступления вместо доказательства наличия его состава и призваны создать систему образцов для преследования инакомыслия по уголовным статьям, утвердить ее в сознании общества как новую норму.

Наконец, **пятый рычаг реакции** пока не проявил себя в полный рост. Очевидно, Путин испытывает здесь серьезные колебания.

В системе, построенной на принципах коррупционной лояльности, момент слабости, когда крысы могут побежать с корабля, необходимо преодолевать с помощью мощной антикоррупционной кампании.

Такая кампания должна вернуть Путину популярность, а для «своих» стать внеочередной присягой — процедурой подтверждения лояльности и чистки рядов. Помните, как видный единоросс Пехтин (известный скупкой земель, по которым должны пройти федеральные трассы) крикнул изгоняемому из Думы Гудкову: «Иуда!» Что он имел в виду? Что-то вроде: один из нас, а пошел против нас.

Дисциплинирование элит — центральная задача реакции. Но пока Путин демонстрирует здесь нерешительность. И это признак неуверенности в себе, ощущения, что угрозы на самом деле не купированы, а только закутаны дымовыми шашками. Да, описанная повестка реакции выглядит скорее как эффектная психическая атака, чем как работоспособная политика. Слишком театрально, нарочито.

А вдруг кто-то не испугается? Ведь у Путина нет запасного хода на этот случай.

Но это тема отдельного разговора.

Второй фронт обороны Путина: от фиктивного легализма к репрессиям

«Новая газета», 29.10.2012

Реакционный экстаз, которому предался Владимир Путин, градус отморозенности правоохранительных органов (превращенных фактически в репрессивные), спецслужб и служб телепропаганды можно объяснить только одним образом: несмотря на то, что Путин вроде бы убедил пугливые элиты, что у него все схвачено и что он достаточно силен, чтобы справиться с любыми протестами, сам он в этом совершенно или даже все менее уверен.

Первоначальный сценарий дела о беспорядках 6 мая (ставших, очевидно, результатом сознательной провокации) выглядел более или менее понятным. Он разворачивался в логике характерного для Путина фиктивного легализма: ну вот, дескать, люди повоевали с полицией, бросались асфальтом, неприятно, конечно, сажать их в тюрьму, ничего, мол, не имею против их политических взглядов, но закон есть закон. Чтоб другим неповадно было его нарушать и переходить к насилью. Как во всем цивилизованном мире.

Еще в июне этот сценарий вкупе с репрессивными законами о митингах смотрелся одним из главных инструментов давления на оппозицию. Однако к осени оказался отодвинут, уступив место на авансцене делу Удальцова. В отличие от болотного, удальцовское дело — шпионское, и оперирует совершенно другим набором пугалок и мифологем. «Подготовка террористических актов», дестабилизация обстановки, «захват власти», профинансированный из-за рубежа. Какое-то, в общем, кино 1930-х годов со злодеем Удальцовым аки японским (грузинским) шпионом в главной роли. А основной уликой по делу является телефильм. Как при Сталине: ареста ждали после статьи в «Правде».

Да, если «Анатомия протеста-1» с ее инсценированными массовками и печеньками была не более чем наглым и самодетельным оплевыванием оппозиции и продвинутого класса, то «Анатомия протеста-2» — это прямое и очевидное обращение к политическому и пропагандистскому наследию сталинизма, рассчитанное на совершенно другую аудиторию и преследующее несколько другие задачи. Характерно, что для продвижения фильма в массы была задействована партийно-административная вертикаль — его велено было рекламировать в местной печати и бесплатных газетах. «Анатомия протеста-2» и удальцовское дело — это попытка поддержать градус истерики и мракобесия, заданный делом «Pussy Riot», но на сей раз — в политически-охранительном регистре

борьбы с внешним и внутренним «агрессором». В той же логике лежит и театральная истерика с топтанием белой ленточки грязнулей Сидякиным, черпающим вдохновение все из того же саквояжа пропагандистов НКВД — «пятая колонна», «подстрекательство» и пр.

Зачем все это понадобилось? Ответ лежит на поверхности: мощная пропагандистская атака, начатая в феврале и эффектно продолженная делом «Pussy Riot», не дала на самом деле никакого практического результата.

Судите сами. Так называемые рейтинги Путина, вздувшиеся к марту-апрелю (уж пусть на небесах разбираются, каким образом), за лето совершили пике в ту же точку. По версии ФОМ, в сентябре уровни доверия Путину оказались даже ниже декабрьских 2011 года (42% против 45% в декабре 2011-го). Мизерный подъем в первой половине октября (44%), вдохновивший некоторых экспертов, в том числе пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, пока ничуть не меняет картины.

Радикализация пропагандистских и репрессивных методов — это не проявление силы, а агрессивность, призванная скрыть ее отсутствие.

Более того, например, такой менее знакомый экспертам показатель, как баланс ответов на вопрос «За последний месяц вы стали больше или меньше доверять Владимиру Путину?» (ФОМ), однозначно указывает на сугубо негативный тренд реального рейтинга. Дело в том, что баланс этот практически всегда оставался позитивным. Когда рейтинг Путина был стабилен, например, в начале 2010 года, соотношение составляло 25% («больше») против 12% («меньше»). Когда доверие росло после спада, например, в марте-апреле 2012 года, соотношение составляло 27% против 20%. Когда рейтинг Путина снижался на протяжении 2011-го, положительный баланс планомерно сокращался, и в IV квартале вышел в отрицательную зону: 19% «больше» против 26% «меньше». Так вот, с июля 2012 года баланс опять в отрицательной зоне, а в сентябре-октябре приблизился к небывалому двукратному разрыву: 14% «больше» против 25% «меньше». Ни о какой стабилизации рейтинга здесь речи идти не может.

Но бог с ними, с рейтингами. Они уже, видимо, стали аренной нештучной войны, и я не завидую социологам в ближайшее время. Опросы «Левада-центра» об отношении к акциям протеста дают не менее яркую картину. Несмотря на летнее затишье, пассивность оппозиции осенью и мощную пропагандистскую кампанию властей, уровень поддержки протеста остается на том же уровне, что и зимой 2011–2012 годов — 40% поддерживают протестующих (в Москве — 50%). Принять участие в акциях выражают намерение осенью 17%, а прошлой зимой, на пике протестов об этом заявляло 13–14% опрошенных (по России). Наконец, 63% в Москве и 67% в других крупных городах заявляют, что их не остановят сидякинские штрафы и наказания за участие в акциях протеста.

Иными словами, «Анатомия протеста-1», взбесившийся охотнорядский принтер, улюлюканье Мамонтова и тупой процесс над девушками из панк-группы — все это оказалось почти бессмысленным. Что получил Путин? Деморализацию элит, в первую очередь — столичной бюрократии и бизнеса, которые ощущают себя скорее заложниками, чем опорой режима. И — практически «ноль» в попытке развернуть негативный социальный тренд. Тренд устоял. Мамонтов способен мобилизовать обскурантов, мечтающих публично пороть девушек, но на поддержке Путина и на готовности протестовать против жуликов и воров это почти не сказывается. В этом, пожалуй, и состоит новизна социологической «картинки».

Социальные настроения таковы, что к посадкам демонстрантов в тюрьму в логике болотного дела общество отнесется резко отрицательно. Даже если демонстранты кидались асфальтом в сторону полиции. Сама конструкция, в рамках которой человека, вышедшего на митинг, могут «подловить» и посадить в тюрьму, вызывает глубокое отторжение, а путинский псевдолегализм читается здесь именно как обманный, ложный, антинародный. Население не только трепетно относится к своему праву на публичное выражение недовольства, но и с полным пониманием глядит на бросание асфальта в сторону полиции. Именно потому, что хорошо считывает логику провокации со стороны власти. Эта внутренняя радикализация протестных настроений, причем отнюдь уже не «креативного класса», описана и в последнем докладе ЦСР (см. «Новая газета», №122 от 26.10.2012).

Радикализация пропагандистских и репрессивных методов и перенесение направления главного удара с «рассерженных горожан» на левый радикализм — это попытка реакции на закрепление негативных для Путина и правящей верхушки социальных трендов. Это не наступление, а открытие второго фронта обороны. Не проявление силы, а агрессивность, призванная скрыть ее отсутствие.

Клан пугает своих

«Новая газета», 19.11.2012

Из всех версий причин отставки министра обороны Сердюкова по итогам показательной расправы, учиненной над ним (и, видимо, еще не оконченной), наиболее убедительной в результате выглядит самая, на первый взгляд, простая и примитивная — семейно-клановая.

Как об этом свидетельствуют упрямые факты, своим стремительным превращением из владельца мебельной фирмы в российского министра г-н Сердюков был обязан женитьбе на дочери старинного члена кла-

на Виктора Зубкова, заместителя Путина еще по международному отделу питерской мэрии и, так сказать, «крестного отца» кооператива «Озеро» (Виктор Зубков помог найти и оформить участок земли в хорошо знакомом ему по прошлой работе Приозерском районе). В последнее время, как говорят, министр Сердюков отдалился от семьи и даже, возможно, намеревался завести новую. И вот — гром с неба, разверзлись хляби: клан дал тебе все, клан все и отнимет.

Конфликты с военно-промышленным лобби, о которых чаще всего говорят в связи с отставкой, теоретически можно представить себе в качестве причины отставки. Хотя — даже и теоретически трудно: Сердюков, как и все прочие члены и родственники членов клана, совсем не политик с какими-то государственными амбициями, а солдат, который служил клану и его принципам. И потому не очень понятно, что могло помешать ему пойти на компромисс с военно-промышленным лобби, если такова была воля Путина. Ведь жесткость Сердюкова в отношениях с военно-промышленным лобби была не столько его собственной инициативой, сколько санкцией и задачей, поставленной ему тем же самым президентом. И вся история с военными поставками разворачивалась в рамках излюбленной главой государства модели «управляемого конфликта», который ничуть не подрывает, а лишь укрепляет его, Путина, власть.

Теоретически все же можно представить себе такой далеко зашедший конфликт ведомственно-бюрократических групп, который приводит к отставке министра. Однако это явно не случай Сердюкова. Случай Сердюкова — это вовсе не отставка, а показательная, максимально унижительная порка. В назидание и со всей изощренной злостью, на которую способна настоящая организация. Такое не бывает за ведомственные конфликты, такое бывает только за измену интересам клана. Особенно характерно, что преследованию подвергаются, помимо самого бывшего министра, члены его собственной семьи — сестра и ее муж, не говоря уже о сослуживице Васильевой.

Самому же Сердюкову после показательного обмакивания в НТВ было предложено через государственное информагентство трудоустроиться на службу адъютантом к главному врагу. Красиво, черт! Что твой Фрэнсис (черт побери!) Форд (с позволения сказать) Коппола.

Да, конечно, у этой истории есть ряд важных политических обертонов. Это, прежде всего, — рейтинг, который необходимо было спасти. Несмотря на исключительные пиар-усилия сентября-октября, рейтинг Путина в последние недели вновь устремился вниз, уходя — как и в начале осени — ниже минимумов конца прошлого года. 42% доверия по версии ФОМ: ниже не бывало с 2000-го. Эту ситуацию, по-видимому, в Кремле расценили как критическую. Решено было предпринять что-то экстраординарное.

Второй очевидный обертон — взаимоотношения с военными. Дело в том, что утратившему тефлон Путину уже не с руки в новой обстановке разговаривать с армией исключительно с позиции силы. А именно для этого и с этой задачей был направлен Путиным в министерство обороны пять лет назад Сердюков (о чем вполне убедительно свидетельствовала административная и кадровая политика бывшего министра). Слишком много в последнее время открылось для Путина всяких фронтов и ненадежных рубежей, чтобы продолжать ломать генеральскую мафию через колено. С вояками пора заключать перемирие (пока — на своих условиях). Точно так же еще в начале года была предложена формула компромисса милицейским: чекиста Нургалиева во главе МВД заменили на вроде бы верного, но все же милицейского Колокольцева. Точно так же было уступлено региональным элитам, которым разрешили по капле избирать из себя губернаторов.

Да, эти обертоны, безусловно, важны в истории отставки и показательной порки Сердюкова. Кулиستиков и Мамонтов теперь — чуть ли не главная путинская спецслужба. Но эти обертоны не объяснят нам все же ни изощренной издевки утреннего обыска в квартире сослуживицы, где Сердюков оказался под камерой оперативной съемки, ни преследований сестры поверженного перед алтарем рейтинга министра, ни издевательского предложения с почти генеральской должностью в клане перейти в дневальные к Чемезову — своеобразного приглашения «искупать вину». Все это скорее проходит по ведомству витиеватой мести, а не скучной политической целесообразности.

Повод мести очевиден — измена клану. Но смысл мести, как известно, не столько в наказании виновного, сколько в назидании другим. Кому?

И здесь стоит обратить внимание, что функции и роль правительства в нынешней конфигурации российской власти существенно изменилась по сравнению с теми временами, когда Сердюков был министром обороны назначен. Сегодня правительство — это такой фронт-офис, место для младшего состава. По-настоящему близкие Путину люди — «члены клана» — находятся преимущественно не здесь, а на контроле тех «точек», где реально генерируются и концентрируются финансовые потоки. Члены же правительства вольны заниматься своими делами (в рамках выданного им мандата) или же разрабатывать разные реформы, если душа к тому лежит и если того требуют интересы стабильности режима. Но при этом их деятельность должна обеспечивать бесперебойное и отлаженное **движение** финансовых потоков в географии тех самых реперных и хорошо им известных «точек».

В случае Сердюкова все выглядело наоборот: в рамках некогда полученного мандата он, напротив, стремился максимально замкнуть контроль финансовых потоков на министерстве. Да к тому же еще — почти демонстративно при этом отдалялся от клана. Диссонанс.

Иными словами, если для профанов показательное линчевание Сердюкова должно выглядеть как бескомпромиссная борьба с коррупцией, то для людей более знакомых с принципами функционирования системы и ее нравами, для тех, кто способен различить расставленные по этой истории знаки мести, она должна стать грозным напоминанием об истинных иерархиях власти. Стать недвусмысленным предупреждением о безусловном приоритете, так сказать, ценностей семейных и впечатляющим предостережением от помыслов или намерений этим ценностям себя противопоставить. Клан ощетинился и пугает своих. Как-то так.

2012-й — год перерождения власти

Forbes.ru, 26.12.2012

Главным событием года стало плавное превращение режима электорального авторитаризма в полицейскую диктатуру.

Сочувствие к детям-сиротам всколыхнуло общество, и это естественно. Использование заведомо обделенных детей в качестве разменной монеты политических амбиций и орудия политической мести отвратительно с моральной точки зрения. Однако эта история служит, кроме того, еще и прикрытием для важных изменений в характере российского политического строя.

Механизмы

Речь идет о тех статьях «антимагнитского» закона, в которых содержится запрет на деятельность в России НКО, получающих деньги от американских организаций и имеющих в своем руководстве лиц с двойным гражданством.

Эти законодательные новшества следует рассматривать в совокупности с другими аналогичными шагами — знаменитым законом об иностранных агентах, поправками к закону о государственной измене, а также активностью Следственного комитета, преследующего российских граждан, участвовавших в международных конференциях и школах по поддержке демократии.

Все эти новации и действия имеют общую цель и логику. Речь идет о преследовании правозащитных организаций и организаций, занятых мониторингом соблюдения гражданских и политических прав. Под удар попадают «Мемориал», Московская Хельсинкская группа и другие правозащитные организации. Некоторые нормы закона отчасти прицельно написаны под них.

Здесь и запрятано ползучее перерождение политического режима.

Уже в законе об «иностранных агентах» содержалась важная подмена, которую не многие заметили. Закон обязывает именовать себя этим термином организации, занимающиеся политической деятельностью и при этом получающие деньги из-за рубежа. Однако понятие «политическая деятельность» имеет вполне четкое значение. Это деятельность в поддержку политических партий и лиц, участвующих в выборах кампаниях, или непосредственное участие в таких кампаниях. Именно так это понятие трактуется и в российском законодательстве (!), и в законодательстве большинства стран, где оно используется в законах, ограничивающих право на политическую деятельность для судей, например, и некоторых категорий государственных служащих.

В этом смысле ни МХГ, ни «Мемориал», ни «Голос» и другие подобные организации под действие закона не попадают, а сами нормы закона выглядят хотя и не слишком логичными, но юридически безобидными. Ограничение на иностранное финансирование избирательных кампаний, а также лиц и организаций, в них участвующих, — вполне нормальная практика. Неясно, впрочем, если такой запрет уже существует в законодательстве, зачем еще нужен статус «иностранного агента»?

Трюк заключается в том, что Кремль пытается трактовать как политическую деятельность правозащитную, а также деятельность, направленную на защиту политических, в частности, избирательных прав граждан.

Имея широкие возможности для блокирования финансирования таких организаций внутри страны, Кремль стремится перекрыть и источники их иностранного финансирования. Однако важно не только это, но и сам принцип.

Объявляя правозащитную деятельность и деятельность по защите избирательных прав граждан политической, Кремль преследует вполне определенную системную цель. Права граждан, базовые и политические права человека в современном цивилизованном мире не рассматриваются как внутреннее дело страны. В то время как политическая жизнь, безусловно, является ее внутренним делом. Распространением на правозащитников понятия «политическая деятельность» Кремль, на самом деле, стремится объявить проблему соблюдения, точнее, конечно, несоблюдения базовых, гражданских и политических прав граждан исключительно внутренним делом страны.

Такая практика на самом деле характерна для репрессивных авторитарных и тоталитарных режимов, устойчивость которых непосредственно связана с ограничением и нарушением прав граждан и преследованием активистов, эти права отстаивающих. Именно поэтому такие режимы и трактуют правозащитную деятельность как политическую. Она угрожает их существованию. Подобные режимы поэтому не-

редко называют «закрытыми». К ним относятся Куба, Вьетнам, Китай, Иран, Саудовская Аравия, Туркменистан, Белоруссия и еще ряд самых несвободных государств на земле.

Вполне характерна в этом отношении и подмена, используемая Следственным комитетом для оправдания преследования гражданских и политических активистов. На международных семинарах и школах, заинтересовавших Следственный комитет, речь шла преимущественно о методах наблюдения за выборами и методах противодействия различным практикам фальсификации. Именно такую деятельность по защите конституционных прав граждан СК трактует как экстремистскую и противозаконную. Эта подмена, наряду с описанной выше, фактически возрождает и легализует во внутреннем обиходе практику преследования политических оппонентов, подводит под нее идеологическую и юридическую базу. А Следственный комитет де-факто берет на себя функции политической полиции.

Причины

Глубинной причиной отмеченных выше принципиальных изменений природы российского политического строя является, безусловно, фальсификация результатов думских выборов 2011 года, сопровождавшаяся массовой публикацией свидетельств о таковой фальсификации и массовыми протестами. Именно тогда существовавший в России в 2000-е годы политический режим потерял легитимность.

Парадокс в том, что даже победа Владимира Путина на президентских выборах не вернула его режиму легитимности. И дело здесь даже не в тех подтасовках, которые имели место в марте 2012 года, и не в несвободном характере тех выборов. Хотя при режимах, которые относят к типу «электорального авторитаризма», выборы, как правило, бывают несвободными, а их результаты частично подтасовываются, само по себе это еще не лишает их легитимности. Наличие некоей общей поддержки власти и политическая, гражданская пассивность граждан являются причиной того, что процедурные нарушения и различные выборные трюки не вызывают широкого возмущения и противодействия.

Однако ситуация прошлой зимы была принципиально иной. Граждане, вместо обычной пассивности, отказали в поддержке «Единой России», сознательно проголосовали против нее. Владимир Путин же взял сфальсифицированное думское большинство под свою защиту и превратил в инструмент дальнейшего наступления на права граждан. Такую процедуру — когда де-факто нелегитимный орган ограничивает права не голосовавших за него граждан — юридически корректно называть узурпацией.

При таком взгляде на вещи все встает на свои места. Действуя в интересах узурпаторов, Дума и Следственный комитет рассматривают

всякую активность по защите политических и избирательных прав граждан как политическую, то есть как направленную на подрыв режима узурпации.

И то же самое обстоятельство делает нерелевантным вопрос о том, выиграл ли на самом деле Владимир Путин президентские выборы в марте 2012 года. Опираясь на нелегитимную Думу и подписывая принимаемые сфальсифицированным большинством законы, он становится главой нелегитимного политического режима. Точно так, к примеру, принявший участие в ограблении полицейский будет считаться преступником, несмотря на то что законно носил форму и имел при себе табельное оружие.

Если бы г-н Путин признал фальсификацию выборов 2011 года и назначил новые, то, безусловно, этим подтвердил бы легитимность собственного избрания в марте 2012 года. Хотя и вынужден был бы пойти на ограничение своей власти — новая Дума не была бы таким агрессивно послушным стадом. Однако Путин рассматривает себя на президентском посту не столько как представителя россиян, сколько как представителя некой корпорации. Поэтому он использовал свой ресурс легитимности для защиты режима узурпации, для защиты самого права корпорации на узурпацию. Чем и определил характер своего нового президентства и характер нового политического режима, условием существования которого становится ограничение гражданских и политических прав избирателей.

Так что «антимагнитский» закон — это не только пример вопиющего политического аморализма, но еще и очередной шаг в закреплении результатов ползучего политического переворота, начало которому было положено вечером 4 декабря 2011 года.

В поисках нового путинского большинства

«Новая газета», 28.01.2013

В то время как актив протестного движения, и в целом либеральная публика и элиты, пребывают в настроении мрачном и подавленном, в Кремле вовсе не празднуют победу, но продолжают истерично плодить запретительные и карательные инициативы, как бы боясь остановиться. Так ведь и осталось непонятным, какой политический смысл был в «антисиротском законе». Так ли он насолил американцам? Да и подлый его псевдопатриотизм («не продадим наших сирот!») — какое-то крайне сомнительное средство национальной консолидации в смысле эффективности даже, а не только морали. Укрепляется ощу-

щение, что власть в стране действительно захвачена какими-то «плохишами», которые вредят всему и вся просто по призванию.

Дело, видимо, заключается в том, что администрация нового путинского президентства в принципе сконфигурирована так, что никакой другой повестки, кроме агрессивного оскала и борьбы с «внутренним врагом» у нее нет. Просто не придумано. Кроме того, перманентная внутривластная истерика приносила Кремлю определенные дивиденды. Во-первых, она, как уже было сказано, гипнотически действует на элиты и повергает в депрессию протестующих. Это как загримированный Леонов в «Джентльменах удачи» кричит экам-сокамерникам: «Пасть порву, моргала выколю!» Но главное, эта истерика позволяла Кремлю на протяжении большей части года довольно успешно подменять повестку недовольных.

Кризис прошлой зимы обнажил распад пропутинского большинства, своеобразного проавторитарного консенсуса, сложившегося в первой половине 2000-х годов. Стало очевидно, что старая парадигма трещит по швам, не устраивает продвинутые и наиболее динамичные слои населения, а в условиях снижения темпов роста экономики теряет к тому же поддержку обывателей и регионов. Хуже того: зимние протесты не только обнаружили процесс распада пропутинского консенсуса, но и выдвинули вполне консенсусную альтернативную повестку — повестку более справедливого распределения политической власти (тема «честных выборов») и более справедливого распределения благ от экономического роста (тема коррупции).

Реакционная экзальтация путинской администрации имела целью сформировать или, по крайней мере, создать иллюзию формирования нового, гораздо более консервативного путинского большинства. В политике большинство не совсем арифметическое понятие. Для того, чтобы сформировать большинство, необходимо убедить конкурирующие идеологические группы, что они маргинальны, а обывателя — в том, что ему с этими группами явно не по пути. Необходимо было нащупать такие темы, которые, с одной стороны, возбуждают и возмущают продвинутую публику, а, с другой — чужды и малопонятны обывателю. Длительные и ожесточенные полемики о митингах и демонстрациях, о роли церкви в жизни общества и государства, о гомосексуализме и его природе, наконец, даже о сиротах — отдавать их за границу или нет? — вполне успешно выполняли главную задачу: все глубже в тень уходил основной и вполне консенсусный (объединяющий продвинутую публику и обывателя) лозунг «против жуликов и воров», столь удачно интегрировавший тему политического неравноправия («жулики») и коррупции («воры»).

Эта стратегия в то же время оказалась для Кремля ловушкой. Консервативное большинство никак не формируется, а истерику приходится

продолжать и продолжать. Неудачи с формированием консервативного большинства проявляют себя не только в продолжающемся снижении путинских рейтингов, но и, например, в неудачах такого важнейшего элемента реакционной стратегии Кремля как клерикализация общественной жизни.

Патриарх Кирилл (представитель так называемого «силового» крыла путинской администрации) не зря так негодовал на днях по поводу того, что модуль «Основы православия» не пользуется популярностью у родителей школьников (в Петербурге его выбрали 9%, в Москве — 23%, а в среднем по России — 32%). Патриарх, впрочем, в духе модного нынче чекистского мировидения поспешил объяснить это обстоятельство заговором министерства образования. На самом деле данные социологов показывают, что примерно так оно и должно быть.

С одной стороны, можно найти подтверждения тому, что статус религии и церкви в общественной жизни повысился. Например, на вопрос «Согласны ли вы, что только в обращении к религии, к церкви общество может найти силу для духовного возрождения страны?» в 1997 году утвердительно отвечали 33%, а в 2012 — 48% (здесь и далее — данные «Левада-центра»). Однако ответы на другие вопросы свидетельствуют, что это совсем не означает согласия на клерикализацию общественной и политической жизни. Так, мнения по поводу того, нужно ли вводить в школе изучение основ религии, разделились ровно пополам — 44% «за», а 43% — против (в начале 2000-х, кстати, идея эта имела большую поддержку).

Спрос на религию есть, однако этот спрос носит скорее гуманитарный, а не тоталитарный характер. Население осторожно и даже настроенно относится к претензиям церкви на политическую роль. В ответах на вопрос «Должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений?» наблюдаем выразительную динамику: в 2005 году утвердительно ответили 42% опрошенных (50% высказались против), в 2007-м — 29% (61% — против), в 2012-м доля сторонников политического влияния церкви — на фоне яростной проповеди этой идеи — сократилась до 26%, а 65% высказываются против. Заметно изменилось и другое соотношение: в 2008 году (при прежнем патриархе) примерно равные группы (по 18%) выражали мнение, что влияние церкви на государственную политику слишком велико и что оно недостаточно, в 2012-м группа полагающих, что политическое влияние церкви чрезмерно, увеличилась до 28%, а противоположная группа уменьшилась до 15%.

Спрос на клерикализацию низок, скорее нарастает недовольство ею. Вот, к примеру, в начале 2000-х церкви как институту доверяли немногим более 40%, с 2009 года доверие к церкви подскочило до 50%. Однако за последний год с 30% (это устойчивое значение для предыдущих 15

лет) до почти 40% выросло число тех, кто заявляет о своем полном или частичном недоверии церкви. А это уже слишком много для того, чтобы претендовать на консолидирующую роль. Кстати, и сам патриарх, включенный социологами в список политиков, которым доверяют, опустился с уровня 10% в начале 2010 года до устойчиво маргинальных 5% в 2012-м.

Дело тут не в религии, а в понимании общественного устройства. Несколько дезориентированное думско-кремлевским кликушеством, общество между тем склонно вернуться к гражданской повестке, сформировавшейся в посткризисные годы. На вопрос, что следует сделать властям — «закрутить гайки и жестче относиться к любым вольностям» или «предоставить людям свободу заниматься своими делами» в 2012 году 35% выбирали первый вариант и около 50% второй, меж тем как в середине 2000-х соотношение было обратным. Общество по-прежнему хочет умеренной децентрализации, постепенной модернизации социальной жизни и большей правовой защищенности. И чтобы оно не вспомнило об этом, приходится до умопомрачения обсуждать пропаганду гомосексуализма и имеет ли право правительство портить жизнь детям только потому, что они родились на подведомственной ему территории. В общем: «Пасть порву, моргала выколю, рога поотшибаю!»

Политический вектор: Возвращение в нулевой цикл

Газета «Ведомости», 25.02.2013

Два важных тренда, вполне обозначивших себя за последний год, будут, по всей видимости, определять основные сюжеты российской истории 2010-х гг. Это, во-первых, замедление экономического роста и, во-вторых, утрата относительного политического равновесия 2000-х, заметный рост политической разбалансированности. Эти тенденции не выглядят сегодня как критическая угроза политическому режиму, однако несут с собой глубокие системные последствия, значение которых часто недооценивается.

Вызовы и выборы

Темпы роста ВВП, как известно, снизились с 4,5% в первом полугодии до 2,4% в III квартале и 1,8% в последнем, а темпы роста промышленности составили в конце года 1%, январские данные по промышленности демонстрируют снижение на 0,8%. С одной стороны, замедление это имеет конъюнктурные объяснения: в 2012 г. в отрицательной зоне ока-

залась европейская экономика, резко замедлились страны Центральной и Восточной Европы и даже флагманы роста — азиатские развивающиеся страны. С другой стороны, у российского замедления, по всей видимости, есть и структурные причины. В 2000-е гг. рост экономики обеспечивали быстрые темпы внутреннего спроса, однако спрос не может расти высокими темпами бесконечно — с исчерпанием эффекта низкой базы он будет замедляться. Кроме того, рост внутреннего спроса, в первую очередь со стороны домохозяйств, имеет обратную сторону: растущие зарплаты означают, что труд становится дороже. При этом темпы структурной перестройки экономики и развития рыночных институтов значительно отставали от темпов роста стоимости рабочей силы. В результате стоимость эта не вполне соответствует уровню производительности труда. Такая диспропорция может в течение длительного времени тормозить дальнейший рост экономики.

Утрата политического равновесия также налицо: снижение знаменитых рейтингов Владимира Путина, поражение «Единой России» на выборах 2011 г., массовые протесты и нервная репрессивная реакция властей, всплеск политического обскурантизма в официальной риторике — все это ясные показатели политической разбалансированности. Здесь также можно выделить два фактора.

Во-первых, есть основания полагать, что снижение поддержки политического режима связано с изменениями структуры политического спроса: те политические ценности и приоритеты, которые пользовались энергичной поддержкой населения в начале 2000-х гг., сегодня ставятся под сомнение. Тогда — после десятилетия драматической трансформации — стабилизация и минимальный порядок выглядели высшими ценностями, задвигающими на задний план любые другие приоритеты. Теперь — после десятилетнего периода экономического роста — сами представления о стабильности и порядке, об их соотношении с другими политическими ценностями стали меняться. Так, например, если в начале 2000-х при ответе на вопрос «что важнее — порядок или права человека?» выбор в пользу порядка респонденты делали в соотношении 60% против 30%, то в начале 2010-х это соотношение выглядит как 50% против 40%. Это означает, что порядок, достижение которого требует ощутимого сокращения прав граждан, не будет пользоваться поддержкой устойчивого большинства.

Спрос на стабильность остается важнейшим пунктом общественных запросов. Однако краткосрочная (здесь и сейчас) стабилизация и долгосрочная стабильность — это вовсе не одно и то же, и часто они даже выглядят противоположностями. Последовательная централизация, консолидация власти, «ручное управление», которые представляются спасательным кругом на фоне хронической нестабильности, начинают выглядеть вовсе не лучшим решением, когда речь заходит о долгосрочной стабиль-

ности и последовательном развитии. Долгосрочная стабильность, наоборот, требует системы сдержек и противовесов, сбалансированности и усложнения механизмов согласования и принятия решений. Стабильность в том понимании и институциональном оформлении, которые она получила в 2000-е, больше не соответствует интересам и ожиданиям общества, становится для него обузой, блокирует развитие.

Другим фактором, ослабляющим политические равновесия, является замедление темпов роста. В условиях бурного роста 2000-х фундаментальные дисбалансы, институциональные провалы и неравенство в распределении выгод от экономического роста были приглушены. Пряников было достаточно, чтобы эйфория от их наличия затмевала несправедливость их распределения. Снижение темпов роста вновь выталкивает политические вопросы в центр общественного внимания. Низкие темпы роста (вполне приемлемые для развитых стран) оказываются для развивающихся стран серьезным вызовом. Неравенство в распределении выгод ведет к тому, что для большинства населения ситуация выглядит как стагнация. Так, совокупный прирост размера заработной платы в России в 2006-2012 гг. распределялся следующим образом: примерно 47% приходилось на 20%-ную группу самых обеспеченных, еще 21% — на следующую 20%-ную группу, а для 60% наименее обеспеченных работников оставался всего 31% общей прибавки. Это означает, что рост около 3% будет для них практически неощутимым. Что также неизбежно сказывается на уровне поддержки политического режима.

Описанное сочетание факторов — замедление роста и снижение политической поддержки — ставит политический режим перед выбором. Первый путь — это искать ответы на структурные вызовы. То есть, с одной стороны, попытаться адаптировать политический режим к изменениям политического спроса, а с другой — искать способы преодоления структурных дисбалансов в экономике, повышения ее эффективности, в частности, за счет высвобождения потенциала частного сектора. Однако наличие определенного запаса прочности (который, впрочем, обычно преувеличивается) подталкивает к другому решению: добиваться восстановления темпов экономического роста любым путем, употребив на это имеющиеся финансовые резервы, с одной стороны, и законсервировать политический режим за счет ужесточения внутренней политики, повышения степени его закрытости, с другой.

Это развилка между модернизационным и контрмодернизационным охранительными сценариями. События последних месяцев недвусмысленно указывают на то, что выбран второй путь. Предполагается стимулировать экономический рост за счет использования нефтяных резервов: скорректировав только что принятое «бюджетное правило», осуществлять массивные госинвестиции, в частности в инфраструктуру. В политической же сфере — увеличивать контроль

над СМИ, расширять избирательные репрессии против оппозиции, а также идеологический и политический контроль всей общественной жизни, постепенно приближая его к советским, а в некоторых отношениях — еще более архаичным образцам.

Этот выбор не оригинален. Как не оригинальны и те последствия, которые он с собой несет.

Экономика мегастроек

«Нулевой цикл» — так называлась статья Егора Гайдара и Виктора Ярошенко, опубликованная в августе 1988 г. в журнале «Коммунист». Речь шла о характерной особенности позднесоветской экономической политики — крайнем пристрастии к капитальному строительству. Деньги эффективно, быстро и в расширяющихся масштабах осваивались на этапе проектирования стройки, рытья котлована, возведения фундамента и стен. Однако когда дело доходило до «начинки» запланированного нового комбината оборудованием, формирования логистических цепочек и перехода к фазе запуска, то финансирование становилось все более скудным, дело затягивалось, а начальственное внимание переключалось на нулевой цикл новой мегастройки. Нулевой цикл дает определенный импульс экономике — техника работает, земля роется, цемент льется рекой. Проблема заключается в том, что постоянное финансирование капитальных мегапроектов отвлекает средства от обеспечения завершающих фаз, в результате массивные инвестиции не дают или дают минимальную отдачу, в то время как макроэкономическая ситуация планомерно ухудшается.

Сегодня мы наблюдаем в известном смысле ренессанс экономики нулевого цикла. Хрестоматийной стала история подготовки саммита АТЭС. Невероятные масштабы затрат объясняют тем, что подготовка к саммиту была на самом деле использована для значительных вложений в инфраструктуру. Построен мост на о. Русский и комплекс зданий Дальневосточного университета на нем. Проблема, однако, заключается в том, что затраты на саммит оказались равны всем годовым затратам госбюджета на образование. Рост затрат собственно на образование бюджетом не предполагается, поэтому денег на то, чтобы создать университет, для которого построены мост и корпуса, нет. Активно строился в последнее десятилетие и МГУ — возведены многочисленные новые здания на Ленинских горах. Однако параллельно МГУ сползал в мировых рейтингах университетов — с 66-го на 80-е место по шанхайскому рейтингу и с 93-го на 116-е место по рейтингу QS. Бурное строительство сопровождалось качественной деградацией — это и есть формула нулевого цикла.

Любая идея, любое начинание, даже, казалось бы, самое модернизационное, сводятся в последнее время в результате к стройке, девелоперскому проекту. Задумали диверсифицировать экономику и разви-

вать наукоемкую промышленность — первым делом планируем стройку в Сколково. Задумали сделать Москву международным финансовым центром? Неважно, что капитал пока бежит из России, мы уже планируем строительство комплекса зданий под финансовый центр на территории новой Москвы.

Сегодня со всех начальственных трибун слова «вложения в инфраструктуру» звучат буквально как молитва. Предполагается, что такие вложения дают очевидный эффект: даже если половину денег разворуют, что-то все-таки останется будущему. Это представление ложное. При неправильной системе стимулов массированные вложения в инфраструктуру приносят значительный системный вред, перекрывающий положительные эффекты.

Во-первых, деньги на самом деле изымаются (через высокие налоги и за счет искаженной структуры бюджетных расходов) из высокопроизводительных и модернизационных секторов и перекадываются в обслуживание нулевого цикла. Во-вторых, строительная лафа мобилизует и укрепляет политические и финансово-строительные группы, которые на ней паразитируют. Именно они потом определяют повестку и приоритеты экономической политики. В-третьих, в результате деньги направляются не на решение тех инфраструктурных проблем, которые способны дать наибольший эффект для экономики за счет расшивки узких мест, а на те, где политические масштабы задачи обеспечивают максимизацию бюджетов. Мы даже уже знаем формулу роста бюджетов политически значимых инфраструктурных строек: затраты, как правило, вырастают в 4 раза от первоначальной сметы. Наконец, в-четвертых, выстраивающийся лоббистский механизм распределения средств на «инфраструктурное строительство» ведет к тому, что эти вложения оказываются для экономики не просто малополезны, но даже откровенно вредны — усиливают инфраструктурные искажения, а не смягчают их.

Яркий пример последнего — план строительства ЦКАД, еще одного автотранспортного кольца вокруг Москвы. Эксперты давно говорят, что этот проект вредный. Он закрепляет звезднолучевую транспортную схему, при которой все товары везутся сначала к Москве, а затем отсюда развозятся по территории России. Однако новому главе Московской области необходимо утвердиться в Подмосковье. Мегастройка, размеры которой сегодня оцениваются в \$12 млрд (вероятный финальный бюджет легко посчитать), безусловно, поможет ему консолидировать вокруг себя мощные элитные группы, которые надеются заработать на проекте. Эта политическая задача, собственно, и есть основная причина того, что развитие автомобильной инфраструктуры на европейской части страны будет направлено по нерациональной модели. Многие поколения россиян будут переплачивать за товары, доставленные по неоптимальному транспортному маршруту.

Политика морозильной камеры

Экономика нулевого цикла — это системный ответ среды на те вызовы и выборы, которые были описаны выше. Нулевой цикл — это глубоко политическое явление в экономике.

Да, ситуация и в экономике, и в политике не выглядит сегодня критической в краткосрочной перспективе. Однако симультанное снижение политической поддержки и замедление экономического роста приводят к важному эффекту, нередко оказывающемуся критическим для централизованных авторитарных режимов. Оно ведет к тому, что меняются представления элит о долгосрочных сценариях развития ситуации и собственных оптимальных стратегиях. Даже сохраняя лояльность действующей власти, элиты рассматривают теперь этот выбор скорее как тактический, стремясь извлечь из него максимум выгод, не связав при этом себя чрезмерными и долгосрочными обязательствами.

В свою очередь, снижение лояльности и консолидированности элит снижает эффективность управления; властям становится все труднее добиваться поставленных целей. Они вынуждены больше тратить и на покупку лояльности, и на подавление недовольных, получая заметно меньшую отдачу.

Стратегия инфраструктурных мегапроектов (экономики нулевого цикла) направлена на то, чтобы достичь максимального эффекта по нескольким направлениям. Они призваны купить лояльность элит, получающих на этих проектах огромные бонусы, дать немедленную прибавку в экономическом росте и обеспечить максимальный демонстрационный эффект: вот, дескать, дороги не было, а теперь она есть. Этот демонстрационный эффект должен перекрыть накапливающееся недовольство, связанное с провалами на других направлениях, где добиться результата гораздо сложнее. Сам переход к стратегии точечных мегастроек уже свидетельствует о падении качества управления — о том, что более сложные управленческие стратегии по поддержанию роста уже не доступны системе. При этом встроенные политические задачи немедленно сказываются на стоимости проекта: одно дело, если вам нужен мост через реку, и другое дело — если мост будет визитной карточкой теряющей авторитет «власти». Встроенные политические задачи и высокий уровень политической ответственности приводят к смягчению бюджетных ограничений, когда любые издержки на строительство будут компенсированы по политическим соображениям.

Избранная стратегия ответов на сформировавшиеся системные вызовы — снижение политической поддержки и замедление экономического роста — похожа на то, как если бы при появлении явного признака болезни — высокой температуры — больного решено было поместить в морозильную камеру. То есть они направлены против симптомов,

а не против болезни. Если запретим недовольным говорить, то докажем, что нет недовольства. Если профинансируем раскапывание ямы и зальем после ее цементом, то простимулируем строительную отрасль и продемонстрируем, что нет никакого замедления роста.

Однако замедление роста связано не с нехваткой инвестиционных ресурсов, которые правительство решило закачивать в экономику, а с нехваткой — в условиях низкого спроса и высоких издержек — рентабельных проектов, в которые имеет смысл инвестировать. Точно так же нарастающее недовольство властью связано не с тем, что в стране мало порядка, а с неудовлетворенностью тем типом порядка, который может предложить нынешний политический режим.

Экономика нулевого цикла — это проявление болезни. Показатель того, что экономика в данных институциональных условиях и при действующих структурных ограничениях не способна эффективно осваивать деньги. Можно ли бороться с дырой в днище кастрюли тем, что мы будем чаще доливать воду (которая к тому же постоянно заливает огонь под кастрюлей)? Политэкономическая природа нулевого цикла состоит в том, что на ухудшение экономических показателей и снижение поддержки политический режим реагирует усилением дирижистских практик и увеличением объема перераспределяемых с их помощью ресурсов, что происходит на фоне снижения управленческой эффективности, связанной со снижением лояльности административных и бизнес-элит.

Куда привела экономика нулевого цикла советский строй, хорошо известно. Проблемы современной России не так масштабны и глубоки, как проблемы позднего Советского Союза, тем глупее будет, если результат окажется таким же.

«Он это серьезно?», или Новая доктрина Путина

«Новая газета», 27.02.2013

«Он это серьезно?» Это главный вопрос, который задают сегодня люди, следящие за делами в России. Его задают друг другу высокопоставленные лица в Брюсселе и Вашингтоне, продвинутые горожане в московских кафе, крупные российские бизнесмены в Лондоне, высокопоставленные чиновники российского правительства в своих подмосковных домах. «Он это серьезно?»

«Он» — разумеется, Владимир Путин. «Это» описать сложнее, хотя все знают, о чем идет речь. «Это» — проект превращения России то ли в мусолиниевскую Италию XXI века, то ли в такой православный Иран от Пи-

тера до Владивостока, то ли в Большую Белоруссию под колпаком у ФСБ, то ли в некий еще невиданный род «коммерческого тоталитаризма».

Стержень доктрины — государственный национализм с элементами фундаментализма. В основе его — последовательные антиамериканизм и антизападничество. Антизападническая риторика и раньше составляла важную часть путинского политического дискурса (и приносила ему дивиденды популярности). Однако раньше она подразумевала, что мы — Россия и Запад — принадлежим к одной системе ценностей, но у нас разные задачи текущего момента и потому разные интересы. И мы, мол, будем искать свое место в этом общем мире исходя из наших интересов. Теперь речь идет как раз о фундаментальном расхождении ценностей. Примером цивилизационного различия являются однополюсные браки: у них, дескать, это основной вектор гуманитарной эволюции, для нас это неприемлемо. Отсюда — различие в понимании всей парадигмы человеческих и социальных ценностей. А заодно и политических: честные выборы, мол, это первый шаг к однополюсной любви.

Набор альтернативных «традиционных» ценностей должна поставить государству церковь. Поэтому «надо уходить от примитивного понимания светскости». Нет, не только православие, другие религии тоже могут поучаствовать в деле строительства государственного фундаментализма. В этом, кстати, отличие путинской доктрины от реального Ирана: церковь лишь поставщик идеологий ко двору государства, а вовсе не самостоятельный игрок. И стражи путинской фундаменталистской революции — это, разумеется, не церковные иерархи, а окормляющие их члены тайного чекистского ордена «национальных госкапиталистов», контролирующие основные денежные потоки в стране.

Еще три элемента новой доктрины: корпоративизм, полицейское государство и «национализация элиты».

Корпоративизм предполагает восхваление «человека труда» (в противовес «креативному классу»), поддержку крупной промышленности, ее дальнейшую интеграцию с государством, поощрение создаваемых сверх общественных организаций и подавление независимого, сетевого гражданского сектора. Полицейское государство острием своим направлено против среднего и мелкого бизнеса, а также городского среднего класса, который объявлен персональным врагом режима. Необходимо создать законодательную основу из бесконечного количества запретов и ограничений, позволяющих вернуть этим слоям ощущение уязвимости и зависимости, незащищенности перед всевластием полиции. Необходимо вернуть в города, эту Вандею путинской России, чувство всепроникающего контроля, чувство повсеместной зависимости и подавленности.

Наконец, «национализация элиты» — ключевой элемент перехода к «новому режиму».

Идея эта в известном смысле есть реакция на «акт Магнитского». В предыдущем цикле формула состояла в том, что бизнес может — с разрешения Путина — зарабатывать деньги в России, а затем легализовывать их на Западе. Это, по мнению Путина, являлось для Запада определенной гарантией того, что Россия не является его стратегическим врагом, несмотря на все свои внутри- и внешнеполитические выверты. Однако «акт Магнитского» обозначил закат этой доктрины.

Подоплека болезненной реакции Путина на «акт Магнитского» заключается в том, что — с его точки зрения — акт дает Западу рычаги влияния на российскую элиту через его, Путина, голову. Потому что этой элите уже есть что терять на Западе, и интерес в сохранении уже имеющегося там может оказаться выше, чем интерес к извлечению новых выгод в России, где золотой дождь постепенно оскудевает, а будущее выглядит все более туманным. И это значит, что рычаги влияния Путина на эту элиту ослабевают.

Не стоит, впрочем, понимать «национализацию элиты» как немедленный и полный разрыв, отказ от западных авуаров. Это скорее механизм (который будет использоваться, как всегда, избирательно), позволяющий запустить процесс ротации в среде «попутчиков» (как справедливо заметил Г.А. Сатаров). Впрочем, для тех, кто согласится продемонстрировать свой выбор в пользу Путина, а не Запада, остается возможность сохранить свои позиции. Но надо будет поучаствовать в самых обскурантистских начинаниях и инициативах нового режима. На место выбывающих «попутчиков» предполагается рекрутировать «пехоту» предыдущего цикла — еще голодную, отвязную, воспитанную уже в 2000-е, а не в 1990-е. Этот контингент, впрочем, пока не осознает, что бонусы окажутся гораздо меньше, чем в предыдущем цикле, а exit strategies будут практически отсутствовать. Он считает, что попадает на продолжение банкета.

С «попутчиками» будут, разумеется, разбираться не только с помощью зарубежной собственности. Основное прореживание элит предполагается с помощью традиционной антикоррупционной кампании. Как показал опыт последних месяцев, коррупционные скандалы на самом верху работают скорее против власти, в то время как широкий фронт арестов и посадок в третьем-четвертом исполнительском звене производит на публику благоприятное впечатление. В целом масштабы ротации в элите должны значительно превзойти те, которые были характерны для послеюкосовской пятилетки. Сопутствующий передел активов, как и новая приватизация — основные ресурсы для сохранения власти в условиях ухудшения экономической динамики.

Разумеется, разворачивать эту стратегию Владимир Путин намерен постепенно, сохраняя возможности отступления там, где будет сталкиваться с сильным сопротивлением, чреватом открытым конф-

ликтом. Такой конфликт пока Путину невыгоден, потому что может консолидировать недовольство значительных групп — недовольство, которое сейчас находится в желеобразной, не столь острой стадии. Гораздо выгоднее постепенно, не создавая у противника чувства критической угрозы формировать новую коалицию лояльных групп, последовательно, поодиночке уничтожая реальных и потенциальных фрондеров.

Ведь если бы все участники процесса отчетливо осознавали отдаленные, в перспективе пяти лет, последствия «дела ЮКОСа», они, скорее всего, оказали бы большее сопротивление на ранних этапах. И, наоборот, тактика «два шага вперед, один назад», постоянные заверения в том, что «случай ЮКОСа — единичный» и связан с особыми какими-то претензиями Ходорковского и нарушением некоего «пакта» (никогда, впрочем, не существовавшего), позволили подавлять нерешительность и недовольство отдельных групп и использовать в своих целях даже тех, кому впоследствии самому суждено было стать жертвой запущенного механизма.

Основным фактором, определяющим характер предполагаемого «нового режима», будут не идеологические схемы, описанные выше, но качество новой элиты — ее принципиально заниженный, даже по сравнению с предыдущей, интеллектуальный и моральный габитус. Это Россия провинциальных «следаков» с золотыми цепочками, перстнями и татуировками вполгруды, спрятанными под рубашками от Армани. Описанная идеологическая доктрина — неизбежное приложение к татуировкам и рубашкам: только в ее рамках можно объяснить, почему эти люди должны править Россией. А не те, кто умнее, образованнее и порядочнее.

На описанном пути у Владимира Путина слишком много препятствий. Однако за него играет его собственная убежденность, что только так можно сохранить власть. И еще — стремление его оппонентов убедить себя, что как-нибудь пронесет и само рассосется.

Формула прорвы

«Новая газета», 11.02.2013

Повестка дня в России круто изменилась. Три новости последнего времени — резкое замедление экономического роста, связанные с этим инициативы начальства в области экономической политики и посещение г-ном Путиным олимпийских строек в Сочи — складываются в картину, возвращающую нас к реальности. Если на протяжении осени псевдодепутаты с Охотного Ряда усердно демонстрировали нам, что основная проблема России — это политический об-

скурантизм, то упомянутые события заставляют вспомнить, что истинная и главная наша проблема — это все же чудовищная неэффективность и воровство. А политический обскурантизм — не более чем их пиар-прикрытие и идейное обоснование. Чудище обло, стозевно и лаяй.

Звонок прозвенел еще ранней осенью, когда выяснилось, что затраты на саммит АТЭС во Владивостоке составили более 22 млрд долларов. Это больше, чем весь государственный бюджет России в 1999 году, и больше, чем все расходы госбюджета на образование в 2013-м. Власти оправдывались: это, дескать, вложения в инфраструктуру. Но от этих объяснений делалось не по себе. Деньги рекой текли на строительство моста и коробки университета, притом что никаких реалистичных планов и ресурсов для создания самого университета не существовало. О них никто и не думал, нужно было только красивое слово — «университет», чтобы оправдать мост и коробку. А проваливающийся грунт только что построенной дороги, провисающие ванты только что сданного моста, перепутанные кнопки в лифтах и неработающие эскалаторы наглядно демонстрировали главный тренд: стремительное падение управляемости на фоне экспоненциального роста расходов.

Эта ситуация выглядит новой. В начале 2000-х годов в России сформировалось четкое (хотя и весьма специфическое) представление о модели успешного менеджмента в публичной сфере. Модель предполагала устойчивую норму отката. Например — 30%. Это означало, что при росте общего бюджета какого-либо государственного начинания объем публичных благ, которые будут получены на выходе, станет пропорционально возрастать, хотя и со все той же корректировкой на 30% стоимости.

Владивостокская история показала, что этот «золотой стандарт» менеджмента остался далеко в прошлом. Она показала не только то, что доля исчезающих средств при росте совокупного бюджета растет с опережающей скоростью, но и то, что при любом (!) увеличении бюджета невозможно уже добиться гарантированного результата — того, чтобы объект был сдан в срок и в надлежащем качестве. Невозможно добиться ни деньгами, ни административными мерами (подготовку к саммиту лично курировал первый вице-премьер). Хвост виляет собакой: даже неограниченный бюджет не гарантирует результат.

Сочинское строительство демонстрирует ту же истину: машина по освоению средств государственных мегапроектов достигла невиданной зрелости и обладает колоссальным политическим влиянием. Гнев всеслышного Путина ей не страшен, да и гневается он как-то осторожно и неуверенно.

Первоначально предполагаемые затраты на сочинский мемориал путинских амбиций — зимнюю Олимпиаду у Черного моря! — выросли

в четыре раза: с 13 до 50 млрд долларов. В рублях — 1,5 трлн. Это втрое больше, чем все затраты госбюджета на здравоохранение в 2013 году.

Стоимость олимпиад оценить непросто, в разных источниках фигурируют разные цифры. Но в целом считается, что затраты на зимнюю Олимпиаду 2006 года в Турине составили 3,6 млрд долларов. Цена следующей, ванкуверской, оценивается в 2,5 млрд, но дополнительные затраты на инфраструктуру, упоминаемые в разных источниках, позволяют говорить об общей смете около 6 млрд долларов. И канадские власти долго оправдывались, убеждая жителей, что эти траты оправданы.

Летние олимпиады обычно в 3—5 раз дороже зимних. Сверхдорогая (по меркам развитых стран) последняя, лондонская, оценивается в 19 млрд долларов. Ее ругают за это роскошество. Была, правда, еще пекинская: власти Китая тоже развернули мощное инфраструктурное строительство и ухитрились потратить 42 млрд долларов. Но это летняя олимпиада, то есть аналогичный по безумной расточительности зимний проект должен бы стоить порядка 10—15 млрд.

Сами по себе эти цифры наглядно демонстрируют различие демократических и деспотических государств. Напомним, что ВВП на душу населения составляет в Китае 8,5 тысяч долларов, в России — 21 тысячу, в Великобритании — 35,5 и в Канаде — 40 тысяч.

Но главное даже не в этом. Чему нас учит опыт Владивостока и Сочи? Во-первых: масштаб исчезающих средств растет пропорционально масштабам проекта. То есть: если на небольших проектах еще можно рассчитывать на «золотой стандарт» 30-процентного воровства, то на больших оно, скорее всего, достигнет 60—70%. Во-вторых, размер сметы и масштабы ее разбухания по ходу проекта непосредственно связаны с уровнем его амбициозности (политической значимости) и — уровнем контроля: чем амбициознее проект и чем выше уровень контроля его реализации, тем вернее смета (и так немаленькая) будет стремительно разбухать, а с ней и масштабы «утечки». Наконец, еще один, третий член этой «формулы прорвы»: чем амбициознее проект, тем меньше будут положительные побочные эффекты для экономики от его осуществления. Если строительство дорожущего моста к поляне, на которой выстроены корпуса университета, для наполнения коих нет никаких ресурсов, выглядит маразмом, то строительство за полтора триллиона рублей дворцов для зимних видов спорта в Сочи — марш в квадрате.

Известный тезис экономистов, что вложения в инфраструктуру в любом случае дают положительный эффект для экономики, здесь вывернут наизнанку. Потому что речь на самом деле идет не об инфраструктуре, но об амбициях. А вложения в инфраструктуру удовлетворения амбиций не дают экономике никаких бонусов. Они лишь формируют стандарты освоения бюджетов в соответствии с «формулой прорвы».

При чем же тут замедление экономического роста и новации в экономической политике? А при том. Резкое замедление экономики ставит перед теряющими популярность властями задачу ее немедленного и решительного стимулирования. Среди новаций экономической политики предполагаются: отмена «бюджетного правила», то есть срочное «раскупоривание» резервных фондов нефтяных денег, создание государственного мегаинвестора в лице Росфинагентства, а также использование пенсионных накоплений для внутренних инвестиций. Экономике предполагается поддержать с помощью масштабных вложений в инфраструктуру.

Задача — амбициозная: речь идет о политическом выживании. Уровень контроля — однозначно сочинский. Новые стандарты освоения инфраструктурных бюджетов выработаны. Так что лед тронулся, господа российские обыватели! Приватизация «нефтяной зачатки» на низком старте. Вам остается только подставить «формулу прорвы» — и подсчитать результат.

Сложнее, чем революция

Vedomosti.ru, 12.10.2012

На российском народе зарабатывать — много ума не нужно. Нужно сделать так, чтобы это было трудно

Государство в России рационально и эффективно. Это не шутка. При определенном взгляде это и правда так. И этот взгляд очень простой: жилых метров мало, а желающих их получить миллионы. Доступ к сетям ограничен массой препятствий, а желающих провести в дом электричество и газ миллионы. Дорог мало, машин много. Больниц мало, больных много.

Сама эта ситуация создает отличные бизнес-возможности — как теневые, так и вполне законные. То, что большая часть деловой активности в жилом и дорожном строительстве, в сфере коммунальных услуг, медицине, образовании, правовой и силовой сфере так или иначе связана с государством, естественно. Ведь в нашем случае государство — это и создатель институтов, и главный предприниматель на этих институтах.

Нет одного гения, который после крушения СССР быстро все понял и решил — пусть стоят эти руины, а мы на них заработаем. Так решили множество людей, уже находившихся вблизи драгоценных источников потенциального заработка. Источники эти разные, люди тоже разные, многие из них враждуют между собой. Это конкуренция за бюджетные источники — какой же настоящий бизнес без конкуренции? Выживают самые отважные и умные.

Все здесь должно быть страшно бюрократизировано и запутано. Услуг должно не хватать, чтобы спрос оставался огромным. Общее качество услуг должно быть низким, чтобы отдельные островки высокого качества жизни — огороженные поселки, отдельные хорошие больницы, школы — пользовались бешеным спросом. Это рынок продавца для государства и всего растущего на нем как на грибочке бизнеса.

Итог таков: во-первых, огромный и сверхдоходный бизнес как внутри, так и вокруг государства. Во-вторых, дорожающие газ и электричество, ужасные дороги, ужасные больницы, школы и университеты, низкое качество жизни, бесчеловечность. Первое невозможно без второго. Одна и та же ситуация — для одних золотая жила, а для других ловушка. Те, для кого это бизнес, не хотят даже жить рядом с теми, на ком они зарабатывают. И это по-человечески можно понять. Трудно, а жить как-то надо. Правящая партия, зажав нос, обороняет одновременно и золотую жилу, и ло-

вушку. Для того и нужны пропагандистские фильмы по телевизору, законы о митингах, о госизмене, о чем угодно, даже о «топоте котов».

Подлинным изменением в этой ситуации будет даже не смена лидера и его команды. Если нынешний институциональный каркас — советские институты, превращенные в высокодоходные бизнесы, — останется, то смена правящей группы будет всего лишь сменой бенефициаров бизнеса. Революции часто приводят именно к такому результату. Беда еще и в том, что такой простой каркас, как в России, просто требует на свою голову революции. Потому что на таком каркасе зарабатывать много ума не нужно. Те, кто на нем зарабатывает, должны трезво понимать, как сильно они рискуют. Ведь это классика бизнеса: высокие доходы, высокие риски.

Итак, изменением будет не смена лидеров, а трансформация рынка продавца в рынок покупателя. Это вообще не должен быть бизнес в том смысле, как он существует сейчас. Настоящее государство — это вообще не бизнес.

Вечный пирог и неразменный рубль

«Ведомости», 23.11.2012

Политика стабильности в идеале должна привести к появлению у страны стабильных доходов, стабильных расходов, стабильных партий. Это должно сделать жизнь страны размеренной, а горизонты планирования людей отодвинуть лет на 30 вперед.

Возможно ли такое в принципе? Авторы ключевых решений в российской экономике и политике, кажется, верят, что можно создать ситуацию, при которой потрясения в общественной и экономической жизни будут исключены. Все — от ограничения свободы собраний до покупки ТНК-ВР государственной «Роснефтью» — направлено на то, чтобы удерживать людей и деньги в неких гарантированных границах.

Между тем ни долгосрочного планирования, ни равновесия нет. Вернее, планирование связано с выходом из активов и из страны. Граждане покупают недвижимость за границей, владельцы преуспевающих компаний собираются не передавать их по наследству, а продавать (см. редакционную статью «Бизнес на час»). В экономической и политической действительности вообще нет ничего статичного — меняется все и каждую минуту. Новые поколения входят в активную жизнь, и сегодняшнее общество уже не то, что было год и пять лет назад. Условия на рынках меняются, и сегодняшняя нефтяная компания уже не тот актив, каким он был год и пять лет назад.

Исторически крестьянская психология предполагает веру в существование вечного пирога, который способен вечно всех кормить, если

только оттирать лишние едоков. В данном случае (покупка ТНК-ВР) лишними едоками видятся иностранные акционеры и российские олигархи. Едоком явно должно стать одно только государство. Но что лучше для бюджета — поток налоговых поступлений от негосударственных собственников или владение активами, за которые еще нужно выплатить гигантскую сумму? И управляться предприятия будут хуже. Заметим также, что если раздача нефтяных активов в России проходила на фоне низких цен на нефть во второй половине 1990-х, то нынешнее собирание активов идет на фоне исторически высоких цен. Продавали за копейку — покупаем за миллиарды долларов.

Как пишет автор «Черного лебедя» Нассим Талеб в своей новой книге (Antifragile: Things that Gain From Disorder), установка на избежание шоков ошибочна. Периоды стабильности — это периоды аккумуляции рисков, которые заканчиваются обострением всех застоявшихся проблем. Пытаться удержать политическую и экономическую ситуацию в статичном положении — все равно что пытаться много раз входить в одну реку, платить за все одним неизменным рублем и скрывать от себя информацию о реальном положении дел.

Неожиданные события — волнения людей и колебания рынков — несут новую информацию и только помогают удерживать равновесие. К примеру, политические протесты прошлой зимы сыграли стабилизирующую роль. Они рассказали обществу и государству об их отношении друг к другу. Административно заколотить этот источник общественного роста — значит крепко зажать голову руками и верить в существование вечного пирога.

Страхи малой части общества стали законом для всех

«Ведомости», 07.12.2012

Страхи небольшой части общества стали законом для всех. Страх перед чужим и иностранным, нетерпимость к сексуальным и прочим меньшинствам из смутных эмоций, свойственных части россиян, превращены в нормы права. С коллективным бессознательным можно работать средствами искусства — снимать фильмы про катастрофы или, наоборот, великие победы. А можно, как мы видим, и прямо вписывать страхи в законы и выводить в виде казаков на улицу.

Политические менеджеры паразитируют на том, что действительно есть, — на естественном для людей стремлении к поиску самих себя. Амин Маалуф, французский писатель ливанского происхождения, пишет в книге «Во имя идентичности», что идентичность становится про-

блемой, когда ей угрожают. Российское общество пережило жестокий кризис идентичности после краха СССР. Сегодня мы видим результаты выродившегося процесса поиска идентичности.

Ее предлагается искать только по вертикали — по линии этноса, рода, вероисповедания. Это кажется простым решением, но только кажется. Во-первых, в наших условиях традицию приходится складывать из кубиков — просто потому, что никаких готовых традиций у нас нет. Живая передача веры, ценностей, профессии от поколения к поколению — исключение, а не правило. Отсутствие традиции и есть традиция. В результате культурный продукт выходит кривой, потому что делается за деньги и без настоящей одержимости. Даже чего-то вроде «Братьев мусульман» не получится (тоже искусственный культурный продукт, но живой).

И хорошо. Потому что, во-вторых, фиксация на вертикальной идентичности — это способ воспитать фундаменталистов, попытка не только пригвоздить человека к месту, но и заставить жить в своеобразном духовном колодце. Небо видно — но ничего больше. И главное — никого. Это отсечение горизонтальной идентичности — т.е. всего уникально нашего, всего, чем мы отличаемся от родителей, от рода и национальности. Личностные особенности, круг интересов, профессия, убеждения, творчество — это то, что мы получаем не по наследству, а воплощая себя.

Воспитать недоверие к этой стороне человека в России легко. Нам свойственны все болезни обществ, в которых много людей живет далеко от границ — государственных и культурных. Когда люди не сталкиваются с другими языками и культурами, они их боятся. Принимать исходя из этого законы — значит делать законом невежество и страх.

А ведь российское общество могло бы быть страной людей, сделавших себя самостоятельно. Ведь это обратная сторона отсутствия традиций, которые могут быть удушливыми. Россия могла бы быть такой новой страной, но пока не похоже, что будет. Один из признаков — нежелание передавать собственность по наследству (см., например, редакционную статью «Бизнес на час»). Верховенство права, которое делает передачу собственности возможной, — великое достижение общества именно потому, что позволяет привести к гармонии вертикальную и горизонтальную идентичности.

Секта безопасности

«Ведомости», 18.01.2013

Одержимость безопасностью в чекистском понимании этого слова — сектантство. У верующих ревнителей безопасности есть набор представлений, который может меняться время от времени, но всегда со-

храняет общее свойство. Угрозы, которыми они одержимы, невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Депутаты со знанием дела говорят об иностранных агентах, как будто все вокруг понимают, о чем идет речь. Поразительно, что это кем-то воспринимается всерьез. Еще поразительнее, что это мировоззрение может быть основой политики целых государств.

Энн Аппельбаум в новой книге «Железный занавес» подробно проследила процесс введения советского внешнего управления в Центральной Европе после войны. Первое, что делали советские власти, еще даже не ступив на территорию интересовавшей их страны, — нанимали и обучали будущий костяк спецслужб. Первое, что делали новые спецслужбы, — уничтожали любые низовые общественные организации.

Для этого антифашисты обвинялись в фашизме, воспитатели молодежи — в растлении молодежи, борцы с коррупцией — в коррупции; тщеславные люди подкупались, лидеры общественного мнения подвергались шантажу и давлению. Захваченные новой властью СМИ сразу действовались в пиар-атаках. Спецслужбы стремились не столько убивать, сколько уничтожать оппонентов социально и репутационно. Все это старый арсенал спецслужб. Как травят сейчас блогера Адагамова, так точно травили писателя Солженицына в 70-е и 80-е, так же травили польских, венгерских, чешских интеллектуалов в 1940-1960-е гг., а русских — в 20-е. Все эти приемы должны быть знакомы каждому говорящему по-русски. Желтая пресса и государственное телевидение имеют в России неизбежный привкус покушения на социальное убийство.

Глубокое недоверие спецслужбистов с перевернутым сознанием к независимости восходит как минимум к большевикам. А может быть, идет и еще дальше — к описанным Достоевским мерзостям: подпольному невежеству, нигилизму и смердяковщине. Подполье ведь бывает не только революционное. Секретность и закрытость спецслужб тоже подполье, в котором растут только невежество и теории заговоров.

Первые чекисты уничтожали любую независимость по заказу большевистского государства. Нынешние сектанты в Кремле и силовых структурах уже не помнят, кто их боги, но исповедуют все то же разрушительное для общества понимание безопасности. Это понимание разрушительно, потому что последователи нашей секты десятилетиями занимаются уничтожением социального капитала.

Независимые ассоциации, свободно формирующиеся сети, частные инициативы — все это слагаемые социального капитала. Страх перед ними — это страх перед обществом и перед самим будущим. Разрушителям социального капитала можно противопоставить только социальное созидание.

Настоящая безопасность — это возможность инвестировать надолго, возможность быть уверенным в том, что твое — это твое. Институт собс-

твенности — любой: и частной, и государственной — это вопрос безопасности и будущего. Именно такой безопасностью должно быть озабочено государство, если оно хоть как-то связано с обществом.

Наценка за порядок, или налог на Путина

«Ведомости», 01.03.2013

Политический абсурд — не эмоциональное утверждение, а вполне конкретное. Казаки на улицах, бессмысленная реформа времени, закон «о топоте котов», студенты, отправляемые на лето в армию, мосты в никуда, грязь в городах и цены за квартиры на уровне мировых столиц — это проявления одного и того же свойства. А свойство это — слабость государства, не способного поставить на первый план интересы общества. Парадокс в том, что стремление любой ценой сохранять социальный и политический порядок есть оборотная сторона слабости государства. Богатые и влиятельные люди столбят за собой те сферы, на которых они зарабатывают, и не дают никому в них вмешиваться. В этом — в умении предотвращать изменения — состоит их сила и власть. Так и получается стабильность.

«Правящие круги замыкались все больше на себе — публичное обсуждение реформ не допускалось. А внутренний диалог упирался в необходимость учитывать интересы тех или иных околоправительственных кругов. В результате решения могли быть только максимально безобидные, никого серьезного не затрагивающие, т. е. бессмысленные» — это современный историк Андрей Тесля пишет о временах Николая I.

И сегодня, больше чем 150 лет спустя, нетрудно представить себе длинный список фундаментальных изменений, по поводу которых нет большого спора. От целого набора понятных действий по улучшению инвестиционного климата до настоящей, а не поддельной полицейской и судебной реформы, от введения честных конкурсных процедур до создания адекватной системы стимулов в госкомпаниях. Но осуществляются только безобидные, никого серьезного не затрагивающие меры, поскольку за каждым важным пунктом стоят серьезные Иваны Ивановичи, которые не позволят покуситься на их плодородные уголья. И потому на откуп формально возглавляющим государство политикам остаются решения, которые не обидят кого-то конкретного, но при этом могут произвести некоторый шум, который понравится «большинству». Так пиаровская логика подавляет содержательную и политики превращаются в клоунов, вынужденных веселить или злить народ, пока серьезные люди делают серьезные дела. Это полити-

ка по остаточному признаку: на политическом уровне делается то, что можно, а не то, что нужно.

Нашумевшие государственные идеи последнего времени суть признания в том, что институты, о которых идет речь (миграционная служба, армия, госкомпании), не выполняют свои функции. Но создание качественных институтов выведено за скобки. Обсуждается только одно: какими еще полномочиями наделить или что подарить существующим коррумпированным правоохранителям, какие еще проекты отдать на откуп бизнесменам, которые зарабатывают на процессах, а не на результате. Так что цена газопроводов в никуда, цена форума АТЭС и Олимпиады в Сочи, цены на недвижимость в городах — лишь малая, видимая часть стоимости удержания социального и политического порядка. Это «путинская премия» — наценка за порядок. А ведь расценки увеличиваются: государство не становится сильнее, и значит, поддержание порядка стоит все дороже. Это бег на месте, в котором каждый шаг стоит дороже предыдущего.

Акционерное общество «Сталинизм» **«Ведомости», 26.10.2012**

Охранительные задачи в новой России решаются с применением старых инструментов — просто потому что новых нет. Задачи развития должны решаться с применением новых инструментов, потому что опять-таки других нет. Потому они и не решаются. Звучит просто, а в действительности это одно из описаний тупика политической системы.

Создание новых институтов и правил — долгая и коллективная работа, заниматься которой мешает старая институциональная структура, архаичная, не умеющая отличать запросы на изменения от смертельных опасностей, не умеющая разделять власть и собственность. Задачи защиты интересов государства в такой системе заведомо отделены от проблем развития (а так быть не должно!), потому и не работают институты развития: внедрение новых технологий может оказаться государственной изменой.

Спецслужбы вообще должны защищать людей, а не абстрактное государство. И действовать они должны не как акционерные общества, конкурирующие между собой, а как подконтрольные политикам государственные агентства. Но таково наследие — советское и постсоветское. В советское время эти структуры придуманы и созданы, в постсоветское — переосмыслены как бизнес-идеи и успешно монетизированы.

Они бы хотели выйти на IPO (правда, придется публиковать отчетность и имена бенефициаров, хотя есть ведь разные биржи), а им приходится для оправдания собственного существования работать в облас-

ти «безопасности», заодно борясь с конкурентами — такими же бизнесменами из следственных управлений. И вот уже перед нами «документальные» фильмы о протестах с фальсифицированной съемкой и похищения людей.

Работают как умеют и невольно воспроизводят ту систему, для которой они когда-то создавались. А та система не существует без сверхидеи. В СССР сверхидеей было построение нового справедливого общества. В царской России — преемство самодержавной власти и православие.

Такая политическая система не понимает множественных целей, понимает только одну, главную; не понимает примата права каждого гражданина, в ней предусмотрено место для одной сверхидеи и одного «сверхправа» на реализацию этой идеи. То есть перед нами утопия.

Утопия — это ведь не просто фантазия о том, как должно быть. Это философский стратегический выбор: отказ признавать право каждого гражданина на свои цели и готовность признавать только одну общую цель. Это выбор в пользу того, что есть люди, которые эту цель знают. И наконец, в пользу того, что общество должно подчиниться этой цели, строиться сверху вниз по единому проекту.

Беда только в том, что проекта нет. Точнее, есть предположения, что проект есть. Последние по времени — это статьи Евгения Гонтмахера («Реконструкция доктрины Путина» — «Ведомости» от 19.10.2012) и Владимира Пастухова («Страна на грани нервного срыва» — «Новая газета» от 19.10.2012). Могу жестоко ошибаться, но в единый план я не верю. Думаю, что скорее перед нами кризис-менеджмент, осуществляемый людьми, которым больше всего хотелось бы писать проспекты эмиссии для инвесторов, а приходится возиться с живыми людьми, до сих пор верящими, что государство можно изменить к лучшему.

Одно из двух: или страна в собственности, или собственность в стране

«Ведомости», 19.04.2013

Отношение правящей группы к власти проясняется делами, а не словами. Слова все сказаны и не интересны. Что передается по наследству? Собственность. Идея выборов воспринимается как враждебная, потому что нарушает право собственности на страну. Границы между личным карманом и бюджетом нет. В каком случае это возможно? В случае если и то и другое воспринимается как собственность. Попустительство к воровству — оборотная сторона той же проблемы. Свои — участники той же собственности и потому могут все, в том числе во-

ровать. Чужие не могут ничего, даже помогать.

Владимир Путин и его команда уверены, что избраны народом (долгая история, но здесь есть очевидная натяжка). Из этого они делают вывод, что избраны единогласно (еще бóльшая натяжка). Из этого делают вывод, что только они санкционируют работу любых институтов государства и общества (совсем неправда) и что любая деятельность, не санкционированная ими, есть противодействие государству и им лично (откровенная паранойя). И это при том, что «несанкционированная» ими деятельность — например, добровольная борьба с коррупцией, борьба за права заключенных и инвалидов — вполне законная и нужная деятельность. Ответ на нее один — сделать или незаконной, или «санкционированной», то есть существующей на известные деньги с известными ограничениями. То есть изменить правила, то есть переписать закон, то есть вручную воздействовать на институт и тем самым обесмыслить его. Уничтожить самоорганизованные добровольные ассоциации граждан и заменить их подконтрольными, то есть мертвыми. Это равнозначно уничтожению социального капитала.

Границы важны любому собственнику, но для собственника страны — это абсолютная ценность. Государственная граница есть не просто граница суверенитета, это забор, огораживающий собственность. Это мировоззренческая проблема. Это собственническое мировоззрение (его корни, в том числе связанные с историей взаимоотношений светской и духовной власти в России, — отдельный интересный разговор) — центральная проблема нашей страны.

До тех пор пока власть равняется собственности, соблюдение прав, в том числе права собственности индивидуального человека внутри страны, не будет возможно. Если какая-то группа людей владеет всей страной, то собственность всех других людей в этой стране под вопросом. А, значит, невозможно и никакое улучшение инвестиционного климата. Невозможно и построить ничего, иначе как вливая бюджетные деньги в решето. Невозможно и никакое «Сколково», чему лишнее доказательство — вчерашний обыск и задержание нескольких участников форума Сбербанка, где речь шла об инвестклимате.

Напрасно даже пытаться эти вещи совмещать: одновременно уничтожать социальный, а вслед за ним и финансовый капитал — и изображать разговоры об инвестклимате и всяческих рейтингах вроде Doing Business. Архаичное собственническое представление о власти — непреодолимое препятствие для развития. Пока правящая группа во главе с Путиным находится у власти, нельзя всерьез обсуждать ни инвестклимат, ни какое-либо долгосрочное планирование, ни защиту прав, в том числе прав собственности.

Документальный проект «Срок»*

В мае 2012 года начался новый президентский срок Владимира Путина. За полгода до этого истек срок путинской стабильности.

Болотная... Проспект Сахарова... Поклонная... Лужники... Чистые Пруды... Время ускорилося. Потекло по-другому.

Что будет дальше? Кто будет героем завтрашнего дня? Навальный? Удальцов? Яшин? Ксения Собчак? Или совсем другие люди? Мы видим их на экране, видим на трибунах. В гуще людей на площадях. Иногда – под стражей. Но что у них на уме? И что на сердце? Что ими движет и какие чувства они испытывают? Азарт, страх, любовь... а может разочарование – как узнать?

Начиная снимать наш фильм, мы решили ответить именно на эти вопросы. Мы не ведем летопись протестов, не делаем репортаж о происходящем. Мы фиксируем мысли и эмоции лидеров. Мы хотим понять, куда они ведут нас. К чему зовут. Даже тогда, когда им самим грозит срок.

Пока мы далеки от ответов. Мы предлагаем искать их вместе. Фрагменты будущего фильма будут появляться на этой странице. Появляться до тех пор, пока не сложатся в единое целое. Когда это произойдет? Мы не знаем... Ведь это зависит не только от нас.

Постарайтесь взглянуть на героев этого фильма непредвзято. Постарайтесь понять их. Когда вам покажется, что поняли – это и будет Срок. Нам останется только смонтировать фильм.

Авторы проекта

Александр РАСТОРГУЕВ, Павел КОСТОМАРОВ, Алексей ПИВОВАРОВ

* <http://srok-doc.livejournal.com> (май 2012 – март 2013)

Lenta.doc — новое имя проекта «Срок»*

С середины января 2013 года видео бывшего «Срока» будет выходить только на сайте издания и на его официальном youtube-канале. Новое имя проекта — Lenta.doc: это большой самостоятельный раздел на «Ленте.ру». Результатом партнерства «Ленты.ру» и «Срока» станет запуск видеопроизводства, максимально соответствующего задачам и технологиям интернет-СМИ.

Работа над короткими, трех-семиминутными роликами «Срока» позволила сформулировать принципы нового журналистского жанра, который сами авторы называют документальными новостями. «Срок» прежде обращал внимание, в основном, на важные российские общественно-политические события. Превратившись в Lenta.doc, проект стремится к расширению тем и географии съемок, сохраняя и развивая опыт производства документальных новостей.

Павел Костомаров, один из создателей проекта «Срок»:

«В декабре 2012-го мы приостановили проект "Срок", поскольку были нарушены два базовых принципа качественной документалистики: во-первых, автор не должен быть участником событий; во-вторых, между автором и героем должен быть доверительный контакт».

Александр Расторгуев, один из создателей проекта «Срок»:

«В этот момент нам поступило предложение о сотрудничестве от "Ленты.ру". И мы решили, что это хорошее предложение. Потому что оно защищает нас от прямого вмешательства извне, а также от банального воровства контента. Одно дело — воровать у небольшой студии, другое дело — у большого холдинга "ПрофМедиа"».

Алексей Пивоваров, один из создателей проекта «Срок»:

«Ресурсы "Ленты.ру" позволят нам сделать то, что мы давно хотели, а именно — расширить диапазон тем документальных новостей, рассказывать не только о жизни оппозиции, но и о жизни вокруг нас. Вместе с "Лентой.ру" мы рассчитываем на то, что к концу 2013 года понятия "документальные новости" и Lenta.doc станут синонимами».

Галина Тимченко, главный редактор «Ленты.ру»:

* С января 2013 проект выходит — на Lenta.ru под названием Lenta.doc

«Для "Ленты.ру" сотрудничество с командой "Срока" является жизненно важным: мы считаем появление видеоконтента в "Ленте.ру" ключевым стратегическим направлением развития ресурса. Все операторы, режиссеры и журналисты, сотрудничавшие со "Сроком" (помимо Пивоварова, Костомарова и Расторгуева над проектом трудятся примерно десять человек), будут работать над видеопроизводством "Ленты.ру"».

**Публицистическая премия
«ПолитПросвет», 2013 год**

Составитель — Вера Юдинцева

Ответственный за выпуск — Михаил Ледовский

Верстка — Мария Ратинова

Подписано в печать 22.05.2013

Тираж 800 экз.

Не для продажи

Премия ПолитПросвет

учреждена фондом «Либеральная Миссия».

Миссия Премии: выбор и поощрение авторов публицитически ярко формулирующих позицию по актуальным вопросам общественной и политической жизни.

Цель Премии: привлечение внимания и поощрение публичных интеллектуалов в области современной политики и общественной жизни.

Сайт Премии: www.politprosvet.org

